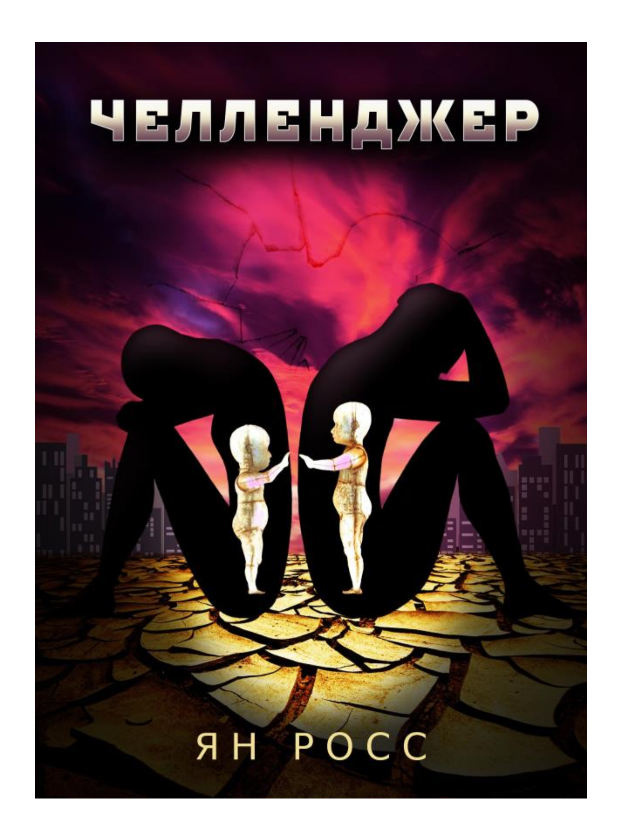

Роман "Челленджер"
Автор: Ян Росс

Редактор: Евгений Фридлин
Корректор: Ирина Цуркова

Художественное оформление обложки по мотивам скульптуры Александра Милова, фестиваль Burning Man.

ISBN: 978-5-9909643-2-7

Сайт автора: yanross.net

* * *

Огромное спасибо моим друзьям:

***Володе** – крылатость, эстетика, антураж;*
***Ире** – поэзия и медицина;*
***Лене** – самобытность;*
***Раби** – риторика, стилистика, деформация сознания;*
***Слону** – советнику по широчайшему кругу вопросов;*
***Тамаре** – консультанту по специфическим аспектам;*
***Тюль** – тюльность и поддержка;*
***Хиппе** – потусторонность, буддизм, неистовство;*
***Шурику** – драма, динамика, бытовой реализм;*
***Шустерман** – эксцентричность и графический дизайн.*

За неоценимый вклад в русскую литературу.

Ян Ross

Глава 1

Главная цель красноречия – не дать говорить другим.

Луи Вермейль

– Так, так… – пробормотал Ариэль, впиваясь в моё резюме. – Расскажите-ка теперь о себе.
– О'кей. Значит… у меня четыре высших образования. Законченных… и ещё два незаконченных. Мм… самолётостроение и космос, компьютеры, биомедицина, прикладная математика…
– Да-да, вижу, – он наигранно рассмеялся, блуждая взглядом по убористому тексту. – Ну хорошо, и для чего вы всё это проделали?
– Понимаете ли, учась в университете, я любил читать умные книжки, а когда захотелось стать совсем умным, принялся за греческую философию. Совсем умным я так и не стал, зато вычитал красивое слово – естествоиспытатель.
– Что? – оторвавшись от непролазных нагромождений напыщенных терминов, Ариэль в недоумении уставился на меня. – Естествоиспытатель?
– Да, сегодня каждая наука изучает какую-то отдельную сферу. А тогда – там, у них, в Древней Греции, не было математиков, физиков, биологов… Все учёные были естествоиспытателями и изучали мир как единое целое.
– И что? По этому поводу вы десять лет метались по факультетам?
– В общем… да. Во-первых, меня впечатлил такой подход. Я воспринимал науку как способ познания мира и хотел охватить все возможные аспекты. – Завладев вниманием, я продолжал развешивать лапшу на благодарно подставленные уши интервьюера. – Во-вторых, мне было интересно. И в-третьих, это получилось очень… мм… интегрально. Я занимался мультидисциплинарными проектами и соприкасался с разными областями.

Признаться, это была не полная картина. В своей похвальбе я опустил, с чего всё начиналось. На самом деле, ввиду запутанных и несущественных для данного повествования обстоятельств, я случайно угодил на инженерный факультет вместо вожделенной архитектуры, о которой имел идиллические представления. Заканчивая школу, я считал себя довольно посредственным учеником. И тот факт, что меня взяли в Стэнфорд, да к тому же на самолётостроение, вселял непередаваемый ужас и уверенность в том, что эта очевидная ошибка вскоре позорно вскроется.

Я боялся точных наук, как огня, и единственным спасением казалось, получив хорошие оценки, побыстрее сменить кафедру. Вдобавок, в учёбе у меня сложилось конструктивное соревнование с тогдашним другом, о котором ещё упомяну позже. Эти два фактора вынудили перебороть страх и удачно закончить

сессию, а там, уверившись в собственных силах, и остаться. Постепенно я обнаглел и безоговорочно возомнил, что море инженерии и науки мне по колено или, по меньшей мере, взял за правило разговаривать соответствующим тоном, что для стороннего наблюдателя зачастую одно и тоже.

– Захватывающая история, – Ариэль плотоядно улыбнулся. – Но всё же, не слишком? Шесть факультетов…
– Когда я чем-то увлекаюсь, – я развёл руками, – мне не всегда удаётся вовремя остановиться.
– И какие оценки получаются при таких метаниях? – продолжил он, не принимая шутки.
– Всё, что закончил, я закончил с отличием.

Помолчав, акцентируя заключительную фразу, я сделал следующее довольно рискованное признание:

– На деле это проще, чем кажется. Система не рассчитана на такие, как вы выражаетесь, "метания", и вместо того, чтобы давать результат для каждого факультета отдельно, высчитывает среднюю оценку по всем когда-либо пройденным предметам. То есть, недурно защитив первый диплом, несложно иметь высокий балл и по второму, не говоря уж о третьем.

Интуиция подсказывала, что собеседник способен по достоинству оценить предлагаемый гамбит. Ариэль молчал, пристально рассматривая меня и будто что-то решая.

– Хорошо, – произнёс он наконец. – Очень хорошо. Теперь поговорим о профессиональном опыте. И, пожалуйста, поподробнее.

Я сел на любимого конька и выдал несколько отточенных многочисленными собеседованиями "рекламных роликов" про свои проекты. Ультразвук, компьютерная томография, катетеры для кровеносных сосудов, – в совокупности мой предыдущий опыт покрывал все инженерные аспекты данной фирмы, и я прекрасно понимал – это именно то, что ему нужно. Уловив нужный тон и тембр, я набирал обороты, выводя мелодию, от которой по его лицу расплывалась блаженная улыбка. Забыв про сжатые в пальцах бумажки, Ариэль внимал, всякий раз кивая в такт новым виткам повествования.

В начале интервью говорил он, рассказывая о компании и об их инновационных технологиях, заключающихся в изобретённых им самим ультразвуковых сенсорах. Потом пошли расспросы, в ходе которых мне удалось сбить его с толку своим признанием и, во избежание неудобных тем, перейти к прокручиванию загодя

заготовленных роликов. Увлёкшись моими байками, он так и не задал ни одного технического вопроса. И сейчас, к вящему удовольствию переговаривающихся сторон, мы приближались к развязке. Почувствовав себя уверенно, я перевёл дух и осмотрелся…

В центре кабинета, занимая большую часть пространства, громоздился стол, на котором в гордом одиночестве стоял стильный вогнутый монитор. За столом сидел высокий, крепко сложенный, коротко стриженный мужчина лет под сорок с выразительными чертами лица. Глубокие залысины придавали его лбу некую монументальность, подчёркнутую двумя резкими морщинами, восходящими от переносицы. Вплотную за ним – стандартный офисный шкаф с несколькими папками и сбоку, у стены, ещё один стул. Из-за тесноты и куцости обстановки человек казался несуразно массивным. В глазах гиганта читалась радость непризнанного мыслителя, нашедшего, наконец, брата по разуму.

…Взаимопонимание крепло с каждым новым удачным выражением, буквально переполняя помещение. Ещё немного, и оно грозило выплеснуться наружу, проламывая тонкие гипсовые перегородки. Пора было закругляться, и, сбавляя темп, я плавно переходил к заключительным кадрам, как вдруг Ариэль опомнился.

– Если всё было так здорово, почему же вы каждый раз увольнялись?

Вопрос был задан скорее для проформы, но я старался избегать этой темы, так как предыдущие компании неизменно покидал со скандалом. Поначалу я, скрипя зубами, терпел окружающее безобразие, но, рано или поздно, выкладывал очередному начальничку всё, что думал о нём и его организации, и с шумом хлопал дверью. Мало того, последние три года я вообще нигде не работал.

В результате этих художеств сейчас мне позарез нужны деньги, и от предполагаемого работодателя данные факты стоило утаить. Тем более, что ему, вероятно, ещё предстоит познакомиться с этой замечательной чертой моего характера.

– Дело в том, – насторожился я, оказавшись на тонком льду, – что на второй работе компания создала несколько коммерчески успешных продуктов и, распустив отдел разработок, полностью переориентировалась на продажи.

В действительности всё обстояло несколько иначе. Преисполненный энтузиазма, я доделывал проект и надеялся на повышение. Мне импонировал титул Chief Scientist[1], особенно в сочетании с моей фамилией. Играя ключевую роль в

[1] Chief Scientist – руководитель научного отдела.

разработке нового продукта, я имел договорённость с генеральным директором о присвоении желанной должности в случае успешного завершения. Но ближе к концу мне вежливо объяснили, что данную позицию должен занимать не талантливый двадцатисемилетний мм… "юноша", а представительный мужчина лет сорока. В ответ я стал заявляться на работу не чаще раза в неделю, и то лишь после долгих просьб и уговоров. При этом фирма была вынуждена терпеть мои выходки ещё почти год, пока не нашла нового специалиста.

Естественно, знать такие подробности Ариэлю было вовсе не обязательно, и расстраивать его столь неаппетитными деталями после недавнего духовного взлёта казалось даже несколько нетактично.

– Собственно, у них так и было задумано. Существующая продукция обеспечивала конторе неплохой доход на ближайшие лет десять.
– Так… понятно, а на первой? – продолжил расспросы Ариэль.

Дальнейшее увиливание от попыток нащупать брешь в моей обороне грозило обернуться потерей доверия, и я решил сменить тактику, перейдя от слегка припудренной полуправдой лжи к радикальной искренности.

– Надо признать, мне было сложно ладить с начальником, – я умолк, изображая замешательство. – Имелось множество разногласий и часто не удавалось найти конструктивный выход… а главное, мы постоянно скатывались в состязания эго.

Ошарашив собеседника неожиданным откровением, можно было вновь направлять беседу в удобное русло.

– Я был юн, вспыльчив и эмоционален… только с университетской скамьи. Кроме того, я был первым его подчинённым, и ему тоже было нелегко. Но могу сказать одно: при всех неурядицах я понимал, что это гениальный человек. С большой буквы. Его рассказы о физике вдохновили меня поступить на ещё один факультет и получить ещё одну учёную степень. Он…

И вместо того, чтобы рассказывать о проблемах в профессиональных отношениях, я принялся петь дифирамбы бывшему боссу.

– Ладно, предположим, тогда вы были молоды. А сейчас?
– А сейчас прошло десять лет, и мне хочется верить, что я стал уравновешенней и мудрее.

Он помолчал, уставившись в незримую точку за моей спиной. Судя по всему, уловка с искренностью прошла успешно, и с этой темой было покончено.

– М-да… А у меня… – вымолвил Ариэль, выйдя из оцепенения. – У меня всё это было… – он махнул рукой, указывая в неопределённом направлении, словно приглашая полюбоваться как всё "это" было у него, – …совсем не так. Фирма взялась за амбициозный проект, но подход был неправильный, а методы ущербные. Кругом царил полный бардак, и чем больше они пытались навести порядок, тем хуже становилось. А главное, – он жахнул кулаком по столу, – начальник был идиот.

Ариэль взглянул на меня, ища понимания. Я кивнул, пряча улыбку.

– Мой начальник был идиот, – повторил он, воодушевляясь. – Я пытался и так, и этак, а он… представляешь…

И Ариэль принялся описывать идиотство своего начальника. Получалось действительно забавно.

– …и я ушёл, – шумно выдохнув, резюмировал он. – Потом устроился на вторую работу, но там было то же самое. Там тоже был начальник. И тоже неслыханный идиот. Хуже первого. Он беспрестанно выдвигал несуразные требования и слушать ничего не желал. Всё делал через ж… Ну ты понял?! Я всё пытался ему объяснить… Впустую! Он не понимал. Был просто не способен…

"Что объяснить? Что он идиот?" – подумал я, и еле сдержался, чтобы не прыснуть со смеху.

– …и я снова уволился, – решительно подытожил Ариэль. – И устроился на новую. Там оказалось ещё хуже, а начальник – ещё большим идиотом. Невероятно! Гораздо тупее, чем те два вместе взятые. Только вообрази, каково?! И опять я пытался, но ни в какую.

Как мы будем из этого выбираться? После титанических усилий провести замысловатую, но не лишённую элегантности кривую между нужными мне фактами, всё "это"? Катком по моим воздушным замкам? Зря я довёл его до такого вдохновения… Тем временем Ариэль был уже на ногах. Энергичными движениями рук он как бы наваливал в растущую между нами кучу новые и новые аргументы.

– И теперь начальник я! – помпезно провозгласил Ариэль. – Это моя компания. И на этот раз, тут – в моей компании, всё будет как надо!

Он постоял, сжимая кулаки, потом растерянно огляделся, сел и вытаращился на меня. На деле его положение было двояким: с одной стороны, он был

соучредителем и мог, с некой натяжкой, заявлять, что фирма действительно принадлежит ему; с другой, Ариэль являлся руководителем отдела разработок, и именно в этом качестве должен был стать моим начальником. В любом случае, несмотря на растущее раздражение, приходилось лихорадочно подыскивать достойный ответ на это выступление.

– Но вы же понимаете, – начал я уклончиво, – всё "это" скорее связано с формой отношений "начальник-подчинённый", нежели с конкретными личностями. Мне кажется, дело в расстановке ролей, а не в самих людях. Потому что… Ведь я тоже успел поработать в нескольких местах, и в каждом из них, как водится, был начальник… прямо скажем – не идеальный. И когда я сегодня прихожу на собеседование, в нашей с вами ситуации…

В голове мелькнула мысль о вероятных последствиях, но было уже поздно. Я не мог не закончить.

– Получается, что самым большим идиотом в моей жизни являетесь вы.

Воцарилось молчание. Ариэль коротко хохотнул, потом на секунду умолк и засмеялся уже искренне и не сдерживаясь. Ход принят – я с облегчением выдохнул и решил, что с таким человеком будет не скучно работать.

– Ну да, но я, по крайней мере, стараюсь быть не полным идиотом. В худшем случае средним. Ладно… – он сгрёб бумажки. – Вернёмся к делу.

Он ещё раз проглядел резюме.

– А чем вы занимались в последнее время? Вижу – долго не работали. Где вас три года носило?
– Почувствовал, что надо разобраться в себе. Пока я постигал окружающий мир, прыгал и бегал, всё как-то перекосилось в моём собственном.
– И как? Разобрались?
– И да, и нет. Это непростой вопрос, во всяком случае, мне больше не кажется, что в моём мире нечто перекошено.
– Понятно. Скажите, сейчас вы закончили самокопания и готовы хорошенько поработать?
– Да. Я закончил и готов, – я широко улыбнулся.
– Великолепно, свяжемся на днях, – он встал и протянул руку.

* * *

from: maya@akutra.me
to: ilya.dikovsky@gmail.com
date: 05.05.2015
subject: Namaste

интересная легенда о Сати – первой жене Шивы. Сати очень его любила, с детства мечтала о нём и поклонялась, хотя её отцу – Дакши это совсем не нравилось. ему казалось, что Шива урод какой-то. впрочем, Шива к тестю должного почтения тоже не проявлял, даже не здоровался с ним. однажды Дакши устроил великий праздник и, конечно, Шиву не пригласил. Сати жутко расстроилась. Шива посоветовал ей не париться – я мол, самый крутой бог и всем о том ведомо. но Сати была тусовщицей ещё той и не желала пропускать такое мероприятие. Шиве эта идея не нравилась, но противиться он не стал и отправил её на своём верном быке Нанди.

явившись на вечеринку, Сати учинила дебош, требуя должного уважения к мужу. отец ответил: "твой супруг – невежа и не достоин присутствовать на выдающемся событии". Сати, естественно, такого снести не могла. она поклялась вернуться, когда отыщет на земле родителей, которых сможет уважать, и кинулась в жертвенный огонь, разведённый там для пущего понта.

узнав об этом, Шива осерчал – устроил полный ататуй и цирк с конями: папаше голову оторвал, всех, кто был на празднике, перебил и, пригорюнившись, забрался на гору Кайлаш оплакивать свою утрату. провёл там тучу лет в аскетизме – сидел, косяки курил и медитировал.

вообще, когда Шиву что-то напрягало, он разносил всё в клочки. как правило это было из-за женщин. каждый раз он почти разрушал вселенную, а потом воссоздавал вновь, разгоняя мрак.

он был любитель снести кому-то башку и приставить новую, притом какую попало. пострадавшему тестю приладил голову козла, а своему сыну Ганешу – голову слона. Сати же, как и обещала, переродилась и вновь стала женой Шивы в облике Парвати.

как-то раз Шива вернулся домой в то время как Парвати была в ванной с ребёнком. Шива подумал, что с ней мужчина, разгневался, ломанулся туда и сгоряча оттяпал сыночку голову. Парвати крайне огорчилась и сказала, что пока Шива не исправит это безобразие, не пустит его к себе. тот, недолго думая, выскочил на улицу, увидал слонёнка, отчекрыжил ему башку и приставил Ганешу. Парвати это вполне устроило.

начало их отношений тоже забавно. друганы Шивы решили, что тому пора жениться, и послали бога любви прервать его медитацию. забравшись на гору, восточный купидон принялся распевать оды любви, пока Шива, очнувшись, не испепелил его. это происшествие несколько взбодрило Шиву и интерес к женщинам у него возродился, а болезного купидона впоследствии откачали.

преданий, конечно, хватает, но общий мотивчик прослеживается – хаос и разрушение. индусы утверждают, что таким образом Шива создаёт пространство для новых творений. я тоже к нему неравнодушна. таскалась, собирала рудракши, бусы плела, понавешала на всех друзей и сама почти не снимаю. рудракши – это косточки гималайской оливки – священный атрибут, олицетворяющий те самые слёзы Шивы.

вот и всё. посадка заканчивается. улетаю из города смерти – Варанаси. согласно поверью, если человек умрёт здесь, его душа не переродится и он выйдет из колеса Сансары. но так как скончаться в этом чудесном местечке мне не посчастливилось, приходится перевоплощаться дальше, и я отправляюсь в Катманду…

OM namah Shivaya!

P.S. с тех пор именем Сати называют похоронную традицию, когда вдова восходит на погребальный костёр вместе с усопшим супругом.

* * *

Среда. Середина дня. Стеклянная дверь, наклейка с надписью BioSpectrum. В ответ на звонок из кабинета появился Ариэль и, приветствуя меня издали, размашисто потопал открывать.

– Проходите, – он указал на дверь. – Сейчас позову Харви.

Стол, монитор, те же три стула: один – за столом Ариэля; напротив, прямо перед входом – ещё два. Странная диспозиция. На сегодня основной оппонент – директор, и сидя рядом, обращаться к нему будет неудобно. Если же он сядет напротив, Ариэль окажется у меня в тылу, – тоже мало приятного. Этот верзила вполне способен затоптать меня, снова впав в экзальтацию. В любом случае не стоит ограничивать его свободу собственным организмом.

Я переставил стул в торец стола. Сел. В который раз провертел в уме заготовленные наработки. Оставалось подгадать момент и выбрать правильный тон.

Возникнув на пороге, Ариэль попытался скомпоноваться так, чтобы директор тоже помещался в проёме и я мог лицезреть их обоих, однако директор поместился лишь частично. Он пожал мне руку и сел у двери.

– Это Харви, генеральный директор компании. – Ариэль протиснулся мимо, бухнулся в кресло и развернулся к нам. – Илья – специалист по алгоритмике. Окончил все факультеты Стэнфорда, на которые ему позволили записаться. Зачем он это сделал, нам вряд ли удастся понять. Илья утверждает, что так принято в Древней Греции.

Ариэль громко рассмеялся. Харви покосился на него и внёс пометку в блокнот. Кажется, с Грецией я погорячился, и меня только что прямиком записали в античные мыслители. Ничего не оставалось, кроме как вежливо улыбнуться.

– Как бы то ни было, у него широкий опыт разработки медицинского оборудования. Илья, расскажите вкратце, чем вы занимались.

Я принялся за ролики и спустя нескольких вступительных фраз перешёл к перечислению базвордов. Buzzwords – это звучные понятия как численный анализ или объектно-ориентированное программирование, от которых айтишники склонны впадать в благоговейный восторг. Когда необходимо быстро произвести впечатление, можно просто закидывать ими собеседника вплоть до полного изумления. Базворды должны подаваться нарастающим потоком так, чтобы оппонент едва улавливал, но не успевал осмыслить очередной термин.

Посматривая то на меня, то на Ариэля, Харви коротко чиркал в блокноте. Это был сухопарый мужчина среднего роста на вид чуть старше Ариэля. Он был сдержан, говорил сухим негромким голосом. Между аккуратными фразами – прослойки чётко выверенных интервалов и выражение вежливого интереса на бесстрастном лице.

После особо удачных оборотов Ариэль гордо поглядывал на Харви, словно мои успехи являлись прямым результатом его стараний. Энергично жестикулируя, он как бы помогал информации перекочёвывать от меня к директору. Однако складывалось впечатление, что, несмотря на нарочито сосредоточенный вид, Харви мало интересовали мои словоизлияния. Лишь бы Ариэль был доволен да новый работник за рамки не выступал. Не вопрос, не слишком выступая "за рамки", я подбирался к середине второго ролика:

– …а из собранных точек выстраивается трёхмерная реконструкция сердца, – вещал я. – Визуализация импульса внутри стенок миокарда и…

– Да-да, я тебе про это говорил, – Ариэль щёлкнул пальцами. – Помнишь?

И он принялся рассказывать Харви об ультразвуковой системе, которую я когда-то разработал. Я умолк, не смея мешать начальству делать мою работу. Теперь уже я согласно кивал и жестикулировал, поддерживая Ариэля. Едва он стал выдыхаться, я уцепился за удачно подвернувшееся слово "томография" и перешёл к последнему ролику. Ариэль вновь быстро перехватил инициативу. Дождавшись, пока он умолкнет, я припечатал:

– И вот я здесь, – с ходу ничего лучше придумать не удалось, а подытожить чем-то эту прочувственную речь было необходимо.

Ариэль сиял как новенький гаджет и важно посматривал на Харви, заговорившего об окладе. Запрошенная мной сумма выходила за рамки бюджета, и начальная ставка в двести тысяч виделась директору вполне соответствующей предлагаемой должности.

– За две сотни в год я работать не буду, – отрезал я.

Он немного попрепирался и, получив очередной отказ, предложил сойтись посередине, посулив в течение года поднять зарплату до названной суммы и компенсировать разницу ретроактивно. Как-то неубедительно они торгуются, – думал я, пока мы обсуждали опционы и социальные условия.

– Хорошо, – Харви занёс цифры в блокнот. – Нам важно время. Когда вы можете приступить?

Такая постановка вопроса меня как нельзя более устраивала.

– Хоть сегодня, – я положил ладони на стол. – Но есть одна важная… мм… вещь. В такие темы не принято вдаваться на собеседованиях, но я хочу, чтобы у нас складывались доверительные отношения, и поэтому сейчас буду говорить о любви.

Харви улыбнулся чуточку шире вежливого минимума и вновь принял невозмутимый вид. Ариэль склонил голову набок и обескураженно вытаращился.

– Долгое время я жил один, – продолжил я, обращаясь к директору, – и недавно встретил женщину, с которой хочу быть. Но она, как, собственно, и я, живёт в LA[2] и не может внезапно переехать в другой город, потому что у неё есть сын, и она его

---

[2] LA – Лос-Анджелес.

очень любит.

Брови Ариэля постепенно приподнимались, Харви же довольно успешно боролся со своей улыбкой.

– Я в непростой ситуации. С одной стороны, то, что Ариэль рассказал о вашей фирме, производит впечатление. Меня интересуют и кардиология, и ультразвук, и я буду рад принять ваше предложение, если таковое поступит. С другой, мне важны новые отношения, и я не хочу оказаться в ситуации, где буду вынужден выбирать.
– Так в чём проблема? – Ариэль подался в мою сторону. – С какой стати одно должно мешать другому?
– Расстояние… сами посудите – на машине туда-сюда – нереально. Значит, придётся летать. То есть ехать с работы в аэропорт, потом лететь, потом снова ехать. И пока я буду летать и ездить, она будет уже крепко спать, так как утром ребёнка надо вести в школу.
– Так встречайтесь со своей любовью по выходным.

Ариэль взмахнул рукой, устраняя досадную помеху с нашего совместного пути в счастливое будущее мировой кардиологии.

– Видите ли… в субботу моя подруга работает, а в воскресенье хочет уделять время ребёнку. И с этим трудно спорить.
– Хорошо, – помолчав, промолвил Харви. – Что вы предлагаете?

Поставив локти на стол, я скрестил пальцы.

– Думаю, стоит пойти друг другу навстречу. У вас сроки, у меня любовь. Я знаю, как сделать, чтобы все были happy – и вы, и я. Предлагаю договориться так: первые три месяца я работаю четыре дня в офисе и один дома.

Не сказать, что моя идея пришлась по вкусу, но возражать они не спешили, и я продолжил развивать успех, описывая преимущества работы на дому, где имеются все условия для продуктивной инженерной деятельности, где некому меня отвлекать и куда не нужно добираться через полштата.

– В таком случае – могу начать, когда вам угодно, – я откинулся на спинку стула. – Либо мы откладываем этот разговор, так как мои обстоятельства не должны вас касаться, договариваемся, как это и принято, о старте спустя месяц, и за это время я самостоятельно разбираюсь со своими делами.

Харви вопросительно взглянул на Ариэля, тот пожал плечами.

– O'кей, – уступил директор, – постарайтесь поскорее решить этот вопрос. Ариэль, когда ты хочешь, чтобы он вышел на работу?
– Вчера, – хохотнул Ариэль.
– Спасибо, что пришли, – Харви отложил блокнот. – Завтра вышлем черновик контракта, к понедельнику всё оформим, и сможете приступать.

Спускаясь по лестнице, я праздновал победу. Эх, – мелькнула шальная мысль, – надо было запросить два дня…

Глава 2

Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушённый,
Предаться неге творческой мечты.

А. С. Пушкин

Проснувшись от настырно повторяющихся звонков, подскакиваю и хватаю телефон.

– Алло?

Первый день работы – единственная чёткая мысль, которой удаётся оформиться в моей голове. Смотрю на экран – 7:46.

– Это твой новый начальник Ариэль. Ты где?
– Я… я в постели.

Повисает молчание, и я чувствую, что необходимо что-то добавить.

– Дома, – хрипло сообщаю я, потирая заспанные глаза.
– Почему ещё не в пути?! Мы же договорились, что ты прибудешь в девять!
– Мы о времени не договаривались.
– Вот как? Хм… Вообще, я и сам прихожу поздно, так что это даже удобно.

Я наскоро собираюсь и завожу свой Challenger[3]. Мимо проносятся опрятные домики. В зеркалах, слепя глаза, поблёскивает весеннее солнце. Ветвистые трещины на мостовой аккуратно залиты гудроном. Выруливаю на шоссе Pacific Coast Highway, полчаса, и я на парковке аэропорта. Миновав автоматические двери, иду вглубь зала, озираясь в поисках регистрационной стойки, и сквозь гомон толпы различаю знакомые голоса.

– Сэр, не соблаговолите поделиться адресом вашего портного?

Вразвалочку приближается пёстрая троица чудесных раздолбаев – группа "Bizarre[4]… чего-то" во всей своей неизъяснимой красе.

– Эк вырядился! – Ли скалит зубы на мой свежевыглаженный костюм. – У тебя что

[3] Challenger – полуспортивный автомобиль компании Dodge (классический muscle car).
[4] Bizarre – причудливый, экстравагантный.

– суд или похороны?
– О-ля-ля, зачётный галстук! – под дружный гогот приятелей Майк отвешивает галантный поклон. – Прошу прощения, сэр, я не совсем компетентен в данном вопросе, скажите, это виндзор или полувиндзор?
– Чего? – рассеянно бормочу я, пытаясь уследить за потоком их неудержимого веселья. – О чём ты?
– Не бери в голову. Давай лучше дунем!

Майк, который, естественно, никакой не Майк, а Миша – еврейский мальчик-шалопай из города Питера, один из множества знакомых, приобретённых за последние годы тусовочной жизни, является предводителем этой шайки. Живут все трое в особняке Эда в Малибу, где и находится их студия. Играют своеобразный микс этническо-электронной музыки. Когда на Ли накатывает вселенская тоска, в этот винегрет примешиваются средневековые напевы и готика. Эд – большой весёлый американец из состоятельной семьи, чего он стыдится, вращаясь в около музыкальных кругах, где модно слыть оборванцем. По собственному мнению, настоящим талантом он не обладает, и с благоговением смотрит на людей, как-либо причастных к искусству.

– А чувачки в синем? – я киваю в сторону охранников.
– Так у нас справки[5], – подмигивает Ли.

На улице Майк неуловимым движением заправского фокусника извлекает два здоровенных джойнта.

– Э-э… У вас-то справки, а мне бы улететь без приключений, – увлекая их за собой, я направляюсь за угол.
– Не боись, профессор. Затянешься – и сразу улетишь.

Ли – негр, то есть, афроамериканец, у него широкая улыбка и, кажется, в голове всё время играет регги, хотя по их музыке этого не скажешь.

– Так куда ты намылился в таком прикиде? – Миша протягивает косяк, а второй раскуривает сам.
– У-у! Сегодня поистине историческое событие! – гордо выпятив грудь, я выпускаю дым поверх их голов. – Я начинаю работать!
– Менеджером в Бургер Кинг?

Я пытаюсь отшутиться, но словесный водоворот неумолимо влечёт их всё глубже и глубже.

---

[5] В описываемое время в Калифорнии, имея соответствующею медицинскую справку, можно было приобрести каннабис в аптеках. С ноября 2016 года марихуана в Калифорнии легализована.

– Интересно, сколько это продолжится… – хохочет Майк. – Поди – месяц-другой не больше.
– Да какой там! – не унимается Ли. – Недели три от силы!
– Максимум четыре, – вворачивает свои пять копеек Эд.

Отсмеявшись, они наперебой выдвигают гипотезы, что произойдёт раньше: я уволюсь или меня выгонят. Дождавшись, пока все выскажутся, я решаю, что самое время сворачивать эту животрепещущую дискуссию.

– Так, понятно, – говорю я резче, чем хотелось бы. – Вас-то как сюда занесло?
– Ох, видите ли, сэр, – принимается за своё Миша, – мы держим путь к берегам туманного Альбиона. То бишь в его столицу.
– Турне по ночным клубам Сохо, – подхватывает Ли. – Выступим, попьём клёвого пивка и обратно.

Заслышав очередное объявление, приглушённо доносящееся из павильона, я вспоминаю о времени.

– Ладно, хороших гастролей. Пойду регистрироваться, пока не развезло.

Попрощавшись, спешно направляюсь ко входу, как вдруг меня осеняет, я оборачиваюсь и кричу:

– Эй, клоуны, какой Лондон?! Это же терминал для внутренних рейсов!

Они растерянно оглядываются на Майка.

– Вам в меж-ду-на-родный!

* * *

Самолёт Bombardier Q400 компании Alaska Airlines. Оснащён двумя турбовинтовыми двигателями, крейсерская скорость 667 км/ч, размах крыла 28 метров, максимальная взлётная масса 29¼ тонн, максимальная посадочная 28.

Миром правит наука. Даже не так – наше бытие практически целиком и полностью определяет наука. Если бы не наука, то мы с вами не пребывали бы в комфортабельной обстановке, сытые, удобно одетые и даже обутые, а торчали в какой-нибудь дремучей чащобе, кутаясь в провонявшие обрывки шкур, каждую ночь зверея от холода и доедая подгнившую требуху позавчерашней добычи. Хотя и такие деликатесы были бы редкостью, так как в рационе лесных жителей

преобладали жуки и личинки, выковырянные из трухлявой коры, вприкуску с мхом того же происхождения. Да и вообще, лесные люди в подавляющем большинстве не доживали до нашего с вами возраста. Но, слава науке, мы ещё не окочурились, а благополучно выбрались из каменного века и столько всего наворотили, что мир уже конкретно трещит по швам.

Над головой зажглись лампочки, все дружно пристегнулись и самолёт принялся выруливать на взлётную полосу.

Достоевский утверждал, что красота спасёт мир. Красота всегда казалась непостижимой и таинственной. Художники, композиторы, поэты, писатели веками искали её формулу. А современная математика нашла и выразила её простым дифференциальным уравнением. И сейчас, вопреки уставу научной гильдии, я поведаю вам эту страшную тайну.

Красота – это непрерывность второй производной. Всё до отвращения просто. Производная – это скорость изменения величины, а вторая производная – это производная производной. Кроме того, вторая производная пропорциональна мере кривизны. Соответственно, её непрерывность гарантирует непрерывность изгиба линии, то есть определённый уровень гладкости. И именно по этой причине сегодня всё такое круглое и пухлое.

Оглядитесь, посмотрите на нынешнюю эстетику плавно изогнутых форм. И это совсем не случайно, ведь сами графические программы для дизайнеров по умолчанию используют линии, состоящие из Би-Сплайн функций. Только не пугайтесь. Би-Сплайн функции – это функции, построенные по принципу сохранения непрерывности той самой второй производной. И посему любая деталь, нарисованная современным дизайнером, неминуемо будет пухлой и гладкой.

Под крылом проплыл Лос-Анджелес, рассечённый широкими магистралями на ровные квадраты. Поблёскивая кромкой прибоя, простирался до горизонта Тихий океан.

А углы, спросите вы, как же углы? Как же прямые линии? Вы хотите судорожно ухватиться за такой родной и всеми нами любимый уголок двадцатого века, за этот последний ускользающий краешек. Но я вам не дам. Углы – это анахронизм, неудачная попытка воплощения абстрактной идеи в реальность. Это зверьё никогда в природе не водилось, их внедрили где-то в процессе индустриализации.

Физические явления, как правило, естественным образом создают формы, обладающие непрерывностью второй производной, и именно поэтому природа

представляется нам красивой. Или скорее наоборот, ведь изначально мы черпаем представление о красоте из природы, и, следовательно, гладкость второго порядка не может не казаться красивой. В прошлом веке мы попробовали создать новую эстетику углов и прямых линий, но не тут-то было – угловатость быстро осточертела, и полагаю, скоро окончательно вымрет, кроме некоторых неизбежных случаев.

В недрах сумки начинает истерически трезвонить мобильник. Пожилая женщина с всклокоченной, будто её шарахнуло молнией, ядовито-красной шевелюрой, оборачивается и негодующе смотрит в мою сторону.

– Что происходит? Ты ещё не приехал?
– Это возмутительно! Немедленно выключите сотовый телефон! – бабулька машет на меня костлявыми пальцами.
– Я в самолёте, – отворачиваясь к окну, я делаю успокоительные жесты свободной рукой.
– Молодой человек, вы подвергаете опасности сотни человеческих жизней! – заходится старушенция.

В проходе возникает стюардесса.

– Ариэль, надо заканчивать. Скоро буду.

Вырубив телефон, я демонстративно засовываю его обратно в сумку.

– Прошу прощения, мэм, самолёт Bombardier Q400 рассчитан…

Я хотел съязвить, что Bombardier Q400 рассчитан максимум на восемьдесят пассажиров, но внезапно с пронзительной ясностью, характерной осмыслению самых банальных истин, понимаю, как глупо затевать спор с пожилой женщиной в поисках предлога блеснуть эрудицией.

Находясь под впечатлением далеко не в первый раз сделанного открытия собственной склонности к пижонству и мелочности, я пялюсь на крыло самолёта, рассеянно отмечая, как недовольно бухтит бабулька, как вторит ей сидящая рядом подружка, и старается добиться моего внимания подошедшая стюардесса. Слушая её вполуха, я продолжаю коситься в иллюминатор, где мой взор притягивает некая несообразность… и тут меня снова озаряет.

– Послушайте, мисс… мм… – я читаю имя на планшетке, прикреплённой к её груди. – …Грейс, у вас торчат закрылки.

Она отстраняется, и я, подавив неуместный смешок, пытаюсь исправиться:

– Кхм… то есть, не у вас конечно… мм… В общем там… – я тычу в стекло. – Не закрыты закрылки.

Для наглядности я пару раз взмахиваю кистями рук.

– Не задвинуты, – добавляю я, окончательно смутившись. – Пилот забыл закрыть.

Тут до неё доходит, и, втайне удивляясь скудоумию клиентуры, она терпеливо увещевает меня, заверяя, что полёт протекает нормально и нет никаких причин для беспокойства. Она говорит, что их авиакомпания функционирует в строгом соответствии с современными стандартами безопасности, а их техобслуживание – самое что ни на есть прогрессивное, не говоря уж о высоких профессиональных качествах пилотов. И, следовательно, мне совершенно незачем волноваться. А я, собравшись с мыслями, втолковываю ей, что я инженер-авиаконструктор и знаю о чём говорю, хотя после махания крылышками, поверить в это довольно сложно.

– Поймите правильно, – примирительно произношу я, начиная жалеть, что ввязался, – вы можете ничего не докладывать, это не критично для этой вашей безопасности, разве что расход топлива…

Услышав ключевое слово "безопасность", она принимается успокаивать меня с удвоенным усердием. Спор затягивается, бабулька негодует, пассажиры ёрзают, озираясь.

– Хорошо, спасибо, немедленно доложу о вашем… эм… наблюдении командиру воздушного судна. – Поджав губы, стюардесса удаляется в сторону рубки.

Бабулька глядит победоносно, будто ожидая, что после этой выходки меня высадят прямо здесь, личным распоряжением капитана. Тем не менее, закрылки почти сразу задвигаются, и вскоре, отдёрнув занавеску служебного отсека, появляется Мисс Грэйс.

– Вы оказались правы, – наклонившись, говорит она слегка сконфуженно. – Пилот желает отблагодарить вас.

Она снова уходит и грациозно возвращается, неся поднос с бутылкой шампанского, бокалом и сложенным пополам листом бумаги. Я польщён. Однако у меня хватает благоразумия сообразить, что алкоголь поверх травы за час до начала рабочего дня будет явно лишним. Но отказываться от красивого жеста тоже неловко. Пока я так раздумываю, стюардесса стоит с подносом, молча

наблюдая моё замешательство.

– Дело в том… Понимаете, я сейчас никак не могу… Хотя… – мне, наконец, удаётся найти удачное решение. – Передайте это во-он той даме.

Я киваю на потревоженную блюстительницу авиационных правил.

– И ещё бокал для её спутницы, пожалуйста.

Стюардесса отдаёт мне записку и уносит шампанское. Сперва обе старушенции недоверчиво переглядываются, но, смилостивившись, благосклонно принимают угощение. Вскоре они о чём-то шушукаются, посматривая на меня и елейно улыбаясь. Я разворачиваю листок:

Thanks for saving my bonus. Captain T. White.[6]

Так, с самолётами разобрались, с женщинами, кажется, тоже, теперь ближе к телу. Мы обсуждали взаимосвязь между гармонией и алгеброй и их влияние на нашу судьбу. Атеросклероз – закупорка сердечных сосудов является основным фактором риска возникновения инфаркта миокарда. К концу двадцатого века атеросклероз становится первой причиной смертности в западном мире и, судя по всему, этот показатель будет только расти с увеличением продолжительности жизни. Последние десятилетия основное количество копий в медицине ломаются на подступах именно к этому вопросу.

Реки финансовых ресурсов изливаются на всевозможные исследования, и полчища специалистов, подобно крестоносцам, отправлявшимся за тридевять земель, ежедневно идут на штурм сей неприступной цитадели. Я в передовых рядах этого движения – разрабатываю аппаратуру для диагностики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний, и большинству из нас предстоит оказаться на операционном столе, оснащённом моими приборами, если, конечно, не посчастливится загнуться раньше по какой-либо глупой случайности.

Считается, что сосуды начинают закупориваться с момента рождения, но, полагаю, дела обстоят значительно хуже: наши сосуды закупориваются ещё в утробе, почти с самого момента зачатия. Точнее, едва у зародыша появляется кровеносная система, – всё, каюк, сосуды начинают закупориваться.

А тем временем всякие очковтиратели внушают нам: не ешьте холестерин, не курите и неустанно занимайтесь спортом. И в чём-то они несомненно правы. Но,

[6] Thanks for saving my bonus. Captain T. White – Спасибо за спасение моего бонуса. Капитан Т. Уайт

во-первых, по сей день никто достоверно не знает, от чего этот самый атеросклероз возникает и как развивается. А во-вторых, даже если вы соблюдаете все указания и, кроме того, печётесь о диете, регулярно прочищаете чакры, контролируете дыхание и постоянно находитесь в полной моральной, душевной и физической гармонии, так или иначе, сосуды неумолимо закупориваются, впрочем, вероятно, несколько медленнее. И, если очень постараться, возможно удастся отсрочить свидание с тем самым операционным столом, на который вы всё равно попадёте, если вовремя довезут.

…Самолёт начал снижаться, выдвинулись обратно закрылки и вновь зажглись лампочки, требующие пристегнуться. Раздалось слаженное щёлканье. Бабуся с товаркой, выхлебав шампанское и не на шутку раздухарившись, перешёптываются, хихикают и делают мне ручкой. В иллюминаторе раскинулись утопающие в зелени окраины Сан-Хосе[7], увитые причудливым переплетением автомагистралей. Лайнер делает широкую дугу, и вдали, сквозь дымку ещё не совсем рассеявшегося утреннего тумана, искрится бирюзовой гладью залив Сан-Франциско.

Далее, о свиданиях с операционным столом. Предположим, пациента благополучно довезли. Залитая светом софитов операционная сияет стерильной чистотой, мигают индикаторы приборов и суетятся расторопные медсёстры. Может показаться, что непосредственным лечением будет заниматься вон тот улыбчивый или хмурый, или мудрый и опытный учёный эскулап. Но, увы, врач всё больше становится декорацией и лицом, несущим юридическую ответственность. Уже сегодня во многом роль медика сводится к обслуживанию машины.

Конечно, плохой врач может неверно эксплуатировать оборудование. Но хороший, в лучшем случае, правильно использует инструмент, данный ему инженером. И улыбается, говорит покладистым вкрадчивым голосом, либо наоборот, сильным и уверенным, в соответствии с пожеланием клиента, создавая иллюзию того, что его лечит человек, которому он небезразличен. Но по сути, это ширма, красивый обман, чтобы было легче смириться с тем, что наше здоровье, а может и жизнь, в этот страшный момент зависят от компьютера.

В аэропорту покупаю кофе, включаю мобильник и слышу звук входящего сообщения. Проверю потом, решаю я и, выйдя из здания, сажусь в первое свободное такси.

Звонок. Я отхлёбываю, чтобы не расплескать, и опять достаю телефон:

---

[7] Сан-Хосе – самоназванная столица Силиконовой долины.

– Илья, это Ариэль. Я тебя ищу, почему ты не отвечаешь?
– Ариэль, я был в самолёте.
– И что?!
– Пожилые женщины требовали…
– Причём тут женщины? Ты вообще где? Почему тебя ещё нет?
– В такси. Буду через пятнадцать минут.
– Поспеши, я жду.

Возвращаясь к науке и красоте. Естественно, всеобщая компьютеризация происходит не только в медицине. Технологический прогресс безжалостно проникает в наше повседневное существование, определяя образ жизни, быт и досуг. А искусство, как проявление стремления к духовной красоте, которую имел в виду Достоевский, не более чем надстройка на здании науки и техники. Милая сердцу отдушина, сквозь которую видно небо, но всё же надстройка, пентхаус на крыше громадного небоскрёба цивилизации. И хотя прекраснодушные мечтатели пробуют возразить, утверждая, что всё здание строится именно ради этой мансарды, едва ли это так, ведь небо видно одинаково хорошо и с земли, и со сто пятьдесят пятого этажа.

Да я бы и сам хотел согласиться с Фёдором Михайловичем, но вот смотрю на небоскрёб и на мансарду, соизмеряю масштабы, и вывод очевиден: как ни прискорбно, приходится признать, что тенденция безостановочного наращивания новых ярусов не имеет никакого отношения к стремлению приблизиться к небу. И единственная цель строительства этой колоссальной конструкции – возвыситься над окружающими ландшафтом.

Расплатившись, вхожу в здание и вызываю лифт. Конопля почти выветрилась, я полон сил и готов к действию. Сейчас мы будем строить верхний этаж, самый близкий к мансарде, ну и как бы к небу.

* * *

Стеклянная дверь. Наклейка. Из комнаты в конце коридора с непринуждённой грацией молодого гиппопотама выскочил Ариэль.

– Здравствуй, добро пожаловать в компанию BioSpectrum, – он потряс мою руку в крепком рукопожатии. – Сначала поговорим, потом всё тебе покажу.

Ариэль посторонился, указывая в направлении кабинета. Из-за его спины появилась девушка с короткими, высветленными до белизны волосами и очками в тонкой оправе. Прошмыгнув между нами, она сдержанно улыбнулась, но в брошенном вскользь взгляде мелькнуло что-то лукавое, или мне лишь

почудилось… Впрочем, вокруг столько нового, что пока просто не до того.

– Садись. – Ариэль проследовал на своё место. – Первым делом условимся о времени прибытия на работу.
– Конечно, когда вы хотите, чтобы я приходил?
– В принципе… – он поскрёб иссиня-выбритую скулу. – Мне не важно. Преимущественно ты будешь работать один, поэтому можешь выбрать удобные для себя часы. Главное, чтобы всё было согласовано и организовано на профессиональном уровне.
– Хорошо, я прикинул с полётами… давайте в одиннадцать.
– Одиннадцать? Великолепно. Люблю решать всё, исходя из обоюдного понимания и согласия. Таким образом, будет легко придерживаться договорённостей, и не придётся снова возвращаться к одним и тем же вопросам.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

– Итак, к делу, – я подготовил материалы по ультразвуку, датчикам и обработке сигналов, – он бухнул на стол изрядную кипу бумаг. – Это последние публикации. Ещё несколько статей на флешке, – Ариэль выдрал диск из USB порта. – Распечатаешь потом.
– О'кей.
– Флешка твоя. Подарок.

Я кивнул.

– Там книги и парочка учебников на случай, если надо освежить знания.
– Хорошо, начну со статей, потом просмотрю книжки.
– Прекрасно, если что-то неясно – приходи и спрашивай. Нет смысла терять время на мелочи и условности, я всегда рад помочь.
– Спасибо.
– Замечательно… Так… – он энергично потёр ладони. – Что ещё? А, вот… Сегодня я не успел, но завтра сделаю доступ к университетской электронной библиотеке. Или у тебя остался?
– Нет, спустя два года они таки собрались с мыслями и прикрыли.
– Понятно, тогда пробью по своим каналам. – Ариэль заговорщицки ухмыльнулся и хлопнул по крышке стола. – Великолепно. Идём, покажу твоё временное место, на днях организуем что-нибудь поприличней.

Я поднялся, сунул под мышку распечатки и вышел. В конце коридора три двери: направо кабинет начальника, налево комната с железными столами, заставленными аппаратурой. Ариэль махнул на среднюю. Мы вошли. Двое работников фирмы BioSpectrum подняли головы и взглянули на меня, потом на

него.

– Это Геннадий – ответственный за механику и электронику.

Ариэль указал на мужчину лет шестидесяти в очках типа гомо советикус.

– Стив – интеграция, эксперименты, контакты с субподрядчиками.

Высокий худощавый парень улыбнулся и приветливо кивнул.

– Илья – инженер всего, чего ни попадя, и космоса.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Геннадий, тебе нужен сегодня компьютер? – бросил Ариэль и, не дожидаясь, продолжил. – Мы им воспользуемся.

Геннадий закрыл странички браузера, свернул окно электронной почты и вернулся на другой конец стола, где оборудована компактная мастерская. Аккуратно развешаны инструменты, под рукой – разогретый паяльник, стеллажи миниатюрных ящичков для мелких деталей и увеличительное стекло с подсветкой на шарнирном штативе.

Я сижу у открытой двери в коридор, за спиной Стив перебирает таблицы, разграфлённые на цветные блоки. Периодически он делает звонки по телефону, говорит лаконично, внимательно слушает ответы, благодарит, прощается и возвращается к таблицам.

Внезапно в проёме материализуется могучая фигура Ариэля:

– Илья, всё в порядке? – он требовательно смотрит на меня сверху вниз.

Стив и Геннадий оборачиваются.

– Да, всё о'кей.
– Что ты делаешь?

"В каком смысле?" Я слегка теряюсь.

– Я читаю.
– Великолепно, если что неясно – не стесняйся.

Он хлопает меня по плечу и выходит. Все возвращаются к прерванной деятельности. Через пару минут Ариэль снова на пороге:

– Илья, тебе нужно в туалет?

Стив оборачивается, Геннадий продолжает паять.

– Уборная рядом с лифтом. Идём.

У входа дощечка, в неё вбит гвоздь, на нём ключ.

– Не забывай возвращать на место, это стратегический ресурс.

Хохотнув, Ариэль снимает ключ и выходит. Я возвращаюсь в комнату. Полностью освоить научные статьи с первого раза практически невозможно, тем более в таком количестве. Я внимательно читаю аннотацию и введение. Зарываться в дебри формул нет смысла – имплементировать[8] придётся в лучшем случае малую толику. Полистав теорию и присмотревшись к графикам, перехожу прямиком к выводам и заключению.

Девочка лет четырёх корчит мне с десктопа смешную рожицу.

– Ваша внучка? – обращаюсь я к Геннадию.
– Да, они с дочкой живут в Сакраменто.

Вдумчиво помолчав, он задаёт обязательный в такой ситуации вопрос:

– Вы откуда?
– Из Минска.
– А-а… – он многозначительно кивает.

У меня, конечно, есть устоявшиеся ассоциации, связанные с названиями крупных городов бывшего Советского Союза и некими характерными чертами их обитателей, но что думает человек, слыша это моё "из Минска", я не очень себе представляю. Однако ритуал требует логичного завершения, и я продолжаю ещё более банально:

– А вы?
– Из Москвы.

---

[8] Имплементация – программная или аппаратная реализация какого либо протокола, алгоритма или технологии.

Итак, знакомство состоялось. Удовлетворённые содержательным диалогом, мы возвращаемся к своим делам. Геннадий что-то неторопливо подтачивает и паяет. Добротно и с удовольствием. Закончив использовать очередной инструмент, кладёт на место и внимательно рассматривает полученный результат сквозь линзу увеличительного стекла. Стив всё так же сосредоточенно ковыряется в таблицах.

С треском распахивается дверь и появляется Ариэль:

– Илья, что ты делаешь?
– Читаю.
– Что читаешь?
– Статьи.

"Какого чёрта? Он дал статьи, сказал читать – я читаю".

– Ты дал мне книжки и статьи, я читаю.
– Превосходно. Всё понимаешь?
– Более или менее…
– Есть вопросы?
– Нет, я тут как раз посередине… – я делаю неопределённый жест. – Ещё не сложилась общая картина.
– Если что непонятно – приходи. Моя дверь всегда открыта.
– Хорошо.

Ариэль выходит, ныряет в кабинет и захлопывает дверь. Из-за стены почти сразу доносятся длинные гудки, голос в спикере, звук срываемой трубки и напористый бубнёж. Выждав немного, Стив оборачивается ко мне:

– Он всегда такой… на первых порах. Попробуй не обращать внимания.

* * *

Прошёл день, работники разошлись. Я, уже порядком опухший мозгами, продираюсь через дебри очередной публикации. В который раз врывается Ариэль:

– Что делаешь? Читаешь? Как идёт?
– Я…
– Нет времени, в другой раз. Когда собираешься прибыть на работу?
– В одиннадцать.
– Одиннадцать? Великолепно! До завтра.

В начале девятого я собрался и вызвал такси. В аэропорту, ожидая посадки,

наспех перекусил китайскими куриными ножками. Напряжение долгого дня неохотно отступало, сменяясь заторможенностью и приятным оцепенением…

Проснувшись во время приземления, миную охранников, турникеты, стеклянный павильон, лабиринт парковки, и вот я в своей родной машине. Вечерние улицы проплывают за окном под тихий джаз. Сейчас дом, душ и постель.

Глава 3

> Каждый солдат носит в ранце маршальский жезл и недописанный роман.
>
> Наполеон Бонапарт

Шаря в поисках будильника, проклинаю повседневную реальность, продолжающую неустанно радовать свежими переживаниями. Пылкая любовь к ранним побудкам никогда не была мне свойственна, а вставать по часам и вовсе давненько не доводилось. Хочется вырубить адское изобретение, повернуться на другой бок и завалиться спать дальше. Зарывшись в одеяло, наслаждаюсь последними сладкими мгновениями. Впереди дорога, утренний бриз, солёный воздух, стекло и металл терминала и Bombardier с закрылками. Я сладко потягиваюсь, приходя в чувства, небо в клочьях ватных облаков, гладкая поверхность океана и новый начальник Ариэль.

После часового перелёта лайнер начинает заходить на посадку, раздаётся звонок телефона и пассажиры раздражённо озираются. Взгляд на экран, так и есть – "Ариэль", – произношу я вслух, будто выигрывая у себя безмолвный спор и, наученный опытом, спешно выключаю мобильник.

По прибытии я, как большой, самостоятельно миную дверь с наклейкой, пользуясь временной магнитной карточкой с логотипом и стилизованной надписью BioSpectrum. Из застеклённой комнаты выплывает смуглая женщина с длинными гладкими волосами.

– Привет, Илья. Я Кимберли, – она протягивает руку, – административный директор компании.

Не секретарша, нет, директор! Не хухры-мухры. Манера вспомогательного персонала придумывать себе звучные титулы всегда меня забавляла.

– Необходимо уладить несколько бюрократических формальностей, – продолжает она, сияя образцовой улыбкой.

В конце коридора появляется Ариэль.

– Который сейчас час? – требовательно вопрошает он вместо приветствия.
– Одиннадцать десять.
– Нам надо поговорить, идём в кабинет.
– Ариэль, не позволишь сперва закончить парочку формальных мелочей? –

вкрадчиво интересуется Кимберли, заметно усиливая мощность улыбки. – Обещаю долго не задерживать.

В узком коридоре нам троим вместе с внушительными формами административного директора довольно тесно, и, будучи зажатым между начальником и секретаршей, я чувствую себя несколько неловко. Кимберли – ухоженная, стройная женщина, на каблуках она порядочно выше меня и слегка выше Ариэля. От её улыбки в его лице что-то меняется, и даже поза становится менее напряжённой.

Улаживание формальностей в исполнении Кимберли оказалось процессом стремительным и неудержимым. Насилу успевая следить за её действиями, я кивал и расписывался, где требовалось. Ей было лет сорок, но выглядела она моложаво и подтянуто. Упругая, загорелая кожа без единой морщинки, холёные ногти, ни щербинки, ни царапинки. Мулатка, безупречностью вида напоминающая дизайн фирмы Apple.

В течение пятнадцати минут была оформлена новая карточка, занесены в многочисленные бланки мои анкетные данные, и назначена встреча со страховым агентом. Вновь очутившись в коридоре, я направился к Ариэлю.

– У нас масса работы, – он быстро допечатал пару слов. – Но прежде, во сколько ты прибыл?
– В начале двенадцатого.
– Мы договорились в одиннадцать.
– Да… Пришлось ждать такси, потом пробки…
– Постарайся впредь не опаздывать. Теперь к делу: я организовал доступ в библио… Кстати, – он вскочил, – жди здесь.

Исчезнув, он в очередной раз оставил меня в лёгком недоумении.

– Держи! – вернувшись, Ариэль протянул ноутбук. – Он не новый, но это вполне мощная машина.

Вслед за начальником семенил щуплый мужчина азиатской внешности с курчавым хвостиком под лысой макушкой.

– …практически всё почистил, – он бочком протиснулся внутрь, – только вот…
– Потом, – отмахнулся Ариэль. – Когда прибудет стационарный компьютер?
– Утром ещё раз звонил, обещали…
– Кстати, – снова перебил его Ариэль, – это Тим Чи, познакомься.

Я встал и протянул руку. Ответив податливым рукопожатием, Тим помедлил, переминаясь с ноги на ногу, и побрёл восвояси.

– Это на первое время. Выбери себе новый, поищи в интернете, посоветуйся… И без ложной скромности – бери лучший. Так, что ещё? – начальник помолчал. – Чем ты занимаешься?
– Читаю статьи, – отчеканил я.
– Великолепно! У меня всё. Увидимся позже.

* * *

Около полудня вошла загадочно улыбавшаяся девушка с короткими волосами.

– Стив, когда обедать? – спросила она и, оглянувшись, добавила. – Илья, пойдёшь с нами?

Через четверть часа наша небольшая компания покинула помещение офиса. По дороге мы познакомились. Вчерашнюю симпатичную девушку звали Ирис, на вид ей было лет двадцать восемь. Она была сдержанна и предупредительна. Девочка, которая своими пальчиками ничего не трогает. Но может.

– В округе имеется широкий выбор кафе и ресторанов, – интонацией гида произнесла Ирис, когда мы вышли из здания.
– Я хочу в "Black", – капризно потребовала русская девица кукольной наружности. – Давайте в "Black".

По её тону сразу стали ясны две вещи: во-первых, ни в какой "Black" никто не пойдёт, и далеко не в первый раз; а во-вторых, отчётливо вырисовался характерный, легко узнаваемый типаж, определение которого мне никогда не удавалось выразить словами, но почему-то стойко ассоциировавшийся с именем Марина.

– Меня зовут Татьяна, – гордо заявила она, когда мы ехали в лифте, выговаривая своё имя на американский лад. – Я студентка третьего курса факультета биомедицины.

Студентка третьего курса обладала незамутнённым чрезмерным интеллектом васильковым взглядом и русыми кудрями. Когда она их приподнимала, сзади на шее становился виден ещё не сошедший детский пушок. Несимметричный румянец и перманентное состояние лёгкого шока гармонично довершали классический образ.

– В "Black" нет салатов, – снисходительно улыбнулся Стив.
– Геннадий, а вы куда хотите? – спросила Ирис.
– Мне всё равно, – улыбнулся он.
– Тогда в "Olive", – подытожила она.

"Olive" являлся сетью здорового питания, где прежде мне бывать не доводилось. Там имелся набор стандартных блюд и длинная стойка, за которой готовились салаты на заказ. Все дружно ринулись туда. Выбор составляющих оказался задачей нетривиальной. Абсурдно широкий ассортимент ингредиентов, вплоть до нескольких десятков сортов орешков, зёрнышек и странного вида семян, сбивал с толку неподготовленного клиента.

– Арик рассказывал о тебе, – задала тему Ирис, когда я кое-как справился с многотрудной проблемой. – Четыре учёных степени, как так вышло?
– Знаете… – начал я. – Да как-то…
– Вау… – встряла Таня, уставившись на меня с неподдельной тревогой. – Зачем? У тебя вообще оставалось время на жизнь?
– Оставалось, – я улыбнулся. – Когда приходишь на второй факультет, предметов уже гораздо меньше, а на третий и подавно.
– А оценки? – продолжала допытываться она.

Так… на собеседование у любознательной Тани-Марины я не рассчитывал.

– Да разве в оценках дело? – я выпучил глаза и пристально взглянул на неё. – Эта студенческая обсессия довольно быстро проходит.
– Ай, да ну вас… – оглянувшись на Стива, насупилась Таня. – Нет, но я всё же не понимаю, зачем ты это делал?
– Преимущественно чтобы хвастаться перед всеми, какой я умный.

Ответ понравился, лёд первой отчуждённости треснул. Я почувствовал, что пора слезать со сцены, и передал эстафету Ирис. Оказалось, что она заканчивает магистратуру по управлению медицинскими системами – близится время подбирать хвосты и писать диплом. Потом Татьяна вторично продекламировала намертво вызубренную формулировку, суммирующую её небогатую профессиональную биографию. Геннадий ел, поглядывая на собравшихся, как, должно быть, смотрел на друзей своей внучки. Когда очередь дошла до Стива, тот со странной усмешкой сообщил, что он программист, что поступил на работу в BioSpectrum чуть больше года назад и был первым работником фирмы, на тот момент ещё не успевшей обзавестись своим помещением.

– Погоди, а когда ты закончил учиться? – удивился я, прикинув, что он вряд ли значительно младше меня.

– Лет пять назад.
– Ты ж сказал, что это первая работа, чем же ты занимался?

Стив неопределённо развёл руками, но тут проснулся мой телефон.

– Алло?
– Ты где?
– Обедаю… вместе со всеми.

Стив переглянулся с Ирис. "Ариэль", – прошептал он одними губами.

– Зайди сразу, как вернёшься.
– Хорошо.

Я вопросительно посмотрел на Стива, потом на Ирис и снова на Стива. Они выглядели как парочка хитрющих сообщников, ловко обтяпавших очередное дельце.

– Я что-то не понимаю. Может объясните, зачем он так часто звонит?
– Не парься, – отозвался Стив, сдерживая улыбку, – Постепенно пройдёт.
– Ты бы видел, как он мучал Тима! – рассмеялась Ирис.

Таня-Марина тоже захихикала, но как-то невпопад.

– Так с каждым новым работником, – продолжал Стив. – До тебя был Тим, и Ариэль не слезал с него больше полугода, а вначале то же было со мной.
– Да, он действительно выглядит порядком измученным, – съязвил я.
– Ой, да ладно… – не выдержала Таня-Марина, почему-то задетая общим весельем. – Вот всегда обязательно…
– Зато теперь он сможет вздохнуть спокойно, – веселилась Ирис. – Твоё появление для Тима просто праздник!

Стало быть, вот что означала вчерашняя улыбочка, – ожидается новый аттракцион. Я задумался, а Стив с Ирис принялись наперебой рассказывать курьёзы, связанные с нашим начальником. Что ж… радужная перспектива вырисовывается, остаётся надеяться, что они утрируют для забавы.

* * *

Когда я вернулся, шеф разговаривал по телефону. Я пошёл заварить кофе в маленьком закутке, где имелись раковина, микроволновка и миниатюрный холодильник. Только я разобрался, что там и как, на пороге возник Ариэль.

– Идём, – выпалил он, развернулся и вышел.

Я взял чашку и отправился за ним. Шли мы недолго – шага три по коридору, и пришли в соседнюю комнату.

– Это наша лаборатория, – гордо объявил Ариэль, обводя широким жестом свои владения. – Это Таня – работница лаборатории.

"Работница" сидела у покрытого листовой нержавейкой стола, рядом – аквариум и робот-манипулятор с длинным механическим щупом.

– Здесь калибруются преобразователи, – пояснил Ариэль. – Манипулятор двигает датчик, замеряющий интенсивность.

Робот коротко зажужжал, совершил микроскопическое движение и затих. Татьяна вгляделась в табло и скрупулёзно занесла несколько рядов цифр в таблицу, затем переключила тумблер, вновь раздалось жужжание, и по воде пробежали едва заметные круги.

– Таким образом составляется трёхмерная карта ультразвукового поля[9], – продолжал Ариэль. – Качество измерений обусловлено высокой плотностью сетки и сверхточной локализацией…
– Да-да, я в курсе, – вклинился я, улучив момент, когда его речевой напор слегка ослаб. – Нечто подобное я уже видел.
– Великолепно, тогда займёмся сенсорами. – Ариэль хлопнул в ладоши и потёр рука об руку. – Тим! Где Тим? Сейчас я его…

Он вышел и мгновенно вернулся, волоча за собой Тима Чи. Распорядившись подготовить лабораторную демонстрацию, Ариэль велел поспешить. Тим кивнул и удалился.

– И разморозь какую-нибудь артерию, – спохватившись, прокричал Ариэль вдогонку, – я хочу, чтобы всё было по-настоящему!

Шеф с удовольствием углубился в описание своего детища. Рассказ кишел совершенно непроизносимыми названиями композитных материалов. Я пытался поспеть за основной канвой, с грехом пополам продираясь сквозь дебри излишних подробностей. В сущности, в ближайшее время меня будут интересовать не

[9] Ультразвук, в отличие от слышимого диапазона звуков, плохо распространяется в воздухе. В качестве медиума для ультразвуковых волн часто используется вода, близкая по акустическим свойствам к живой ткани.

тонкости строения сенсоров, а их рабочие характеристики.

– В действительности всё гораздо сложнее, но мы ещё обстоятельно к этому вернёмся, – обнадёжил Ариэль. – А пока обсудим абсорбирующие элементы. Тут важно не только само вещество, а также крепление, клей, толщина и прочее.
– Кстати, а какова толщина излучателя? – спросил я, почувствовав, что слишком долго никак не проявляю своё внимание.
– Типичные размеры…

Пока Ариэль в новом приливе энтузиазма фонтанирует ничего не говорящими мне химическими терминами, а Тим Чи собирает систему для предстоящей демонстрации, я в двух словах расскажу об ультразвуке.

Ультразвуковая система, как любая акустическая система, состоит из трёх основных компонентов – проигрывателя, создающего электрический сигнал, усилителя и колонок, преобразующих электрический сигнал в акустический. Функцию проигрывателя исполняет генератор-приёмник, а ультразвуковой преобразователь (или просто сенсор) заменяет одновременно колонки и микрофон. То есть он сперва генерирует акустическое колебание, а затем ловит возвращённое эхо. В итоге ультразвуковое изображение – это карта интенсивности вернувшегося сигнала. Ткани организма обладают различными акустическими свойствами, и потому картина отражённых эхо соответствует анатомическому составу.

– В целом, уже сегодня наши сенсоры демонстрируют удовлетворительные технические характеристики. Остаётся одна загадка: почему при спектральном анализе фигурируют три преобладающих группы частот? – Ариэль метнулся в кабинет и приволок кипу графиков. – Смотри, вот основная частота, под которую разработан датчик, а вот ещё две взявшиеся невесть откуда.

Я сосредоточился. Представлялся шанс себя проявить. Множественность разнообразных факторов, влияющих на распределение частот, предоставляла широкий простор для импровизации. Оставалось найти нечто наглядное. В поисках зацепки я судорожно перебирал запомнившиеся понятия, параллельно перелистывая диаграммы. Дойдя до конца, разложил их, частично совместив графики с похожими очертаниями. Так, различные виды композитных материалов. Что ещё? Крепления, абсорбирующая прослойка, размеры. Не то, не то. Хотя… стоп.

– А-а… вы не думали, что это из-за размеров? – проронил я.
– Размеров? – Ариэль осёкся. – Каких размеров?
– Из-за размеров сенсоров.

Позабыв о прерванной лекции, он тоже склонился над столом.

– Три вида частот могут возникать из-за геометрических размеров преобразователя, – уже уверенней, с расстановкой продолжил я. – Сенсор – не идеальная струна, а трёхмерный объект. Низкие, сильно выраженные частоты совпадают с колебаниями вдоль основной оси, а более слабые…
– А высокие – двум другим, – подхватил Ариэль. – Тогда их соотношение должно соответствовать пропорции размеров.
– Вероятно… не обязательно линейно, но как-то соотноситься они должны.
– Тим, что скажешь?
– Я не физик. – Тим, внимательно следивший за разговором, отложил провода. – Сомневаюсь, что мои соображения могут быть полезны.
– Стив! – заорал Ариэль.

Выждав пару секунд, он стремглав бросился вон. Итак, сегодня удалось заработать несколько очков, интересно, что будет, если я окажусь неправ… Тем временем Ариэль взялся втолковывать Стиву мою свежеиспечённую теорию, а Таня, уловив общий ажиотаж, оторвалась от робота.

– Звучит логично, – дослушав, согласился Стив, – но надо бы основательно проверить.
– Великолепно, вот вы с Татьяной этим и займитесь, – резюмировал Ариэль. – Тим, у тебя готово?
– Почти, ещё кое-что… – протянул Тим, ковыряясь в программном коде.
– Превосходно. – Ариэль окинул нас удовлетворённым взглядом. – Вы тут поиграйте, хочу, чтобы Илья почувствовал всё своими руками.

Стив принялся проверять результаты калибровки. Кажется, мои идеи прибавят ему с Таней немало хлопот, хотя недовольства с их стороны не чувствовалось. Я подсел к Тиму и стал вникать в премудрости работы с аппаратурой.

Разобравшись с подсоединениями, мы подключили сенсор. Тим закрепил в тонких алюминиевых зажимах развёрнутую артерию и приладил к ней наспех размороженный кусочек куриной грудки из супермаркета, симулирующий мускул сердца. Ещё раз всё проверив, мы приступили к измерениям.

Тим со знанием дела указывал и частично разъяснял характерные особенности. Он был нарочито аккуратен, последователен и внимательно относился к мелочам. Чувствовалось, что несмотря на отказ комментировать физические аспекты, он неплохо разбирался и в самих сенсорах, и во многих связанных с ними специфических явлениях.

После эксперимента меня ждало чтение статей, потом такси и аэропорт. По пути я позвонил подруге, и мы договорились встретиться.

* * *

Отворив, Ира на мгновение застыла, прислонившись к створке двери.

– Полюбуйся, это мой новый друг, – я хлопнул по чехлу лэптопа.

Она шагнула ко мне и осторожно обняла. Я почувствовал её пальцы на плечах и лопатках. Настроение мгновенно сменилось, напряжение отхлынуло, уступая место нетерпеливому возбуждению, мурашками пробежавшему по телу. Высвободившись, я скинул ноутбук и увлёк её в спальню.

* * *

Приподнявшись на локте и жестикулируя свободной рукой, я взахлёб делился свежими впечатлениями.

– Ты теперь прям добытчик… – умилённо глядя, невпопад произнесла Ира. – Летаешь куда-то на заработки…
– Сейчас я тебе покажу – добытчик! – набросив одеяло, я сгрёб хохочущую и брыкающуюся пленницу в объятия. – Слушай лучше, этот Ариэль совершенно ненормальный. Его распирает. Он носится туда-сюда по офису, хотя там особо не побегаешь – всё помещение метров десять на пятнадцать, от силы. А ещё он постоянно звонит, неясно зачем.
– Может ему одиноко? – в её голосе звучала тёплая ирония, с какой выслушиваются истории первоклассников о первом сентября.
– Да нет… он мне в принципе нравится. Конечно, его малость заносит, а кого в хай-теке[10] не заносит? Тем более в стартапе[11]…

Я ненадолго задумался.

– С этими полётами я чувствую себя космонавтом. Мне нужна, как это… декомпрессия.

Обрадовавшись найденному слову, я вскочил, изображая неимоверное давление,

---

[10] High-tech – высокие технологии. Наукоёмкие отрасли промышленности, часто включающие в себя электронику и робототехнику.
[11] Startup – начинающая хай-тек компания. Особенности: инновационность, общность целей и чувство значимости каждого сотрудника; мизерные шансы на успех, но и колоссальная прибыль в случае реализации.

сжимающее мою бедную голову.

– Надо потребовать, чтобы мне установили декомпрессионную камеру.
– Ты так долго не выдержишь.
– Well, darling[12]… а какие варианты? Пока так. Или хочешь, пожалуйста, давай перебираться в Сан-Хосе.

Она укоризненно взглянула на меня.

– А можно в Сан-Франциско. Цветные трамваи, золотые мосты, тенистые улочки… – театрально размахивая руками, я рисовал в воздухе сказочные картины, – …и твой любимый Тихий океан. Тот же самый, что и тут. Отличный город – летние туманы, Русские холмы, огромные парки…
– Илья, ты же знаешь…
– Видишь… – я лёг обратно. – Во Фриско мы не хотим, так что придётся полетать.

Спохватившись, я заметил, что Ира выглядит усталой и продолжает слушать лишь потому, что я никак не могу успокоиться и прекратить тарахтеть. Поборов желание сполна излить накопившееся, я сослался на то, что нам обоим рано вставать, и отправился домой.

* * *

Оттягивая возвращение в пустое жилище, я медленно ехал вдоль набережной. Ночевать у Иры было нельзя. Она получала пособие как мать-одиночка. Год назад к ней нагрянули с проверкой и нашли боксеры. Боксеры были признаны мужскими. Сколько она не объясняла, что занимается в них спортом, ей так и не поверили и прекратили выплаты. В итоге бесчисленных прошений и апелляций, пособие всё-таки вернули спустя три долгих месяца.

На самом деле, не будь этой преграды, я бы всё равно вряд ли остался. Утром меня лучше не трогать. Думаю, если разбудить меня детскими криками за час-два до нужного времени, то всем вокруг сразу станет тесно.

[12] Well, darling… – Ох, дорогая…

Глава 4

> Подчинённый перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы не смущать оное разумением своим.
>
> Пётр I

Сегодня я продвинутый пассажир воздушного транспорта – заранее выключаю телефон, своевременно пристёгиваюсь и отстёгиваюсь. Ловко маневрируя сквозь разношёрстную толпу, с ходу нахожу свободное такси. С опозданием в две минуты вбегаю в вестибюль, бросаюсь к лифтам и, обнаружив, что обе кабины на верхних этажах, не сбавляя темпа кидаюсь к лестнице, взлетаю на второй этаж и перехожу на шаг, выравнивая дыхание.

Ариэль в коридоре разговаривает с Кимберли. Поздоровавшись, я задерживаю на нём вопросительный взгляд. Комментариев не последовало. Великолепно, как выражается мой неугомонный начальник.

– Как дела? – в комнату заглядывает Ариэль.
– Всё хорошо.
– В котором часу ты прибыл?
– В одиннадцать ноль-пять.
– Одиннадцать ноль-пять и одиннадцать ноль-ноль – две совершенно разные временные точки. Ты, как учёный, должен это понимать.
– Я понимаю.
– Вот и отлично. Надо обсудить пару моментов.

Он развернулся и вышел. Я проследовал в кабинет.

– Ночью я поразмыслил над вчерашней гипотезой, и очень может быть, что ты действительно прав. Необходимо в этом удостовериться. Посоветуйся со Стивом, хочу, чтобы вы спланировали опыт и однозначно установили, так это или нет.
– Хорошо, я уже обдумал несколько вариантов.
– Замечательно, представите детальный протокол. Дальше, чем ты занимаешься?
– Статьями. Я дочитал те, что ты выдал, и распечатал, что было на диске.
– Это уже не актуально. Займись пока предстоящим экспериментом и выбором лэптопа, и смотри, не затягивай. Всё, жду подробный отчёт.

Стив был уже в курсе, мы быстро договорились, и он вызвался составить документ. После обеда отправились к Ариэлю. Стив деловито описал подробности, шеф задал пару уточняющих вопросов и выслушал наши прогнозы.

– Приступайте, – Ариэль припечатал ладонью листы. – Стив, измерения скинешь на Таню. Илья, когда будут результаты, произведёте анализ и составите заключительный доклад.

Вернувшись, я отложил в одночасье девальвировавшиеся статьи и погрузился в поиски ноутбука, длившиеся, впрочем, считанные минуты. Гонимый неуёмной жаждой кипучей деятельности, не позволявшей подолгу обретаться в пределах кабинета, на пороге возник Ариэль.

– Пора переселяться на постоянное рабочее место, – объявил он. – За мной!

По сторонам коридора тянулись комнаты. Направо, у входа – застеклённый "террариум", где обитает Кимберли, а за ним – помещение для совещаний, куда мы только что вторглись. Слева крохотная подсобка со всякой канцелярской всячиной, кухонный закуток, лаборатория, и напротив – кабинет начальника.

– Ты будешь сидеть тут, – провозгласил шеф, окидывая хозяйским взглядом расчищенный кусок стола, занимавшего практически всё пространство.

В противоположном конце, склонившись над корпусом разобранного компьютера, колдовал Тим Чи.

– Освободи, пожалуйста, полку для Ильи, – распорядился Ариэль.

Тим отложил очередную деталь, сгрёб папки с верхней полки и распихал меж вещами, стоящими ниже. Притащив ноутбук, я стал обустраиваться. Получалось, что я сижу у самого входа, спиной к двери – то есть, из коридора видно мой экран, что не слишком удобно. И вообще, как можно работать за одним столом, сидя лицом друг к другу? Однако Тиму не повезло гораздо больше: он полностью забаррикадирован в своём углу расставленными вокруг стола стульями, так что ему придётся каждый раз протискиваться мимо меня, чтобы выйти из комнаты.

Я снова занялся лэптопом: копался в спецификациях, сравнивал характеристики. Потом ещё таскать его на себе… подобно веригам, носимым аскетами для смирения плоти, искупления грехов и ещё бог весть чего. Остаётся не совсем ясным, какие прегрешения искупают офисные креветки и начисляются ли за это самоистязание премиальные очки на текущий баланс кармы. Зато со смирением плоти всё отлично, каждодневное заточение в офисных стойлах, метр на полтора, смиряет почище любых цепей.

Перед уходом взял из канцелярской каморки пару папок, рассовал статьи,

поставил на новую полку и рядом пристроил принесённый из дома навороченный калькулятор. По дороге в аэропорт я обнаружил, что так и забыл врубить мобильник с прошлого полёта.

– Илья, это Ариэль! – звенел по-утреннему бодрый голос в автоответчике. – Ты где? Сообщи в котором часу намереваешься прибыть на работу.

* * *

Солнечное утро, в небе ни облачка, на дорогах подозрительно мало машин, и я быстро добираюсь до аэропорта. На парковке, каким-то чудом, свободное место прямо у входа. Позавтракав, я вздремнул во время полёта. По утрам, после хорошей прогулки, снятся быстрые красочные сны.

Когда-то ради этих снов я таскался на утренние лекции. Мой друг заходил за мной, будил и буквально влачил за ручку к свету и знанию. Мы вваливались в аудиторию и направлялись прямиком к заднему ряду. Едва усевшись, я клал локти на спинку переднего кресла и, пристроив голову на скрещённых руках, проваливался в ватную дрёму. Бубнёж лектора постепенно трансформировался, слова причудливо переплетались, приобретая прихотливые окраски и формы, струящиеся сигаретным дымом и растворяющиеся в звонкой пустоте. Калейдоскоп образов преображался, расцветая узорами, потом товарищ тряс меня за плечо, вытаскивал проветриться на солнышке, и я возвращался досыпать вторую половину пары.

Авиалайнер вздрогнул, касаясь земли. Из таких снов выныриваешь свежим и взбудораженным. В терминале я первым делом проверил время – приземлились на десять минут раньше расписания. Сегодня Ариэль будет мной доволен. Сегодня я, как пай-мальчик, прибуду вовремя. Даже с запасом.

Войдя, шествую прямо к кабинету – дверь открыта, и я заглядываю внутрь.

– Доброе утро, Ариэль!
– Привет… Привет… – рассеянно бормочет он.

Я жду, когда он обратит внимание на время, но шеф чем-то увлечённо озабочен или озабоченно увлечён, с ходу не разберёшь. Изображения на экране не видно. Помедлив, разворачиваюсь, чтобы идти обратно.

– Илья! – окриком останавливает меня Ариэль. – Зайди, пожалуйста.

Я вошёл, подвинул стул, сел.

– Закрой, пожалуйста, дверь.

Я встал, отодвинул стул, затворил дверь, вернул стул на место и снова сел.

– Я всё ещё раз взвесил… – произнёс Ариэль, собираясь с мыслями. – Так дело не пойдёт. Твои приходы…
– Но я пришёл вовремя! – возмутился я. – Посмотри…
– Да-да… – Ариэль покосился в угол экрана. – Это хорошо. Очень хорошо.
– Так в чём же…
– Дело совсем не в том… – Ариэль скорбно нахмурил лоб. – Ситуация гораздо серьёзней. С прибытием в одиннадцать пора заканчивать. Мы солидная контора и должны соответствовать общепринятым нормам. Рабочий день начинается в девять утра. Это элементарная азбука организации. Я сам беру обязательство приходить не позже полдесятого.

Ариэль строго уставился на меня. Я обречённо ждал продолжения.

– Вот, смотри, Тим, с которым тебе во многом сотрудничать, приходит в девять. Стив вообще в семь утра.

Интересно, с какой стати, я должен продираться ни свет ни заря из-за того, что Стиву взбрендило решать проблему дорожного трафика за счёт поездок до начала утреннего часа пик?

– Вы команда. Нет, мы команда! – продолжал городить Ариэль. – И должны быть готовы в любую минуту прийти друг другу на выручку. А на сегодняшний день он приезжает в семь, а ты только в одиннадцать, потом вы отправляетесь на обед… Нет-нет… Да и с остальными работниками…
– Но я летаю из Лос-Анджелеса! – запротестовал я.
– Мне очень жаль, но я вынужден просить тебя приходить хотя бы на один час раньше.

Я вздохнул и согласился.

– Великолепно. Люблю решать вопросы ясно и чётко. В нашей компании у каждого есть возможность свободно распределять своё время. В принципе, нет никаких надуманных ограничений, я за простоту и естественность. Каждый должен чувствовать себя, как дома. Кстати, как это укладывается в расписание рейсов?
– Они каждый час, – вяло промямлил я.
– Превосходно. Десять утра, начиная с завтрашнего дня. И смотри, не опаздывай.
– Завтра… эм… а завтра я работаю дома.
– Ах, да. Точно. Значит, с понедельника.

Я встал, отодвинул стул и открыл дверь.

– А… вот ещё, почему ты оставил лэптоп в офисе?
– Потому что…

Потому что пока он мне нафиг не нужен, всё больше раздражаясь, мысленно закончил я. И вообще, лучше бы сейчас оставить меня в покое.

– Нет, лэптоп должен быть с тобой всегда. Всегда! Лэптоп – это… – Он вперился в потолок, но, не найдя достаточно сильного эпитета, попробовал подойти к задаче под другим углом: – А если дома придёт важная мысль? Как тогда? Я, конечно, не настаиваю, чтобы, возвращаясь, ты каждый вечер садился за компьютер, но лэптоп должен быть постоянно под рукой.

Наука и техника круглые сутки! Снимать вериги строго воспрещается.

– Хорошо.
– Ведь сегодня ты в любом случае его не оставишь? – Ариэль нацелился на меня притворной улыбкой.
– Нет конечно, – я едва сдержался. – Мне же на нём работать.

Ухмыльнувшись собственной плоской шутке, шеф приосанился.

– Великолепно. Кстати, составь план работы на завтра. – Он взглянул на мою вытянувшуюся физиономию. – Ничего грандиозного, черкни пару строк на почту. Хочу знать, чем ты занимаешься.
– О-о-о'кей.

Измочаленный я приплёлся в комнату, уселся и в полной мере ощутил, что вдобавок к недосыпу и изматывающим полётам, вчера сильно перебрал с марихуаной. Глаза саднили, в висках скопилась ноющая боль. Я потёр веки. Надо купить капли для глаз, чтоб не шастать здесь, как голодный вампир.

– Илья, как дела?! – неожиданно раздаётся у меня за спиной.

Я оборачиваюсь – прямо рядом, сверкая лучезарной улыбкой и подбоченясь, словно разбитная колхозница, стоит Кимберли.

– Как ты себя чувствуешь? – она вальяжно прислоняется к дверному косяку, и я с досадой догадываюсь, что это вовсе не минутный разговор.

Что за назойливая непринуждённость?

– Эм… Спасибо. Всё нормально.

Ситуации, в которых малознакомые люди навязчиво пытаются "to be nice"[13], мне неприятны и, как правило, напрягают. А тем более сейчас, когда больше всего хочется, чтобы от меня, наконец, отстали.

– Что-то у тебя помятое лицо… – она пристально присматривается. – Знаешь, ты выглядишь как-то не очень. Ты хорошо спишь?
– Я… мм… ээ… – я кошусь на Тима, который, прикинувшись шлангом, ковыряется в недоломанном компьютере.
– Понимаю-понимаю, бурная молодёжная жизнь, night fever[14], верно? – продолжает она, фамильярно подмигивая.

Выражение "night fever" всегда пробуждало во мне омерзение, а в контексте с этой бесцеремонно клеящей меня бабищей и вовсе вызывает тошнотворные спазмы. Хочется поскорей куда-то деться, но в комнате так тесно, что если я встану, то упрусь в её сиськи, призывно выпирающие из глубокого декольте.

– Послушайте, Кимберли…
– Можешь называть меня Ким, – ласково проворковала офис-менеджер.
– Благодарю. Так вот, Кимберли, меня не интересуют дискотеки и наркотические препараты. Я увлекаюсь древнегреческой философией и творчеством Достоевского.
– О-о, Достоевский! – она округляет губы и вскидывает выщипанные брови. – Как интересно! Я в школе читала "Преступление и наказание".

На ум приходит адаптированное издание карманного формата страниц эдак на двадцать. Но то, с какой лёгкостью она сметает мои фортификационные укрепления, окончательно выводит меня из равновесия, и в припадке какого-то помутнения рассудка я произношу следующую фразу:

– А… вы помните, что студент сделал со старушкой?
– О да. Это ужасно! – как ни в чём не бывало отвечает Кимберли, изображая растроганную гримасу.

Приблизительно в таком духе продолжается терзание моей бедной и без того расшатанной всевозможными излишествами психики. Минут через пятнадцать, натешившись и решив, что для первого раза вполне достаточно, Кимберли

[13] To be nice – быть дружелюбным, приветливым.
[14] Night fever – ночная лихорадка.

удаляется, удовлетворённая произведённым впечатлением.

Я ещё раз оглядываюсь на Тима Чи, невозмутимо курочащего ни в чём не повинный электроприбор, и, не найдя ничего лучшего, отправляюсь обедать.

* * *

– О, вот ты где! – вскричал Ариэль, когда я появился на пороге кабинета, обнаружив на телефоне три пропущенных звонка.

Он рванул в комнату и набросился на Тима, требуя немедленно ознакомить меня с программным кодом.

– Отправная точка – acquisition – модуль ответственный за сбор исходных данных, – начал Тим Чи, дождавшись пока начальник угомонится и покинет нас, предоставляя возможность заняться делом. – Эквизишн включает в себя инициализацию аппаратуры, считывание измерений с генератор-приёмника и процедуру, скидывающую блоки накопленной информации на жёсткий диск.

Он углубился в описания, скрупулёзные и обстоятельные, как и написанный им код.

– Последующий и основной модуль – обработка и анализ. Простой, но довольно эффективный алгоритм детекции стенок сосуда.

Это уже интересней. Основным аспектом моей деятельности будет разработка алгоритма, способного вычленить из многомиллиардных скоплений ничего не значащих цифр сжатый и удобоваримый результат, одного взгляда на который достаточно для установления диагноза.

– Вышло довольно неряшливо… – замялся Тим, заканчивая объяснения. – Я привык писать программное обеспечение в соответствии с предварительно спроектированным дизайном. Но в стартапе всё делается впопыхах, и до правильной архитектуры руки не доходят.
– По-моему, вполне аккуратно, – с искренним недоумением признался я. – Более чем…

Однако в ближайшее время будет не до дизайна и не до архитектуры. Сейчас разгар золотой лихорадки. Подходит к середине второй год существования компании, первоначальный бюджет практически съеден и нужны хоть какие-нибудь результаты, чтобы получить новые инвестиции. Проблема в том, что в сфере биомедицины для создания опытного образца требуются года три-четыре, и уж

никак не полтора. Но без денег далеко не уедешь, и потому, так или иначе, придётся впопыхах слепить некое подобие прототипа.

Я продолжил бороться с кодом, обращаясь к Тиму по мере возникновения вопросов. К тому времени, как он собрался домой, я порядком притомился и уже подумывал как бы пораньше свалить, но тут заглянул Харви и позвал подписать договор. С понедельника мне не доводилось пересекаться с нашим директором, и я почти забыл о его существовании. Оказалось, он занимает тот же прозрачный кабинет, где ютилась Кимберли, уходящая раньше остальных. Оставалось неясным, как им удаётся работать вдвоём в таком тесном помещении.

Покончив с документами, я вернулся к себе и вспомнил про план. Что бы такое наваять… И вообще, как это понимать? То ли Ариэля обуревает неудержимое стремление к порядку, то ли кажется, что без его чуткого надзора я стану маяться дурью… Как бы то ни было, похоже, шефу не слишком нравится этот расклад. Ладно, пора домой. Я встряхнулся, отбрасывая досужие рассуждения, решительно открыл электронную почту и настучал:

План работы на 15.05.2015

Затем с ходу вывел:

1. *Чтение научных статей.*

Помедлив, осмотрелся, собираясь с мыслями. Чем же, действительно, я тут занимаюсь? Ах, да…

2. *Выбор лэптопа. Сопоставление характеристик.*
3. *Ознакомление с кодом и анализ данных.*

Вроде нормально. Нажал Send, захлопнул лэптоп, закрыл офис и спустился к поджидающему такси. Сегодня я наконец-то высплюсь.

Глава 5

Just a perfect day
You made me forget myself
I thought I was
Someone else, someone good…[15]

Lou Reed

Проснувшись около полудня, я совсем уж было собрался вставать и, лениво потягиваясь, наслаждался сознанием того, как плодотворно проходит первый рабочий день дома. Несмотря на мелкие передряги, всё понемногу налаживается, а вещи начинают занимать свои места. Я вспомнил об Ариэле и улыбнулся. Образ начальника проплывал надо мной, я сорвал с головы цилиндр, помахал ему, и он, степенно покачиваясь, словно дирижабль, исчез из поля зрения, а я снова задремал.

Очнувшись в четыре, я вскочил, озираясь, в поисках пропавшей половины дня и, наспех собравшись, отправился к Ире. Нужно было забрать Алекса и пересечься с её сестрой, той ещё стервой, направляющейся на выходные к матери, в то время как Ира работала во вторую смену, чтобы выкроить свободный день. Сдав мальчика на попечение бабушки, мы получали возможность провести наедине почти целые сутки.

Я взбежал по лестнице и постучался. Послышался топот босых ног, подгоняемых предвкушением предстоящей поездки, и, врезавшись в дверь, Алекс завозился с замком. Я наскоро перебрал в уме список вещей, которые следует взять с собой.

– Ничего не выходит, – донёсся приглушённый голос.
– Погоди, дай я.

Ключ вошёл не до конца и повернуть его было невозможно.

– Алекс, ключ застрял, надо его вытащить. Сейчас попробуем вместе, – я навалился на дверь. – Ну-ка, давай!
– У меня не получается, – шебуршание возобновилось.
– Постой, не суетись. Соберись с силами и поворачивай.

Изнутри раздалось напряжённое сопение.

[15] Из саундтрека культового британского фильма "Trainspotting".

– Так, хорошо. Теперь попробуем по-другому – я оттяну, а ты крути. Медленно и аккуратно. Поехали.

Главное, чтоб не сломался, главное, чтоб не сломался, – стучало в голове. Сделав ещё несколько попыток, Алекс всхлипнул и пару раз пнул тяжёлую дверь.

– Оно не хочет… – звонкий голос подрагивал, – не хочет открываться.

Мальчик вновь принялся беспорядочно дёргать треклятый замок. Сообразив, что крики лишь накаляют атмосферу, я набрал его номер и стал забалтывать какой-то чепухой, одновременно пытаясь отыскать выход из положения. Само собой, напрашивалось вызвать слесаря.

– Кажется у нас приключения, – задумчиво протянул я, когда Алекс слегка успокоился. – Надо придумать, как проникнуть сквозь дверь.
– Проникнуть? Как Фенис и Ферб?
– Как кто?
– Фенис и Ферб! Ну, помнишь мультик?
– Вот-вот, именно. Как самые, что ни на есть заправские, Фенис и Ферб. Признавайся, ты двери взламывать умеешь?

Не, слесарь не годится – это два-три часа. Ира изведётся от волнения, а Стерва уедет, и все планы пойдут прахом. Я сбежал вниз прикинуть, как бы забраться через окно.

– Не умею… – растерялся Алекс.
– Я тоже. Хорошо, а что говорит по этому поводу Фенис?

Под сбивчивый пересказ перипетий из жизни вымышленных персонажей я осматривал окна крытого балкона, жалюзи, которые ещё надо как-то раздвинуть, и стену фасада. Дом был построен на откосе. Главный вход соединялся с улицей длинным мостом. Пара хилых проводов, да метров пять ровного бетона, отделявшие поручни от вожделенных окон, казались малопригодными для применения моих скромных скалолазных способностей. Сюжет усложнялся – я упустил момент, когда Алекс перешёл от летних приключений Фениса и Ферба к борьбе утконоса с лютым доктором Фуфелшмерцем. И на фразе: "И тут, тот ему ка-а-ак даст!" – позвонила Ира.

– Ир, тут небольшое… – переключаясь, я машинально отметил, что время поджимает, – мм… переделка.
– Какая ещё переделка? Выходить пора. Что ты ещё там устроил?

Я взбежал наверх и приложил ухо к двери. Алекс был в гостиной. Торопливо описывая ситуацию, я метался взад-вперёд по лестничной площадке.

– Не волнуйся, как-нибудь выкрутимся… Алекс, кстати, держится молодцом. Позвони, отвлеки его разговорами.

Я скатился вниз, чтобы получше рассмотреть стену. Тщетно, от беготни вертикальная поверхность не стала менее неприступной. Снова взлетел наверх и замер, прислушиваясь. Алекс разговаривал по телефону. Мгновение поколебавшись, я позвонил в смежную дверь.

– Who there?[16] – сварливо раздалось изнутри с сильным русским акцентом.
– Это по поводу Алекса – ребёнка, который живёт напротив, – прокричал я. – Откройте, пожалуйста.

В ответ донеслось удаляющееся бормотание. Я выругался. Ещё через некоторое время послышалось шарканье, позвякивание ключей и, наконец, долгожданный лязг. Поздоровавшись, я метнулся внутрь. Ошарашенная бабулька посторонилась, плотнее запахиваясь в халат невразумительного оттенка. Я устремился в направлении главного фасада и, с треском раздвинув бамбуковую занавеску, оказался на кухне.

– …сразу смотреть телевизор, – сокрушалась старушка, семеня за мной. – А ещё он любит оладушки. Когда Алекс приходит, я всегда…
– Извините, вы не возражаете… Я сюда чуть-чуть влезу.

Взгромоздившись на столешницу, высунулся в окно. Ниже уровня подоконника меж бетонными плитами имелась щель. Можно попробовать, используя её в качестве опоры… В кармане завибрировал телефон, взгляд на экран – Стерва. Я сбросил звонок и глянул вниз – высота четыре этажа, под мостом – садик, обрамлённый грубо отёсанными камнями. Если что, падать предстоит именно на них.

– …оладушки, – лопотала соседка, переставляя из-под моих ног банки, перевязанные атласными ленточками. – Чудесные, пышные оладушки со сметаной и вишнёвым вареньем.

Не перегибаю ли я? Окна, камни, акробатические номера между этажами. С другой стороны – ребёнок взаперти, Ира волнуется, да ещё и эта сестра… В общем, не романтический вечер, а полные оладушки.

---

[16] Who there? – Кто там? (ломаный английский).

Раздумья прервал очередной звонок.

– Алло! Вы все не отвечали – я уехала! – объявила Стерва.
– Умница. Я в тебе нисколько не сомневался.
– Что происходит?! Почему…

Недослушав, я повесил трубку и бросился на лестничную клетку. Застыв, напряг слух. Из квартиры не доносилось ни звука.

– Алекс! – громко позвал я. – Алекс, иди сюда.

Мальчик подбежал к двери.

– Я тут. Тут, – протянул он, стараясь скрыть жалобные нотки.
– Слушай, я кое-что придумал, но без тебя не справиться. Ты как, поможешь?

Я взялся объяснять свой новоиспечённый план.

– Только смотри, поворачиваешь эти штуковины и сразу вниз, – повторил я. – И только потом раздвигаешь створки. Договорились?
– Договорились!
– Тогда вперёд.

Я метнулся в соседнюю квартиру и в три прыжка очутился на кухне.

– В общем, я полезу в окно, – с ходу объявил я, разуваясь. – Ботинки пока оставлю у вас.
– Что вы! Молодой человек…

Стоя в проёме, я свесился наружу. Сквозь щели между планками жалюзи было видно как Алекс, забравшись на стул, возится с рычажками. После нескольких попыток механизм поддался, и он исчез за сомкнувшимися пластинами.

– Отлично, Алекс! Молодец! Теперь слезай.

Услышав, как он спрыгнул на пол, я облегчённо вздохнул.

– Откры-вай! – басовито прокричал я.

Створки со скрежетом отъехали в сторону, и показалась сначала вихрастая макушка, а потом и возбуждённая физиономия Алекса, приподнявшись на

цыпочки, с азартом ожидавшего продолжения.

– У меня получилось. Ты видел? Видел?!
– Конечно видел. Ты настоящий орёл!

Так, теперь мой выход. Внутри, вдоль оконной рамы имелся выступ, за который можно было уцепиться. Оставалось надеяться, что на другой стороне будет нечто подобное.

– Обязательно заходите отведать варенье, – напутствовала меня бабулька.
– Благодарю вас. – Я качнулся, получше ухватываясь правой рукой. – Всенепременно.

Встав на краю, попробовал нащупать пальцами левой ноги зазор между плитами. Приседая ниже и ниже, наконец удалось дотянуться до узкого углубления, и я принялся потихоньку продвигаться вдоль него. Изловчившись, я уже почти добрался до нужного места, как вдруг:

– Давай, давай, осталось совсем чуточку! – потеряв терпение, Алекс вскочил на стул и высунулся в окно.
– Ты что?! А ну, вниз! – чуть не сорвавшись, закричал я, прильнув к стене и пытаясь сохранить равновесие. – Быстренько, быстренько слезай отсюда.

Алекс тут же исчез, и послышался глухой удар пяток о кафель. Замерев, я немного пришёл в себя и восстановил дыхание. Осторожно продвинул ногу ещё на пару сантиметров. Постояв, свыкаясь с новой позицией, качнулся, вытягиваясь влево, и ухватился кончиками пальцев за хлипкую раму. Подтянулся, пошарил по внутренней стороне стены и, к великому облегчению, наткнулся на точно такой же уступ.

Вцепившись, перенёс ногу на подоконник и повис между квартирами. Переводя дух, я прижался лбом к нагретому солнцем бетону, а в кухне, шаркая из угла в угол, бабулька сомнамбулически нашёптывала древнее ведическое заклинание "варенье-варенье, оладушки-оладушки". Я откинулся назад, напрягся и рывком перешагнул на подоконник.

– Ну что, Алекс, первое боевое задание удалось!

Присев на корточки, я протянул ладони, и он несколько раз хлопнул по ним своими ладошками.

– Теперь оперативно собираемся, и нас ждут гонки с препятствиями, – я потрепал

его по волосам.

Не находя слов, Алекс энергично закивал и помчался за вещами. Я быстро разобрался с заевшим замком, убедился, что ничего не забыто, и мы выбежали из дома. Ступни ощутили булыжную кладку моста, и я понял, что совсем забыл про ботинки.

– Стой тут, держи круговою оборону, – вручив мальчику ранец, я кинулся обратно.

* * *

Выехав, связался со Стервой и попросил обсудить с водителем остановку в одном из ближайших пригородов. Она свирепо посопела в трубку и отключилась. Я стал перебирать в GPS возможные варианты маршрутов. Алексу нравилось следить за нашими манёврами по движущейся карте. Минуя стороной запруженные районы, мы выбрались на магистраль и теперь неслись над городом по шестиполосной навесной трассе, лавируя в плотном потоке машин.

Спустя сорок минут на придорожной стоянке появился автобус. Завидев надпись "Бейкерсфилд", Алекс вприпрыжку бросился навстречу. Дверь с гидравлическим шипением отъехала, и он стал карабкаться по крутой лестнице. Сверху с молчаливым укором взирала Стерва. Её так и подмывало улыбнуться, чтобы снять напряжение, но она старательно держала марку. Я усмехнулся, передал рюкзак и пожелал счастливого пути.

* * *

Не застав Иру за прилавком, я двинулся вдоль стеллажей, и у секции изданий в пёстрых обложках услышал знакомый голос. Выглянув из-за спины расфуфыренной клиентки, отвесил шутовской поклон и жестами показал, что буду наверху.

До закрытия оставалось около получаса. Купив кофе в закусочной за углом, выбираюсь на крышу по служебной лестнице. Усевшись поудобнее, прислоняюсь к стене вентиляционной шахты и неспешно скручиваю косяк. Вечереет. На западе полощется пурпурное зарево, и косые лучи отбрасывают длинные тени, обрывающиеся в провалах между домами.

Когда я вернулся, Ира, деловито цокая каблуками, циркулировала по опустевшему магазину, приводя в порядок отбракованные покупателями издания. Наткнувшись на название "Обольсти меня на рассвете", я воздел руку и театрально уставился в общепринятом направлении всего вечного и прекрасного.

– Ты меня на рассвете разбу-удишь. Проводи-ить не-о-де-та-я вый-дешь, – дурным голосом завыл я и, приобняв, сделал вальсирующий шаг, разворачивая её в танце. – Ты меня, никогда-а…
– Спасибо. Я так переживала… – нежно произнесла она, откладывая книги. – Ты мой рыцарь.
– Да, я мега-монстр, – задрав подбородок, я скрестил руки на выпяченной груди. – Пределы моей неописуемой крутизны не ведают границ!
– Пределы не ведают границ? – она насмешливо вскинула бровь.
– Ага, – я с достоинством кивнул, – именно так.
– Илья, кончай дурачиться.

Я сурово нахмурился и вновь приблизился к ней.

– А вы, мадемуазель, ещё должны кое-что разъяснить. Признавайтесь, доктор Фуфелшмерц, кто такой?

* * *

– В таком виде я никуда не пойду, – безапелляционно объявила Ира в ответ на моё предложение где-нибудь поесть.

Несмотря на протесты и заверения, что лучшего вида быть просто никак не может, мы поехали к ней домой. Пока она прихорашивалась, я накурился на уже знакомом нам балконе и, выйдя на поиски своей красавицы, застал её, разумеется, в ванной.

Ввалившись туда, я некоторое время наблюдал за тем, как она сосредоточенно прорисовывает какой-то неуловимый оттенок.

– Ира, идём, ты уже и так невыносимо прекрасна, – взмолился я, пытаясь оттащить её от зеркала.
– Не мешай, – высвобождаясь, отрезала она.

Я принялся нести какую-то чушь о том, что ценю естественную красоту, и этот боди-арт совершенно излишен, но она отбрила меня, заявив, что я ничего не понимаю, и со смехом вытолкала за дверь.

– Кстати, – послышалось изнутри, – я стащила для тебя Платонова.
– Где?!

* * *

– Иль-я-а… – видимо, уже не в первый раз звала Ира.

Я не без труда оторвался от чтения, и мы отправились в рыбный ресторан. На мой вкус, место оказалось слишком помпезным, но Иру это нисколько не смутило, наоборот, она наслаждалась и роскошью обстановки, и изысканной манерой обслуживания. Чопорный официант являлся точной, лишь едва уменьшенной, копией метрдотеля, царственно дефилирующего в отдалении. Поначалу он забавлял своим многословием, но вскоре назойливый сервис меня утомил. Между переменой блюд была церемонно подана бледно-зеленоватая субстанция в конических бокалах на высокой ножке.

– Сорбе – замороженный десерт из сахарного сиропа, шампанского и фруктового сока, – с видом греческого оракула провозгласил официант. – Этот так называемый прохладительный напиток, пришедший в XVI веке из Древнего Китая через Персию и Османскую империю, на сегодняшний день бесспорно является неотъемлемой частью европейской кухни.

Я откашлялся, разгладил салфетку и подчёркнуто высокопарным тоном попросил внести канделябры. Не меняясь в лице, павлин во фраке извинился и взялся объяснять, что канделябры, увы, не вписываются в тематику их интерьера. Это стало последней каплей. Сначала нам удавалось сдерживаться, но к середине повествования мы уже покатывались со смеху, что не помешало ему завершить свою речь.

Впрочем, намёк был истолкован верно, и он удалился с видом оскорблённого в лучших чувствах аристократа, а Ира продолжила рассказывать истории из институтской жизни. Она училась в России на гуманитарном факультете, но её воспоминания во многом смахивали на мои собственные годы студенчества. Засидевшись допоздна, мы вдоволь нахохотались и вкусно поужинали. Это был первый вечер, когда не надо было никуда спешить, и впереди нас ждал ещё весь завтрашний день.

Добравшись ко мне домой, мы набрасываемся друг на друга прямо с порога. Долго сдерживаемое желание стремится наружу, захлёстывая нас обоих. Петляя в складках ткани, играя в прятки в застёжках и пуговицах, мы с азартом кладоискателей рвёмся к заветной цели. На мгновение я отстраняюсь и смотрю в Ирины ошалевшие глаза. Путаясь в полусодранной одежде, мы добираемся до спальни и падаем в постель. Так нисходят с горных вершин снежные лавины. Так в безмолвной красоте Антарктиды откалываются от шельфовых ледников и рушатся в океан величественные айсберги. Так на фоне багряного неба испепеляя всё на своём пути, растекаются огненные реки лавы.

Насытившись до изнеможения, мы тихо лежим и слушаем, как за окнами, расплёскивая мерный шелест листвы, пробуют голоса просыпающиеся птицы, а потом долго болтаем о всякой всячине, пока Ира, уморённая долгим днём, не начинает дремать.

Мне же не спится. Минуя гостиную, где сквозь неплотно прикрытые шторы уже пробиваются солнечные лучи, я иду на улицу и сажусь в тенёк, наслаждаясь утренней прохладой. Покурив, щурясь на новый день, заползаю под одеяло, прижимаюсь к Ире и быстро засыпаю.

* * *

Сморщившись от яркого света из настежь распахнутых окон, я останавливаюсь на пороге спальни, потирая заспанные глаза. Обычно в моей квартире даже днём царит полумрак. Ира, подобрав ноги, сидит в большом старом кресле.

– Доброе утро, соня, – она отложила книгу и потянулась. Расстёгнутые рукава моей рубашки съехали, обнажая её острые локти.
– Нам… ээ… труженикам хай-тека, категорически противопоказано… – я зевнул. – Категорически противопоказано…
– Умничать, особенно спросонья. Это пагубно влияет на кислотно-щелочной баланс, и в целях профилактики придётся оставить тебя без завтрака.

* * *

День выдался на удивление жаркий. Когда спал полуденный зной, мы отправились на дикий пляж в Малибу. Берег был пустынен, и только сёрферы, похожие издали на стаю пингвинов, плескались, поблёскивая на солнце мокрыми костюмами.

Раскинувшийся на склоне городок окаймляла широкая полоса деревьев. Прибрежный район опрятных домиков утопал в зелени, покрывающей почти весь, далеко выдающийся в море, мыс. Было как-то по-неземному спокойно и тихо. Крупные чайки прохаживались вдоль кромки прибоя, важно шлёпая перепончатыми лапами по мокрому песку. Когда солнце скрылось за холмами и стали сгущаться сумерки, мы двинулись к машине.

Приходилось спешить, Стерва несколько раз звонила сообщить, что они уже в пути. По дороге я исподволь наблюдал, как Ира постепенно преображается, возвращаясь к повседневным хлопотам занятой женщины и матери. Мы забрали Алекса, я отвёз их домой и отправился к себе.

* * *

Вернувшись, я остро ощутил, как давно не накуривался – аж со вчерашнего дня, можно сказать, целую вечность. Достав свежую пахучую траву, с удовольствием вдохнул любимый запах. Растабачил сигарету, мелко накромсал дурь и неспешно скрутил длинный тонкий косяк. Завалившись в кресло, пошарил по карманам в поисках зажигалки. Не найдя, огляделся вокруг. Странно, ещё вчера зажигалки валялись повсюду. Я присмотрелся повнимательней и сообразил, что Ира навела порядок.

Курить хотелось невыносимо. Я вскочил и принялся наворачивать круги по квартире, разыскивая источник огня. Интересно, когда же она успела? Ну да, конечно, – пока я дрых. Эх, наверняка надо было как-то проявить внимание, выказать благодарность… Я, как дурак, бестолково метался взад-вперёд, в который раз проверяя одни и те же места. Куда же она их подевала? Порядок-порядком, но зажигалки-то в чём провинились?

Есть у женщин милая привычка – попав к вам домой и немного освоившись, они принимаются наводить этот самый порядок. Вдобавок они, как бы невзначай, забывают тут и там серёжки, кольца, заколки для волос, браслетики и тому подобные мелочи, понемногу заполняя своими запчастями совершенно неожиданные ниши вашего жилища. Так вот, "наваждение порядка" заключается в том, что, определяя места для вещей, женщины абсолютно не заботятся о том, чтобы поставить вас в известность об их новом местонахождении. Им даже в голову не приходит, что барахло не раскидано как попало, а уже давно имеет законное, проверенное жизнью место.

И вот вы, по уши облагодетельствованные, ощущаете себя в своём доме, как в гостинице, окружённые неопознанными объектами, расположенными в самых непредсказуемых местах. И никакой возможности ограничить или хотя бы умерить эти территориальные притязания не представляется. Ведь любая нормальная женщина, в своей наивности, искренне убеждена, что, наводя порядок, действует самоотверженно и творит добро.

Я подозреваю, что этот подсознательный механизм, выработанный тысячелетиями эволюции, направлен на порабощение мужского пола путём лишения самостоятельности, делая нас беспомощными перед лицом суровой бытовой реальности. Возможно, в этом и кроется истинная причина того, что женщины так тяготеют к порядку, особенно в домах своих возлюбленных.

Отчаявшись, я взял сигарету, вышел на улицу и, послонявшись минут пятнадцать, прикурил у какого-то парня. Вернувшись, зажёг косяк от тлеющего окурка и снова плюхнулся в кресло. Сделав пару глубоких затяжек, привычным движением

потянулся за пепельницей. Пальцы несколько раз сомкнулись и разомкнулись в пустоте. Я пошарил по столу. Пусто. Видимо пепельнице тоже была определена достойная позиция, и она канула в страну без вести пропавших зажигалок.

Глава 6

> Секретарь райкома отвёл глаза на маленькое окно гуртовой избы и что-то подумал о летнем дне, блестевшем за стеклом. Он вообразил красоту всего освещённого мира, которая тяжко добывается из резкого противоречия, из мучительного содрогания материи, в ослепшей борьбе, и единственная надежда для всей измождённой косности – это пробиться в будущее через истину человеческого сознания – через большевизм, потому что большевизм идёт впереди всей мучительной природы и поэтому ближе всех к её радости; горестное напряжение будет на земле недолго.
>
> Андрей Платонов

Спозаранку сердито урчащий Challenger, казалось, полностью разделял моё недовольство. В утренние часы первого рабочего дня терминал особенно запружен. Не найдя свободного места среди моря пластиковых стульев, я плёлся вдоль вереницы кафешек, где царил суетливо-озлобленный ажиотаж, кокетливо обёрнутый в служебные улыбки. Отыскав угол, наиболее отдалённый от этого безобразия, я уселся на пол, скинул лямку лэптопа и, прислонившись к стене, с облегчением прикрыл глаза.

Разноголосое бормотание толпы сливалось в давящий фон, изредка прерываемый объявлениями, раскатисто доносящимися из-под высоких сводов. Переплетаясь с окружающим гамом, всплывали обрывки прочитанного накануне. Так как в пятницу-субботу я бездельничал, вчера пришлось навёрстывать упущенное, и воскресный день прошёл за изучением документов и наработок Тима Чи.

Разрозненные фразы сменялись строчками кода и абстрактными моделями, которые удалось частично реконструировать из его логических нагромождений. Разум жадно вгрызался в детали, стремясь плотнее скомпоновать обособленные куски информации. Избранный Тимом ход мысли понемногу обретал ясные очертания. Я проверил время и попытался расслабиться, бережливо растягивая мгновения. Но новый проект уже завладел сознанием, и зарождающийся энтузиазм не давал отвлечься от вызова, брошенного моим аналитическим способностям. Это приятно будоражило. Слегка угнетали недосып и те самые десять утра, ни с того ни с сего выдуманные Ариэлем, но и с этим можно будет ужиться, привыкнув к новому распорядку дня.

Разобравшись с несколькими ускользающими деталями и окрылённый сделанными открытиями, я прибыл на работу в приподнятом расположении духа. В коридоре никого. Кимберли помахала через стеклянную перегородку, что-то

методично втолковывая телефонной трубке. Я покосился на закрытую дверь кабинета и, вздохнув с облегчением, вошёл комнату.

За столом, напротив моего места, я с удивлением обнаружил Ирис. Прежде мне как-то не приходило в голову задуматься, где она сидит. Я пробормотал приветствие и, преодолев секундную растерянность, стал расчехлять лэптоп и подсоединять провода. Закончив, плюхнулся на стул, откинул экран, и крышка ноутбука с сухим стуком упёрлась в её монитор. При виде моей сконфуженности она постаралась сдержать улыбку.

– Прости, – я подвинул лэптоп и принялся с преувеличенным тщанием настраивать угол наклона.

Ирис поправила очки, уголки её губ дрогнули, и, чтобы не смутить меня окончательно, поспешила отвести глаза. Я сосредоточенно нахмурился и включил компьютер. Много тут наработаешь, – думал я, ощущая острую нехватку личного пространства. Чтобы отвлечься, я откинулся и вытянул ноги, намереваясь, пока загружается система, непринуждённо уставиться в потолок. Однако не тут-то было: выпрямляясь, я случайно пнул её под столом. Ирис улыбнулась, не поднимая глаз. Это был уже перебор, захотелось пересесть, либо как-то отгородиться, но тут в комнату ворвался Ариэль.

– Илья, – выпалил он и умолк, словно забыв, что его сюда занесло.

Внезапное вторжение вывело меня из затянувшегося замешательства.

– Ты как? Всё нормально? – опомнившись, напористо проговорил шеф, явно подразумевая нечто большее, нежели мои личные дела.
– Да вроде…
– Идём, – он развернулся и вышел.

Ирис ободряюще кивнула, провожая меня сочувственным взглядом.

– Илья, что мы будем делать?

Ариэль взыскательно нахмурил кустистые брови.

– Простите, о чём, собственно, речь? – тактично осведомился я, гадая, за что на сей раз удостоен аудиенции начальства.
– Мы договорились. Причём заметь, я тебе ничего не навязывал. Обсудили и приняли решение по обоюдному согласию. Признаюсь, я разочарован. – Ариэль выдержал многозначительную паузу. – Это дело принципа. Соблюдение взаимных

договорённостей – основа здоровых рабочих отношений. В четверг мы…
– Но я же пришёл в десять! – выпалил я. – На час раньше, как вы и…
– Не в десять, а в начале одиннадцатого. Я специально ждал – тебя не было.

Я хотел возмутиться, но почувствовав, что шеф ещё только подбирается к пику своего выступления, потупился и благоразумно промолчал.

– Возможно тебе кажется, что точное время прибытия не так уж важно? – в исступлении бушевал Ариэль. – Ошибаешься! Напротив, это архиважно! В этом отражается всё твоё отношение к работе!

Ариэль взглянул на меня и, кажется, сам почувствовал, что перегнул.

– А как иначе?! – возмутился он. – С этого начинается рабочий день. Это базис. Основа. То, что ты проецируешь…

Шеф говорил. Говорил жарко и напористо, демонстрируя незаурядное красноречие и широкий спектр ораторских приёмов.

– Ариэль, в принципе, я полностью согласен, – осторожно вымолвил я, дождавшись конца его пламенной речи, – но в данном конкретном случае не в силах что-либо изменить. Есть расписание рейсов…

Зазвонил телефон. Шеф сорвал трубку и сделал предупредительный жест.

– Важный разговор, – прикрыв микрофон, он кивнул на дверь.

* * *

Скоропостижно вышвырнутый из кабинета начальника, я потоптался в коридоре и счёл наилучшим спуститься покурить и развеяться. У входной двери снял ключ с дощечки напротив комнаты Кимберли и инстинктивно взглянул в её сторону. Она игриво пошевелила пальчиками и произнесла одними губами "Ха-ай!".

Покурив, поднялся наверх, зашёл в туалет и вернулся в офис. Когда вешал ключ, дверь за моей спиной распахнулась. Я обернулся и прямо перед собой обнаружил Кимберли, со всеми прилагающимися выпирающими округлостями.

– Эй, а что ты так долго делал в туалете? – с обезоруживающей непосредственностью выдала она.

Нормальный ход, да?

– Вам нечем заняться? – сухо осведомился я.
– Ты чего? – Кимберли нелепо захихикала.

Интересно, она за всеми подмечает, кто сколько времени проводит в уборной, или один я удостоен столь высокой чести? Наверняка можно было свести всё в шутку, но я даже в шутку не заигрываю с женщинами, с которыми не планирую лезть в постель. Не из гуманности, а прежде всего, из соображений экономии жизненной энергии и душевной гигиены.

– Ты сегодня какой-то странный. Всё хорошо?

Не отвечая, я смотрел на неё в упор, пока идиотская улыбка не начала тускнеть. Отвернувшись, я зашёл в комнату, плюхнулся на стул и уставился в монитор, спиной чувствуя, что Кимберли всё ещё околачивается на пороге. Когда она свалила, я позвал Тима, и мы засели за его код.

За этим занятием пролетело пару часов. Закончив, я отправился в лабораторию, где провёл остаток дня, купая в аквариуме ультразвуковые сенсоры. В остальном ничего примечательного не происходило. Таня-Марина производила измерения для проверки моей гипотезы, Тим Чи заглядывал подсобить с настройками, да забегал взбудораженный Ариэль и устраивал проверки бдительности:

– Что делаешь?
– Опыты.
– Как идёт?
– Нормально.

Вечером, я вымыл аквариум и вернул утомлённые артерии в морозильник.

* * *

Во вторник я уже никуда не спешил и спокойно дожидался такси, прохлаждаясь в сторонке. Бегай не бегай, вовремя всё равно не успеть. Интересно, когда шефу наскучит устраивать утренние разборы полётов? По прибытии покорно проследовал в кабинет, внутренне готовый к очередной экзекуции.

– Не сейчас, – отмахнулся Ариэль.

Придя в комнату, я занялся кодом. С непривычки чертовски отвлекало лицо Ирис, маячившее над экраном. Задумываясь, я отводил глаза от монитора и наталкивался на неё. Чувствуя это, она насмешливо поглядывала на меня. Когда

настало время обеда, мы с Тимом, не сговариваясь, отказались и вернулись к обсуждению протоколов генератор-приёмника. В опустевшем офисе, где никто не рыскал и не врывался поминутно с вопросами, водворилась рабочая атмосфера, и мы быстро во всём разобрались, после чего Тим куда-то ушёл.

Оставшись один, я, наконец, приступил к настоящему делу. В первом приближении разобравшись в системе, не терпелось поэкспериментировать с фильтрами и исследовать несколько сформировавшихся идей.

– Ты куришь, верно? – войдя, Ирис остановилась подле меня.
– Угу… – пробормотал я, делая вид, что не сразу её заметил.

В этот момент я силился понять, почему мои фильтры урезают гораздо больший диапазон частот, чем предполагалось.

– О! Наконец-то я прекращу быть белой вороной, – обрадовалась она. – Идём вниз?
– Погоди минутку, у меня тут кое-что…

Я попытался наскоро проверить ещё два вертевшихся в уме варианта, но её присутствие мешало толком сосредоточиться. Через пару минут я махнул рукой, поднялся, и тут появился Ариэль:

– Как успехи на передовой науки и техники? – шеф аж лоснится от восторга. – Я говорил со Стивом, опыты ещё не окончены, но уже ясно, что ты оказался прав. Хвалю, отличная работа, – он энергично потряс мою руку и продолжил на одном дыхании. – Я занят по горло – встреча с инвесторами. Сегодня вы без меня, ребята. Дерзайте, мировая медицина смотрит на вас с надеждой и ждёт подвига.

Благословив нас в этакой своеобразной манере, он стремительно удалился.

– Давненько его таким не видела, – призналась Ирис, когда мы ехали в лифте. – Поздравляю.
– Мне просто повезло, – щеголяя показной скромностью, отозвался я.
– А как вообще у тебя с ним?
– С переменным успехом. Он мне каждый день устраивает… – я запнулся, подыскивая слово, – беседы. Вчера, к примеру, втирал об "обоюдном согласии".

Уловив заинтересованное выражение, я продолжил.

– Ты разве не в курсе, как выглядит обоюдное согласие в исполнении Ариэля? Он говорит – надо так и эдак. Я возражаю. Он настаивает, утверждая, что выбора нет.

В конце концов, я нехотя произношу – ладно. И вот, пожалуйста, обоюдное согласие состоялось.

Ирис рассмеялась, и, ободрённый её вниманием, я принялся повествовать о неразрешимой дилемме времени прибытия на работу и сопряжённых с ней утренних экзекуциях. Но торчать на солнце было жарковато, и нам пришлось прерваться. Она вернулась в здание, а я отправился обедать. Я шёл, поглядывая по сторонам, радуясь возможности разведать окрестности. Когда-то я учился неподалёку и нередко гостил у знакомых, живших в частных домиках американской мечты с газончиком перед парадной, мощёной дорожкой, стоянкой у ворот гаража и непременным бассейном на заднем дворе, где осенью плавают опавшие листья, и никто никогда не купается.

Спальные районы утыканы этими штампованными мечтами, расставленными вдоль улиц, дробящих окраины на прямоугольные секции. В деловой части города всё иначе. Реставрированные дома перемежаются постройками современного стиля с зеркальными стёклами, забранными матово поблёскивающим алюминием. Большинство зданий невысокие, в несколько этажей, и далеко отстоят друг от друга, создавая ощущение лёгкости и простора. Мерно клацая, проплывает белый трамвай. По краям широких тротуаров – деревья, их кроны смыкаются, нависая над проезжей частью. Облицовочный камень подходит вплотную к стволам, и кажется, что деревья воткнуты в гранит.

Шагаю мимо парка, рабочие в ярких жилетах красят детскую площадку. Свежая краска играет на солнце. Миновав несколько кварталов, натыкаюсь на симпатичный ресторанчик и, сдёрнув солнечные очки, вхожу внутрь.

* * *

Эксперименты с алгоритмом не увенчались ничем, кроме осознания, что уже ничего толком не помню о дизайне цифровых фильтров. Пошатнувшаяся самоуверенность и покрывшие добрую часть стола распечатки – свидетельства неудачных попыток, лишь усиливали раздражение. Я погрузился в интернет, спеша освежить память, и вынырнул, когда времени оставалось совсем впритык. С досадой скомкав распечатки, вызвал такси, пробежал по комнатам, вырубил свет и кондиционеры, включил сигнализацию и стал запирать дверь.

– Стой! Илья! – приглушённо послышалось издалека. – Погоди, не закрывай.

Я различил гулкий топот, а потом и взбегающего по лестнице Ариэля.

– Хорошо, что застал, – выпалил он, труся навстречу с неподражаемым

гиппопотамьим изяществом и шумно отдуваясь. – Забыл ключи внутри.
– Мне пора, – я невольно улыбнулся, распахивая перед ним дверь. – До завтра, Арик.

И тут же машинально отметил это "Арик", вырвавшееся случайно и давшееся так естественно.

* * *

В среду в самолёт набилась пёстрая группа тинейджеров, самозабвенно галдевших, силясь перекричать друг друга. О сне не могло быть и речи, и я попытался отвлечься, отыскав джазовую радиостанцию. Но куда было меланхоличному трио справиться с этим неукротимым буйством.

Едва за мной захлопнулась входная дверь, Ариэль возник на пороге кабинета и строго потребовал проследовать к нему. Я положил вещи, обменялся молчаливым взглядом с Ирис и вышел в коридор.

– Так продолжаться не может, – с ходу завёлся он.

Я закрыл дверь и сел.

– Илья!
– Да?
– Так не может больше продолжаться.
– Не может.
– Ты должен прекратить опаздывать.
– Это зависит не от меня.
– Мне надоели твои отговорки!
– Ариэль, пойми, самолёт ровно раз в час. Прилетает без четверти. Неважно, без четверти десять или без четверти одиннадцать. Ещё минут двадцать на такси. Это в лучшем случае. Плюс очередь, пробки…
– Но ведь на прошлой неделе ты пришёл вовремя.

Пришлось объяснять, что рейс прибыл раньше, и всё так сошлось совершенно случайно. При этом, Ариэль смотрел на меня с лёгкой брезгливостью, будто на отпирающегося воришку, пойманного с поличным.

– О'кей, о'кей, – замахал он руками. – И что нам делать?
– Предлагаю договориться, что я прихожу в десять десять, а лучше в десять пятнадцать. Чтобы непредвиденные задержки…
– Нет, это несерьёзно, – отрезал Ариэль.

– Почему?

Он сгрёб подбородок и погрузился в размышления.

– Да, совершенно несерьёзно, – повторил он спустя пару минут. – Ты обязан приходить вовремя.
– Ариэль, неважно что мы решим, авиакомпании не изменят расписание.
– Это твоя проблема, возьми ответственность и прими меры.
– Но самолёты не начнут летать быстрее… дорога до аэропорта не станет короче, и что бы я не делал, в ноль-ноль никак не получается и вряд ли когда-нибудь получится.
– Это недопустимо. Я приверженец пунктуальности и не могу делать вид, что не замечаю четвертьчасового отклонения от графика. – Он обвёл комнату страдальческим взглядом. – Пару минут я бы ещё мог простить, но пятнадцать…

Я хотел возразить, но он остановил меня, резко вскинув правую руку.

– Преступно тратить драгоценное время. Мы договорились, обсудили – ты согласился. Теперь твой долг найти решение.

Я развёл руками и молча дождался, пока иссякнет новый каскад обвинений. Выговорившись, он рассеянно осведомился, как я продвигаюсь, и, не дослушав, выпроводил вон.

* * *

Ирис встретила меня долгим понимающим взглядом, от которого я ещё больше обозлился.

– Идёшь обедать? – спросила она через некоторое время. – Мы сегодня пораньше. У меня встреча с врачами.

Она занималась медицинскими аспектами и опытами в больницах. За едой разговор зашёл о телесериалах. Я погрузился в мрачную рефлексию, смакуя задевшие меня обороты из утреннего разговора. Неожиданно, повинуясь женскому инстинкту заботы о сплочённости общественной ячейки, ко мне обратилась Татьяна, стремясь во что бы то ни стало приобщить отколовшуюся единицу.

– Илья, а ты какие сериалы смотришь? – она глядела на меня широко распахнутыми очами, светящимися стеклянной синевой.
– У меня нет телевизора, – я угрюмо проглотил недожёванный кусок.
– Как это?! – её глаза раскрылись пуще прежнего.

– Представляешь?! – это неподдельное изумление меня развеселило.
– Нифига себе! А как ты отдыхаешь? – продолжала недоумевать она, не улавливая иронии.
– В смысле? Как одно связано с другим?
– Не, ну как же… – не найдя слов, она осмотрелась кругом, ища поддержки.

Ирис со Стивом переглянулись, сдерживая улыбки.

– Я прихожу домой, – Таня-Марина независимо повела плечами, – и мне по-любому надо час-другой поваляться перед теликом, расслабиться, прийти в себя.
– И что? По-твоему, это единственный способ?

Осушив остатки колы, я поставил бутылку на стол и крутанул. Тут важно точно рассчитать силу, и тогда, вращаясь и раскачиваясь, она сохраняет динамичное равновесие, касаясь поверхности лишь в одной точке. Татьяна набрала побольше воздуха, чтобы ответить, но фокус сбил её с толку. Замерев, она заворожённо следила за крутящейся бутылкой, производившей пупырчатым донышком быстрый рассыпчатый стук. Канал переключился, телевизоры были забыты.

– Честно говоря, у меня тоже до недавнего времени не было телевизора, – сказал Стив, когда стук стих и номер был окончен, – но потом появились дети и пришлось купить.

Оторвавшись от застывшей ёмкости, Таня-Марина выпучилась на него, не в силах снести такого вероломства. Она так и не смогла оправиться, и разговор плавно перетёк на Ариэля. Судя по всему, эта тема обещала стать неотъемлемым блюдом наших обедов.

Внезапно все притихли, но я, не обратив внимания на смену атмосферы, продолжал распинаться, увлечённо жестикулируя. Ирис дёрнула меня за рукав и указала глазами за спину. Я обернулся и увидел Кимберли, вошедшую в кафе вместе с Ариэлем. Они прошествовали мимо, и офис-менеджер одарила всех обворожительной улыбкой, а Ариэль, следуя за ней, как телок за маткой, сделал вид, что нас не заметил.

* * *

Очередное утро не обошлось без традиционного рандеву в кабинете начальника. Шеф был хмур и озабочен больше обычного. Мы помолчали. Я ждал дежурного вопроса, но Ариэль погрузился в себя, словно забыв о моём присутствии.

– Нашёлся подходящий лэптоп, – решил начать я. – Видел мейлы? Я выслал

спецификациями.
– Угу… – рассеянно промычал Ариэль и снова умолк.
– Что думаешь?
– А чем, собственно, тебе не нравится тот, что я выдал?! – вскинулся он.

Такой поворот был полной неожиданностью. Дав это задание, Ариэль настырно интересовался продвижением, поторапливая оформить заказ.

– Так чем же плох твой лэптоп? – настаивал шеф. – Превосходная машина. Для твоих нужд – вполне достаточно.

Я хотел напомнить, что поручение исходило от него самого, но предпочёл воздержаться, рассудив, что это может послужить поводом для очередного препирательства, в итоге которого я, как пить дать, окажусь кругом виноват. Поползновения завладеть инициативой при общении с начальством чреваты пагубными последствиями. Решив впредь не предпринимать активных действий, я с горечью вспоминал, сколько времени было потрачено на поиски в интернете, сравнение конфигураций и консультации со знакомыми.

– Ещё раз всё обмозговав, я начинаю склонятся к мысли, что такими темпами мы не сдвинемся с мёртвой точки. Ты приходишь в начале одиннадцатого, – с выражением стоического терпения, Ариэль затянул утреннюю мантру, – мы обсуждаем насущные вопросы, и ты отправляешься на обед. Так проходит половина дня. Это неприемлемо!

К концу стоицизм выветрился без остатка, и он, в излюбленной манере подкреплять умозрительные тезисы звуковыми эффектами, шандарахнул ладонью по столу.

– А потому я вижу единственное возможное решение – ты должен приезжать раньше. Говоришь – рейс раз в час, так вот…

Он что, совсем рехнулся?! Я и так встаю в полшестого. Тем временем начальник яростно аргументировал свою новую блажь.

– Ариэль, мы договорились на десять, – дождавшись, когда он заткнётся, сдавленно произнёс я. – Ты сказал, что, единожды решив…
– Знаю, – мужественно восстановив самообладание, проговорил он. – Но это общепринятая конвенция. Ты работаешь в коллективе и обязан соответствовать установленным нормам поведения.
– Послушай, если проблема действительно в дообеденных часах, может, прекратим эту каждодневную утреннюю грызню?

– Утром мы обсуждаем текущие задачи и со временем, когда ты полноценно вольёшься в производственный процесс, эти встречи станут ещё важнее.
– Хорошо. Тогда, давай я буду обедать позже, или раньше, как угодно. Всё равно, я работаю один! И, в конце концов, мы договорились. Ты хотел в десять – я прихожу в десять. Мы до-го-во-ри-лись.

Он схватил ручку, покрутил, нервно пощёлкал кнопкой, разглядывая выскакивающий стержень, и отложил.

– Оставим пока всё как есть, – пробурчал он исподлобья. – Больше не задерживаю.

* * *

После утренних выяснений отношений сложно сосредоточиться. Всякое желание что-либо делать пропадает. Когда я выхожу из кабинета, споры продолжаются в моей голове. Я изыскиваю и эффектно вворачиваю новые, всё более и более убедительные аргументы, и, подавленный их мощью, начальник смиряется, признавая мою несомненную правоту.

В очередной раз разгромив Ариэля, я успокаиваюсь и принимаюсь за дело. Сегодня можно обойтись без Тима. Изучив основные блоки программы, я взялся за эксперименты и к вечеру успел проверить несколько возможных дополнений. Ирис не было, и меня ничего не отвлекало. Даже Ариэль не дёргал своими визитами и звонками. Обычно он звонил минимум раз пять на дню. При этом мы находились на расстоянии трёх метров, и сквозь тонкую гипсовую перегородку его было слышно почти так же хорошо, как в динамике телефона, что создавало интересный стереоэффект.

После обеда заявилась Кимберли, встала руки в боки, и завела шарманку с "как дела?", "как я себя чувствую?", "как, да почему я выгляжу, как я выгляжу?" и "славно ли мне спится по ночам?". Я отвечал неохотно, всем видом давая понять, что её присутствие меня тяготит.

– Ты не заболел? – участливо поинтересовалась она. – Неужто о тебе некому позаботиться?

Интересно, что для своих рейдов она выбирала исключительно те моменты, когда Ирис поблизости не было. Позакидывав удочки, она удалилась несолоно хлебавши. Я поёжился. Эта сладкая парочка – Ариэль с Кимберли, меня доконает.

Вечером нагрянул не на шутку всполошённый шеф.

– Илья! Хочу, чтобы завтра же ты принялся составлять план проекта локализации стенок сосуда. Необходимо переделать всё с самого начала и разработать новые методики. – Он стиснул кулаки. – Ты наверняка заметил: программа, написанная Тимом, – лишь упрощённый вариант, функционирующий исключительно в идеальных условиях. Времени мало, а ставки высоки. Я верю, что ты приложишь все усилия, чтобы найти оптимальное решение.

Я законспектировал его требования в новенькой рабочей тетради.

– Хорошенько продумай сроки. Напиши черновик, в понедельник обсудим.

Я кивнул и для вида пририсовал ещё закорючку. Ариэль продемонстрировал большой палец, лихо махнул и вышел. Только я вернулся к работе, раздался звонок.

– Совсем забыл: перед уходом набросай план на завтра.
– Разумеется.

План составления плана? Этот процесс предстал предо мной во всём блеске своей сюрреалистичности, и я узрел гипнотизирующую картину зацикленной на самой себе, рекурсивной конструкции.

Отогнав завораживающий образ, я открыл почту и настучал:

План на 22.05.2015

Разработка плана проекта локализации стенок.

Ключевые пункты:

1. *Характеристика основных этапов.*
2. *Прогнозирование сроков.*
3. *Составление первоначального наброска.*

Глава 7

> Женщины от безысходности и трагизма заламывают руки, закладывают за воротник и рвут в клочки последнее бикини.
>
> Владимир Свержин

Отоспавшись, я выбрался в гостиную и плюхнулся в кресло перед компьютером. Позёвывая, потянулся за сигаретами. Замерцали мониторы, и электронная почта услужливо сообщила о новом письме. "Доброе утро, Ариэль", – ухмыльнулся я, машинально отмечая, что мейл получен в 10:01 и, вероятно, отнюдь не случайно. Подобрав босые ноги с прохладного пола, я принялся читать:

from: ariel.drillig@biospectrum.com
to: ilya.dikovsky@gmail.com
date: 22.05.2015
subject: Workplan[17]

Доброе утро, Илья!

Хочу обозначить твою основную цель…

Забавное начало. Действительно, пора определиться в этом животрепещущем вопросе. Найдя зажигалку среди хлама, скопившегося за последнюю неделю и придавшего моему жилищу более привычный вид, я закурил и продолжил:

…цель – детекция поверхности сосуда.

А именно: по истечении семи месяцев, ты продемонстрируешь детекцию стенок кровеносных сосудов с помощью собственной программы, используя…

Бла-бла-бла… я потёр воспалённые веки, так… О! Вот:

Разработка первичного варианта заняла почти год, но у Тима не имелось соответствующего опыта. У тебя он есть, и потому это не должно составить труда, но делая скидку на то, что сегодня требуется реализовать широкий спектр дополнительных возможностей, я, идя тебе навстречу, выделяю предостаточный период времени. Итак, в вышеуказанные сроки необходимо переделать существующее, а также разработать компоненты для новой функциональности, оговорённой на прошлой неделе. В понедельник к

[17] Workplan – план работы.

полудню хочу видеть на своём столе подробный план проекта, ориентированный на то, чтобы сделать возможным достижение этой цели!

Прилагаю workplan Тима. Он его осуществил.

Последняя фраза казалась довольно странной, но, открывая документ, я начал догадываться, что имелось в виду. Текстовый редактор подвисал, и я с недоумением следил, как в углу бежали цифры. Наконец файл полностью открылся и высветилась надпись – страница: 1 из 56. Забыв о тлеющей сигарете, я ошарашенно листал это монументальное творение. Ничего подобного мне видеть ещё не доводилось. Придя в себя, я сдул упавший пепел и вернулся к письму:

Уточнение: ты не обязан составлять точно такой же документ, но план должен быть достаточно доскональным.

В течение первой недели можешь консультироваться с Тимом и, в случае надобности, ты также можешь…

Следующие пять абзацев посвящались тому, что можно и что "неможно". В общей сложности текст занимал три экрана. Заканчивалось послание так:

Дополнительные соображения относительно графика, сроков либо этапов проекта представишь в ближайший понедельник.

Хороших выходных, Ариэль.

К слову о выходных и планах, на сегодня у нас были намечены свои далеко идущие, а точнее едущие, планы. Ира давно хотела сводить Алекса в музей науки и техники и недвусмысленно намекнула, что моё присутствие крайне желательно. Принудительность участия в семейном мероприятии вызывала смешанные чувства. Впрочем, это предстояло чуть позже, а пока было самое время вернуться к шедевру восточного канцелярского творчества.

Вновь открыв документ, я просмотрел введение, привольно раскинувшееся страниц на пять. Потом двухстраничное оглавление. Перелистнув дальше, наткнулся на заглавие "Этап 01-А" и стал читать.

Тим счёл нужным предварить основную часть коротким описанием целей проекта и сжатым пересказом вступления. Покончив, он принялся за подготовку лабораторного опыта. Я воспрял духом, решив, что наконец добрался до сути, но не тут-то было. Первая страница посвящалась инвентарному реестру, потом, как река весенним половодьем, расплылось пространное повествование о том, как

Тим Чи намеревался настраивать генератор-приёмник, затем неспешно потекло сказание об осциллографе. На отдельной странице красовалась общая схема вышеописанного с многочисленными сносками и пояснениями. В заключение приводился перечень пунктов и подпункт "Этапа 01-А", прилежно разделённых на категории и подкатегории.

Описывался каждый этап: "Вышеозначенный кабель 33-827-54 непосредственно подсоединяется к соответствующему…". Каждый провод был пронумерован семизначным числом. Почему семизначным, когда их во всей конторе от силы сотня-другая? Должно быть, видя себя первопроходцем будущей транснациональной корпорации, Тим мыслил масштабно. В таком ракурсе скрупулёзность его детища приобретала новый, возвышенный смысл. Тим Чи созидал сакральный документ, скрижали, краеугольный камень, выковывая в поте лица и мучении мысли, становой хребет ультразвуковой диагностики на благо грядущих поколений.

Я пролистал остаток рукописи. Дальнейшее не уступало уже прочитанному в маразматической дотошности. Это ж надо такое удумать… "Он его осуществил". Вот это да! Не человек – человечище, я бы даже сказал инженерище мирового размаха. Тим Чи предстал пред моим внутренним взором многоликим идолом, эдаким диковинным воплощением хайтековского Шивы.

Он выхватывал из окружающего ореола провода, и, осенённые священным сиянием, они принимались искриться и срастались сами собой. Напряжением мысли сотворял из пустоты космического пространства инновационные сенсоры и с ходу калибровал их усилием божественной воли. Он вычислял, замерял, проверял и попутно всё въедливо документируя, где-то за кадром, свободной конечностью выстукивал подробные мейлы Ариэлю, неукоснительно соблюдая сроки, исчерпывающе удовлетворяя корпоративные нормы и взаимные договорённости.

Сознание собственной ничтожности пред лицом явленного чуда пробудило острый позыв накуриться. Я нашарил в глубине ящика жестяную коробочку. Надрезав скальпелем две сигареты, высыпал и тщательно размял. Затем собрал табак пирамидкой и принялся мелко кромсать цветок, густо покрытый пыльцой и поблёскивающий капельками клейкого масла. Кстати, были же какие-то таблицы… ну-ка, ну-ка, чем ещё нас порадует Тим…

Интересно сколько времени он ухлопал на эту писанину? Вспомнив о времени, я сунул в зубы недокуренный косяк и глянул на часы. Приходилось спешить, чтобы успеть что-нибудь пожевать перед наукой.

* * *

Выскочив из машины, Алекс хватает нас за руки, разбегается, прыгает и поджимает ноги. Мы подбрасываем его, и он пролетает несколько шагов, заливисто хохоча.

– Ещё! Ещё! – кричит он. – Раз, два, три!

И он снова летит. И от этой незамысловатой игры становится как-то по-особому солнечно и тепло на душе. Это мне, мне, в последние годы повадившемуся выбираться из дома преимущественно после наступления сумерек и прожигавшему ночи на давно опостылевших альтернативных вечеринках. На этом ристалище лицемерия, псевдоконтркультуры и показного веселья, маскирующего душевную пустоту, безысходность и заурядный разврат. Где каждый, подспудно ощущая всю мерзость этого мясокомбината, пытается поскорее обдолбаться всё возрастающими дозами наркотиков, чтобы не выпасть из ритма и храбро скалить зубы в ответ на такие же фальшивые улыбки окружающих.

– Ещё, мама, ещё! – кричит Алекс. – Раз, два, три!

И я, давно отвыкший от дневного света, неожиданно остро и полно ощущаю каждое мгновение, каждую мельчайшую деталь. Хочется целиком раствориться в этой игре, в этой улице, деревьях, растущих вдоль тротуара, и в тёплом ветре, полном сладких запахов позднего цветения. Алекс заражает нас своим весельем. Мы смеёмся, как дети, и я тону в Ириных глазах, которые светятся настоящим чистым счастьем.

Продолжая держаться за руки, мы подходим к стойке продажи билетов.

– Здрасьте! – обращаюсь я к освободившейся девушке.
– Добро пожаловать! – она поднимает глаза, и, кажется, наше настроение передаётся ей. – Хотите сделать семейный абонемент?

Мы с Ирой переглядываемся.

– Вы вместе? – решает уточнить она. – Это ваш ребёнок?
– Да, в каком-то смысле, – я делаю уклончивый жест. – Это моя подруга, а это её сын.
– Прекрасно. Пожалуйста, он вам поможет, – скрыв игривый смешок, она кивает Ире на парня за соседней кассой, который тут же начинает что-то бодренько втирать на тему скидок для детей и их родителей.

Я делаю поползновение переиграть весь этот расклад, но Ира, смерив взглядом не в меру прыткую девицу, даёт понять, что разберётся сама.

– Почему бы вам не взять студенческий абонемент? – тем временем стрекочет молодая кассирша. – Представляете, это даже дешевле, чем обычный билет!

Я не возражаю, видимо, образ вечного студента прилип ко мне намертво.

– Пожалуйста, вашу карточку.
– Вы знаете… я оставил её в библиотеке.
– Ничего страшного.

Оформляя бланки, она то и дело кокетливо улыбается, но я не поддаюсь на провокации. Ира уже расплатилась и пристально наблюдает за нами со стороны. Наконец заполнение бумажек окончено, абонемент заботливо вложен в рекламный буклет, и мы направляемся к входу.

– Ох, Илья-Илья! – усмехается Ира, качая головой и потешно хмуря брови.
– А что? Я, кажется, вёл себя вполне прилично…
– О да, буквально монахиня-молчальница, скромна и недоступна. Само воплощение целомудрия.

* * *

Экспонатом, безраздельно поглотившим внимание Алекса, оказалась немецкая подлодка, захваченная в ходе Второй мировой. "Крушение Титаника послужило импульсом к развитию эхолокации на флоте. В 1915 году появилась одна из первых ультразвуковых систем для обнаружения подводных лодок", – прочёл я на сопутствующем стенде. Это заинтриговало Алекса, и я разразился целым панегириком ультразвуку, а потом добавил, что у летучих мышей есть похожие штуки для ориентации в темноте. Алексу очень понравилось, и он заявил, что тоже хотел бы так уметь.

– Кстати, примерно этим я и занимаюсь на работе.
– А что ты делаешь? – с готовностью подхватил он.
– Я… да преимущественно ругаюсь с начальником. Точнее – меня ругают, а я поддакиваю и вежливо улыбаюсь.

Ира расхохоталась.

– Нет, ну, если действительно интересно, я, так и быть, открою тебе этот секрет, – прошептал я таинственным тоном. – Только учти, это коммерческая тайна, так что

никому ни-ни.

Дальнейшая экскурсия проходила под знаком моей работы. В павильоне, посвящённом медицине, я поведал Алексу о сердце и системе кровообращения.

– Вот смотри. – Забравшись в громадный макет, мы стояли внутри левого предсердия. – Допустим внутри есть зловредная опухоль, условно назовём её выхухоль. И мы хотим её извести. Но важно не повредить поверхность, покрытую нежной кожей, – я провёл ладонью по стенке миокарда. – Резать нельзя. Что же делать?
– Лазером, можно лазером.
– Верно, лазер – вполне недурственный вариант. Мы делаем ультразвуком, но это похоже. Однако, вот в чём загвоздка: лазер прожжёт всё на своём пути. Как же быть?

Алекс пожал плечами.

– Элементарно. Делаем так: берём много слабых излучателей и расставляем вокруг, – для наглядности, я продемонстрировал расположение. – Все они направлены в одно место, так чтобы лучи, пройдя сквозь разные точки поверхности и не повредив её, собрались вместе и внутри получился сильный луч, достаточный для того, чтобы выжечь эту гадость. Капиш?[18]
– Капиш, – он несколько раз заворожённо кивнул. – Это как с линзой?
– О, точно! Когда подносишь пальцы вплотную к стеклу, лучи еле греют, а там, где они встречаются, бумага загорается. Ты ещё обжёгся, помнишь?
– Да, да, но мне было не больно.
– Ага, так вот, тут то же самое. Наша компания пытается сделать такую же штуковину с ультразвуком, – проговорив это вслух, я сам поразился, как всё просто. – А хочешь, ещё кое-что покажу?
– Хочу-хочу.
– Гляди, мы только что видели фильм о том, как работает сердце.

Алекс снова кивнул.

– Но ведь оно работает по-разному, когда спишь, оно бьётся медленно, а когда бежишь – быстро, и ты чувствуешь стук в ушах. Во-о-от… Но сердце само не решает, в него поступает сигнал из спинного мозга, дающий команду сжиматься и разжиматься. Однако бывают болезни… скажем аритмия, когда что-то в этой системе нарушается. Взять хоть…
– Илья, идём, – не выдержала Ира, притомившись от нескончаемых лекций. – Ты

[18] Капиш? – Понял? Усёк? – Словечко из фильмов про американо-итальянскую мафию ("Крестный отец", "Клан Сопрано" и т.п.).

ребёнку совсем голову задуришь
– Нет, мама, я хочу! – заканючил Алекс.

Я бросил на неё победоносный взгляд и продолжил.

– Взять хоть эти сосуды. По ним из лёгких поступает обогащённая кислородом кровь, – я встал на цыпочки и дотянулся до отверстий в верхней части. – Но иногда, не важно почему, через них приходит примерно такой же сигнал и тоже даёт команду сокращаться. Как думаешь, что произойдёт?
– Что? – растерялся Алекс.
– Да сердце просто путается. Не знает, что делать и начинает мельтешить, трепыхаться и может захлебнуться.

Ира прислонилась к стене и картинно закатила глаза.

– Так вот, точно так же, как с опухолью, то есть выпухолью, берём лазеры и аккуратно выжигаем нервы, по которым идут вредные импульсы. И всё хорошо. Все здоровы, – я шутливо ткнул Алекса в живот. – Ладно, идём, не то мне твоя мама уши отвинтит, и тут, сам знаешь, уже никакой лазер не поможет.

* * *

После музея я собирался заняться составлением плана. В распоряжении оставалось несколько часов, пока Ира освободится, уложив ребёнка. Расхаживая по павильонам, я всё хорошенько обдумал, и общая картина проекта более или менее сложилась. О сжатых сроках я старался до поры не задумываться, делая ставку на удачу и изобретательность, проявляющуюся в экстремальных ситуациях. За отведённое время, конечно, не удастся толком поэкспериментировать, но состряпать прототип – вполне. А там, если пойдёт, как хочется надеяться, по ходу пьесы, доработаю.

Усевшись, я обнаружил новый мейл:

Илья!

Распределение времени, когда ты работаешь дома, оставляю на твоё усмотрение, однако ожидаю соблюдения стандартного девятичасового рабочего дня, полную подотчётность и крайне желательно, чтобы часы работы совпадали с официально установленными. Естественно, в редких случаях позволительны исключения.

После вступления, сквозившего плохо скрываемым недовольством, он счёл

нужным добавить:

Полагаю, ты понимаешь общую идею.

Чего уж там, понимаю. То есть, казалось, начинаю понимать.

К слову, довожу до твоего сведения, что в четверг в десять утра будет проводиться еженедельное общее заседание. Изменить установленное время не представляется возможным, прими во внимание и организуйся соответственно. В этот день надлежит приходить заранее. До десяти!

Приятного продолжения выходных, Арик.

Молодец! С изобретательностью всё нормально! Измыслил-таки способ заставить меня притаскиваться пораньше хотя бы раз в неделю. Ещё мне нравилась эта безликая форма. Можно подумать, будто требования исходят не от него, а от какой-то высшей инстанции. Что, с одной стороны, придавало им непререкаемую весомость и некую фатальную неизбежность, а с другой – снимало личную ответственность. Крайне удобная позиция, чтобы диктовать условия, за которыми не кроется ничего, кроме самодурства.

Оставив никчёмные размышления, я собрался с мыслями и набросал эскиз. Покончив с основными этапами первой части, наведался на кухню, заварил чай и вернулся к компьютеру. Дальше пошло сложнее, пока было не вполне ясно, что именно от меня требуется. Новую функциональность мы действительно собирались, но так и не успели обсудить, и поэтому я высказался обтекаемо, но, на мой взгляд, довольно впечатляюще.

Впрочем, несмотря на отсутствие деталей, я знал достаточно, чтобы понимать, что во второй части мы входим в зону неизвестности, не в смысле определения целей, а в смысле их принципиальной осуществимости. Поди знай, способно ли наше оборудование предоставить удовлетворительные исходные данные. Более того, вполне может выясниться, что задача в принципе невыполнима в рамках сегодняшних технологий, как с точки зрения ультразвука, так и с точки зрения алгоритмики. Но, в итоге, ответственность ложится на меня. Мои профессиональные качества подвергаются испытанию, и на периферии сознания, с флегматичным упорством китайской пытки, свербила подлая мыслишка, что на этот раз, может статься, мои знания и навыки окажутся недостаточными.

В связи с этим особенно тревожили сроки, не поддающиеся даже приблизительной предварительной оценке. Любое инновационное исследование сопряжено с долей риска, и одним из возможных выводов мог оказаться тот факт,

что проект неосуществим в указанное время или неосуществим вообще. Подписываться в такой ситуации под сроками, которые Ариэль изначально уконтрапупил до предельного минимума, выглядело самоубийственной затеей, и я решил в понедельник обстоятельно обсудить этот вопрос.

Перечитав и внеся мелкие правки, я не стал отсылать, решив дождаться воскресного вечера. Пусть сложится впечатление, что я все выходные трудился не покладая рук.

* * *

– Сегодня тебе нравится Ира, а через месяц кто? Катя? Маша? Наташа? Ты же сам понятия не имеешь, что с тобой будет завтра.
– Ир, зачем ты так… – мямлю я упавшим голосом.

Вот во что превращается очередная попытка завести разговор о переезде в Сан-Франциско.

– Я вынуждена смотреть на вещи прагматично.
– Ир, это что, сцена ревности?
– Илья…
– Нет, Ира, давай разберёмся, зачем ты это говоришь? – я задет и чувствую, что начинаю злиться. – Я, вроде, не давал повода к недоверию. Или ты про кассиршу? Так я же не сделал и полшага ей навстречу. Или тебе кажется, что за твоей спиной я бы поступил иначе?
– Нет, я не про кассиршу. И нет, мне не кажется, что сегодня ты бы поступил иначе.
– Так в чём же дело?
– Дело в том, что я мать. У меня есть ребёнок. Я обязана думать о будущем. О его будущем в первую очередь.

Довод "я мать" – это нечестно. Это вообще беспроигрышный аргумент в любой ситуации. А ещё я догадываюсь, что недосказанное окончание фразы звучит так: "я мать, а ты оболтус и шалопай".

– Да, ты мать, – говорю я, сделав несколько глубоких вдохов, как советует мой друг Шурик, употребляя новомодный термин anger management[19]. – Этот факт не укрылся от моего внимания. И… я прекрасно нахожу с твоим сыном общий язык. Ты сама не раз об этом говорила, ведь так?
– Так… – утомлённо кивает Ира.

[19] Anger management – комплекс методик управления гневом.

Я жду продолжения, но она смотрит в сторону. Я узнаю этот взгляд, этот тон и эту позу. Разговор окончен. Она замкнулась и больше не слушает.

– Ир, но я ведь, ты знаешь, что я и на этом фронте стараюсь, – не в силах остановиться, я предпринимаю ещё попытку. – Если я что-то делаю не так – дай знать. Говори со мной, скажи что-нибудь, только не молчи.
– Это не фронт, – роняет она.
– Ира! – почти кричу я и, поймав себя на этом, резко сбрасываю обороты. – Ир, я забочусь не только о тебе, но и об Алексе. Разве ты не замечаешь? Ты знаешь, ты не можешь не видеть, как мне это важно. Действительно важно. Ты делишься переживаниями, рассказываешь о его проблемах. Я вникаю. Переживаю вместе с тобой. Стараюсь помогать, участвовать. Последнее время ты сама обращаешься за советами и нередко их принимаешь. Так в чём же дело? Объясни, пожалуйста!

По её лицу пробегает тень неясного мне, затаённого страдания.

– Я не хотела об этом, но ты давишь и настаиваешь… – произносит она совсем тихо. – Вспомни хотя бы, что ты устроил на прошлой неделе. Ни с того, ни с сего поднял несусветный кипиш. На глазах у моего сына чуть не сорвался вниз с пятого этажа. Рисковал собой, рисковал им… Ради чего? Погеройствовать приспичило?
– Ира!
– Нет уж, дай мне закончить. Пойми: я и мой сын, в отличие от тебя, не живём в приключенческом фильме. Ты хоть иногда отдаёшь себе отчёт в своих действиях? Втянул ребёнка в свою погоню за адреналиновым кайфом. Мало того, ещё и соседей приплёл. Нам тут жить, а твои неадекватные поступки…
– Какие, блин, соседи? – и я выматерился. – Твой сын был заперт в квартире один! Я! Хотел! Его! Спасти!
– Да, Алекс был заперт – это плохо. И ты помог. Спасибо. Но "спасти"?! Ему не угрожала опасность, и я всё время говорила с ним по телефону. Мы не на войне. Не в триллере. И нечего корчить из себя последнего героя боевика. Подумай хорошенько, кому это надо, мне или тебе? Что было бы со мной, если бы ты упал? И главное, раз ты так заботишься о моём сыне, поразмысли на досуге, что было бы с ним, если бы ты оступился и разбился, а он стоял в окне и смотрел бы на это!
– Ир, что ты?! Не надо утрировать. Я всё-таки не полный идиот. Это не штурм Эвереста – просто перешагнул из одного окна в другое. Зачем ты так?
– Ты абсолютно ополоумел, превратив бытовую неурядицу в чёрт знает что. Я не могу запретить взрослому человеку рисковать собой, но учти, я не позволю ставить под угрозу моего ребёнка.

Повисает гнетущая пауза.

– Илья, мы всё не раз обсудили. У тебя новая работа, – продолжила Ира голосом, в котором звучала, вся копившаяся испокон веков, совокупная материнская изнурённость, – ты полон энтузиазма, ты говоришь прекрасные слова, и очень хочется верить… Но я так не могу, мне нужно время. На мне большая ответственность…
– Ир, время играет против нас. Мы ждём наших встреч неделями, видимся урывками, в часы, когда я ошалевший мчусь из аэропорта, а ты уже не то что не в состоянии чему-либо радоваться, тебе с трудом удаётся не заснуть до моего прихода. В итоге, у обоих накапливается ощущение безысходности и разочарования. Разве ты не видишь, к чему всё идёт?

Ира молчит, и я знаю, на сей раз это окончательно. Я приближаюсь к точке кипения и заблаговременно смываюсь на балкон. Достаю сигареты. Жадно затягиваюсь. Докурив, зажигаю от окурка вторую, и внутри ещё тлеет надежда, что она придёт и скажет что-нибудь примирительное. Но этого не происходит. Я пробую успокоиться. Дышу носом. Но грёбаный anger management не помогает. Невидящим взглядом озираю близлежащие городские чащобы. Обида накатывает волнами, но вот, наконец, удаётся прийти в себя. Я отщёлкиваю недокуренную, третью по счёту, сигарету и быстро возвращаюсь в комнату.

– Ира, я люблю тебя. Мне никто не нужен. Только ты и Алекс. Давай попробуем. Будем жить во Фриско, а не в этом треклятом мегаполисе. Снимем дом неподалёку от моря. Ты не будешь горбатиться на двух работах. Сможешь заботиться о сыне. Он не будет сидеть один или с этой… полоумной соседкой, с её оладушками… Ира, ты меня слышишь? Ир, в конце концов, тебе не жаль наших отношений?! Скажи, что ты хочешь?! Чего тебе не хватает?!

Она сидит, молчит и смотрит в сторону.

– Ира! Ты слышишь?! – ору я. – Ответь мне! Скажи что-нибудь!

Я топчусь перед ней, как… да просто, как придурок. Хочется ещё так много добавить, но я не вижу смысла. Красноречие исчерпано. Я подбирал слова, делал выразительные жесты, пытаясь преодолеть пропасть непонимания, но мои усилия разлетелись в пыль, натолкнувшись на глухую стену.

– Я пойду, – говорю я упавшим голосом.

И отмечаю, что впервые у меня невольно прорезался именно этот, такой же, как у неё, тон. Я чувствую – сегодня нечто произошло. Возможно, я взрослею… Она бросает короткий взгляд, будто хочет что-то добавить, и снова отворачивается. Постояв, я киваю сам себе, иду в прихожую, беру вещи и тихо прикрываю дверь.

* * *

Я в ночном баре, сижу у стойки и методично напиваюсь. "Я мать", "я должна думать о будущем", "у меня есть ребёнок, а ты оболтус и шалопай" – фразочки, которые она вонзала в меня с холодным садизмом, гулко бьются в опустошённой черепной коробке, резонируя многократно усиленным эхом.

В разгар этой адской какофонии приходит смска:

Olesya: *Я стараюсь переносить с достоинством то, что не могу изменить. Прощаю себе все слабости и поощряю силу идти дальше. Мы в этом мире всего лишь люди, а для кого-то каждый из нас – целый мир… Мне не за что винить тебя, потому что ты, такой, какой есть. Спасибо, что отпустил меня, всё предрешено, а расставание было бы больнее. Береги себя, милый.*

Это моя бывшая эпизодическая подруга. Она была крайне аппетитной стервой, охренительно трахалась, постоянно чего-то требовала и, обладая непомерными амбициями, покамест днями работала в отделе телемаркетинга, а ночами пела по кабакам. Наши отношения состояли из колоритных скандалов и бурного секса. Я бросил её месяца три назад, познакомившись с Ирой.

Собравшись с мыслями, я нащёлкал:

Ilya: *Леся, ты сильная и умная. Я благодарен за твоё отношение и желаю всего наилучшего.*

Тут же пришёл ответ:

Olesya: *Я тоже желаю тебе самого наилучшего. Ты прекрасный человек. Спасибо за всё. Удачи тебе!*

И через пять минут:

Olesya: *Если не верить в себя, нельзя быть гением. Оноре де Бальзак*

Я не видел смысла реагировать на эту бредятину. Заказав очередную стопку, вышел покурить и, вернувшись, обнаружил новое сообщение.

Olesya: *Пытаюсь уснуть, никак не получается…*

Тут меня переклинило, я выпил и заказал ещё две.

Ilya: *Sleeping is not exactly what I had in mind…*[20]
Olesya: *А о чём ты думал?*

Браво! Певица в своём амплуа. О Бальзаке я думал, об Оноре!

Ilya: *Я хочу тебя. Давай встретимся.*
Olesya: *Если это единственное, что ты можешь предложить, то меня это мало интересует. Это не то, что я ищу.*

И сразу ещё:

Olesya: *Это пренебрежение мной и тем, что у нас было. Лучше бы ты нашёл кого-то другого, потому что мне противно. ПРОТИВНО! И знаешь, я подумала – наверное ты так же кого-то водил, когда мы были вместе… Гадко и подло! Мне жаль, что всё именно так. Ты не имеешь уважения, в первую очередь, к самому себе.*

Лицемерная сука, дрянь, дрянь, – стучало в голове. Собрав всю накопившуюся злобу, я выцедил её по капле, расчётливо подбирая слова и вкладывая в каждую букву мегатонны ненависти.

Ilya: *К чему разыгрывать оскорблённую невинность? Я говорю искренне, не пытаясь рассказывать сказки и давать несбыточные обещания. Да, у нас не сложились отношения, и я ушёл некрасиво. Но такая страсть и гармония – редкость. Я даже не о самом сексе, но я знаю, ты не могла забыть моменты сладостного предвкушения… как ты дрожала от одного звука моего голоса… и именно поэтому мы не созваниваемся, а шлём смски.*

Она переваривала это довольно долго.

Olesya: *I'm a vulnerable girl, why do this to me?*[21] *Мне нужен человек, который будет идти рядом, рука об руку… развиваться со мной, радоваться со мной… Перестань манипулировать моими чувствами!!!*

Я чуть не взвыл от этого ханжества. Вспомнив об anger management, я отдышался, взял себя в руки и сублимировал презрение в холодной лицемерной форме.

Ilya: *Хорошо, прошу прощения за бестактность.*

---

[20] Sleeping, is not exactly what I had in mind… – Сон, это не совсем то, что было у меня на уме…
[21] I'm a vulnerable girl, why do this to me? – Я хрупкая девочка, зачем так поступать со мной?

И сразу отпустило. Ответ не замедлил воспоследовать.

Olesya: *Спасибо за понимание.*

Я криво усмехнулся.

Olesya: *Я всё знаю и чувствую… но не хочу больше боли.*

Мне было уже до лампочки. Я продолжал стремительно надираться, закусывая конопляным дымом. В начале третьего пришло сообщение:

Olesya: *Заедешь? Буду рада тебя видеть.*
Ilya: *Даже не знаю… говоришь – нежная и ранимая, возможно ты права, и не стоит…*

Язвительность ненадолго приободрила меня.

Olesya: *Случится то, чему суждено… You never know, unless you try…*[22]

Я молчал.

Olesya: *Я тоже хочу тебя, ты один или у тебя есть подруга?*
Ilya: *Есть подруга.*
Olesya: *Как ты можешь?! Если бы ты на самом деле ценил то, что у нас было, то никогда бы не предложил такое!*

Я уже настолько пьян, что не ощущаю никакой разницы от новых порций. Звук в телефоне отключён. Сижу и тупо пялюсь в пространство. Через некоторое время знакомый бармен стучит по экрану моего мобильника. Нехотя беру и читаю:

Olesya: *Я просто хочу быть честна с тобой – у меня тоже есть бойфренд, и мне не кажется, что это будет неправильно…*

Ир, ты ведь этого хотела! Я опрокидываю последнюю рюмаху и сую под запотевшее донышко мятые банкноты. Спустя полчаса я ебу певицу прямо в прихожей, уперев руками в стену, задрав короткое платье и сжимая в кулаке её тугие волосы.

* * *

[22] You never know, unless you try… – Не попробовав, никогда не узнаешь…

Продравшись к середине дня, я мрачно констатировал отсутствие алкогольного похмелья, зато моральное было в полном разгаре. Потянулся за недобитым косяком. Потом, не вылезая из постели, скрутил и высмолил подряд ещё и ещё один. Накурившись до остекленения, выполз в гостиную и, усевшись за компьютер, с отвращением обнаружил в почтовом ящике очередное послание:

Илья!

Касательно проекта детекции поверхности сосуда, я прихожу к заключению, что задача вполне выполнима за пять месяцев.

Учти: в сентябре состоится опыт в больнице. Речь идёт о полной рабочей неделе, необходимой на подготовку эксперимента и анализ результатов. Кроме того, потребуется время на согласование деталей проекта, потому я готов накинуть ещё пару дней. Таким образом, будем считать крайним сроком 31 октября.

Я сглотнул, брезгливо поморщившись. Почему именно к тридцать первому? Он что, решил приурочить окончание проекта к празднику Хэллоуин?

Каждый час на счету. Посему с первого июня необходимо непосредственно приступить к…

И т.д., и т.п. в том же репертуаре. Зачем, интересно, поручать мне составление этого дурацкого плана? Может просто сдать в качестве такового подшивку его собственных писем?

Подавив нарастающее раздражение, я кое-как одолел остаток этой безбрежной трясины, с заводями крайне полезных советов, топями уточнений и чавкающих болотной тиной наставлений. Дочитав, заставил себя проглотить пару безвкусных тостов и, запив обнаруженной в холодильнике выдохшейся колой, завалился обратно дрыхнуть.

Вечером в самопринудительном порядке просмотрел Арикову корреспонденцию и составленные накануне наброски. Частично откорректировал сроки и, оставив конец второй части без конкретных дат, ещё раз строго-настрого решил серьёзно обсудить эту тему с Ариэлем, прежде чем давать какие-либо обязательства. Мало-помалу втянувшись, я засиделся допоздна, оттачивая отдельные фрагменты и производя предварительные расчёты. Опомнившись, съездил перекусить, пока не закрылись окрестные забегаловки, и перечитал всё сначала. Не удержавшись, я дал себе слово, что это последние правки, и вновь принялся редактировать.

* * *

Alexander: *Ну чё? Как там твой безумный босс?*
Ilya: *Шлёт шифровки)*

Шурик – мой старый университетский приятель. На самом деле это определение не совсем точно: к тому моменту, как мы познакомились, он уже закончил учёбу, но в память о прежних временах появлялся на сходках. Мы сблизились как раз в то время, когда я окончательно охладел к этим сборищам, и на сегодняшний день Шурик является практически единственным человеком из того периода, с кем я продолжаю общаться. А студенческая общественная жизнь, поначалу казавшаяся интригующей, превратилась в череду однообразных попоек, где с наигранной бесшабашностью велись претенциозные разглагольствования, неизменно вращающиеся в узком кругу модных тем.

Alexander: *Из этого всего – один вывод: он клинически болен!*
Ilya: *Absolutely))*

Ариэль ещё с первого интервью прочно занял верхушку нашего хит-парада. Частенько в аэропорту в ожидании посадки я, захлёбываясь со смеху, пересказывал особо пикантные перлы моего шефа. А Ариково откровение на тему начальников-идиотов вообще превратилось в одну из моих коронных баек.

Alexander: *Я пытаюсь понять этот workplan – возникает ощущение, что это план нормальной компании на два года.*
Ilya: *Понравилось?*
Alexander: *Ага, потрясающе. Особенно Excel. Вот тут где-то было…*

Открыв файл, о котором успел забыть, я рассеянно блуждал по календарному графику workplan-а простирающимся на десятки квадратных метров, как вдруг высветилось оповещение о новом мейле. Да что ж такое! И действительно:

Илья!

Всесторонне взвесив ситуацию, я постановил, что проект займёт четыре с половиной месяца. Восемнадцать недель – крайний срок, который мы можем себе позволить, ввиду…

Alexander: *Прикинь, у него 14-ого числа 21 пункт. Полное сумасшествие!*
Ilya: *Эй, ау, Шурик.*
Ilya: *Наш обезбашенный снова активизировался))*
Alexander: *А он в курсе, что сегодня воскресенье?*

Ilya: *Не уверен.*
Alexander: *И чего там?)*
Ilya: *Я выслал. Как тебе этот сюр?*
Alexander: *Ща гляну)*

Я сделал кофе и дочитал свежий образчик эпистолярного творчества моего шефа.

Alexander: *М-да… Видно он совсем с головой не дружит. Каждые два часа перекраивать! Это ж абсурд!*
Ilya: *Абсурд, абсурд… завихрения на почве излишнего рвения)) Потолкуем – одумается. Он же не совсем…*
Alexander: *Совсем, братишка, совсем. Ну его, бросай всё и вали оттуда.*
Ilya: *Ладно, посмотрим. Где ты видел на такой должности адекватных и уравновешенных?*
Alexander: *Да, но этот-то точно псих.*
Ilya: *А я, типа, нормальный?*
Alexander: *Тебе возглавлять стартап пока не предлагают)*
Ilya: *Вот и славно, не то я таким же стану))*

Глава 8

Платон мне друг, но истина дороже.[23]

Дон Кихот Ламанчский

– Это никуда не годится! – Ариэль презрительно отшвырнул мой workplan.
– Послушай, отведённые тобой сроки…
– Оставь сроки, я о содержании. Тут же ни черта не понятно! Вот ты пишешь… – он схватил и быстро перебрал листки. – Где это? Так, так… Вот: "Детальный анализ характеристик отражённого сигнала". Что это? Я не понимаю! Как вообще из этой фразы можно что-либо понять?
– Изучение характеристик сигнала, – монотонно роняя слова, начал я, – включает спектральный анализ, выявление основных частот, а также исследование…
– Я знаю, что такое анализ! – взвился он. – Но почему этого нет в документе? План работы – это не пустая отписка, план должен быть чётким, детальным и само-дов-леющим. – Оторвав одухотворённый взгляд от потолка, куда он воззрился, говоря о том, что есть workplan, Ариэль испытующе уставился на меня. – Учти и исправься. Дальше, во второй части, ты и вовсе ничего толком не объясняешь. Вот, что это? – он снова зашуршал бумажками. – "Разработка альтернативных фильтров". Каких фильтров? Альтернативных чему? Как будет проходить их разработка? Из каких этапов состоять?
– Альтернативных существующим. Тем, которые уже реализованы в системе.

Истощив первоначальный запал, шеф не спешил с ответом, предоставляя приговорённому право последнего слова.

– Ариэль, давай разберёмся. Ты ожидаешь, чтобы я переделал всё с нуля и как бы невзначай добавил новую функциональность. Как ты себе это представляешь в такие сроки?
– А в чём, собственно, проблема? – изумился он. – Первая часть сделана.
– Но ведь она работает кое-как!
– Думаешь, я этого не знаю! Не о том речь! Объясни лучше, почему твои описания столь поверхностны?

Я чуть не взвыл.

– Поначалу ещё куда ни шло, – гнул Ариэль, – а дальше… Складывается впечатление, что, оставаясь дома, ты халатно относишься к своим обязанностям. Чем ты вообще занимался в выходные?

[23] Перефразированное высказывание Аристотеля, который, в свою очередь, заимствовал похожую формулировку у самого Платона.

Хороший вопрос. Главное – своевременный.

– Ходил в музей, – брякнул я.
– Музей? – машинально переспросил Арик.

Причинно-следственная связь разрывается, и он на мгновение замирает.

– Какой ещё музей? – он мотнул головой, стряхивая оцепенение.
– Музей? Научный… Калифорнийский музей науки и техники.
– Зачем?
– Что? А… мм…

Действительно! Не в бровь, а в глаз. Я сделал витиеватый жест, задумчиво пошевелив пальцами.

– Ну так… Посмотреть, вдохновиться…

Ариэль ошарашенно уставился на меня. В ажиотаже, охватывающем его во время внушения мне ума-разума, шеф имел обыкновение переть напролом, не придавая значения моим репликам. И теперь, опомнившись, пытался врубиться, как нас сюда занесло. С перекошенной от судорожного напряжения физиономией, он таращился на меня несколько долгих секунд, а я, стараясь сохранить невозмутимый вид, упивался тем, как огорошил его на полном скаку.

– Так, Илья, – Ариэль откашлялся, сгрёб бумажки и разровнял, постукивая торцом о крышку стола. – Сейчас не время беседовать о твоём досуге. Вернёмся к теме. Где мы были?
– Ты объяснял, – я тоже подобрался, – что план должен быть самодовлеющим, а то, что я написал, – никуда не годится.
– Вот именно! Абсолютно никуда. Теперь так… – кряжистые ручищи вновь впились в уже порядком измятые страницы.

Разнос возобновился и длился около полутора часов. Момент триумфа миновал, но настроение заметно повысилось, и остаток экзекуции я перенёс сравнительно безболезненно. Однако, попытка возобновить обсуждение сроков с треском провалилась. Несмотря на доводы о зоне неизвестности и нелинейном характере исследований, не позволяющих предвидеть предстоящие этапы и требующие время на обстоятельные научные изыскания, мне в очередной раз было навязано "обоюдное согласие", во всём своём великолепии.

Мы "договорились", что я закончу намеченную теперь уже "нами" работу за

восемнадцать недель и, в случае необходимости, смогу просить ещё аж пять дополнительных дней на новые разработки. На прощание Ариэль вернул мне изжёванные листки, подчёркивая тем самым их полную неприемлемость.

* * *

Я вышел покурить, и Кимберли, приветствуя меня, шаловливо вильнула хвостом из своего "террариума". Опять двадцать пять. Бурное начало недели не сулило ничего хорошего. Толком ни в чём не разобравшись, приходилось взваливать на себя неслабые обязательства. Дело не только в сроках, с которыми пришлось смириться, разочаровавшись в надежде урезонить начальство, – как говорится, ввяжемся в драку, потом разберёмся. Дело в том, что даже в первой части проекта непонятно, до какой степени удастся, и удастся ли вообще, улучшить существующую систему, не говоря уже о второй. Перелопатить всё сделанное Тимом, без сомнения, необходимо, и, хотя возни предстоит немало, Ариэль воспринимает это не как полноценное задание, а как досадную помеху. То есть лавров не предвидится, времени пшик, а спрос будет строгим.

И снова на меня накатило: "Планирование! – задыхался Ариэль, простирая длань к низкому фальш-потолку. – Планирование – это… – стиснув до белизны кулак, он прижал его к груди и с горечью промолвил: – Пойми: правильное составление плана работы зачастую важнее самой работы! И, разумеется, всё переписать, это позорище, а не workplan, – успокаиваясь, отечески увещевал шеф. – И чтобы попусту не затягивать, вышли ещё сегодня отдельный план усовершенствования workplan-а. Только пункты, без подробностей, не стоит тратить время напрасно".

– …Илья! – вкрадчиво, словно душевнобольного, позвала Ирис.

Видимо, это произносилось не в первый раз.

– Ты идёшь?
– Э-э…
– Обедать, – приподняв в недоумении бровь, она насмешливо рассматривала меня. – Ты обедать пойдёшь?
– А, нет-нет, идите, я тут это… планирую…

Она изобразила забавную гримасу и изящно вышла. Я резко встал и прошёлся вдоль стены, отпихивая стулья. Три шага туда, три обратно. Как всё остобрыдло… Идти с ними – беспечно шутить, веселиться, прикидываться, – отнюдь не тянуло. После всех раскиданных мной понтов, с недавних пор они взяли манеру с робкой надеждой интересоваться нашими успехами, а обнадёжить их нечем. Что я им, кудесник, – за две недели найти лазейку в счастливое будущее? Какое тут может

быть продвижение? Какое будущее?

* * *

Текли однообразные дни. Я вымучивал речевые конструкции и ворочал бессмысленные нагромождения слов, потом шёл к Ариэлю, и мы вместе оттачивали формулировки. То в минуты просветления наши разговоры взмывали до головокружительных высот абстракции, и мы могли часами обсуждать тончайшие семантические оттенки отдельных выражений или идиом. То наоборот, вгрызаясь в какую-нибудь безобидную вводную фразу в стиле "Ввиду того, что основной целью данного эксперимента является…", Ариэль хватался за голову и взвывал: "Что это?! Как ты мог?! Иногда мне кажется, что ты абсолютно не понимаешь, чем мы тут занимаемся".

На этом встречу можно было считать сорванной. Часами мы блуждали вокруг да около и, несмотря на все старания, не могли продвинуться дальше первого абзаца. В итоге, оказывалось – я написал, что основные цели эксперимента такие-то, а второстепенные сякие-то, но Ариэль кардинально не согласен и считает оскорбительным само предположение, что у эксперимента могут быть второстепенные цели. "Цели, если они настоящие, все одинаково важны, – изнурённо втолковывал он, – либо они вовсе не цели. В нашей работе нет мелочей, всё должно делаться безупречно! Не на сто, на двести процентов!"

Потом приходила Кимберли и начинала свои финты и ужимки, подтверждая подозрение о коварном сговоре напрочь свести меня с ума совместными усилиями. Я больше не психовал, но и не проявлял энтузиазма. Впрочем, её это нисколько не смущало. Темы, с которыми она подкатывала, не отличались разнообразием, а прозрачные намёки на то, что было бы неплохо оставить меня в покое, Кимберли пропускала мимо ушей.

* * *

В среду я бился над протоколом "общения" между допотопной acquisition-платой и генератор-приёмником. Диалог не клеился. Сначала вовсе ничего не ладилось, а когда, после долгих усилий, заработала электронная плата, оказалось, что нарушена синхронизация с ресивером и стало совершенно неясно, каким чудом до сих пор удавалось получать сколь-либо внятный сигнал.

Пришлось снова лезть в настройки. Затем искать в сети дополнительные инструкции к злополучной плате. Наконец, разобравшись и с тем и с другим, я не поленился написать функцию для визуализации результатов. Связав всё вместе, нажал Enter и откинулся на спинку кресла. На экране, один за другим, стали

появляться безукоризненно оформленные графики.

Я залюбовался. Ровные ряды диаграмм представляли результаты во всех возможных ракурсах, включая несколько вариантов моего любимого спектрального анализа. Одна беда – вместо ожидаемого сигнала на них отображалось скопище хаотично изломанных линий. М-да… я нервно сжал переносицу и некоторое время тупо пялился на забранные в аккуратные рамки каракули. Ариэль не производит впечатление фаната абстрактной живописи и вряд ли оценит эту экспозицию, более уместную в каком-нибудь музее современного искусства. А жаль, ничего себе такие картинки.

Вздохнув, я снова полез в инструкцию и вскоре обнаружил, что acquisition-плата аккумулирует данные в шестнадцатеричной системе. Принявшись переводить их в десятеричную, я невзначай обратил внимание на время и сразу понял, что влип. До последнего рейса оставалось меньше получаса.

Я сгрёб в охапку вещи, запер офис и, выбежав на улицу, почти налетел на задумчиво ползущее такси. За пять минут до отлёта ворвался в аэропорт, вихрем пронёсся по терминалу, лавируя между пассажирами, степенно катившими свои тележки, и еле успел притормозить, чтобы не врезаться в стойку регистрации.

– Постойте! – с ходу выпалил я. – Там мой самолёт.

Двое охранников, ощупав не в меру ретивого пассажира профессионально цепкими взглядами, отделились от входа в телескопический трап и грузно придвинулись, беря меня в "коробочку".

– Пожалуйста, пропустите, я непременно должен улететь.
– Простите, посадка уже окончена. – Служащая в блейзере с эмблемой изобразила безмерно скорбную гримасу. – Мне крайне жаль.
– Так вот же – самолёт ещё тут. – Я тоже попытался придать лицу адекватное этой безмерности просительное выражение. – Поймите, это экстренный случай.

Мои мимические упражнения не возымели действия. Ситуация стремительно усугублялась, приобретая нешуточный оборот. Стюардесса удалилась, оставив меня в надёжных руках. Стараясь не упустить из виду самолёт, словно дразня, медлящий у терминала, я продолжил задираться с парочкой косолапо топтавшихся подле мордоворотов. Упорствуя, я чуть было не угодил на экскурсию в застенки службы безопасности. Впрочем, когда авиалайнер задраил люки и принялся выруливать на взлётную полосу, наша грызня стала абсолютно беспредметной, и потому ещё более абсурдной. Я обмяк, а изрядно взбешённые стражи порядка, прекратили спецназовские манёвры и, беззлобно ухмыляясь,

препроводили незадачливого клиента на улицу.

Ох уж эта наша американская квадратность, – ворчал я, тащась вдоль зеркальных витрин, – словно роботы, человечности не дождёшься. В самой что ни на есть семизвёздочной гостинице стоит попросить банальнейшую зубочистку и, если она не числится в меню, то добропорядочный служащий делает восьмиугольные глаза и входит в ступор, не в силах уразуметь, как ты смеешь посягать на что-то, не указанное в прейскуранте. И всё это на фоне холёной вежливости, сахарных улыбок, спасибо-пожалуйста и непременного "How are you?" на каждом шагу.

Достав мобильник, стал просеивать номера. Перебравшись в LA, я не поддерживал отношения с большинством старых знакомых, и потому выбор был невелик. Можно, конечно, завалиться к Рабиновичу, но там, небось, дым коромыслом и гулянки до утра. Подумал было позвонить Шурику, но он наверняка либо детишек укладывает, либо уже и сам дрыхнет, – с него, примерного семьянина, станется. Полистал дальше, набрал два номера – безуспешно. Альтернатив не оставалось, я вздохнул и кликнул последний вариант.

– Раби!
– Йоу-йоу! What's up, man?[24]
– Слушай, Гоша, тут такая тема… Я профукал самолёт и застрял в Сан-Хосе. Мне негде переночевать. Думал у тебя вписаться, ты как?
– Не вопрос. Подваливай.

За час с небольшим я добрался до южных окраин Сан-Франциско и нашёл ключ, как и в прежние времена, в соломенной корзинке, прибитой к дверному косяку. Войдя, прямиком рухнул на диван. Усталость сжимала виски железными тисками. Тело ныло. Интересно, сколько я вынесу такой режим. Полежав с закрытыми глазами, взял книжку и попробовал читать. Буквы расползались, а слова казались пустыми и пресными. Помаявшись, позвонил Гоше, узнал, где прячутся полотенца, и отправился в душ.

* * *

Заслышав шаги, я обернулся полотенцем и, выйдя из ванной, наткнулся на незнакомую девицу в броской майке и мини-юбке. Слегка прищурившись в полумраке коридора, она вызывающе осмотрела меня с головы до ног.

– Ты кто? – осведомилась незнакомка, оторвавшись от созерцания стекающих с моего мокрого тела и разбивающихся о пол капель.

[24] What's up, man? – Как дела, дружище?

– А ты кто?
– Что ты тут делаешь? – на ходу бросила она, с апломбом прошествовав в гостиную.

Тоже мне, запоздало возмутился я, продолжая орошать кафельные плиты каплями водопроводной воды, я-то Раби знаю пятнадцать лет, а ты тут явление временное и случайное. Постояв в замешательстве, я вошёл, подобрал раскиданные шмотки и отправился одеваться. Тем временем гостья устроилась в кресле, а на столике вместо моей книжки красовалась откупоренная бутылка, небрежно брошенные пробка со штопором, а в пепельнице дымилась сигарета.

– Где Гоша? – требовательно спросила она, отхлебнув из бокала.
– Скоро будет.

Она закинула ногу на ногу и ещё раз критически обозрела меня, стоящего посреди комнаты в мятой одежде с мокрым полотенцем в руках. Казалось, в её представлении я должен был резво собраться и исчезнуть, а в идеале моментально испариться. Под этим взглядом я ещё больше сконфузился, почувствовав себя каким-то бомжом.

– Я тебя смущаю? – вкрадчиво поинтересовалась она.
– Смущаешь? – переспросил я сдавленным голосом. – Отнюдь.

Я уселся, подтащил сумку и, чтобы выиграть время, стал делать вид, что нечто разыскиваю, продолжая чувствовать на себе её пристальный взгляд. Отчаявшись заполучить толику личного пространства, я бросил это дело, откинулся и закурил. Мы попытались завести разговор, но она была порядком пьяна, а я настолько измочален, что её алкогольный кураж был мне не по плечу.

К счастью, полчаса спустя явился шумный, лучащийся жизнерадостностью и, как всегда, многословный Гоша, и принял огонь на себя. Мы ещё посидели, и вскоре, сославшись на то, что я наверняка устал и мне необходимо выспаться, он увёл её в спальню. Я расстелил выданную постель, разделся и лёг, тихо наслаждаясь тем, что этот день, наконец, закончился.

– Можно? – стоя на пороге, она постукивала ногтями по дверному стеклу.

Не дожидаясь ответа, прошла мимо меня, подхватила со стола недопитую бутылку и, помахивая ею, надменно удалилась.

* * *

Наутро, памятуя о заседании, я прибыл загодя, дабы в полной мере исполнить долг образцового работника. Однако не тут-то было – вместо обещанного мероприятия, не успев войти в компанию, я угодил в цепкие лапы Ариэля, несмотря на своевременный приход, затянувшего заунывную песнь о десять ноль-пять. Я решил безропотно снести очередную процедуру, ни в чём не переча и по возможности соглашаясь. Рассеянно блуждая взглядом по скудному интерьеру, я терпеливо дожидался, пока начальник спустит пар. Тогда можно будет заварить крепкий кофе, покурить и оклематься. Но напор не ослабевал, а, напротив, становился более напыщенным, расцветая патетическими метафорами.

Исчерпав тему времени прибытия, Ариэль выходил на новый виток:

– …начинаю осознавать, что ситуация крайне серьёзная. Даже критическая! – Хмуро насупясь, он всверлился взглядом в поверхность разделяющего нас стола. – У нас разногласия на уровне базисных понятий.

И понеслось…

– Мы договариваемся, – брызжа слюной разорялся Ариэль, – а ты вытворяешь, что тебе вздумается! С тобой невозможно заключить простейшее соглашение!

Оказалось, имелся в виду второй аспект понятия "мы договорились". Шеф не преминул освежить мою память, напомнив, что первый аспект этого понятия связан с пресловутым "обоюдным согласием", о наличии же второго аспекта я, в простоте душевной, доселе даже не подозревал. Заметив искреннее недоумение, Ариэль указал на то, что мы уже не раз попадали в ситуацию, когда, согласовав некий вопрос, каждый оставался с иным представлением об отдельных нюансах договора.

Как я догадывался, кроме несомненного самодурства моего шефа, тут играли роль два фактора: погрешности человеческой памяти и неточности в определении понятий – именно то, к чему клонил Ариэль. Я уже пытался решить эту проблему, подробно конспектируя наши соглашения, но это не помогало. Непревзойдённый в своей непредсказуемости, он либо отметал мои доводы под каким-либо абсурдным предлогом, либо оскорблялся в лучших чувствах, риторически вопрошая, неужто я думаю, что он сам не знает, о чём мы договаривались.

В итоге я опустил руки и действовал по собственному разумению, заранее предвидя неминуемые вздрючки. И потому, уяснив в чём сыр-бор, я возвратился в созерцательное состояние.

– Я приверженец Аристотеля и ярый противник той ложной точки зрения, которую

сейчас представлю, но именно это заблуждение ёмко характеризует сложившуюся ситуацию. – Ариэль откашлялся, прочищая горло, будто собирался запеть.

Это было что-то свеженькое, Аристотелю ещё не доводилось бывать гостем на наших шизофренических посиделках.

– Некоторые люди, например, Платон, – он вопросительно взглянул на меня. Я добросовестно кивнул, – считают, что за каждой объектом или понятием стоит идея. Некая абстрактная, абсолютная сущность, витающая над ней в сиятельных горних высотах, и сама эта сущность тоже сиятельна.

Ариэль извлёк из ящика большое яблоко и водрузил на середину стола.

– Любая реальная вещь, скажем, яблоко, по мнению Платона и его приспешников, является проекцией стоящей за ней идеи. – Ариэль схватил яблоко и потряс им перед моим носом. – Эта идея совершенна и содержит всю, так сказать, суть яблочности. Наше яблоко, как и любое яблоко в этом мире, есть тень сиятельной идеи абсолютного яблока, упавшая или буквально впрессованная в материю.

Завершив логические построения, Ариэль поставил фрукт обратно и оглядел присутствующих, то есть меня и яблоко, оценивая произведённое впечатление. Впечатление действительно было неизгладимым: не знаю как яблоко, но с меня враз слетела утренняя сонливость. Удовлетворившись моим ошарашенным видом, Ариэль устроился поудобней и продолжил:

– Так вот, людям, мыслящим как Платон, – ещё один красноречивый взгляд, – свойственно думать, что, взирая на отбрасываемые тени, они способны узреть истинную сущность. Мало того, им мнится, что и другие, глядя на те же тени, видят ту же единую абсолютную идею. И когда вы говорите "яблоко" и я говорю "яблоко", вам кажется, что подразумевается одно и то же. Но это не так! И хотя я считаю Платона философом глубочайшим, то бишь, достойным глубочайшего… – Он замялся и, чтобы сохранить темп, практически заорал: – Я с вами кардинально не согласен! Нет абсолютных идей, стоящих за схожими объектами! Все идеи субъективны! И любое взаимопонимание зиждется исключительно на чёткой согласованности понятий.

Он наклонился, выудил пакет с яблоками помельче и вывалил содержимое на стол. Плоды раскатились. Несколько упало на пол.

– Вот! – он сделал широкий жест. – Пожалуйста.

Возвышаясь над заваленным яблоками столом, Ариэль выглядел сурово и

внушительно, под стать мыслителю, бросающему вызов законам мироздания. Он глянул на меня, ожидая возражений из лагеря оппонентов, но я сделал вид, что подавлен мощью аргументации.

Возобладав над Платоном в моём лице, Ариэль пребывал в окрылённом состоянии, и сражаться с действующим начальником за взгляды давно почившего философа было глупо. Хотя, признаться, так и подмывало ляпнуть, что несмотря на всё вышесказанное и вопреки вопиющему отсутствию точного определения этой самой яблочности, ни одному из нас, как вероятно и Платону с Аристотелем, не пришло бы в голову усомниться в том, что разбросанные фрукты – ничто иное, как именно яблоки. Однако, собрав волю в кулак, я мужественно промолчал и даже несколько раз вдумчиво кивнул в подтверждение неопровержимости его доводов.

– Поскольку мне удалось тебя убедить, – подытожил Ариэль уже более спокойно, – нам остаётся договориться, что каждый подразумевает под словом "яблоко". У нас в этом смысле разногласия на каждом шагу. Но мы будем бороться и, я верю, достигнем взаимопонимания. И, не откладывая, приступим к определению терминов: когда я говорю "вовремя", я имею в виду десять ноль-ноль, а когда ты…

И пошло-поехало… Напоследок, он многозначительно вручил мне так и оставшееся в центре стола большое яблоко.

Глава 9

…Он пребывал в том счастливом расположении духа, когда мужчины забывают, что у них есть наружность.

П. Г. Вудхауз

Выходные ухнули в пропасть меж бесплодными потугами довести рабочий план до приемлемого состояния и столь же безуспешными попытками отоспаться. С Ирой мы почти не виделись. В пятницу было школьное мероприятие, потом детский день рождения, вернувшись с которого она долго укладывала ребёнка. Приехав, я застал её совсем обессиленной. Мы не встречались целую неделю, и Ира старалась казаться весёлой и бодрой. Это было трогательно и грустно. Сославшись на работу, я вскоре отправил её спать и вернулся домой.

В офисе всё понемногу устаканивалось. Параллельно с написанием плана я уже в середине прошлой недели принялся непосредственно за сам проект. К слову, вопреки титаническим усилиям по шлифовке и улучшению этого самого плана, вернее, наоборот, именно благодаря нашему чрезмерному рвению, согласовать конечный вариант так и не удалось. Ариэль упорно назначал новые и новые встречи, на которых мы, изматывая друг друга, ходили кругами, всё глубже увязая в бессмысленных лингвистических дебатах.

В итоге Арик неизменно браковал очередную версию. Это порядком изнуряло и отнимало время, но уживаться с придурью начальства мне было не впервой, и я незаметно втягивался в работу. Цель определена, вызов брошен. Поставленная задача являлась интересной и сложной, если вообще выполнимой, и потому ещё более желанной и будоражащей. Сперва я тонул во множестве незнакомых терминов, но постепенно, уясняя общую картину, начал свыкаться и осваиваться.

Шеф был на взводе. Он хватал, швырял, призывал к ответственности, увещевал, убеждал и настаивал. Его распирало от переизбытка эмоций. Как загнанный лев, он метался по крохотному офису, заставленному хрупкой аппаратурой, норовя наброситься и растерзать зазевавшихся подчинённых. Ариэль был вездесущ. Он звонил по пять-десять раз на дню. Вдобавок постоянно врывался и требовал новые результаты. Результатов, естественно, не было, – я работал. Но он продолжал домогаться, настаивая увидеть хоть что-то. Я наспех оформлял то, что есть, делал графики и шёл к нему.

– Тебе не стыдно?! – мгновенно взрывался Арик. – Что ты мне подсовываешь? Это же не закончено!

И начинался муторный процесс согласования базисных понятий – новая традиция, установленная после достопамятного разговора об идеях Платона.

– Перво-наперво мы должны определить концепцию "законченности" относительно объекта "работа".

Или значение понятия "проект", или "код".

– Это не код, – вопил он, заглядывая в мой программный код, – это чёрт знает что!

Что я ни делал, как ни старался, всё оказывалось из рук вон плохо и, сперва пристыжённый, но потом милостиво прощённый и осчастливленный массой ценных наставлений, я отправлялся работать над ошибками. Я трудился день и ночь, в самолёте, дома, я стал оставаться допоздна и летал последними рейсами. Ко времени моего возвращения ни о каких встречах с Ирой речи быть не могло – она уже давно спала, да и я валился с ног. Но шеф не унимался. Каждая его реплика была атакой. В каждой звучал вызов.

– Ты где?! – неизменно начинался любой разговор по телефону.

Ариэль постоянно задавал экзистенциальные вопросы.

– Что это?! – ревел он, потрясая распечатками первичных результатов.
– Когда?! – стонал шеф. – Когда, в конце концов? Когда ты соизволишь приходить вовремя?
– Почему? – в отчаянии сипел начальник. – Почему ты опять прибыл в десять ноль-пять, а не в десять ноль-ноль, как мы договорились?

* * *

В среду пришлось засидеться. Никак не удавалось наладить, на первый взгляд, довольно простой цифровой фильтр. Я увлёкся, и бросать на полпути не хотелось. Поколебавшись, позвонил Шурику, не раз звавшему заходить после работы, и, решив вопрос ночлега, вернулся к прерванному занятию.

На днях я притащил из лаборатории аквариум, генератор-приёмник и осциллограф и отгородил ими свой кусок стола. Стало ещё теснее, зато не приходилось бегать туда-сюда. Постепенно планировалось завалить оставшееся свободное пространство кипами бумаг и графиков, долженствующих символизировать непрерывность рабочего процесса, довершая картину моей невероятной занятости.

Резкий телефонный звонок прервал окучивание капризного фильтра.

– Алло? – пробормотал я, продолжая пялиться в экран.
– Илья, ты где?
– На работе, – заученно отчеканил я и лишь потом понял, что это не Ариэль. – А, Шурик, что стряслось?
– Как, что?! Я думал ты уже в пути. Мне в девять детей укладывать.

Я попытался отговориться, предложив приехать после того, как они будут отправлены спать. Но Шурик был неумолим.

– Ты должен поиграть с детьми. Они давным-давно тебя не видели.

Рассеянно клацая по клавишам, я проблеял что-то маловразумительное и смирился с мыслью, что первоначальной задумке осуществиться не суждено.

– Это и тебе полезно, – присовокупил он на прощание.

Шурик считал своим долгом насаждать непутёвому другу идеологию семейных ценностей. С тех пор, как я начал встречаться с Ирой, он воодушевился и утроил усилия.

Делать было нечего. Я потыкался, наудачу перебрав несколько вертевшихся в голове вариантов, и, ничего не добившись, отрёкся от недовинченного фильтра и отправился в Сан-Франциско.

* * *

– Илюля!!! – Кевин врезался в мою ногу и, обхватив, вцепился обеими руками. – Илюля! – вопил он, дёргая за штанину и подпрыгивая. – Илюля! Приехал!

Шурик, протянув мне руку, гордо взирал на своё чадо. В прихожую выскочила сестра Кевина – Натали, вся розовая от волнения. Вбежав, она вдруг замерла, смутилась и, зардевшись ещё ярче, спряталась за папу. Повиснув на нём, она стала раскачиваться, всякий раз выглядывая и лукаво посматривая на нас.

Шурик подхватил Нати, я – Кевина, и под радостные визги мы ввалились в гостиную. Дети замельтешили, наперебой хвастаясь своими игрушками. Жена Шурика – Вика, оторвавшись от расхаживания по кухне, улыбнулась и помахала рукой. Кругленькому бойкому Кевину, с ещё редкими каштановыми волосами, года три. Натали, оправлявшей перекосившееся платьице подсмотренным у матери не по возрасту степенным движением, около шести.

Ребятишки принялись носиться друг за другом, часто оглядываясь, чтобы убедиться, что мы следим за игрой. Развалившись на диване, Шурик периодически делал ценные замечания. Дети благовоспитанно выслушивали отца и, мгновенно позабыв обо всём, возобновляли свои побегушки, то и дело валясь на пол и взрываясь звонким смехом.

– А давай ты будешь меня ловить! – Загоняв Кевина, Нати примчалась к нам и схватила меня за руку, силясь стащить с дивана. – Давай! Идём! Идём!

Я резко наклонился и сцапал её.

– Не-е-ет, так не честно, – она извивалась, заливисто хохоча и пытаясь вырваться.
– Почему? – я не отпускал.
– Ты должен бегать.
– Я не могу. Мне голову на работе отгрызли. Без головы много не набегаешь.

От участия в игре увильнуть всё же не удалось. Но гоняться за ней я не стал, а устроил аттракцион, переставляя стулья, вокруг которых они носились. Нати, возмущённая вопиющим нарушением правил, принялась отчитывать меня, апеллируя к правосудию папы Шурика. Кеви, придя в невыразимый восторг, беспорядочно шнырял между нами, не переставая верещать. Чем громче они орали, тем веселее им становилось. Шурик просто сиял от гордости, что раздобыл такую большую забавную игрушку.

Несмотря на уловки, я довольно скоро выбился из сил и запросил пощады, признав бесспорное превосходство Натали. Дети продолжили беситься самостоятельно, а нас с Шуриком Вика позвала к столу.

Поужинав, я стал понемногу приходить в себя, а родители усадили ребятишек смотреть мультфильмы. Повозившись, Кевин поставил на выданном ему для этого дела лэптопе сперва один, а потом, параллельно, и другой мультик, и до упора повысил звук. Натали солидно уселась к компьютеру и поставила свой.

Минут через десять я почувствовал, что схожу с ума. Хотелось в душ, хотелось накуриться и залечь с книжкой, а главное – хотелось тишины. Самое интересное – никому, кроме меня, три вопящих на разные лады звуковых ряда нисколько не мешали. Вика безмятежно хлопотала на открытой кухне в паре метров от этой вакханалии, а Шурик напористо бубнил о карьерных перспективах. Я ничего не понимал. Я не слышал не то что Шурика, мне с трудом удавалось разобрать собственные мысли.

Пытка мультиками длилась около получаса, потом родители похватали несколько присмиревших детей и потащили спать. Нати, упираясь и потирая кулачками веки, помахала мне на прощание. Оставшись один, я вытянулся на диване и облегчённо прикрыл глаза.

В гостиную ворвался Кевин и, бросившись прямиком к коробке с игрушками, стал вытаскивать большой самосвал. Затея удалась не сразу, но Кеви, упорно посапывая, всё-таки выдрал его из-под общей кучи и шлёпнулся на пол в обнимку с откинувшимся жёлтым кузовом. Поднявшись, он приволок свой трофей и стал показывать, как он ездит и как открываются дверцы кабины, в которой сидел шофёр в синем комбинезоне.

Вскоре выполз Шурик, отрубившийся прямо на полу у кровати сына. Грузно плюхнулся на диван, посидел, наблюдая опухшими глазами этот ночной разгул, и снова унёс Кевина в постель. Я спустился в машину, негромко поставил музыку и принялся скручивать косяк. Только тот разгорелся, уютно потрескивая и заполняя салон терпким запахом, из подъезда выкатился Шурик.

– Ну что? Как дела? – он взял джойнт и добил в пару затяжек. – Как с Ирой?

Начинается… Второй акт пропаганды – ретроспектива и подведение итогов.

– Хм… Да вроде в норме… Вот ходили с Алексом в музей. Приобщаюсь, участвую… А вообще, было довольно весело, хотя всё это, конечно, непривычно…
– М-да… Ещё годик-другой – станешь нормальным женатым человеком.
– Да ну тебя.

Шурик разочарованно покрутил окурок и выкинул на улицу. Я принялся сворачивать новый.

– Ведь ты же понимаешь, необходимо что-то менять. Ире не до твоих постоянных "фестивалей"… – он прибавил громкость и откинул сиденье. – Мне, разумеется, жаль терять свой персональный Тибет. Куда я буду ездить, чтобы забыться…

Я раскурил и передал Шурику.

– Но я рад… – он глубоко затянулся и выпустил в окно густую струю дыма. – Действительно рад за тебя. Ничего-ничего, через годик уже…
– О'кей, преподобный отец, будем считать, что прихожанин внял вашей проповеди. На самом деле, я и сам склоняюсь к мысли… – я осёкся, чувствуя, что начинаю завираться. – Слушай, может, хватит голову морочить, ты же хотел

фильм посмотреть.

Поставив нудный сериал, Шурик заклевал носом и уснул в разгар кульминации первой же сцены. Борясь с зевотой, я зачем-то досмотрел эту бредятину и разбудил примерного папашу, который осовело покосился на меня и побрёл в спальню.

После душа, вернувшего меня к жизни, я отправился в отведённую комнату, заставленную диковинными цветами, выращиваемыми на досуге Шуриковой женой. Скручивая косячок на сон грядущий, я нашёл красивое семечко. Перекатывая на ладони, плутовато оглянулся, сделал в ближайшем вазоне ямку, опустил зёрнышко и заботливо присыпал землёй. Пусть растёт цветочек, – думал я, засыпая.

* * *

На следующий день я опоздал на общее совещание – то самое, о котором Ариэль уведомлял письменно, требуя приходить заранее. Оказалось, что оно проводится именно в нашей комнате. Припозднившись минут на десять, я постучался и заглянул внутрь.

Ариэль прервал речь и строго вперился в нарушителя дисциплины. Синхронно повернув головы, сотрудники перевели взгляд с меня на Ариэля, ожидая суровый вердикт. Тим Чи или Тамагочи, как я окрестил это чучело после множественных полуночных бдений над его монументальным workplan-ом, капая на стол, ковырялся в моём аквариуме.

– Жди снаружи, – выдержав назидательную паузу, изрёк Ариэль.

Прекратив ковыряться в аквариуме, Тим воровато оглянулся мне вслед. "Детский сад!" – в бессильном негодовании думал я, топчась перед закрытой дверью, – "Воспитательница в угол поставила. И что теперь? Не стоять же тут, в самом деле". Вчера, как назло, я забыл лэптоп и потому совершенно не представлял, чем теперь заняться. Может постучаться и попросить? Но ведь Ариэль назло не отдаст, выслушает со скорбным видом, скажет нечто пафосное и сделает какой-нибудь нравоучительный жест. Хорошо ещё, если без Древней Греции обойдётся. Педагог хренов. Нет уж, увольте. Этого наслаждения я ему не доставлю.

Сунув сумку под стол Стива, я вышел из офиса и, не желая ни с кем встречаться, распахнул дверь на лестницу и побрёл вниз. День выдался знойный, но пасмурный. Низкое небо, затянутое грязными кучевыми облаками, нависало над унылым городским ландшафтом. В липком воздухе ни малейшего дуновения.

Душно. Тихо. Машин почти нет. Людей тоже.

Миновав несколько кварталов, я натыкаюсь на автомат Кока-Колы. Похлопав по карманам, нахожу лишь мятую пачку сигарет. Достаю последнюю, мстительно комкаю, затем отшвыриваю упаковку и ещё раз обшариваю карманы. Зажигалка не обнаруживается, и я понуро плетусь дальше.

Между зданиями открывается полупустая парковка, ограждённая высокой стеной. Стена белая, и эта белизна резко выделяется на фоне преобладающих сероватых тонов. Я останавливаюсь. В стене с неведомой целью вырезана прямоугольная дыра. Поверхность с дырой напоминает обрамление большой картины – уютный скверик, заросший буйной травой и окружённый высоким кустарником, чуть поодаль, под раскидистым деревом – скамейка и едва натоптанная тропинка.

Я сразу понимаю, что мне туда. Проскользнув между машинами, упираюсь, подтягиваюсь и, перекинув ногу, усаживаюсь на краю дыры. На торце стены – спичечный коробок. Подобрав его, я спрыгиваю в сад. Выбравшись на тропинку, осторожно иду, любуясь затерявшимся в безвременье чудесным уголком, а под подошвами приветливо похрустывает мелкий гравий.

Опустившись на скамейку, достаю спички и закуриваю. Лёжа на спине, лениво затягиваюсь, выпускаю дым и смотрю на едва колеблющуюся листву, по которой скользят мягкие тени. Закрываю глаза, и тени, не желая расставаться со мной, продолжают скользить, растворяясь и навевая прозрачные мысли.

Вспоминается наша первая встреча. Мы на берегу, в ушах шуршит ветер, ласково журчит песок, а меж низкими столиками мерцают фонари. Ира наклоняется и спрашивает…

А теперь мы в машине, она обращается ко мне, я смотрю на неё, и она так прекрасна, что я забываю вопрос и лишь крепче стискиваю руль. Она держится легко и непринуждённо, в ней нет ни жеманства, ни смазливого кокетства, от которых я так устал на наркотических тусовках и всевозможных пати. И, уже почти отчаявшись, долго искал это, прозябая в клубах, закрытых вечеринках и продвинутых фестивалях на открытом воздухе, среди лицемерного веселья, бессмысленных разговоров и ненужных случайных знакомств, от которых на утро остаётся только мутный осадок стыда и разочарования. Неужто мне каким-то чудом удалось повстречать в этом городе, куда я выходил, как астронавт на поверхность враждебной планеты, облачённый в накрепко сросшийся с кожей панцирь из безразличия и цинизма, что-то настоящее, светлое и искреннее?

Её тон, голос, то, как она смотрит, возвращают меня в давно забытый мир. Мир,

который поблёк, растрескался и осыпался где-то там, между первыми дорожками кокаина или позже, много позже, в часто повторяющихся затяжных депрессиях. Я незаметно любуюсь каждым её жестом, и каждое слово кажется мне откровением.

Осознание всего этого накатывает почти сразу, после нескольких приветственных фраз. Я робею, инстинктивно пытаясь скрыть смущение, и от этого мой тон становится напорист и резок, и я принимаюсь хвастаться больше обычного. Я несу какою-то околесицу, подкрепляя её выразительными жестами, и моего самообладания хватает лишь на то, чтобы фильтровать наркоманские словечки и не скатиться в откровенную жеребятину. А Ира глядит на меня и всё понимает, то есть не эту туфту, которую я сейчас зачем-то проговариваю, а то, о чём я только смутно догадываюсь и в чём ещё боюсь себе признаться.

Я замолкаю, смотрю ей в глаза, в её бездонные, восхитительные глаза, и тоже наконец что-то понимаю. Я понимаю, что весь этот спектакль пора заканчивать, и закос под героя любовника глуп и смешон, а главное, никому не нужен. А также я осознаю, что она это видит с самого начала, но это меня нисколько не задевает. Она принимает и прощает меня. Это невероятно здорово, и сжатая внутри, начавшая уже ржаветь пружина высвобождается, и мне тоже становится легко и свободно…

Она наклоняется ко мне, отбрасывая прядь волос, которую всё время треплет ветер, и в её глазах играют отблески фонарей.

– Когда мы будем целоваться? – спрашивает Ира.

Я озираюсь, и она принимается смеяться. И я тоже принимаюсь смеяться. И всё вокруг кажется таким близким и дорогим, будто после долгих скитаний я наконец-то вернулся домой, в родную, давно потерянную страну. И чудится, что вокруг добрые, настоящие люди. И клубная музыка, которую я не перевариваю, начинает казаться вполне сносной и тоже какой-то родной…

Прилив усиливается. Мы идём вдоль кромки прибоя. Нам хорошо и спокойно. Ветер всё так же треплет её длинные прямые волосы, и хочется растянуть это мгновение. Мы молчим, потому что всё уже сказано, а в тишине время течёт медленней и, если бы не ветер, оно бы и вовсе остановилось. Ира тихо улыбается, а я смотрю, как её силуэт вырисовывается на фоне отражённых от мокрых песчинок далёких огней моего вновь обретённого города.

Обогнав её, рисую на песке две скрещённые линии.

– Целоваться мы будем тут, – говорю я, шагнув в центр.

Ира обводит перекрестие ровным кругом, поднимает глаза, я притягиваю её к себе… и просыпаюсь от лучей, пробивающегося сквозь листву солнца.

Достаю телефон, на нём высвечивается имя Ирис, и медленно набирает силу мой рингтон – Oliver Huntemann – "In Times of Trouble".

– Ирис! – кричу я. – Ты звонишь сообщить, что меня уволили? Смягчить удар?!
– Ага, сразу на заслуженную пенсию, – она звучит подозрительно бодро для человека, вышедшего с двухчасового заседания. – Гроза миновала, Ариэль уехал. Можешь выбираться из укрытия.
– Мне стыдно.
– Чего именно?
– Того, что моё халатное отношение к работе вообще, и мои непрерывные опоздания в частности, пагубно сказываются не только на…
– Ладно-ладно, идём обедать. Заодно обсудим, что на чём сказывается.

* * *

– А где все? – поинтересовался я, встретив Ирис у здания офиса.
– Ай, да ну их, снова пиццу заказали, – отмахнулась она.

Наша обаятельная медэксперт питалась исключительно здоровой пищей. Ярко выделяясь на фоне клерков, спешащих набить желудки в короткий обеденный перерыв, она чинно поклёвывала салатик, запивая минеральной водой.

– Так что было-то? – утолив первый голод, спросил я. – Арик что-нибудь про меня говорил?
– Ну, как водится, отчитались о проделанной работе, потом он часа полтора разглагольствовал о новом проекте, – она выразительно взглянула на меня. – Бегал, прыгал, руками размахивал, норовя перейти от теории к практике.
– Шикарно! – фыркнул я.
– Так вот, он всё зачитывал из какого-то документа, я так поняла – это твой workplan, хотя о тебе даже не заикался.

Я усмехнулся, исподтишка наблюдая за ней. Ирис в безупречно отглаженной блузке ловко сворачивает по два-три листика, бойко накалывает и элегантным движением отправляет в рот. Не потребление пищи, а хореографический номер какой-то.

– Между прочим, Тиму что-то не понравилось в первой части…
– В каком таком смысле? Что значит "не понравилось"?

– Он утверждал, что там нечто не совсем правильно… Принялись спорить, и спорили так долго, что я совсем запуталась. – В очередном па образовывается еле заметная заминка. – Да они и сами быстро потеряли нить и решили продолжить отдельно. С этого момента Ариэль стал поминутно интересоваться у Стива с Тимом, что они думают.
– Та-а-ак, и что же они думают?
– Ну, Стив, сам понимаешь, на рожон не лез, а вот Тим всё норовил уточнить какие-то нюансы… – Справившись с взбунтовавшимся стебельком сельдерея, она продолжила: – В общем, не зря старался, шеф его похвалил.
– Дал кусочек сахара? Потрепал по холке?
– Тим мутный тип, сам себе на уме. Ты бы с ним поосторожней…
– Ой, да ладно, тоже мне корифей канцелярского крючкотворства…

Хотя… И вправду, Тамагочи, разумеется, не в восторге от того, что у него отняли основой проект фирмы. Что же, совсем не удивительно, но что из этого следует? Я поморщился, словно от изжоги, рассеянно поковырял полуобглоданную тушку невинно убиенного цыплёнка и отложил вилку. Вся эта подковёрная возня порядком раздражала. Не то что был повод для серьёзных опасений – несмотря на мелкие придирки, я прекрасно осознавал, что в сложившемся положении Ариэль должен держаться за меня, как за спасательный круг. И всё же эта, по сути, банальная ситуация приобретала дурной привкус. Почему-то я наивно надеялся, что в небольшом коллективе удастся избежать высосанных из пальца закулисных интриг, и всё будет проще и чистоплотней.

– Ладно, ты-то как? – решил я сменить тему. – Как успехи в академии?
– Да-а… в принципе, ничего… – Ирис нацелилась на томат черри, сделала выпад, но тот увернулся. – Слепили черновик статьи, осталась волокита с поправками. Надо бы начинать писать диплом…
– Но?..
– Но, я уже полтора месяца бьюсь над расчётами дифференциальных уравнений в цилиндрических координатах.
– Жуть какая!
– Прекрати ёрничать! – Ирис предприняла очередную попытку, но помидор вновь ускользнул.
– Прости, я так, для разрядки драматизма. Как тебя в эти дебри занесло?

Она смерила взглядом подозрительный овощ и откатила на край тарелки, изолируя очаг сопротивления. Мы углубились в обсуждение математических аспектов, а под конец, усыпив бдительность неприятеля, моя собеседница осуществила стремительный обходной манёвр, и строптивый помидор пал под сокрушительным натиском, в назидание представителям флоры, ещё осмеливающимся вступать в единоборство с человеком.

Официантка убрала со стола, я заказал кофе, а Ирис нечто абсолютно непроизносимое. Я посоветовал, вместо того чтобы искать аналитические решения, применить инструменты прикладной математики, и, со свойственным мне занудством, взялся за описание различных примочек для численного анализа стандартных физических явлений, на сегодняшний день существующих в большинстве инженерных 3D программ.

– Надо подумать. Может ты и прав, мы уже столько времени угрохали…
– Подумай-подумай. Если что, могу помочь.
– Спасибо, попробую пока сама. Ладно, поди Ариэль вернулся, изнывает там без тебя. И вообще, думаю, пора бы делом заняться.

Глава 10

> Единственный человек, действительно интересующийся нашим внутренним содержанием, – патологоанатом.
>
> Сергей Федин

Встав затемно, я наскоро собрался и пустился в путь, пробираясь пустынными улицами досматривающего последние сны города, к северному выезду на I-5[25]. Вырулив на пронзающую мегаполис навесную трассу, включил радио, и салон взорвался нечеловечески бодрым голосом, зачитывающим утренние новости. Я сменил радиостанцию, наткнулся на рекламу, потом на другую рекламу, потом на какую-то попсу и вновь спешно переключил.

– …по представлению древних славян, Понедельник, видите ли… – по-питерски редуцируя предударные гласные, уныло пережёвывал немолодой диктор, – являлся, так сказать, вполне реальной личностью, седым… эм… старцем, встречающим души умерших у врат чистилища. Считалось, что Понедельник служил перевозчиком через огненную реку…

"Надо бы запастись любимой музыкой…" – думал я, кривясь от эдакого насилия над моим бедным, спросонья ещё нежным и чувствительным сознанием. На выходных было принято решение добираться на работу на машине. Всё чаще ночуя у друзей, я испытывал острую нехватку личного транспорта, да и для минимального комфорта приходилось таскать с собой множество вещей. План был таков: выезжать в понедельник рано утром, три дня ночлежничать в окрестностях Сан-Хосе и в четверг возвращаться обратно.

– В праздник Преображения, иначе, Яблочный Спас, – беспощадно бубнил интеллектуальный жаворонок, – Господь одаривает яблоками праведников, а грешникам, согласно языческой традиции, в преисподней яблоки раздаёт Понедельник. – Память присоединилась к линчу, чинимому над психикой, и, по обыкновению подтасовывая карты, любезно представила внутреннему взору незабываемую сцену разлетающихся по кабинету яблок раздора и Ариэля, окружённого сонмом витающих, аки ангелы, бюстиков античных философов. – Также считалось, что Святой Понедельник вместе с пророком Ильёй говеют…

Очередное нажатие кнопки, долженствовало положить конец издевательству, но:

– Русское радио Южной Калифорнии ищет таланты! – врезался в эфир

[25] Interstate 5 (I-5) – федеральная автомагистраль, проходящая вдоль западного побережья США.

захлёбывающийся восторгом девичий визг. – Приглашаем вас принять участие в открытом конкурсе радиоведущих! Наше радио…

Молодые таланты стали последней каплей, я выключил звук, отогнал мельтешащих слепнями греческих мудрецов и прибавил газу.

* * *

Наткнувшись на меня, Ариэль забывает, куда направлялся, с порога тащит в кабинет и принимается терпеливо втолковывать, какое колоссальное значение имеет текущий проект, сколь ключевую роль он играет в развитии компании, и именно сейчас реальные результаты нужны позарез, говорит он, рубанув ладонью по горлу. Осторожно, начав издалека, шеф подбирается к теме эквизишн кода, являющегося первым звеном, довольно трудоёмким, но относительно простым и прямолинейным, в смысле разработки.

– Ты же понимаешь… – вкрадчивыми речами убаюкивает меня Ариэль, пока я гадаю, к чему ломается эта комедия. – Все лавры в любом случае достанутся тебе. Ты разрабатываешь основную и, что гораздо важнее, творческую концепцию. Эквизишн для тебя просто инструмент. Весь креативный сектор остаётся в твоих руках.

Пилюля, подаваемая под сладким соусом, заключается в том, что, по "общему" мнению (то есть по мнению начальника), всем, и в первую очередь мне самому, будет куда как удобней передать эквизишн Тиму Чи, освободив время для основной части проекта. По удивительной осведомлённости в деталях чувствуется, что Тамагочи успел изрядно потрудиться, внушая Ариэлю эту светлую мысль. Осиротев и будучи обделён начальственным вниманием и лаской, наш тихоня, должно быть, всерьёз вознамерился отгрызть себе лакомый кусочек. Тем временем Ариэль подкрадывается к деликатному вопросу: судя по всему, предполагается, что новый подчинённый проявит ревнивое собственничество, и посему шеф пытается загодя сгладить назревающий конфликт интересов.

Однако ожидания руководства не оправдываются. Пока Ариэль разливается соловьём, я успеваю взвесить ситуацию. Когда он заканчивает, киваю и легко соглашаюсь, прикинув, что Тамагочи может оказаться полезен, правда, в несколько ином смысле. Памятуя о педантизме Тима и его любви к написанию документов, я решаю, что попробовать стоит. На первых порах он хотя бы отвлечёт Ариэля, а там, глядишь, и вовсе потопит в бумажном море. Окрылённый неожиданно безболезненным согласием, шеф отпускает меня без обычных нравоучений, даже не упомянув получасовое опоздание.

* * *

Съёжившись, Тим Чи мямлит приветствие и отворачивается к экрану. Я стою, покачиваясь с пятки на носок и нарочито рассматриваю его, чувствуя необходимость дать понять, что, несмотря на соломоново решение, о котором ему предстоит узнать, несанкционированные вторжения на мою территорию отнюдь не приветствуются. Покрывшись пунцовыми пятнами, Тамагочи клацает по клавишам, не смея поднять глаз. Удовлетворившись произведённым эффектом, я кладу лэптоп и опускаюсь в кресло. Работать нисколько не тянет.

Выйдя из офиса, я перегибаюсь через перила открытой галереи и застаю сотрудников за ежедневным ритуалом, поражающим меня своей нелепостью. Почему-то решение, когда обедать, принималось внутри, а куда именно идти – снаружи. Договорившись, сотрудники расходились буквально на минутку что-то доделать и собирались спустя полчаса у выхода. Потом дружной гурьбой топали к лифту, задумчиво брели через холл и, встав в дверях, принимались обсуждать, куда податься. При этом входившим приходилось с извинениями протискиваться сквозь группу обсуждающих.

Убедившись, что прения в самом разгаре, я вернулся захватить солнечные очки и деньги. Поколебавшись, заставил себя запустить парочку калибровочных тестов и с чувством выполненного долга поспешил покинуть опустевший скворечник.

Офис находится на втором ярусе пятиэтажного здания. Наверху располагается несколько модельных агентств, две фотостудии и школа манекенщиц или манекенов, или маникюра, что, с моей точки зрения, абсолютно монопенисуально. В лифте мы регулярно имеем удовольствие лицезреть новых претенденток, бесстрашно штурмующих подиум красоты и славы. Их лица предельно сосредоточены, взгляд холоден и устремлён мимо и сквозь, видимо, в сверкающее будущее мирового гламура. Первый этаж занимают модные рестораны и бары, куда мы, по негласному соглашению, никогда не ходим. Там стильные девочки с отсутствующим видом кушают суши, играет обезжиренная электронная музыка и снуют проворные официанты геи.

Внутри тоже не скучно – за стеной студия звукозаписи, и время от времени на нас обрушиваются цунами, низвергаются водопады, и далёкие раскаты грома извещают о надвигающемся шторме. Рычание саблезубых тигров перекликается с рублеными фразами и вспышками гнева, доносящимися из кабинета Ариэля. Серая мышка Тим сидит спиной именно к этой стенке. За другой такой же перегородкой наша секретарша, тьфу, простите, административный директор без устали тарахтит по телефону. Даже в отсутствие звукозаписи стереоэффект, создаваемый Кимберли и Ариэлем, конкретно сносит крышу. Всё это,

помноженное на тесноту, которою я усугубил притащенной из лаборатории аппаратурой, довершает рельефную картину суровых трудовых будней.

Тем временем в студии начинается озвучка военного фильма, и мы попадаем под шквальный огонь. Морская пехота скрежещет стиснутыми от ужаса зубами, буквально в паре метров рвутся гранаты и, после основательной артподготовки, боевые вертолёты заходят на штурм. Но осадное положение не смущает бесстрашную Кимберли, она невозмутимо разъясняет, оправдывается, настаивает, уточняет и, невзирая на предсмертные стоны тяжелораненых, неизменно добивается своего. Как-то нашим соседям подкинули то ли порно, то ли жёсткую эротику. Признаться, я оказался не подготовлен к работе в таких условиях, опять же, напротив сидела Ирис, усугубляя неловкость ситуации.

Положение спас Ариэль. Спустя полчаса стонов, всхлипов, причмокиваний и завываний, он, весь красный как варёный омар, выскочил из кабинета и опрометью бросился восстанавливать попранное целомудрие. Хардкор мгновенно прекратился, зато разъярённые вопли слышались ещё довольно долго.

* * *

Тягуче, словно вязкая смола, тянулась первая безвылазная неделя в Долине: проза затяжных рабочих дней, канувших в чёрную дыру офисного пространства, и вечерние поездки во Фриско с неизменными бытовыми неурядицами, связанными с ночёвками в гостях. Стремясь свести к минимуму последние и наверстать упущенное, в смысле, проигранное Ариэлю в баталиях за сроки, время, я всё чаще засиживался допоздна, с головой погружаясь в производственную деятельность.

Шеф дёргал меня значительно реже. Как и предполагалось, отобрав эквизишн, он переключился на Тима Чи. Первым делом они, естественно, затеяли составление грандиозного плана, поглотившего их обоих и практически нейтрализовавшего Ариэля, чей неусыпный учёт и контроль представлял тяжкую обузу для всех членов коллектива. Единственным бытовым неудобством нежданно оказался Тамагочи. Если раньше он тихо сидел, забившись в своём углу, то теперь, шныряя к Ариэлю, ему приходилось продираться через узкий проход меж стеной и моим стулом. Смотрелось это довольно комично, и всякий раз, завидя рьяность, с коей Тамагочи, придав лицу подобострастное выражение, семенил к начальнику, мне не удавалось сдержать улыбку.

Тем временем их workplan, вернее, его черновик, рос как на дрожжах, а у меня образовалось больше времени и, что гораздо важнее, значительно снизилось количество бессмысленных нервотрёпок.

И вот долгожданный вечер четверга, рабочий день давно кончился, в офисе пусто и царит тишина. Закругляясь, я доделываю последние мелочи, вечно оставляемые на потом, и, предусмотрительно запасясь музыкой, предвкушаю, как растекутся по салону звуки вступительных аккордов диска Changeless, и уже слышу, как, мягко коснувшись клавиш, подвывает, вторя тревожно-щемящей мелодии, Keith Jarrett… В коридоре слышится отрывистый удар, топот и под нарастающий рёв сигнализаций врывается Ариэль.

– Слушай! – выпаливает он и умолкает, судорожно хватая ртом воздух.

Грузно упёршись руками в стол, Ариэль опрокидывает стаканчик с остывшим чаем. Я вскакиваю и бросаю в расползающуюся лужу пару бумажных полотенец.

– Илья! Мы летим в Солт-Лейк-Сити, – хрипит он, не обращая внимания на обтекающие его пальцы бурые ручейки, – делать опыт на человеке!
– Что?! – ору я, силясь перекричать истошные завывания. – Какой опыт?! На каком ещё человеке?! Ты в своём уме?!
– Илья, послушай…
– Ничего я не буду слушать! Я беру такси и двигаю в аэропорт.

Несмотря на раздражение, я помню, что шефу не обязательно знать о том, что я стал ездить на машине, иначе исчезнет легитимная отмазка уходить каждый день ко времени последнего рейса.

– Пойми, – он пытается сбавить тон, перекрикивая истерический аккомпанемент сирены и тяжело отдуваясь, – нам невероятно повезло. Нам представляется феноменальная возможность…
– Я не собираюсь ничего понимать. – Я тоже слегка сбрасываю обороты, поднимаю стаканчик и кидаю в урну. – Опыт на человеке?! Забудь, на данном этапе о таком и речи быть не может.

Ариэль отряхивает ладони, хватает рулон полотенец и преграждает путь ручейку, подбирающемуся к моему лэптопу, затем бросается в коридор, и макабрическая какофония стихает.

– Давай сделаем вид, что этой сцены не было, – садясь, продолжаю я с подчёркнутой сдержанностью, – а в понедельник поговорим о мерах, которые стоит предпринять, чтобы как следует подготовиться к сентябрьскому эксперименту, хотя лучше всего перенести его на октябрь.

Неясно, какое впечатление производят мои слова, но Ариэль подвигает стул и тоже садится.

– Это последний рейс? – спрашивает он, помедлив.
– Предпоследний, – нехотя признаюсь я.
– Ты давно ел?
– Я обедал…
– Тогда давай так – удели мне час времени, мы поужинаем, ты меня выслушаешь и, если в итоге не согласишься, я не стану настаивать и на обратном пути подкину в аэропорт.
– Нет уж, я как-нибудь сам.

Я кручу в пальцах пачку сигарет, которую инстинктивно ухватил, спеша эвакуировать из зоны чайного потопа, и всё это время продолжал безотчётно сжимать в кулаке. Осознав это, я ловлю себя на мысли, что Ариэлю удалось меня заинтриговать и, пусть из чистого любопытства, уже не терпится узнать, что же он такое удумал и где собирается раздобыть человека, согласного, чтобы в него пихали невесть что.

– Хорошо, поехали, – зачехлив лэптоп и подобрав сумку, я встряхнул их, подчёркивая, что беру всё с собой и возвращаться не собираюсь. – Но предупреждаю: я в твоей афере участвовать не намерен, и завтра ни в какой Солт-Лейк-Сити или любой другой Сити не полечу.

* * *

– Ты, конечно, в курсе, что любой желающий может завещать своё тело науке.
– Угу… – мычу я с набитым ртом.
– Так вот, я зарегистрировал компанию на такой опыт. И сегодня в начале встречи с инвесторами звонят из университетской больницы и сообщают, что есть рабочий материал. С близкими уже связались, формальности улажены.

Ариэль принимается живописать смачные подробности аварии трейлера с легковушкой в провинциальном городке штата Юта.

– Голову разнесло напрочь. Прикинь, он влетел в него сбоку, между колёсами, крышу срезало подчистую! – азартно жестикулируя, Ариэль старается понаглядней изобразить, как машина врезается в днище грузовика. – А, ладно, не в том суть, представляешь, кроме этого никаких повреждений, грудная клетка цела. Ни царапины.
– Ты считаешь, – я отодвинул тарелку, аппетит сменился раздражением, – нам невероятно повезло? Возможно, но на сегодняшний день мы не готовы даже к экспериментам на животных, и не факт, что будем готовы к сентябрю, а ты о человеке… Это преждевременно, это безответственно, это преступная жадность, в

конце концов.
– Пойми, такие возможности с неба не падают. Мы ждали больше года, и сегодня нам крупно повезло. Это не заформалиненный орган, в течение тридцати шести часов у нас живое тело. – Он отпивает воды и продолжает более размеренно: – Илья, чтобы выжить, нужно постоянно ублажать инвесторов. Демонстрировать прогресс. Хоть какой-то. Если удастся добыть результаты, можно выжать дополнительные инвестиции – это опыты, аппаратура, консультанты, публикации, да и ваша зарплата, в конце концов. Даже ты, при всём идеализме, не станешь работать за идею в надежде получить гонорар через года два-три. Такова суровая реальность. Хотим мы того или нет, приходится делать рискованные ставки в надежде на будущий успех. Только так. Иначе, никакого будущего просто не будет.
– Ариэль, шанс действительно уникальный, однако не стоит отхватывать кусок не по зубам. Я не могу представить, каких усилий это стоило тебе и каких денег будет стоить компании, но я уверен, есть сотни предприятий, которые ждут не дождутся такого шанса, имея рабочий продукт. Они смогут использовать его с толком и, возможно, чего-то достичь, а мы провалим этот опыт. Про-ва-лим. Да какой там провалим, мы не в состоянии даже начать. Ни один из компонентов алгоритма не окончен и не работает.
– Хорошо, – Ариэль побарабанил по столу, – давай сделаем только эквизишн. Прогоним сенсор по основным параметрам, возьмёшь замеры и всё. Вернёмся домой, спокойно обработаешь их офлайн, когда алгоритм будет готов.
– Ну… допустим. Но как ты себе это представляешь? Он же не фурычит – этот ваш хвалёный эквизишн, – усмехнулся я. – Вы его у меня отняли? Отняли. А сами, как понимаю, дальше workplan-а не продвинулись. Или я ошибаюсь?
– Хм… – Ариэль нервно поскрёб подбородок. – Так, а старый? Был же старый эквизишн, что с ним? Он же наверняка в рабочем состоянии!
– Старый-то в рабочем, но он не канает. Частоты не те. С тем же успехом можно сенсор к диктофону твоего смартфона присобачить.
– Так-так… эквизишн, эквизишн… – шеф нахмурился, по-бычьи помотал головой, треща шейными позвонками, и вновь принялся барабанить. – Так, ясно… – Ариэль сплёл пальцы и уставился на них. – Илья, то, что я скажу, не распоряжение, не директива начальника, а моя личная просьба.

Он мельком взглянул на меня и продолжил:

– Давай попробуем. Сделаем всё возможное, чтобы опыт состоялся. Хотя бы в урезанном виде. Доведём эквизишн до ума, по крайней мере частично. Я знаю, если ты согласишься, у нас есть шанс. Я прервал встречу, пообещав новые результаты, и примчался сюда. По пути переговорил с Харви, получил добро на незапланированные расходы. Всё оплачено. Ким из дома оформила…
– А они, в смысле инвесторы, или хоть Харви, в курсе, что тут у нас творится?
– Нет. Не в курсе. Никто не в курсе. Тут всё так, на всех уровнях. Чтобы добиться

результатов – нужно финансирование, а финансирование можно выцарапать только продемонстрировав или, на худой конец, пообещав результаты, а без финансирования их не получить. И всё. Приехали. Заколдованный круг. В общем, в сложившейся ситуации я по уши в дерьме.

Он снова посмотрел на пальцы, помолчал и, подняв глаза, добавил:

– Вся надежда на тебя. Если надо, вызовем Тима…
– Не-не, с Тимом нам точно не успеть. Знаю я вас, начнёте планы составлять… формулировки формулировать…
– Тогда я помогу. Возьму на себя чёрную работу. Покажешь, как гонять тесты, тебе не придётся…
– Так, стоп, – я тоже постучал по столу и, поймав себя на подражательстве, отдёрнул руку. – Пойду курну, попробую понять, насколько это вообще реально. Надо вспомнить, в каком там всё состоянии.

Закурив с третьего раза, я задержал дым в лёгких, в очередной раз раздражённо подметив дурную привычку смолить сигареты словно косяки. Глупо, как ни крути – палишься, да и выглядишь, как шпана…

– Да ёпт, какого рожна! – Я сплюнул, осознав, что уже загорелся авантюрной идеей, и ломаюсь лишь из чистого упрямства.

Ощутив на лице вечерний летний ветер, полный неясных будоражащих запахов, я вздохнул полной грудью, сделал две коротких затяжки, отшвырнул сигарету и направился обратно.

– OK, – я протянул руку. – Let's do it.[26]

* * *

Вернувшись, мы с ходу взялись за дело. Ариэль принёс лэптоп, и я переписал нужные компоненты. Настроил симулятор, подключил графическую визуализацию, наскоро объясняя, что к чему. Получилась вполне сносная виртуальная лаборатория. Шеф задал пару уточняющих вопросов, весьма меня обнадёживших. Алгоритмика совсем не его стихия, и я опасался, что толку от этой затеи будет мало, а нюансы кода в столь сумбурном изложении окажутся для него дремучим лесом.

Мы расставили приоритеты, и Ариэль отправился в кабинет. Я вышел на галерею,

---

[26] OK. Let's do it. – Так и сделаем.

нервно перебирая в памяти разрозненные фрагменты. По сути, моя работа всегда заключалась в том, чтобы генерировать требуемое решение вопреки острой нехватке ресурсов и, зачастую, знаний. То, чем я занимаюсь, в широком смысле, даже не алгоритмика, а – proof of concept или feasibility, то есть доказательство концептуальной осуществимости. Моя задача – всеми возможными правдами и неправдами слепить прототип. Линейное развитие тут неприемлемо – ни времени, ни финансирования на последовательную разработку, как правило, не имеется, и направление часто выбирается по наитию. Так что к таким раскладам мне не привыкать. Однако одной ночи на эквизишн – это не просто в обрез, а катастрофически недостаточно. Голой интуиции будет мало, нам должно ещё крайне повезти. Но нежданно наладившееся взаимопонимание с Ариэлем и, главное, масштаб, заведомая невыполнимость и значимость происходящего, подогревали самолюбие, вселяя пьянящую радость предстоящей борьбы.

– Так, я, кажется, закончил, – заработавшись, я не заметил, как вернулся Ариэль. – Вот список проблематичных случаев.

Он протянул листок, заполненный ровными столбцами.

– Отлично, сейчас гляну. Открой директорию, скину новую версию.

Ариэль удалился, а я взялся за баги. Если наш многострадальный эквизишн действительно заработает, это будет невероятное чудо. Надо отдать должное Тиму, сделавшему выбор с умом, выпросив ключевой, но, вместе с тем, безопасный участок. Располагая достаточным количеством времени, можно спокойно разобраться и всё наладить без риска и зыбких наитий, сопряжённых с разработкой самого алгоритма. Расчётливый ход осторожного игрока. Вот только как провернуть то же самое до рассвета…

Поток праздных раздумий был прерван телефонным звонком:

– Привет, – приглушённо донёсся Ирин голос, – Ты вернулся?

Я бросил взгляд на часы и осознал, что незаметно пролетело больше четырёх часов, время – начало первого, а конца-края даже не видно.

– Привет Ир, ты чего не спишь-то? Всё в порядке?
– Да… – она помолчала. – Всё нормально. Ты уже дома?
– Не, – пробормотал я, продолжая таращиться в экран, – Я это…

Тут обнаружился очередной баг, я исправил, запустил и стал сверяться с показаниями осциллографа.

– Илья, что случилось? Ты где?
– Да-да, Ира, милая, я на работе, – спохватился я. – У нас цейтнот… В общем, это долгая история. Завтра расскажу.

Оторваться от бегущих цифр было выше моих сил.

– С тобой точно всё в нормально?
– Да, всё пучком, Арик теперь у меня на побегушках. Ладно, Ир, sorry[27], я по уши в работе.
– Хорошо, не буду мешать. Мы завтра увидимся?
– Конечно. Я позвоню.

Ариэль разделался с проверками и в начале пятого предложил съездить привезти пиццу. Есть не хотелось, но, оставшись без дела, он сублимировал нервозность в бессмысленное мельтешение, понукания и крайне содержательные вопросы о наших продвижениях. Пусть лучше сгоняет, решил я.

К утру эквизишн работает, но в пяти процентах присутствуют шумы, полностью перекрывающие сигнал, и сколько не бьюсь, никак не удаётся ни систематизировать условия их возникновения, ни их характеристику. Обнаружив закономерность, я смог бы если не устранить первопричину, то хотя бы научиться избегать проблематичных случаев. Радует лишь одно – начальник не докучает. Подкрепившись, он отправился паковать аппаратуру, и это занятие поглотило его целиком.

– Хватит, пора заканчивать, – выпаливает Ариэль, ворвавшись в комнату. – До вылета полтора часа.

Я заворожённо пялюсь в код, судорожно щёлкаю функции и процедуры, и уже ничего не вижу и не соображаю.

– Брось это. Помоги мне, я один не справлюсь.
– Ариэль, – я на миг оглядываюсь, – мы не можем так ехать.
– Илья, пять процентов – это ерунда, – настаивает он. – Если сейчас же не начнём, то попросту не успеем.
– Пять процентов – не ерунда. Мне не удаётся локализовать проблему, ошибки появляются рандомно.
– И что? Нас вполне устроит девяностопяти процентный успех. Всё, Илья, время истекло.

---

[27] Sorry – прости.

– Слушай! – я вскакиваю, теряя терпение. – Ты понимаешь, что это значит? Пока мы не выясним, что происходит, невозможно ничего гарантировать. Я же говорю – рандомные ошибки…

Мы стоим друг против друга в тесном проходе между столом, загромождённым аппаратурой и гипсовой перегородкой.

– Пять процентов – это…
– Ариэль, это не пять процентов! Это ран-дом-ное яв-ле-ни-е! Сейчас пять, а при других условиях, возможно, восемьдесят пять! Или сто!
– Илья, мы поедем как есть, пора действовать, либо…
– Нет, не поедем, дай мне ещё…
– Илья…
– В чём проблема? – кричу я ему в лицо. – Возьмём пару вещей неупакованными. Что, по-твоему, лучше?
– Илья, время вышло. Сейчас же…
– Нет, Ариэль…
– Да, я сказал…
– Нет…
– Я! – вопит Ариэль, делая шаг и оказываясь вплотную ко мне. – Приказываю! Сейчас же…
– Ариэль! Ты! – тело захлёстывает обжигающая, ядовитая дрожь, и я чувствую, как слетают последние тормоза. – Ты…

В паузе между словами раздаётся тихий щелчок. Мы настороженно замираем. Слышится шелест двери, мягкие шаги, ещё щелчок, и на пороге возникает Стив.

– Бурная ночь? – осмотревшись, невозмутимо произносит он.

Опомнившись, Ариэль бегло описывает ситуацию. Я сажусь, рассеянно беру уцелевшую от ночной трапезы алюминиевую банку и, запрокинув голову, выливаю в рот оставшиеся на донышке капли.

– Я помогу, только как ты без этого? – Стив указывает на приборы.
– Ничего, продолжу на симуляторе.
– Хочешь – иди в кабинет, – кивает Ариэль, – а мы прям тут и запакуем.

Вскоре удаётся выявить проблему. Наспех прогоняю тесты – всё работает. Я издаю дикий вопль, метнувшись в комнату, бросаю победоносный взгляд на шефа, несмотря на суровость, не способного сдержать улыбку. В шесть рук мы быстро стаскиваем коробки, закидываем в машину и через считанные минуты уже несёмся в направлении аэропорта.

Глава 11

Лекарство – вещество, будучи введённым в крысу, дающее научный отчёт или статью.

Гиппократ

Одуревшие от бессонной ночи, мы мчимся через терминал аэропорта Сан-Хосе, и Ариэль с ходу ввязывается в перепалку о транспортировке нестандартного багажа, а я отправляюсь прикупить чего-нибудь съестного, так как на полётах внутри штата кормёжка не предусматривается.

Заняв места, набрасываемся на еду. Умяв свою порцию, Ариэль окидывает окружающих голодным взглядом, подзывает стюардессу и требует шоколадку, а лучше три. Нет – пять, поправляется он, кивая на меня.

– Впереди тяжёлый день, тебе нужно побольше глюкозы, – поясняет шеф, рассеянно ковыряясь в зубах выуженной из объедков зубочисткой.

Проглотив сладости, мы впадаем в блаженное оцепенение. Я опускаю спинку и прикрываю веки.

– Вот уроды! – хлёсткий возглас вырывает меня из полудрёмы. – Ты только глянь!

Шеф суёт мне лэптоп и тычет в набранный мелким шрифтом абзац.

– Это ж надо! – щелчком сворачивает окно и открывает другое. Я успеваю ухватить лишь несколько слов. – А вот это! – Ариэль переключается на следующий мейл. – Не, полюбуйся-полюбуйся! Как тебе это нравится?!

Он бухает ноутбук мне на колени.

– Ну? Каково? Знаешь, кто пишет?
– Кто? – осторожно интересуюсь я. – Может пояснишь… эм… я спросонья как-то не совсем врубаюсь.
– Это инвесторы! – взрывается Ариэль. – Инвесторы! Люди, годами вбухивающие баснословные бабки в биомедицину, при этом ни хрена в ней не смысля. – Он снова стучит по экрану. – И нет бы прислушаться к профессионалам! Или нанять консультантов, или хоть с врачами посоветоваться! Куда там! В их заплывших жиром мозгах с каждым новым просаженным миллионом крепнет иллюзия, что они сами… Понимаешь?! Сами! Становятся экспертами в медоборудовании! Да и вообще в медицине!

Захлопнув лэптоп, шеф грозно потрясает им в воздухе.

– Удивительно, что они ещё не берутся оперировать! – Ариэль принимается утрамбовывать содержимое портфеля портативным компьютером. – И, что самое парадоксальное… – из недр доносится жалобный хруст, – они даже бизнес-потенциал видеть не хотят! Их так называемого коммерческого чутья хватает ровно на один ход вперёд. И баста! На следующий, – ни здравого смысла, ни фантазии уже не достаёт!

Выпрямившись, он извлекает некую несуразную хрень.

– Что я не втолковываю, как ни бьюсь, им всё кажется, что речь о чём-то в стиле борьбы процессора поколения 4300 с поколением 3400 или, что мы тут какую-то стильную фичу для браузера разрабатываем…

На свет появляются шнуры с диковинными креплениями.

– Это что? – я вопросительно кошусь на хрень.
– А, это? Это… стимулятор тета-волновых излучений.
– Чего-чего?
– Погоди, сейчас увидишь.

С минуту он распутывает и приводит в порядок провода.

– Тета-частотные волны генерируются в пограничных состояниях сна и способствуют… – Ариэль запнулся, нахлобучивая на голову обруч с хромированными цилиндрами, – способствуют доступу к скрытым областям памяти, стимулируют креативность, мыслительные процессы и тому подобное. Кроме того, эта штука позволяет оперативно регенерировать резервы организма.

Бормоча эту околесицу, Ариэль пришпандоривает провода к цилиндрам, создавая замысловатое сооружение, смахивающее на самодельное взрывное устройство из низкосортных фильмов. Единственное отличие, пожалуй, в том, что даже в кино шахиды не нацепляют взрывчатку на головы. По вполне понятной причине подбегает всполошённая стюардесса. Не отрываясь от процесса, Ариэль втюхивает ей заранее заготовленную брошюру и повторяет всю историю, только более медленно и подробно. Дослушав, стюардесса спешно ретируется в направлении кабины пилота.

– Где мы были? – Ариэль застывает с проводом в руке. – А, вот! Смотри, чисто с финансовой точки зрения, сегодня в каждом нормальном государстве

человеческая жизнь является наиболее ценным ресурсом. Эта простая истина постепенно становится ясна и в развивающихся странах. А потому любой перспективный медицинский аппарат широкого назначения имеет колоссальный рыночный потенциал. Непонимание столь базисных вещей – коммерческая близорукость. – Он осторожно ощупывает получившийся агрегат. – На первый взгляд, сверхзадача нашей компании проста, даже банальна. Создать сенсор, включающий основные атрибуты существующих на рынке прототипов, но действующий на основе простых технологий и, соответственно, стоящий значительно дешевле.

Это я уже слышал, но монолог Ариэля адресуется не мне. Ему не терпится выговориться, а я, сдерживая улыбку, слежу за его манипуляциями. Несуразно смотрящееся на массивном черепе приспособление чем-то отдалённо напоминает гипертрофированные бигуди, на которые вывернули кастрюлю спагетти. "Я – тётушка Чарли из Бразилии, где много-много диких обезьян", – вспоминается невпопад, и, чуть не прыснув со смеху, я спешно нахмуриваю брови, изображая предельною сосредоточенность.

– И дело даже не в цене самого сенсора, – шеф взял пульт и повозился, что-то конфигурируя, – стоимость процедуры состоит из расходов на сопутствующую аппаратуру, квалификации врачей, обработки и интерпретации результатов. А в нашем случае всё значительно проще, быстрее и, соответственно, дешевле в десятки раз уже сегодня, а завтра, войдя в массовое производство, станет дешевле в сотни и тысячи.

Речь Ариэля наполняется внутренним магнетизмом, и я, позабыв шуточки, слушаю уже не отвлекаясь.

– В настоящее время, вся операция может стоить от двадцати до пятидесяти тысяч долларов в зависимости от страны, зарплат персонала, налогов и множества других факторов. Подобные процедуры даже в Америке проводятся меньше, чем в пяти процентах клиник, и то исключительно частным образом. Ни одна доступная простому смертному страховка таких издержек не покрывает. В Западной Европе ситуация гораздо хуже. О Восточной Европе, Южной Америке, Азии и Африке – вообще молчу. То есть, даже в самых развитых странах…
– Погоди, а какие альтернативы?
– А никаких, – отрезал Ариэль. – Похороны куда как дешевле.

Он стиснул кулак. Костяшки пальцев побелели.

– Ну ничего, – покатав желваками, Ариэль глянул в иллюминатор и сдавленно процедил, – мы ещё посмотрим…

Он помолчал, поправил обруч и продолжил более сдержанно:

– А теперь прикинь масштабы: население США и Канады около 350 миллионов, Западной Европы – 400, то есть всего около 750. Из них, в лучшем случае, два-три процента могут позволить себе такие операции. А население планеты более семи миллиардов. Итого – меньше двух десятых процента. И то при наличии квалифицированных специалистов, оборудования и тому подобного…

Ариэль потыкал в пульт, рассматривая объёмные графики. Конструкция заискрилась цветными ледами. Соседи, опасливо следившие за этими манипуляциями ещё вначале, при монтаже чудо-шлема, снова оглядываются, смотрят на Ариэля, потом на меня и обратно на него. На удивление, намертво вбитое в сознание американских обывателей понятие "прайвеси" в очередной раз побеждает любопытство, и спустя несколько секунд все, как ни в чём ни бывало, утыкаются в свои журналы.

– Завершающая стадия – гамма-индуцирование. Расширение восприятия и повышение эфирного тонуса, – комментирует Ариэль, заметив вопросительный взгляд. – Ты слушай, не отвлекайся, мы подбираемся к самой сути. Я уже второй год делаю этот стартап, ещё полтора ушло на сборы средств, обивание порогов, инвесторов, презентации и подобную чехарду. Плюс несколько лет я вынашивал эти идеи, сперва один, потом с партнёром… Так вот, моя мечта – сделать наше оборудование доступным не только кучке богачей с Уолл-стрит и их прыщавым отпрыскам. Мы понесём свет надежды в каждый заброшенный уголок земного шара. Я хочу видеть наш логотип в каждом богом забытом городке Индии и Африки. Наши сенсоры должны стать так же доступны, как Кока-Кола. И так же просты в использовании.

Ариэль воинственно взмахнул пультом.

– Но это не Кока-Кола! Не шипучая дрянь сомнительного состава, которую сама фирма-производитель использует для чистки двигателей.

Я приподнимаю банку, словно чокаясь, и делаю большой глоток.

– Мы будем исцелять людей, которые и по сей день умирают, при том что наука способна их спасти. Избавление – вот оно: на расстоянии вытянутой руки. Мы с тобой способны сделать эту мечту реальностью за год-полтора. В цивилизованных странах болезни сердца являются причиной смертности номер один, а с развитием…
– Да, это-то понятно. Можешь не…

– Вот именно, – приободряется Ариэль, – речь даже не о миллионах, на кону миллиарды человеческих жизней! А наши инвесторы… впрочем, ну их в жопу. Прорвёмся. Пусть себе хмыкают и пожимают плечами… Они настолько не верят в то, к чему мы стремимся, что в отчётах приходится занижать предполагаемую прибыль, чтобы у них голова не кружилась. Это абсурд! Но ничего не попишешь. Иначе они и слушать не готовы.

Ариэль принимается стаскивать прекратившую мигать штуковину. Отсоединяет и бережно складывает провода.

– А теперь поговорим о других цифрах. – Он потёр виски в местах соприкосновения с обручем. – Помнишь, я обещал, что как только произойдёт существенный сдвиг, мы вернёмся к вопросу опционов?

Я кивнул и навострил уши.

– Пришло время объяснить, почему откладывался этот разговор. Ты наверняка думаешь, что мне надо, чтобы ты что-то доказал? Проявил себя?
– Ну, это вполне логично… – уклончиво ответил я.
– Так вот – нет. Это не тебе надо доказать мне, это мне надо доказать им, – он криво усмехнулся. – Смотри: на всех работников, и теперешних, и будущих, отведено пять процентов. Всё про всё, включая внешних консультантов и двух-трёх передовых кардиологов, которые будут пиарить продукт, как только появится, что пиарить. Как бы то ни было, ты уже ключевой игрок в нашей команде, хотя сегодня это понимаю только я. Но когда мы продемонстрируем новые результаты и станет очевидно, что то, о чём я толкую, – возможно, состоится очередной инвестиционный раунд. И вот тогда, с этой позиции, я смогу диктовать условия. Представив тебя виновником торжества, потребую не те крохи, какие достались остальным, а где-то около одного процента.

Ариэль оценивающе взглянул на меня.

– Я, конечно, не мастак предсказывать будущее, но, по самым скромным прогнозам, после создания первого прототипа мы за годик-другой раскрутимся до пятидесяти, а, того и гляди, до нескольких сотен миллионов. – Ариэль прищёлкнул пальцами. – Вот и прикинь.

Я прикинул. Надо признать – семизначные числа имеют неотразимый шарм. Да что там, числа били наотмашь.

– И, пойми правильно, здесь никто тебе одолжений не делает. Нам необходимо тебя мотивировать. Мне нужен не подчинённый, а соратник. Я хочу, чтобы это

была не лично моя война, а наша общая.

Зажглись посадочные огни, но было не до того.

– Кстати, – обретая дар речи, поинтересовался я, – если уж на то пошло… Какой кусок пирога имеешь ты?
– Нас два основателя, и на пару у нас – те же пять, – без промедления выложил Ариэль. – Плюс договор о неразводнении доли. У меня – три процента, у партнёра – два, так как он участвовал только в формировании концепции и первом круге инвестиций. При случае надо вас познакомить.

Шасси спружинили, самолёт встряхнуло.

– Наш выход. – Шеф хлопнул меня по колену. – Я в тебя верю.

* * *

Галопом проносимся сквозь больничный холл. Не дожидаясь лифта, Ариэль ввинчивается по лестнице на третий этаж, спеша убедиться, что всё готово. Когда эта железная коробка вместе со мной и аппаратурой доползает наверх, шеф уже у дверей. Оказавшись в операционной, он с ходу бросается распаковывать вещи. Я тестирую каждый прибор. Яркий свет заливает помещение, нещадно выжирая пространство. Предметы не отбрасывают теней.

Спустя полчаса система собрана и проверена. Мы наскоро облачаемся в бордовые рубашки, бордовые штаны и одеваем на обувь клеёнчатые бахилы. Нам выдают свинцовые халаты и воротнички. Я смутно припоминаю, что щитовидные железы особенно чувствительны к радиоактивному облучению.

– Так, ну что? Ввозим тело? – заглядывает медбрат.
– Давайте-давайте! – вскидывается Ариэль. – Нечего тянуть.

Эти доспехи весят килограмм по пятнадцать, и мы не спешим надевать их. Я гоняю тесты, раз за разом убеждаясь, что всё функционирует как надо. Ариэль, изводясь от бездействия, поминутно оглядывается на меня. В его глазах немой вопрос: "Ну как, работает?" и, завершив очередной контрольный блок, я энергично киваю.

Кроме нас, в комнате хлопочут двое представителей больницы. Их движения точны и лаконичны. Медсестра раскладывает на передвижном подносе скальпели, зажимы, шприцы и пакеты инфузии. Распахивается дверь, санитары ввозят пациента, накрытого зелёными простынями и подсоединённого к машине

жизнеобеспечения. Следом появляется целая толпа. Наскоро представляются. Врачи, ассистенты, медбратья. Их фамилии, титулы и должности моментально выветриваются из моей головы, запоминается только имя главного хирурга – Уолтер. Один из вошедших – анестезиолог. Можно подумать, здесь действительно кому-то понадобится наркоз. Эта деталь, царапнув сознание, на миг выбивает меня из ритма.

Ассистент откидывает простыню. Я мельком оглядываю туловище невысокого парня и механически отмечаю, что он сходного со мной телосложения, только немного покрепче. Волос на груди почти нет. На плече татуировка из переплетения зазубренных линий. Голова прикрыта отдельной в несколько раз сложенной тканью. Я, так же, как он, когда-то подписал бумажку о том, что завещаю тело науке.

Хирург делает надрез в области паха, где проходят большие артерии, устанавливает фиксатор и вводит катетер. Начинается showtime[28], и посторонние мысли мгновенно улетучиваются. Тактовая частота происходящего возрастает до предела. Ассистент придерживает фиксатор, и Уолтер виртуозно, в два приёма доводит катетер до сердца. Чувствуется работа мастера. Пока он проделывает этот манёвр, все замирают, следя за картинкой на мониторе дублирующем флюороскоп[29].

– Мы там. Берём образцы? – бросает Уолтер.
– Да, – выдыхаем мы в один голос.

Ариэль нависает надо мной, заглядывая через плечо. На некоторое время я руковожу происходящим. Всё проделывается чётко и деловито, будто пациент жив, но настоящая причина в том, что мы можем потерять его в любой момент. Каждая секунда на вес золота. Что-то не ладится с калибровкой, и я прошу повторить первичные замеры. Хирург понимает нас с полуслова и ловко устанавливает катетер в нужной точке.

– Вы в своём уме?! – орёт Уолтер, оглянувшись, в паузе между манипуляциями. – Седьмая минута облучения пошла!

Мы кидаемся к халатам, наскоро натягиваем, помогая друг другу застегнуть их на спине. Напяливаем воротнички. Халаты громоздкие, ниже колен, и в них мгновенно становится жарко. Воротнички жмут и, чтобы посмотреть в сторону, приходится поворачиваться всем телом. После минутной заминки действие возобновляется с удвоенной интенсивностью.

[28] Showtime – представление.
[29] Флюороскоп – рентгеноскопический аппарат обеспечивающий просвечивание в реальном времени.

Мы проходим по характерным сценариям, и Ариэль настаивает на неоднократном повторении ключевых ситуаций. Вскоре наши требования даже мне начинают казаться чрезмерными. Спустя два часа все уже на пределе, но никто не подаёт признаков недовольства, и работа продолжается в прежнем темпе.

В кратких передышках, пока врачи реконструируют очередной клинический сценарий, ко мне возвращаются воспоминания. Я с тревогой жду, когда пациента будут усыплять. Само это выражение всегда коробило меня округлой политкорректностью. Вроде как речь и не идёт об умерщвлении. Это мой первый опыт на человеке, но прежде не раз доводилось участвовать в экспериментах на животных, преимущественно свиньях, так как анатомия и физиология их внутренних органов, и в частности сердца, сходны с человеческими. После окончания опыта зверюшка могла бы преспокойно жить дальше, но, как правило, необходимо сверить результаты с оригиналом. То есть вынуть сердце, разрезать и сравнить. Самое парадоксальное, что даже в тех случаях, когда извлекать сердце не обязательно, зверей всё равно "усыпляют", иначе наше мероприятие граничило бы с издевательством над животными. И поэтому их неизменно убивают из якобы гуманных соображений, а на самом деле – чтобы не подпасть под соответствующую статью.

Выглядит это так: анестезиолог окидывает собравшихся вопросительным взглядом и, убедившись, что к свинке больше претензий не имеется, вводит раствор. Сигнал электрокардиограммы быстро затухает, но он, сверяясь с часами, выжидает отведённые протоколом пять минут. Потом записывает точное время смерти, накидывает на бездыханную тушу простыню и уходит.

Следом приходит другой мужик, откидывает простыню, примеривается и делает глубокий надрез поперёк груди. Затем ещё и ещё. Впервые это увидев, я почувствовал, как у меня внутри что-то треснуло. Это нарушение святости кожного покрова шокировало сильнее всего. В этот момент свинья превращалась из животного в груду мяса. Далее этот тип засовывал руку в кровоточащую щель, погружая её чуть ли не по локоть, и с чавкающим хрустом кромсал внутренности грудной клетки, а я стоял рядом, держа наготове банку с физраствором.

Как сейчас вижу – мужик достаёт сердце с ошмётками коронарных сосудов, из которых сочится густая тёмная кровь, и запихивает в подставленную ёмкость. Усмехаясь, берёт из моей одеревеневшей руки крышку, привычным движением запечатывает и рывком сдирает окровавленные перчатки.

Эти образы вспыхивают в сознании, но голос Уолтера раз за разом выдёргивает меня оттуда. И вот три последних сценария, изначально входивших в категорию

"если успеем", – завершены. Мы с Ариэлем синхронно бросаем взгляд на часы – четыре часа пролетели словно четыре минуты. Всё закончено, наиболее важные этапы повторены по несколько раз.

– Ну что? – проронил через плечо Уолтер.
– Всё, – выдохнул я.
– Всё, – осоловевшим голосом пробормотал Ариэль.
– Точно? – он оглянулся. – Можно ещё разок успеть, решайтесь…
– Да-да, действительно всё, – кивнул Ариэль. – Всем спасибо.

Уолтер извлёк катетер, выключил флюороскоп, пожал нам руки и удалился. Мы принялись упаковывать оборудование. Вошёл анестезиолог. Я внутренне напрягся, но он лишь бегло осмотрел тело, сверился с приборами и попросил ждать его в холле.

Санитары вывезли койку. Медсестра – машину жизнеобеспечения. Я с облегчением выдохнул. Со сборами управились на удивление быстро, и я даже успел наспех высмолить две сигареты, начхав на запрет курения на территории больничного кампуса.

– Держите, – анестезиолог вручил мне до боли знакомую пластиковую ёмкость. – Постарайтесь поскорее в заморозку.
– Спасибо, – прочувствованно промолвил Ариэль. – Прямо по приезде – в лабораторию на гистологию, всё уже оговорено.

Анестезиолог кивнул.

– А что с остальным? – не удержался я от дурацкого вопроса.
– Разбираем, желающих предостаточно, – буднично отозвался врач. – Органы разойдутся ещё сегодня, разве что конечности останутся, да и то не все.

* * *

По пути в аэропорт, я обнаруживаю четыре пропущенных звонка. Улучив момент, отхожу в сторону и набираю номер.

– Ир, привет.
– Где ты? Всё о'кей?
– Да, я был на опыте…
– Почему ты не отвечаешь?
– Ир…
– Сложно найти минуту перезвонить?

Я не нахожу слов. Явственно чувствуется нарастающее напряжение.

– Ир… – просительно повторяю я.

Она молчит.

– Ира…

Мой тон становится заискивающим, и от этого я начинаю закипать, а она не отвечает, нагнетая невыносимость происходящего.

– Ира! – говорю я требовательно.
– Что?
– Ира, пойми… – делая над собой усилие, начинаю я.
– Не трудись, – тускло откликается она. – Я уже всё поняла.

И действительно, я не в состоянии сейчас что-либо объяснять.

– Ир, я прилечу в Сан-Хосе и позвоню тебе.

Она снова молчит.

– Ира, пока. Прилечу и позвоню.

Выждав несколько секунд, я вешаю трубку. Так… если сегодня я её продинамлю…

Возвращаясь к стойке регистрации, где уже началась посадка, судорожно потираю виски, пытаясь сосредоточиться. Как ни крути, добраться до Лос-Анджелеса к мало-мальски приемлемому времени никак не удастся. Пока долетим до Сан-Хосе, пока закинем вещи, пока то-сё, а езды до LA часов пять в лучшем случае. От усталости и морального переутомления ситуация с каждой секундой кажется всё более нестерпимой и безвыходной.

Очередной скандал неизбежен. Хотя нет, в том-то и дело, она не станет скандалить, она будет молчать. Уж лучше бы пошумела, пошвырялась чем-нибудь, в конце концов. Всё легче пытки тихой истерикой. Сегодня мне этого не вынести.

Что же делать? Что делать? Мрачное отчаяние вызывает жгучее желание выплеснуть напряжение на кого-то. Бешено озираюсь кругом. Так и подмывает позвонить ей и с ходу начать орать. Зачем она так? Разве она не понимает?!

Хочется докричаться. Хочется, чтобы она услышала. Чтобы поняла. Или хотя бы сама начала кричать в ответ. Я до боли стискиваю в кулаке мобильник. Но звонить нельзя. Этого не будет. Она не услышит и, тем более, не примется орать. Она дождётся пока я выдохнусь, скажет что-нибудь бесцветным голосом или молча повесит трубку, а мне лишь станет ещё хуже.

– Эй, где тебя носит? – шутливо треплет меня по плечу Арик. – Мы пока ещё не купили этот самолёт.

"Самолёт… Самолёт!" – врубаюсь я. Поистине, всё гениальное просто. Полечу на самолёте. Я заново прокручиваю расчёт времени и понимаю, что, если поднапрячься, успею на последний рейс. Впритык, но успею. Значит придётся бросить машину в Сан-Хосе. Ну и фиг с ней. Можно взять что-нибудь напрокат прямо в аэропорту. Почему бы себя не побаловать? И я, позабыв о давешних терзаниях, перебираю в уме марки крутых тачек, на которых хотелось бы погонять.

Заняв своё место, Ариэль мгновенно отрубается, свесив голову набок. Я тоже прикрываю глаза, но сон не идёт. Беспорядочно мелькают сцены последних суток – безмятежный вечер, кровавый ужин с Ариэлем, безумная ночь, Стив, явившийся в последний момент, тета-волновой излучатель и спич о спасении человечества. Беспощадный свет операционной, непередаваемый больничный запах, умелые пальцы, сжимающие скальпель, и бурое пятно на хромированной поверхности.

Чтобы отвлечься, я начинаю ворошить в уме выкладки Ариэля. На самом деле, в порыве вдохновения он несколько приукрасил. Во-первых, наше оборудование применимо далеко не для всех кардиохирургических операций, однако вполне пригодно для диагностики и лечения некоторых видов рака. А во-вторых, катетеризация – не единственное решение, всегда остаётся опция открытой операции на сердце. Вскрытие грудной клетки, распиливание рёбер… бррр. Не говоря уж о реабилитации и цене столь сомнительного удовольствия.

Я зябко поёжился, развивать эту мысленную траекторию не хотелось. Тем не менее, упомянутые Ариэлем цифры вполне реальны, возьмись мы лечить всё связанное с кардиологией, компания стоила бы уже не миллиарды… На мыслях о миллиардах долларов, я задремал и провалился в глухой душный сон. Даже не сон, а анабиоз, из которого меня выдрал Ариэль, нещадно тормоша обеими руками. Я ошалело обозрел опустевший салон, с трудом поднялся и потащился к выходу.

По дороге позвонил Ире, успевшей сменить гнев на милость, и условился, что еду прямиком к ней. Подкатив к зданию офиса, мы припарковались поперёк тротуара, заблокировали лифт, перетащили коробки и, не распаковывая, свалили их в

лаборатории. И вот мы снова в машине, Ариэль в третий раз гонит к аэропорту, покинутому менее часа назад. Подбросив до входа в терминал, он глушит мотор и оборачивается.

– Спасибо, сегодня ты сделал большое дело.
– Тебе спасибо, – я жму его широкую сильную ладонь. – Теперь это наша общая война.

* * *

Продираясь сквозь слизистые оболочки, выныриваю из муторного забытья. Ошмётки болезненного сновидения вспыхивают перед замутнённым взором. Там, в операционной, я, путаясь в проводах, вырываю из вздутых вен инфузионные иглы. Выдираю одну за одной и не могу от них избавиться. Кто это? Женское лицо, рука на моём плече, кругом ряды кресел. Это дежавю или пустые самолёты становятся моим проклятием? Вскакиваю, извиняюсь, сбивчиво благодарю перепуганную стюардессу и бросаюсь к выходу.

В терминале притормаживаю у ряда зазывно светящихся вывесок агентств по аренде автомобилей и выбираю то, в котором нет посетителей. Достаю телефон, смотрю на время и по инерции открываю дверь. Молодая девушка поднимает голову и с готовностью улыбается. Не успею… Прикинув, сколько займёт оформление бланков, я понимаю, что крутые тачки отменяются. Состроив забавную рожицу, отпускаю ручку и бросаюсь прочь – ловить такси.

– Ну, наконец-то. – Ира распахивает объятия, и я зарываюсь лицом в её волосы.
– Ира, – шепчу ей на ухо, – Ира…

Я чувствую, как её тепло по капле проникает в меня. Как жадно откликается каждая клетка моего тела. Как расслабляются сведённые мускулы, и обволакивает сладким пологом усталость. Нежно провожу у неё за ухом, и ниже к ключицам, пропуская между пальцами шелковистые пряди… И тут соображаю, что уже два дня не мылся, и осторожно высвобождаюсь из объятий.

– Ир, я только в душ и к тебе, – наклоняюсь и целую её в шею.

Она тихо улыбается, тыльной стороной ладони поглаживая мою щёку.

…Опоясавшись полотенцем, выхожу из ванной, посвежевший и готовый к подвигам, и браво направляюсь в спальню. Приняв гордую позу и слегка сдерживая блудливую улыбку, я останавливаюсь на пороге, словно в ожидании взрыва бурных оваций. В комнате тихо, и царит полумрак. Ира лежит на кровати

спиной ко мне. По белой простыне красиво растекаются её волосы. В пепельнице мерцает тлеющий огонёк. До меня доходит не сразу, но действительность не изменить ослиным упрямством, – она спит.

Я растерянно потоптался на месте. Ничего не изменилось. Моя поза как-то сама собой растеряла всё донжуанство. Улыбка скукожилась. Я ещё некоторое время постоял в дверях, тешась надеждой, что она вот-вот повернётся и позовёт меня. Но этого не произошло. Я подавил гадковатый прилив жалости к себе, поправил сползающее полотенце и поплёлся в гостиную.

Страшно захотелось курить. Травы нет. Пошатавшись из угла в угол, я обнаруживаю на балконе пачку ментоловых сигарет. Распечатываю. Закуриваю. Как бы это выразить… разница, как между сексом и мастурбацией. Пара затяжек, и я ломаю сигарету в пепельнице, обжигая пальцы и не чувствуя боли.

Вернувшись в ванную, я напяливаю штаны, с отвращением набрасываю мятую, пропахшую несвежим потом рубашку и, застыв перед зеркалом, несколько долгих минут тупо пялюсь на своё отражение. Близко-близко, в красные, пустые глаза. Потом, проходя мимо спальни, останавливаюсь и гляжу на безмятежно посапывающую Иру. Переборов себя, вхожу в комнату и аккуратно накрываю мою спящую красавицу одеялом. Она сладко потягивается и что-то мурлычет, укутываясь поплотнее. Я смотрю на неё, такую близкую и далёкую, смотрю со смешанным чувством нежности и отчаяния, отчаяния непонятости и безмерного одиночества. Затем, стряхнув оцепенение, выхожу, гашу свет в гостиной, миную прихожую и тихо закрываю за собой дверь.

* * *

Дома я первым делом хорошенько накуриваюсь. Не жуя, проглатываю купленные по пути бутерброды и, едва отдышавшись, забиваю новый косяк. Отголоски пережитых эмоций, отражаясь и наслаиваясь, гулким эхом резонируют в опустошённом сознании. Зная, что в таком состоянии всё равно не уснуть, я решаю глянуть на результаты нашей сумасшедшей поездки.

Включив комп, запускаю простенький анализ первой контрольной точки. На экране высвечивается график, и у меня перехватывает дыхание. Ноль информативных данных. Опомнившись, запускаю анализ второй. То же дерьмо. Третья точка. У меня постепенно темнеет в глазах. Четвертая. Пятая. Догоревший окурок обжигает пальцы, и я отшвыриваю его на пол. Шестая, седьмая… Я прогоняю точку за точкой, не в силах остановиться.

…Через полтора часа, окончательно отчаявшись, я оторвался от экрана, окинул

невидящим взглядом свою берлогу, сгрёб остатки травы, дотащился до спальни и рухнул в постель.

Глава 12

I'm pushing an elephant up the stairs.
I'm tossing up punch lines that were never there.
Over my shoulder a piano falls,
Crashing to the ground.

R.E.M.

Субботний день пролетел за исследованием результатов. Не в силах смириться с провалом, я прямо с утра засел за компьютер. Поначалу картина казалась безнадёжной, но при последовательной проверке стали обнаруживаться вполне удобоваримые данные.

– Илья, ты снова опаздываешь? – Ирин звонок выдрал меня из дебрей прикладной математики. – Я же тебя жду!

Стремясь компенсировать вчерашнее, она договорилась оставить Алекса у подруги, чтобы мы могли провести вечер наедине. По пути было решено отправиться ко мне, заказать что-нибудь и посмотреть фильм. Пока я оформлял доставку, Ира успела задремать, свернувшись в кресле. Вопреки идентичности ситуации, сегодня меня это вполне устраивало, я приглушил музыку и продолжил бороться с результатами.

Это было малознакомое и приятное чувство – рядом спал родной человек, а я охранял её сон. После ужина мы завалимся смотреть мой любимый, давно ждущий своего часа для совместного просмотра, "Астенический синдром" Киры Муратовой.

Заслышав тарахтение мотора, я поспешил навстречу посыльному, чтобы не потревожить Иру шумом и разговорами, потом красиво разложил привезённую снедь и лишь затем разбудил мою соню. Поев, мы перебрались в спальню для продолжения культурной программы.

В конце первой части картины камера отдаляется – виден зал кинотеатра, вспыхивает свет и опускается занавес.

– …Мы ведь не часто встречаемся с кино действительно серьёзным… – запинаясь, мямлит конферансье. – Мы имеем сегодня замечательную возможность поговорить…

Зрители в кинозале шумно встают и принимаются озлобленно проталкиваться к

выходу. Безысходный трагизм на фоне безразличия толпы, поданный в столь ироничной форме, неизменно вызывает во мне трепет и восхищение. Я оглядываюсь на Иру, ища сопереживания, и вижу, что она уже мирно посапывает.

– Зачем такое кино, про грустное? – брюзжит мужик в буром плаще. – Мне и без того неважно. Я на службе устал. Я развлечься хочу. Музыку послушать… А тут опять: ходют, ноют, хоронят, разговаривают про всякое…
– Лёш, ты устал. Лёш, как я люблю тебя! – жена берёт его под руку, прижимаясь поплотнее, в жужжащей массе разбредающейся публики. – Как я люблю твой запах. Сейчас бы умереть. Лёша-а-а… у тебя лицо… Ты похож на ангела…

Она трётся щекой о его плащ. Зал пустеет, и в кадре крупным планом появляется спящий, свесив голову набок, школьный учитель Николай Алексеевич. В заднем ряду вскакивает сержант.

– Взвод! Встать! – рявкает он. – Выходи строиться!

Ира и Николай Алексеевич синхронно встрепенулись. Солдаты, грохоча сиденьями, подхватываются на ноги. Николай Алексеевич ошалело сдирает с головы вязаную шапку и снова впадает в спячку. Ира поворачивается на другой бок и, уткнувшись мне в плечо, следует его примеру. Это уже перебор. Я отстраняюсь, вылезаю из постели, накуриваюсь до чёртиков и принимаюсь метаться по гостиной. Ирина выходка накладывается на раздражение и гложущее чувство вины по поводу проваленного опыта. Перебесившись, возвращаюсь в спальню, отодвигаю Иру к стенке и, упиваясь праведным гневом, продолжаю смотреть действительно серьёзное кино в гордом одиночестве.

* * *

Утром, не вслушиваясь, я отмёл Ирины оправдания, отвёз её домой и, вернувшись, вновь засел выяснять отношения с результатами. К вечеру вырисовались очертания удручающих итогов: приблизительно половина ещё подавала вялые надежды, остальное – вовсе никуда не годилось.

Это было фиаско. Я отказывался смириться и весь день вновь и вновь гонял тесты и скрупулёзно изучал данные. Пятьдесят процентов коту под хвост из-за каких-то багов! Моих багов! Хотя я десятки раз всё проверил и перепроверил! В важнейшем эксперименте, повторить который шансов нет и не будет. И это лишь предварительный анализ… Не исключено, что дальше станет ещё хуже, но для более подробного исследования требовалась аппаратура, и продолжить можно было только на работе. Я с ужасом думал, что нас могли подвести сенсоры и запороть ощутимый процент результатов… Хорошо, если не все оставшиеся

пятьдесят. Могли подвести выбранные мной частоты, параметры и интенсивность импульса, да мало ли ещё что. Я представлял новые и новые возможные ошибки, и уже отчётливо видел, как у нас, а точнее у меня, в сухом остатке окажется полный ноль.

Тоже мне, соратничек! Как там я сказал, пожимая Ариэлю руку? "Теперь это наша общая война!" Вот и повоевали. Что и говорить, достойное выступление. У меня даже закралась подлая мыслишка заявить: мол, я предупреждал, что мы не готовы, и свалить вину на него. Но нет – восставала пресловутая гордость: я же сам на это пошёл. И я с извращённым сладострастием вонзал в себя колья уничижительных упрёков.

Ночью, ворочаясь в постели, перебирал в уме модули и настройки треклятого эквизишн кода, реконструируя порядок собственных действий и силясь угадать, что ж я там напортачил. С горечью вспоминалась ссора из-за последних пяти процентов. Как много бы я дал за те пять вместо этих чудовищных пятидесяти. Что же я упустил? Всё ж работало! Каким вообще образом такое возможно?!

* * *

В понедельник, истерзанный переживаниями, я притащился на утреннее совещание, о назначении, или, скорее, переназначении коего Ариэль разослал экстренные весточки ещё на выходных. Всё то же совещание, изменить установленное время которого представлялось абсолютно невозможным.

Но, поистине, для начальства нет ничего невозможного! И вот я топчусь перед закрытой дверью. Планёрка в самом разгаре, стоит ли упоминать, что я традиционно опаздываю. Собравшись с духом, закрываю глаза, глубоко вдыхаю, выдыхаю и резко распахиваю дверь.

– Встречайте! – прервавшись на полуслове и прекратив малевать на доске, Ариэль торжественно указывает на меня, словно на Мессию у восточных врат Иерусалима. – Сейчас он сам всё и расскажет.

Сотрудники оборачиваются, будто надеясь воочию узреть явление чуда, но я ощущаю себя отнюдь не Мессией, а его ослом.

– Небось уже провёл первичный анализ? Верно?! – сияет Арик, насилу сдерживая ликование.
– Ариэль, тут такое дело…
– Не дрейфь! Уступаю сцену тебе.

Шеф хлопает меня по плечу и плюхается в кресло. С трудом оторвав от него взгляд, смотрю на Стива, Ирис, Тима Чи, даже Татьяна тут, для полноты моего унижения.

– Половина результатов никуда не годится, – выпаливаю я.
– Ч-ч… что? – поперхнувшись, заикается Ариэль. – Что значит…
– С остальным пока неясно, – заканчиваю я чуть тише.
– Что ты несёшь?! – Ариэль вскакивает, мгновенно теряя всю добродушную вальяжность. – Что значит никуда не годится?! Как?! Мы всю ночь проторчали! Перепроверили каждый шаг! Всю ночь! До последней запятой! Как такое может быть?! Почему…
– Ариэль… – пытаюсь вклиниться я.
– Как?! Мы же… Ты же… Ведь все тесты… – Шефа несёт и в бессильной злобе он совершает бестолковые движения руками. – Что ты такое порешь?! Как же так?! Мы же всё проверили! Все тесты… На все сто процентов! Что, чёрт подери, это значит?!

Ища поддержки, я оглядываюсь на Ирис, потом на Стива, но им тоже не по себе, они отводят глаза, и лишь Тамагочи пялится на меня с неестественным выражением. Раздаётся сухой треск, пальцы Ариэля окрашиваются ядовито-малиновым цветом. Он разжимает кулак, и на пол падают обломки маркера. Вылупившись на свою ладонь, он хватает листок из стопки моих бумаг, трёт, комкает и отшвыривает. Затем хватает ещё один.

– А ну, показывай! – вновь начинает вопить он. – Давай сюда презентацию!
– Какую ещё презентацию?! – срываюсь я.
– С результатами, чтоб их… С твоими грёбаными результатами!
– Какая, нахрен, презентация?! Я все выходные корячился, пытаясь хоть как-то успеть первичные тесты!
– И не удосужился подготовить презентацию?
– Презентацию чего? Того, как мы провалили опыт?!
– Так, ладно, показывай что есть!

Я начинаю возиться с проектором. Меня трясёт. Провода, извиваясь, выскальзывают из рук.

– Даже проектор не можешь настроить? – шипит Ариэль.

С трудом сдерживаясь, я тычу в кнопки едва слушающимися пальцами. В конце концов всё как-то срастается, открываю код, загружаю первую точку, прогоняю тест, получаю уже набивший оскомину график белого шума и обречённо поясняю происходящее. Ариэль мельком косится на изображение и всверливается в

пустоту перед собой. Ирис поначалу старается следить. Тамагочи постреливает глазками то на Арика, то на экран, то на Стива. Я продолжаю обрабатывать и показывать точку за точкой. Долго, нудно и довольно коряво. К публичному выступлению я не готовился ни практически, ни морально.

Постепенно все, кроме Стива, теряют нить. Ирис нюансы обработки сигнала мало понятны, и она быстро тонет в подробностях. Таня-Марина и вовсе всю дорогу чатится в мобильнике.

– Как я уже не единожды был вынужден констатировать, халатный подход к разработке… – подзуживает Тим Чи в паузах между моими репликами. – Налицо тлетворное влияние отсутствия систематической методики…

Его высказывания всеми игнорируются, но он продолжает капать на мозг чрезвычайно дельными соображениями на тему, заискивающе поглядывая на Ариэля, по-прежнему пребывающего в полной прострации. Я вывожу на экран новые графики и механически комментирую.

– Доскональное планирование и поэтапное исполнение… – не унимаясь, бормочет Тим.

Вот крыса, голос у него прорезался! Стив задаёт уточняющий вопрос, и я с удовольствием заглушаю это подтявкивание излишне подробным пояснением.

– Мне холодно! – неожиданно сморозила Таня-Марина. – Выключите кондиционер.
– Иди лучше воды принеси, – не оборачиваясь, бросает Ирис.

Таня-Марина надувает губки и гордо скрещивает руки. Посидев с минуту, она встаёт, с независимым видом шествует к двери и вскоре возвращается, держа два пластиковых стаканчика. Ирис молча кивает на Ариэля. Таня-Марина боязливо ставит перед ним стакан, затем залпом осушает второй и вопросительно смотрит на Ирис. Новых распоряжений не последовало. Нервно похрустывая пустым стаканчиком и не находя, что делать дальше, Татьяна топчется рядом с начальником.

В разгар этой свистопляски Стив решает взять безвластие в свои руки.

– Таня, садись, пожалуйста, – повернувшись к измученному предводителю команчей, он окликает его с лёгким нажимом в голосе.

Некоторое время Ариэль никак не реагирует, потом медленно поднимает взгляд.

– Ариэль и Илья, – произносит Стив нарочито размеренным тоном, – ещё вчера у нас был сенсор с результатами из самодельного аквариума на шницеле из супермаркета, а сегодня – действующий катетер и настоящий опыт на человеке. Во-первых, нам невероятно повезло, что на столь ранней стадии представилась возможность провести эксперимент на живом человеческом теле. Это значительно повышает ставки во всех отношениях.

Стив делает короткую паузу.

– Во-вторых, половина данных, вероятно, вполне годится для дальнейшего анализа. Это сотни измерений! Вдобавок, вам удалось за одну ночь собрать всю систему. Это само по себе победа. – Ещё одна точно выверенная пауза. – И в-третьих, вчера для новых сенсоров не было никакого эквизишн модуля, сегодня – есть, пусть с ошибками, но есть. И потому не стоит преуменьшать значения проделанной работы и достижений, добытых ценой немалых усилий. Это большая удача и важный этап в развитии компании.

Он обводит взглядом притихших слушателей. Ирис, с напряжением ждавшая развязки, сменила позу и, кажется, несколько расслабилась. Таня-Марина расценивает смену атмосферы, как позволение заново уткнуться в чат.

– Предлагаю взять на себя повторную проверку и, возможно, мне свежим взглядом удастся установить корень проблемы, – резюмирует Стив.

Ариэль, выйдя из оцепенения, то ли утвердительно кивает, то ли в изнеможении роняет голову.

* * *

Все расползлись по своим вольерам. Я сижу, созерцая разгром на собственном столе. Скомканные листы многострадального workplan-а, обагрённые ядовито-малиновыми чернилами, валяются на сероватом ковровом покрытии, словно изуродованные трупы на дотлевающем пепелище.

Собравшись с силами, встаю и выхожу на улицу. Надо пожрать. Мяса. Внутри тошно и мрачно, и ассоциативно всплывает название "Black". Там оказывается вычурный дизайн, смахивающий на интерьер махрового борделя. Тяжёлые драпировки, густой полумрак, оттенённый матово-янтарной подсветкой, и массивная мебель из морёного дуба. Мой гамбургер готовят так долго, что невольно вспоминается расхожая хохма о поваре, самолично отправляющемся на охоту. Бармен, уловив моё настроение, предлагает выпить с ним на пару. К

нашему общему удивлению, я выбираю арак. Он нацеживает вязкую от кристалликов льда жидкость, и мы молча опрокидываем рюмки. Когда сидишь за стойкой один, нередко угощают за счёт заведения. Это продуманный коммерческий ход – фишка не в бесплатной выпивке, а в имитации личного участия. И хотя прекрасно всё понимаешь – это подкупает.

– Ты на работе? – бармен вновь наполняет.
– На работе…
– Я тоже.

Иронично улыбается, поднимает рюмку, мы выпиваем, и он наливает по третьей. Гамбургер в итоге оказывается преотличным. Насытившись от пуза, я возвращаюсь в офис спустя два с половиной часа. Помаявшись, прикидываю, какое титаническое волевое усилие надо предпринять, дабы превратиться в амбициозного, целеустремлённого инженера, и нахожу это выше собственных сил. Встаю, беру сумку и сваливаю, ни с кем не прощаясь.

Выбравшись из центра, снимаю комнату в придорожном мотеле и заваливаюсь спать.

* * *

Всё продолжается, как ни в чём ни бывало. Будто не было вчера ни моего позора, ни начальничьих истерик. Я копаюсь в алгоритме, Тамагочи пишет план, а Ирис пребывает на экзекуции у Ариэля. Из-за стены доносятся отголоски до боли знакомых интонаций в неуклонно нарастающих тонах. Это надолго, – решаю я и отправляюсь есть один.

Отобедав, надеваю наушники, врубаю электронику пободрее и пытаюсь забыться алгоритмом. Мало-помалу я начинаю чувствовать, что что-то не так. Осматриваюсь. Внешне всё, как всегда. Тамагочи сколопендрой скрючился за компом, Ирис уставилась в монитор. Вроде всё о'кей. Я возвращаюсь к своим делам, но нечто не даёт покоя. Это нечто едва уловимо ощущается краем сознания, словно доигранная пластинка крутится впустую, и игла, соскакивая, царапает виниловую поверхность.

Я исподтишка присматриваюсь к Ирис. И точно, что-то неладно: обычно она сразу улавливает мой взгляд, а сейчас заторможено пялится в одну точку, ничего не замечая кругом. В линзах очков отражаются блики экрана. Тёмный, потом разноцветный, потом синий, потом зеленоватый. Ирис некоторое время сидит без движения, затем жмёт на кнопку. Монитор тухнет. Калейдоскоп повторяется.

После нескольких циклов я наконец въезжаю в суть происходящего – она попросту раз за разом перезагружает компьютер, ждёт, пока система загрузится, и снова делает рестарт.

– Ирис, – осторожно зову я.

Ноль эмоций.

– Ирис!

Выключает, включает и продолжает таращиться в ту же точку. Я обхожу стол и вижу, как заставка Windows сменяется пресловутым холмом.

– Ирис, пойдём покурим… – легонько касаюсь её.

Она вздрагивает и смотрит на меня невидящим взглядом.

– Идём, – осторожно треплю её по плечу и убираю руку, – заодно прогуляемся.

Я делаю приглашающий жест, затем шаг в сторону двери и выжидательно останавливаюсь. Она некоторое время сидит без движения, потом нехотя встаёт и следует за мной.

В лифте Ирис молчит, и я тоже не спешу заводить разговор. На улице наваливается жгучая, душная жара. Мы переходим на тенистую сторону.

– Куда мы? – тускло спрашивает она спустя несколько кварталов.
– Подальше от этого серпентария, – пытаюсь сострить я, но ей не до моих идиотских шуточек. – Хочу показать тебе одно место.

Ирис безучастно кивает. Мы минуем полупустую стоянку и оказываемся у странной дыры в стене. Ирис в недоумении косится на меня.

– Давай-давай, – подбадриваю я.

Мы садимся на скамейку. Докурив, она сбивает огонёк и заботливо прячет бычок в карман. Я протягиваю ещё одну и сам зажигаю следующую. В скверике, как всегда, тихо, спокойно и хорошо.

Под конец второй сигареты Ирис прорывает, и она начинает говорить. И говорит долго, пока не изливает всё накопившееся. Сперва рассказывает об отношениях с Ариэлем, о том, как устала от его постоянных требований и упрёков, и что она ни

делает – всё ему кисло, и слова доброго не дождёшься и так, постепенно, подбирается к сегодняшнему инциденту.

В свете надвигающегося раунда инвестиций, Ариэль требует подделать результаты каких-то прежних опытов. Часть подробностей мне непонятна, но я не уточняю, просто слушаю, давая ей выговориться. К финалу монолога я наклоняюсь и нащупываю потайную крышечку на внутреннем торце подошвы, подковыриваю и достаю. Это святая святых – мой НЗ.

– Ну и хрен с ним, какая разница? – вворачиваю я, почувствовав, что Ирис уже понемногу пришла в себя.

Она поднимает глаза, и в моих пальцах ловким жестом возникает длинный конусообразный косяк. На мгновение я будто слышу ненавязчивый эмбиент[30] и ощущаю уютную атмосферу кофешопа Rokerij. Мы никогда открыто не говорили про дурь, и, заглядывая ей в лицо, я стараюсь оценить реакцию. К моему облегчению, она не шокирована, лишь слегка удивлена.

– White Widow[31], – декламирую я. – From Amsterdam with love.

Бережно возвращаю крышечку на место, раскуриваю и передаю ей.

– Забей. Сделай, как он хочет. Кидать инвесторов – святое дело! Они сами всех кидают. Это у них бизнес называется. Вот и у нас бизнес, а им поделом.

Трава отменная, и вскоре нас накрывает по самое не балуй.

– Кстати о бизнесе: ты замечаешь, что творится? Наша шарашка постепенно превращается в заведение, – Ирис изображает пальцами кавычки.
– В смысле?
– В смысле, в пансион… публичный дом, бордельеро!
– Ирис, ты давно не курила? Да?

Она пытается ответить, но вместо этого заливается хохотом.

– Может, вернёшь косяк? Кажется, тебе уже хватит.

Она глубоко затягивается и передаёт.

---

[30] Эмбиент – стиль электронной музыки, основанный на модуляциях звукового тембра и характеризующийся атмосферным, обволакивающим звучанием.
[31] White Widow – "Белая Вдова" – сорт марихуаны.

– Ну, Ким, Ким, ты чего? Все эти её ужимки и выходки! Ариэля, грозного и могучего Ариэля, она просто берёт на абордаж. Подкрашивается, юбку подтягивает, усаживается к нему на стол и спину выгибает, чтобы была ещё короче, выпускает локон, и пальчиком так… пальчиком… эдакая разновидность офисной шпионки и куртизанки в одном флаконе. Она ж…
– Погоди-погоди, а шпионки-то тут причём?
– А каким, думаешь, образом Ариэль каждый раз знает, когда кто пришёл, ушёл, сколько времени обедал, что делал, пока его нет?
– Да ладно!
– А зачем, по-твоему, ей к тебе клеиться? Уж не от избытка ли материнской любви?! Она постоянно ведёт слежку за новенькими. Под этим предлогом она-то и подкатывает к Ариэлю. Вот, мол, полюбуйся, что на хвосте принесла! Ой, а Тим… – давясь со смеху, Ирис чуть не скатывается со скамейки. – Тим-то наш, бедный! Его она вовсе доконала.
– Ну, Кимберли кого хошь доконает, не то что Тима, я сам еле отбиваюсь. А он-то ей на что сдался?
– Ох, не знаю. По-моему, попросту забавляется. Подловит в тесной кухоньке и начинает шпынять. Совсем зашугала его своими сиськами. Он теперь выглядывает и прислушивается прежде чем выйти в коридор, чтобы ненароком в них не угодить.
– Я думал это всего-навсего ещё одна из его причуд… Вполне вписывается в общую картину болезни.
– Так вот – нет. Она его систематически терроризирует. Выследит, набросится и давай. Тима потом аж колотит, он в угол забивается, прячется за монитор и полдня пытается оклематься. Смотреть жалко.
– Так что ты предлагаешь? Создать общество защиты Тамагочи от молочных желёз нашей офис-менеджер?
– Зачем изобретать велосипед? – Ирис потешно хихикает. – По всем признакам Тим – яркий представитель редчайшего, исчезающего вида млекопитающих. Пора ходатайствовать о занесении в Красную книгу.

*** * ***

– Друзья, я не смог сам разобраться, мне не хватает технических знаний, – в четвёртый раз произносит Стив. – Давайте попробуем…
– Необходимо срочно найти решение, – прерывает Ариэль, исступлённо повторяя эту заветную фразу, тоже далеко не впервые.
– Начнём сначала, – как ни в чём не бывало, Стив заходит на пятый круг. – Устраиваем мозговой штурм, генерируем идеи, определяем направления, делим на конкретные задания, и каждый берётся за свою часть.
– Великолепно, приступаем, – поддерживает Ариэль.

Так протекает совещание по решению кризиса. Мы приступаем и довольно быстро умудряемся заплутать в спорных деталях и частностях.

– Ещё раз, какие у нас основные модули? – снова заводит шарманку Стив.
– Ну, ещё раз, так ещё раз, – обречённо киваю я. – Основных модуля три: генерация сигнала, оцифровывание и сохранение данных.
– Подробнее! – требует Ариэль, сосредоточенно насупившись.

Конструктивность, вносимая Стивом, ему явно по душе. А мне вся эта тягомотина кажется натянутой, и не совсем ясно, что за новую роль разыгрывает Стив.

– O'кей, генерация первичного сигнала. Там, как я уже говорил, несколько субмодулей…
– Вперёд, выкладывай по порядку, – командует Ариэль. – Стив, записывай.
– Погодите… – мягко урезонивает Стив. – Давайте оптимально распределять время и усилия. Прежде чем лезть в дебри кода, испробуем аналитический подход. Ведь вы тут всё сотни раз проверили, и никаких проблем не было. А там, ни с того ни с сего, половина…
– Ну-ну… – нетерпеливо подгоняет Ариэль.
– Так вот, стоит перво-наперво уяснить, что изменилось. В чём фундаментальное различие между здесь и там?

Ариэль кивает, откидывается и закладывает руки за голову, а мы стоим перед ним, как Гамлет и Горацио или Бивис и Батхед, с ходу не разберёшь.

– Хорошо… – медленно начинаю я раз в восьмой-девятый. – Генерация. Первичного. Сигнала. Что могло измениться? – я обвожу их взглядом в ожидании возможных предположений, хотя, естественно, отвечать на вопросы предстоит преимущественно мне самому. – Не вижу никаких фундаментальных различий между Сан-Хосе и Солт-Лейк-Сити. Импульс и его генерация – сугубо внутренние функции системы, никак не зависящие от внешней среды. Есть возражения?

Они некоторое время молчат и вдумчиво морщат лбы.

– Возражений нет, я так понимаю? – резюмирую я.
– Я лично не вижу, значит придётся копать глубже, – качает головой Ариэль.

Стив выводит на доске заголовок.

– Отлично, дальше – оцифровывание, – нетерпеливо продолжаю я. – Оцифровывание – оно и в Африке оцифровывание, и снова нет никакой разницы между Сан-Хосе и Солт-Лейк-Сити. Мы рассматриваем крайне широкий спектр

частот, который мог бы подойти не только для наших сенсоров, а практически любых других. Более того, ни в сенсорах, ни в электронной плате, ни в коде мы ничего не меняли. Ваши мнения?

Сцена с нахмуренными лбами повторяется.

– Все согласны, – заключаю я, выждав пару секунд.

Стив записывает на доске – "Оцифровывание".

– Ну и последнее, – спешу отделаться я. – Хранение информации. То же самое: берём что намерили, урезаем до нужного диапазона и сбрасываем на жёсткий диск. Хочу заметить, что мы используем датчики одного типа, соответственно, диапазон – тот же. Плюс, мы их проверили, и сомневаюсь, что у сенсоров могут иметься сантименты географического толка. Полагаю, им глубоко фиолетово – излучать ультразвук в Калифорнии либо в ином штате.

Компаньоны предприятия "Рога и Копыта" вновь изображают на лицах мучительную работу мысли.

– Вот и славно, – я с трудом сдерживаю улыбку. – Значит, приступим…
– Не понял… – задумчиво произносит Стив. – А зачем урезать частоты? Ведь частоты… я имею в виду, разве…

С меня вмиг слетает насмешливость.

– Fuck! – кричу я. – Ну, конечно…
– Да! – вскакивает Ариэль. – Точно!
– Слушай, Арик, а на сколько меняется базовая частота?
– Процентов на десять-пятнадцать… – мямлит шеф, в бессилии плюхаясь обратно в кресло.

Тишина немым укором заполняет пространство офисного помещения.

– Я что-то упустил? – наконец нарушает молчание Стив. – Можно поподробнее?
– Да… Блин… Понимаешь, когда мы… – принимаюсь объяснять я. – Нет, ну я не верю! Как нас угораздило?!
– Это моя ошибка… – страдальчески отзывается Ариэль.
– Не, ну я тоже хорош.
– Я должен был тебя предупредить…
– Да я и сам мог бы догадаться… – мне трудно уступить в этом состязании за первенство в идиотизме.

Мы замолкаем. Выждав приличествующую паузу, Стив машет ладонью, картинно изображая "Hello".

– Да, это… в общем… – нехотя признаюсь я. – Эхо, то есть сигналы, отражённые от живой ткани и отражённые от мёртвой, несколько разнятся. Мёртвая ткань жёстче и плотнее, тем более после заморозки. А при хранении берётся узкий диапазон вокруг основного пика. Процентов десять. Это… оптимизация такая… хорошо ещё, что до пяти не дооптимизировались…

Стив кивает, и мы снова сокрушённо молчим. Несмотря на красивый жест Арика, готового взять на себя вину, моя критиканская ошибка занозой застревает в сознании. В итоге Стиву приходится повторить мотивационный спич, уже произнесённый им в конце злосчастного заседания. Мы понемногу приходим в себя. Проблема установлена, можно расходиться.

– Молодец, – благосклонно кивает Ариэль. – Если так продолжишь… – фраза обрывается, и у меня складывается впечатление, что продолжение не предназначено для моих ушей. – Молодцы! Оба… Оба молодцы! – скомканно поправляется он. – Впредь готовим отдельную конфигурацию для больничных опытов.

* * *

Как и договаривались, я сделал несколько конфигураций, отретушировал мелкие детали и исправил пару багов, не переставая удивляться, как они не всплыли на эксперименте. Уцелевшая половина результатов оказалась вполне удовлетворительна, а новые сенсоры проявили себя в лучшем виде, превзойдя наши весьма умеренные ожидания, и, в целом, несмотря на досадную оплошность, перспективы вырисовывались очень даже многообещающие.

Всё постепенно приходило в норму. Покончив с эквизишн кодом, я вернулся к алгоритму, посмеиваясь над Тимом Чи, продолжавшем планировать, раздувая щёки и разводя канитель вокруг своего игрушечного проекта, который я забацал практически за сутки.

* * *

В пятницу нам с Ирой встретиться не удалось. Пока она управилась с делами по дому, пока уложила Алекса, – было уже поздно. Я работал и, увлёкшись, засиделся до утра, а затем, почти не спавши, отправился в автосервис. За последние месяцы Challenger порядком обтрепался и требовал капитального

ремонта. Он был моим ровесником – восемьдесят второго года выпуска. Я разжился им ещё в студенчестве, не только потому, что мне нравился гордый изгиб линий и скрытая за ним сила, – само название совпадало с моим тогдашним прозвищем.

Был такой анекдот про обкуренного филина, суть которого я уже не помню, но заканчивался он фразой: "Ну что допыхтелся, Челленджер?". Challenger – мне нравилось и звучание, и значение, да и судьба погибшего космического корабля придавала этой кликухе так импонировавший тогда флёр беззаветного героизма. И всё же, возвращаясь к машине, – сегодня, с учётом хорошо оплачиваемой работы, можно приобрести новую и не маяться с этим старьём, но, немало проскитавшись вместе по годам, городам и весям, мы настолько породнились, что расставание было бы чем-то сродни предательству. Даже мысль об этом казалась кощунственной.

Ближе к вечеру позвонила Ира и сообщила, что Алекс остался ночевать у школьного товарища. Это было как нельзя кстати. Очутившись у меня, она ужаснулась вновь воцарившемуся бедламу и вознамерилась безотлагательно дать бой отъявленному разгильдяйству. Я запротестовал, но мои аргументы были зарублены на корню. Ира заявила, что не в силах пребывать в захламлённой обстановке. Тогда я взялся помогать, но оказалось, что лишь мешаю.

В итоге мы условились ограничить её внезапный приступ санитарии неизбежным сорокаминутным минимумом, а мне было велено идти чем-нибудь заняться и не путаться под ногами, что я и сделал, завалившись в постель с книжкой. Приняв горизонтальное положение, я расслабился, ощущая растекающуюся по телу приятную усталость, и после нескольких страниц невольно уснул.

* * *

Проснувшись поздним утром, я пришёл в ужас. Выскочил в гостиную – Иры нет. Метнулся во двор, где она любила покурить. Там нещадно палило солнце. Иры не было. Вернувшись в квартиру, стал смутно припоминать, как она тормошила меня, а я, должно быть, мычал что-то невразумительное. Я ворвался в спальню и, осмотрев кровать, понял, что она не ложилась. Опять выбежал в гостиную, потом на улицу, будто она могла где-то спрятаться.

Медленно закрыв входную дверь, прислонился к стене в прихожей. Какой же я придурок… Тяжело сполз на пол, представляя, как она просидела всю ночь одна, ожидая, пока я соизволю проснуться, и потом уехала утренним автобусом.

Когда отпустил первый приступ самобичевания, я понял – надо срочно звонить и

каяться, и поплёлся искать телефон. По дороге заметил, что её разноцветный браслет, уже давно ставший декоративным элементом моего интерьера, исчез. Бросился к стеллажу, где была воткнута её серёжка, которую я не без боя отобрал ещё в начале наших отношений. Серёжки тоже не оказалось. Дальше я убедился, что из ванной исчезла зубная щётка и тюбики с кремом, а с полки в шкафу пропали те немногие вещи, которые она держала у меня.

До меня, наконец, дошло очевидное. Она ушла. И ушла навсегда. Я зачем-то вновь вернулся в прихожую, опустился на пол и обхватил голову руками.

Глава 13

> Маэстро… Сейчас я хочу приготовить самый убойный коктейль из тех, что я знаю, а вы будьте добры – смягчите силу удара, как можете. Мне-то уже всё равно, а вот за зрителей своих я немножечко волнуюсь…
>
> Mr. Freeman

На первом свидании Ира была настроена решительно, будоража и держа в постоянном напряжении. А второе закончилось в моей постели. И вот я везу её домой, мы молчим, переполненные аурой первой близости и заново переживая яркие мгновения. Мы подъезжаем, Ира выходит из машины, одёргивает юбку и произносит всего одно слово:

– Сволочь.

Взгляд её затуманен и на дне его мерцают угольки, словно острые когти, утопленные в мягких подушечках лап. Она удовлетворённо потягивается с грацией благодарной самки. И это последний штрих. От звука её охрипшего голоса впечатления только что состоявшегося сексуального акта накатывают снова с утроенной силой. Нечто внутри переворачивается, качели делают солнышко, и эта сцена намертво впечатывается в моё сознание.

* * *

Вам налить? Пока нет? Тогда, с вашего позволения, пью один. Так, Дальше![32]

* * *

Мы в суши баре. В один из тех немногих вечеров, когда удалось куда-то выбраться. Потягиваем остывающее саке, кушаем суши. И тут Ира делает одну из вещей, свойственных женщинам в начальной стадии отношений. Она просит посмотреть, что я ношу в кошельке. Я, естественно, соглашаюсь. Перебрав стандартный набор содержимого мужского бумажника, она обнаруживает карточку из плотной бумаги.

– Это что? – спрашивает Ира.

А карточка найдена в одном из ночных скитаний по дебрям Лос-Анджелеса. Я шёл вместе со своей "бездной", увидел и сразу понял, что это мне. Это карта из

[32] Из видеоролика "О России", проект Mr. Freeman.

детской игральный колоды. На ней голубой парусник с тремя мачтами, высокой палубой и гордо задранным бушпритом, кормой с надстройкой и раздутыми попутным ветром парусами. А под картинкой написано "Спасательный корабль". Я положил карточку в кошелёк, и с тех пор она всегда со мной.

Когда я заканчиваю эту историю, Ира достаёт ручку и, закрываясь ладонью, что-то выводит. Затем протягивает мне. "Я.Т.Т.Л." – написано сверху на полях. И это "тоже", и признание в письменной форме, аббревиатурой, на полях моего Корабля спасения, вызывает грустную улыбку. А я уже давно сказал ей, что люблю. Ещё на третьей неделе. Неожиданно для нас обоих. Обычно я крайне осторожно отношусь к этой фразе и до этого, в таком контексте, произносил её один или два раза. Но тогда нам было так здорово, чувства были столь чисты и возвышенны, что я не удержался и сказал.

* * *

Ещё рюмочку? Давайте-давайте! Не стесняйтесь! Опять один? О, народ… О, народ![33]

* * *

Незадолго до Корабля я нашёл меч и пистолет. Тоже детские. Меч был маленький, но красивый. Я решил, что у настоящего воина должен быть меч. И подобрал. Потом нашлась ещё одна штуковина из стальной проволоки, совершенно неясного назначения. Из неё торчали два наклонных штыря, на концах закрученных в кольца, размерами идеально подходящие к мечу. Я вставил меч эфесом в кольца и воткнул штуковину в приборную панель.

А пистолет был совсем как настоящий, увесистый, с тугим затвором. Взводить его было приятно. Только патронов к нему не было. Его я тоже положил в машину. Каждое утро, когда я выходил из дома, меня ждали мой меч и мой пистолет. Ритуал повторялся неизменно – я садился, брал пистолет, взводил и стрелял себе в правый висок. Потом клал оружие на место, включал двигатель и ехал завтракать.

Пистолет в итоге сломался от частого употребления, и я его выбросил. А меч и по сей день воткнут в приборную панель.

* * *

[33] Mr. Freeman.

Кажется, алкоголем тут не обойтись. Иду в спальню, достаю из тайника марки[34], кладу одну под язык и в ожидании кислотного прихода подлечиваюсь косяками.

* * *

В тридцать лет пропал смысл. Я больше не видел его в том, чем занимался изо дня в день. Стало окончательно ясно, что основная цель всех человеческих действий состоит в постоянном замазывании внутренней пустоты. Я решил прекратить лицемерный самообман и три года учился неотрывно глядеть в эту бездну.

Замазывание подобно звону погремушек из масс-медиа, мнимых идеалов и социальных установок, которым общество бряцает пред носом индивидуума, чтобы отвлечь от ужасающей пустоты. С этим пора было покончить, и в неистовом поиске оптимальной кривой, проходящей через точки локальных минимумов топографии моих психозов, я бросил работу, учёбу, выписался из рядов кого бы то ни было, порвал все отношения и свёл практически к нулю контакт с внешним миром. Я говорил по десять слов в день и старался прекратить какие-либо действия, избавиться от привычек, от вовлечённости любого рода… А затем стал тренироваться останавливать внутренний диалог.

По сути мы имеем дело не с миром, а с его описанием, ежесекундно формирующимся в голове. И эта разница существенна. Мир теряет вкус и цвет, потому что ум взрослого человека мгновенно категоризирует любые явления, подменяя их ярлыками. Вот, скажем, конфета: в детстве я ел конфеты и чувствовал подлинный вкус. Это было неописуемо здорово. А сегодня я имею дело с интерпретациями, точнее, с инвентарным списком.

Я не вкушаю такую невероятно вкусную штуку, а грызу ярлык с маркировкой "Конфета", и уже не способен получить то былое удовольствие, когда я ел конфету всем телом, всем естеством, и был истинно счастлив. И так со всем остальным, ладно конфета… есть вещи и поважнее. Но и их, для меня, взрослого, вроде как и нет. Нет ничего. Ни солнца, ни ветра, ни любви, ни счастья, – одни номенклатурные наименования.

Но тогда внутренний диалог мешал мне совсем в ином смысле, постоянным шелестом истёртых ярлыков, отвлекая от созерцания таившейся внутри космической пустоты. И я вёл борьбу с этим явлением. Но когда удалось избавиться от вещей, заслонявших бездну, меня охватил панический страх и депрессия. Я старался превозмочь собственные фобии и в какой-то момент

[34] Марка – распространённая форма сбыта и употребления ЛСД. Квадратик бумаги или картона с цветным рисунком, пропитанный кислотой. Марка содержит одну дозу препарата.

осознал, что страх, как и сопротивление ему, – лишь очередной способ ретушировать индивидуальную пучину. Более того, любая эмоция – просто повод отвлечься и трусливый побег от священного ужаса перед живущим в нас чёрным омутом.

А если взглянуть на человечество со стороны – наблюдается жуткая картина. Мы настолько увлечены этим замазыванием, что готовы перегрызть друг другу глотки по поводу незначительных нюансов неких частных процессов, позабыв, что суть не в повышении каких-то там показателей или в заработной плате, а в том, что весь этот дичайший процесс цивилизации затеян лишь ради того, чтобы не дай бог не вспоминать о воющем в каждом из нас космическом вакууме.

А в чём идея? Идея в том, что, осознавая происходящее, можно если не изменить саму ситуацию, то хотя бы поменять своё отношение к ней. И прекратить париться. Избавиться от постоянных сизифовых мук, на которые мы обречены, подобно древнегреческому герою. Ведь любое серьёзное дело почти всегда превращаются в сизифов труд.

Каждый из нас катит камень к вершине горы, и всякий раз, когда тот срывается, мы безумно переживаем. Но катание камней само по себе – нормальная деятельность. Это работа, и если ты не лентяй, то, образно выражаясь, катать камни ты, в принципе, не против. Но фишка в том, что человек живёт надеждой в итоге добраться до вершины. Более того, ему порой кажется, что в вершине и заключается цель, смысл и даже избавление.

В этой мечте, безмерно раздувающей ожидания, и кроется корень грядущего разочарования. Ведь, как правило, достичь вершины не удаётся, а даже если удаётся, момент полного триумфа не наступает, так как, бесконечно пережёванное в грёзах, само событие меркнет на фоне гипертрофированной предвкушением утопии. Не говоря уж о том, что "Вершина" – не более чем очередной ярлык, положим, чуть менее замусоленный, чем "Конфета", но всё равно ярлык.

А пока человек разрывается между стремлением докатить камень и разочарованием по поводу того, что это никак не получается, или получается, но не так, как хотелось, – жизнь незаметно проходит мимо. Возможно, что-то могло сложиться иначе, доведись ему понять и запомнить, что катание камней и есть жизнь, и если уж существует вообще какой-то смысл в этой деятельности, то отнюдь не в том, чтобы докатить, а в самой себе, в самом бытие… Либо, на худой конец, в том, чтобы забыть о пропасти, разверзающейся под ногами.

В этом заблуждении, ведущем к бесплодным надеждам и постоянным разочарованиям, и заключается наказание. Мучения Сизифа не физического, а

морального толка. Сизиф – прообраз всех нас, обречённых постоянными ожиданиями на не менее постоянные разочарования.

Но всё не так просто, ибо эту незамысловатую истину легко постичь, но крайне сложно воплотить в жизнь. Стоит взяться катать камни, и даже если постоянно проговаривать себе, что смысл не в вершине, всё равно, невольно возникает стремление к достижению цели. И всё – ты влип. Незаметно появляется вовлеченность, ожидания и, как результат, – неминуемые разочарования.

В итоге, ничего у меня не вышло. Я не стал сильнее или мудрее, не сумел раствориться в бытие как таковом или избавиться от страхов и не смог победить в гляделки собственную бездну. И раз смысл не в действии, а в замазывании, я выбрал то, что было наименее противно. Примерно в то же время на просторах интернета я наткнулся на онлайн-игру по мотивам средневековых феодальных войн. И я расслоился на две чуждые сущности: ночи топил в алкоголе и наркотиках, а днём уходил в виртуальный мир тотальной резни.

Быстро став лидером, я завоевал город Китеж, дабы установить в нём справедливые законы, достойные воинов света. Но в этом мире власть была давным-давно продана и перепродана, со всеми вытекающими, а мой идеализм в эту схему никак не вписывался. Оказавшись перед выбором, я не смог и не захотел пойти на компромисс. Собрав своих бойцов, прочёл пламенную речь и повёл их в затяжную бесперспективную войну ради призрачных и никому не нужных моральных ценностей.

В этой отчаянной и беспощадной бойне полегли все мои соратники – люди, шедшие за мной и верившие в воспетый мной идеал. Выжило только двое. Но мы не сдались и наотрез отказались вступать в переговоры с другими лидерами, запачканными кривдой. Мы воевали виртуозно с тактической точки зрения, но не добились ничего, кроме понятного нам одним самурайского конца этой феерически бесславной эпопеи.

* * *

Ещё по полмарочки? Нет?! Отчего же? Полмарочки никак не помешают!.. Маэстро, музыку!.. Великолепно!

* * *

Ира ушла. Навсегда. Её больше нет в моей жизни. Всё кончилось. Осознание этого факта накатывает с новой силой, вырывая из воспоминаний.

Звонить я не стал. Ира не из тех персонажей, которые уходят ради очередного эмоционального всплеска. Не будет криков, обвинений и слёз. Не будет заламывания рук и журавлиного бега, как в замедленной съёмке, в распростёртые объятия друг друга. Не будет всей этой слюняво-розовой пошлости. Не тот случай.

Будет глухая стена. Она не ответит. Это не закидон истеричной тёлки, а обдуманное, взвешенное решение. И принято оно не в одночасье, не сгоряча, а холодно и расчётливо. А вечер, когда я уснул, стал лишь последний гвоздём в гроб наших отношений.

Я не звоню. Если позвоню один раз, то позвоню в другой, стану злиться, надеяться, придумывать радужные или, наоборот, слёзные сцены примирения. Оттачивать аргументы и эффектные реплики, которые никто никогда не услышит. И так, пока не изведу себя дотла. Буду звонить в третий, и в пятый, и в двадцатый раз. Но она не ответит. Единственной реакцией на любые мои поползновения будет стена, и дело не в том, что я боюсь разбить об неё лоб, и плевать на гордость, но шансы на успех такого предприятия – нулевые. Я лишь испорчу сопливой истерикой одну из немногих красивых вещей в своей жизни.

Я стискиваю покрепче зубы и по кускам вырезаю из себя Иру. Мне не удаётся одним махом, как сделала она. Интересно, останется ли хоть что-то после этой вивисекции? Или одна окровавленная, измученная оболочка? Я ощущаю себя чучелом диковинного животного, забытым в затхлом чулане и набитым опилками чужого, краденого содержания. И всё, что исконно моё в этом чучеле, – это кожа, и та дана лишь для того, чтобы чувствовать боль от каждого соприкосновения с миром.

Странно, вроде мы были вместе недолго, но только сейчас я начинаю осознавать, насколько они с Алексом успели войти в мою пропащую жизнь и заполнить меня всего. Насколько я сроднился с ними. Алекс зовёт меня, рассказывает о школе, о друзьях и о своих приключениях. Как же, оказывается, я изголодался по человеческому теплу. По ласке, по нежности, по чистоте простых вещей. Оглядываясь назад, кажется невероятным то, с какой готовностью я влился в круг их повседневных радостей и забот, и как быстро и всеобъемлюще жизнь насытилась новым смыслом.

Порой представлялось, что мы вместе летаем в BioSpectrum. Я говорил об Арике и Тамагочи, как об общих знакомых. И чудилось, что мы вместе работаем в её книжном магазине, так много я знал об их будничных перипетиях. И так же вместе растим Алекса. А теперь выясняется, что это не так. И похмелье от этой иллюзии тяжелее, чем я мог представить. И нет лекарства… Алкоголь не снимает боль, а загоняет глубже, словно иглы под ногти. И брешь, разверзающаяся во мне, когда я

ампутирую из себя Иру, слишком велика. Я узнаю старую знакомую. Вот она – моя бездна.

В сущности, так и должно быть. Она, как всегда, права. Мы прекратили совпадать во времени. Банально и глупо, но насущно и неотвратимо, как десять ноль-пять. Ковчег нашей любви разбился о первые рифы быта. И, возможно, оно к лучшему. Скорее всего, за ними не ждало счастливое будущее. И она, как человек более практичный, вероятно, поняла это давно, если не с самого начала, и приняла мудрое решение. Чтобы не привязываться, не пестовать несбыточные мечты и не усугублять боль.

Я перебираю яркие мгновения – радости и обиды, смешные и грустные картинки наших отношений. Листаю альбом воспоминаний. Каждое из них осторожно вынимаю кончиками пальцев, рассматриваю и, бережно обернув оболочкой тоски, аккуратно возвращаю на место.

Вспоминаются маленькие моменты, которым не придавал значения. Как мы засыпали вместе, какое счастье было вызвать её улыбку и как становилось тепло на душе от её смеха. И какой-то совершенно незначительный момент: мы были у меня, она вышла во двор и, вернувшись, взглянула вдумчиво и пронзительно. В её глазах было нечто, чего я тогда не понял. И именно сейчас это всплывает, резонируя и бередя душу.

А расставаясь до следующей встречи, она всегда уходила быстро, без долгих прощаний. Мне это нравилось. Но прежде была секунда, когда она останавливалась и тихо смотрела на меня, как бы вбирая, чтобы взять с собой. От накала, звеневшего в этом кратком миге, поначалу каждый раз перехватывало дыхание.

Но образов мало. Внутри столько боли, что не терпится её умножить. Мне не хватает боли! Хочется, чтобы она захлестнула меня. Хочу захлебнуться ею! Но я ещё барахтаюсь. Мне нужно потрогать. Ощутить что-то принадлежавшее ей своими пальцами. Почувствовать кожей. Обжечься. И я вновь принимаюсь искать её вещи. Переворачиваю весь дом, жаждая найти хоть что-то. Я готов на что угодно – на мятую пачку, забытую заколку, на гущу в кофейной чашке. Но нет. Не забыто ни соринки, ни волоса. Она не допускает ошибок. Она забрала всё. Ушла целиком. Без остатка. Не сохранилось ничего. Даже окурка в пепельнице.

* * *

Извините, больше не предлагаю – пью один!.. Сейчас, переведу дыхание…[35]

* * *

Встречаясь с женщиной, у которой есть ребёнок, максимум, на что можно рассчитывать, – это третье место в списке её приоритетов. Третье! На первом, естественно, сын. Тут не поспоришь. На втором – работа. Так как работа – способ добычи средств для того же ребёнка. У неё нет возможности выкобениваться. Ходить, либо не ходить. По настроению ударяться в загулы или любовные угары, терять голову и заявляться на службу в виде одолжения, после долгих уговоров начальства. Этого ей не позволяет ни сын, ни социальное положение. И так, в лучшем случае, остаётся номер три.

Ваш номер три, скажите "спасибо" и улыбайтесь! В то время, как для меня Ира была прежде всего, и я преспокойно мог наплести что-нибудь Арику ради ещё нескольких часов с ней, даже теперь, в период, когда крайне важно завоевать авторитет на новом месте.

Номер два можно просто купить, взяв на себя финансовые заботы. Но, во-первых, для такого шага было несколько рановато. А во-вторых, своего места хотелось бы добиться иным путём. Конечно, со временем, я бы принял на себя эти обязанности, но столь меркантильный способ приобретения активов в сердце любимой женщины плохо уживался с моим идеализмом. И хотя я прекрасно понимал, что обстоятельства диктуются насущными бытовыми условиями, терпкий привкус всё равно оставался. Мне, как человеку, культивировавшему здоровый эгоизм, было сложно смириться с номером три и, если уж совсем честно, с два тоже.

Всё постоянно напоминало об этом – время и душевные силы выделялись мне лишь после того, как было сделано остальное. Нам приходилось учитывать не только распорядок Алекса, а также её левые подработки. Денег из гордости она не брала, что создавало абсурдное положение, когда я откладывал свою высокооплачиваемую работу, подстраиваясь под её копеечные халтуры, а Ира разрывалась, силясь выкроить часок-другой между заботами об Алексе и служебными обязанностями для наших кратких свиданий.

Я часто замечал, что, несмотря на лучшие побуждения, мысли её заняты иным. Больно было смотреть, как вместо того, чтобы уделить время нашим отношениям или себе самой, расслабиться и хоть немного отдохнуть, её сжирают мелкие интриги подковёрных баталий никому не нужных коллег и плутоватых, мелочных

---

[35] Mr. Freeman.

работодателей. От уродства и безысходности ситуации хотелось выть и крушить всё подряд.

Ира действительно нуждалась. Перебиваясь двумя грошовыми работами "по-чёрному", ей еле удавалось сводить концы с концами. И хотя я верил в искренность её чувств, время от времени всплывали подлые вопросы. Почему она меня выбрала? Потому что я неплохой добытчик? Даже очень завидный, а если Ариков замут выгорит, и подавно. Или меня выбирают, поскольку Алексу нужен папа? Почему выбирают меня? Потому что нужен отец, а я не худший кандидат? Я и сейчас верю Ире, искренне верю, но вопросы есть, они очерняют иллюзию, в которой я пытался пребывать, и никуда от них не деться.

По сути, пока ты не взял на себя роль добытчика, ты просто развлечение. Не красивая утопическая любовь, возможно, инфантильная, но такая, к коей наивно стремятся всеми фибрами души. Не та, которая мечта и смысл, ради которой… Словом – не та. Ты так… – десерт. Ты nice to have[36]. А если вдобавок ты устраиваешь эмоциональные встряски и смеешь иметь запросы, то вовсе рискуешь превратиться в досадную помеху.

Да и Алекс – уже не дитя, а сформировавшаяся личность. Ему вот-вот семь. Он почти взрослый. У него есть отец. Его воспитал другой мужчина, и он для Алекса – модель для подражания. В этом раскладе меня не всё устраивает, но сколько ни старался, я так и не смог полностью от этого абстрагироваться. Он не мой сын, которого я воспитывал. Иногда в нём проявляются уже укоренившиеся мировоззренческие установки, от которых меня передёргивает.

Всё это непросто и неоднозначно, потому что он меня очаровывает. При всех своих несовершенствах, я очень люблю детей. С ними гораздо интересней, чем со взрослыми, перенявшими общепринятые нормы, наглухо зашорившись в высмотренном из телика поверхностном восприятии и окопавшись в рамках "легитимных" тем, даже в них придерживаясь исключительно "адекватных" суждений. Ах да, и вот ещё… Как же я запамятовал ещё одно омерзительнейшее качество, присущее взрослости, давно превратившееся в повинность – непременно лезть из кожи, стараясь казаться позитивным. Ведь иначе ты лузер. А лузер в двадцать первом веке – худшее оскорбление.

А дети не бывают позитивными, они либо радуются от души, либо не радуются никак. Дети могут удивить, показать что-то новое. То новое, которое на самом деле хорошо забытое старое, и которого так не хватает. Задать вопрос не каверзный, а искренний, способный поставить в тупик и вывести за рамки, в которых ты давным-

[36] Nice to have – приятное дополнение.

давно залип вместе с остальным стадом.

Но есть папа Алекса. И когда в этом маленьком, искреннем ребёнке проступают перенятые у отца и по-детски утрированные плебейские социальные установки, я не знаю, как реагировать. Меня раздирают противоречивые эмоции: жалость, злость, обида и сострадание. Единственное, что неясно, – кого жалею? Себя? Алекса? Иру?

И ещё одно шкурное соображение: Ира родила другому мужчине. Куда ушли её жизненные соки? Они ушли в милое, приятное существо. Но… оно не моё. Не моё. Что это? Ревность? Расчётливость? Иногда я замечал в глубине её глаз надломленность. Жизнь матери-одиночки, которой не удалось толком устроиться в чужой стране, без алиментов и практически без родительской поддержки, подточила её. Где-то там, в пути, в нелёгкой борьбе она растеряла, отдала, пожертвовала слишком многим, чего уже не вернуть. И смотреть на это так больно и обидно, что хочется рыдать в голос и разбивать кулаки о закрытые двери.

* * *

Вы находите ЛСД плохой закуской к алкоголю? Позвольте с вами не согласиться. Маэстро, музыку погромче! Громче!

* * *

Люди делают детей, чтобы забыться. Отвлечься от страха одиночества, безысходности и, в конечном счёте, смерти. Для этого они приводят в этот холодный и жестокий мир новые человеческие существа. Эта картина видится мне фантастически ужасающей. Но что самое чудовищное – всё без толку, ведь ничего, по сути, не меняется. Ни страх, ни одиночество не исчезают, а просто отходят на задний план. Они присущи человеческой форме, и изжить их нам не суждено. Однако из века в век двуногое ради мнимого избавления обрекает на ту же пытку ещё одно, или два, или три таких же, как оно, беззащитных создания.

Из эгоистических соображений гомо сапиенс бросает в кровавую мясорубку своего потомка. Словно на расстреле, прикрываясь от пуль. Но как ни тужься, расстреляют всех поголовно! Час казни не отсрочить трусливым поступком. Амнистии не предвидится! Все это прекрасно знают, но всё равно делают, тщетно пытаясь облегчить страдания в ожидании конца.

На муки, которые родитель сам не выдерживает, он обрекает не каких-то там врагов, а детей. Своих детей! Казалось бы, самых любимых и близких существ, коим, подобно ему, придётся страдать от опустошённости, бессмысленности,

никчёмности и страха той же смерти.

И несчастный потомок в какой-то момент, вероятно, примет то же решение. Родит ребёнка, то есть уже внука того первого мерзавца, не решив при этом ни одной из терзавших его проблем. И таким образом, кумулятивная сумма человеческого страдания множится в геометрической прогрессии с приростом населения и с увеличением продолжительности жизни.

Наша несчастная планета тонет, захлёбываясь в боли и ужасе. Задыхается в немых мольбах об избавлении. И при этом некоторым особо одарённым индивидуумам удаётся настолько себя обманывать, что им в каком-то сомнамбулическом забытьи кажется, будто они творят благодеяние… даруют жизнь, трах-тарарах! Это ж надо?!

Мы зажмуриваемся и улыбаемся. Мы говорим: дети – это счастье. Дети – цветы жизни. Мы умиляемся и поздравляем друг друга с каждым явлением на свет нового, заведомо обречённого, существа. А какое право мы имеем за них решать? Быть им цветами или нет. Кто сказал, что за сомнительное удовольствие стать счастьем чьей-то жизни они готовы расплачиваться грядущим страданием? С чего вы это взяли, если сами не справились?! Если не нашли внутри достаточно оправданий для собственного бытия, и вам пришлось… Да, я настаиваю, пришлось! Вам пришлось рожать, чтобы свалить на них это тяжкое бремя и взамен черпать силы и смысл жить дальше.

Возможно, родителям казалось, что они произвели потомство от избытка счастья и любви?! Чёрта с два! Всё это ложь! Во-первых, давайте не путать гормональную эйфорию юношеской влюблённости и сексуального влечения со счастьем. А во-вторых, большинство людей становятся родителями в довольно раннем возрасте, ещё мало что осмыслив, а потом уже не до того. В этом-то, в сущности, и дело. Так механизм и работает. Ибо нефиг, меньше знаешь – крепче спишь. К чему шевелить мозгами? Айда плодиться!

Это не сознательное решение, а стадный инстинкт, слепое следование общественным конвенциям. Целостному человеку нет нужды перекладывать ответственность на других, чтобы найти оправдание собственному существованию и бороться со страхом и одиночеством. Но к чему брать на себя непосильный труд, когда так удобно спрятаться за лицемерной ширмой социальной нравственности и морали?

И ещё раз, кто сказал, что дети хотят быть цветами жизни? Готовы ли они ценой собственных страданий скрасить старость дедушек и бабушек и удобрить останками почву для будущих поколений? Ведь их родители не готовы! И вы не

готовы! И я тоже не готов! Мы все не готовы! Просто у нас уже нет выбора…

Помимо того, дети – идеальная отмазка для неприметного индивидуума. Помогает создать иллюзию, что ты что-то сделал и чего-то стоишь. Кем бы ты ни был, пусть самым последним ничтожеством, а произвёл потомство и опля – ты отец или мать. Звучит весомо и позволяет успешно отгородиться от собственной никчёмности. Тебе причитается хвала, почёт и уважение, да и перед собой легче оправдаться. И потом, оглядываясь назад, можно говорить, что делал всё ради детей, жертвовал карьерой, стремлениями, творческими порывами, которых, возможно, и в помине не было…

В общем, дети крайне удобны во многих отношениях, не говоря уже о своекорыстных соображениях заблаговременно заручиться опорой в старости, низводящих потомство до уровня тягловой силы. Но это уже столь невообразимые высоты эгоизма, что кружится голова, представляя пирамиду истлевших костей, уходящую фундаментом во мглу истории, на коей покоится наше общество. Как бы то ни было, вдумайтесь: сколько кругом людишек, кроме этого папства и мамства, ничего из себя не представляющих! А мы гладим их по головке и приговариваем – молодцы, ничего страшного, не из вас, так хоть из ваших детей что-то выйдет…

И снова эта извечная убаюкивающая иллюзия счастливого будущего…

На самом деле, избежать этой доли невероятно сложно. Это ловушка. Мы назвали её красивым выражением – инстинкт продолжения рода, и сняли с себя ответственность. Инстинкт – и мы не при чём. А по сути, это слабоволие.

Сложно остаться чистым. Одного осознания мало. Это действительно ловушка, и прехитро сконструированная. С возрастом всё труднее устоять перед соблазном переложить часть ответственности на своё чадо. Человек, который пытается оставаться осознанным и не забывается работой или религией, с годами становится более и более одинок. И на горизонте всё явственней маячит малоприятная финишная прямая. "А что может быть хуже смерти? Одинокая смерть!" – кричат ему отовсюду.

И если удаётся оставаться искренним с самим собой, и не искать спасения за счёт чужих страданий, и не рожать детей, – на тебя начинает давить социум, друзья и родители, которые так хотят внуков. Человечество со всей многовековой историей, культурой и ценностями смотрит с укором и вопрошает: "Как же так?! Почему ты не произвёл потомства?!". И нет тут ничего странного, ведь адепты моей точки зрения вымирают в первом поколении. Осознал, не продолжил род и всё, твоя точка зрения гордо умерла вместе с тобой.

А выживают малодушные подлецы с гнусной идеологией, из которой, как лопухи из навоза, эти ценности и произрастают. И они смотрят с укором и говорят: "Как же так!". И этому конструктивному, в эволюционном смысле, мнению крайне сложно противопоставить свою упадническую философию. И может показаться, что они правы. Но на самом деле, все неосознанно хотят перемазаться кровью и страданием будущих поколений и забыться… забыться… забыться…

Они не просто хотят, им жизненно необходимо, чтобы ты тоже поскорее перемазался кровью и не совал им в рожу оскорбительные обвинения.

А дилемма донельзя проста. Надо выбрать между собственным нынешним страданием и будущим страданием другого. Вот только сделать честный выбор и следовать ему совсем не легко.

И мне кажется, что в свете всеобщего безумия, малодушного, подлого предательства собственных детей и бесшабашного заклания будущих внуков и правнуков, гораздо честнее глушить страх спиртом и наркотой. И следующий стакан я выпью за вас, бездетных наркоманов и алкоголиков. Я хочу верить, что мне хватит воли достойно умереть рядом с вами. Всеми забытым и заброшенным, во мраке и холоде одиночества. Изуродованным морально и физически, но хоть немного чистым душой.

* * *

Ещё по стаканчику? Стопроцентная гарантия! Два глотка и сутки счастливого анабиоза! Ваше здоровье, дорогие мои! И долгих лет жизни![37]

* * *

Три недели ухнули в никуда. Днём я работал в тупом остервенении, а потом приезжал в тот же мотель, пил, курил и заваливался в постель. Ночевать у друзей я прекратил. Пропало всякое желания видеть, а тем более слышать кого бы то ни было. Не хотелось, чтобы кто-то жалел, утешал или отвлекал меня от погружения в сладкие глубины депрессии.

Вечера я убивал в ближайшем пабе. Садился в дальнем краю стойки, и бармен без лишних разговоров приносил мне первый стакан. Он хваткий малый и сразу усёк, что меня лучше не трогать. На выходные я возвращался домой. Задраивал окна, чтобы солнечный свет не резал воспалённые глаза, и закидывался кислотой. А на отходняках – валиум и четыре банки пива, и ещё таблетку, чтоб поскорее

[37] Mr. Freeman.

забыться и уснуть.

* * *

Алекс трижды назвал меня папа.

Мысль останавливается на этой фразе. Это настолько больше того, что умещается в сознании и дано выразить словами, что мне нечего добавить.

– Папа, – говорит Алекс, беря меня за руку.

– Папа…

– Папа…

* * *

Маэстро, ещё стакан! Я СКАЗАЛ ЕЩЁ!!![38]

* * *

Я переел трипов[39]. Меня плющит. Не спится. За окнами раскисла сизая муть. Светает. Беру травы и выползаю на улицу. Только в такое время, пока солнце ещё не встало, пока не навалился изнуряющий зной и тучные обыватели ещё не выползли из своих логовищ, я отваживаюсь выбраться наружу.

Выхожу, взрываю джойнт и вяло плетусь, куда глаза глядят. Странный монотонный стук привлекает внимание. Я останавливаюсь. Передо мной голый деревянный столб телекоммуникаций. Для устойчивости он привязан тросом. Неясно, как этот архаичный образчик доисторического зодчества пережил эпоху оголтелой модернизации. Чтобы металл не перетирал древесину, под петлю троса хозяйственной рукой подложена жестяная прокладка.

На узле, скрепляющем петлю, сидит дятел. И долбит. Его голова как раз напротив центра жестяной заплатки. Долбит не дерево, а металл. Чувствуется, что устроился он всерьёз и надолго. Это зрелище завораживает меня. Дятел остановил свой выбор не на одном из вязов, во множестве растущих вдоль улицы, или хотя бы на любой другой точке опорного столба. Нет, он облюбовал именно самый центр добротной металлической поверхности.

---

[38] Mr. Freeman.

[39] Трип – уличное название ЛСД. От английского trip – путешествие.

– Трааа-та-та… Трааа-та-та… Трааа-та-та…

Размерено, методично, с неубывающим воодушевлением.

– Трааа-та-та…

И так битый час. Он колотит, а я смотрю.

– Трааа-та-та…

Вот кто отлично усвоил метафорический смысл образа Сизифа. Воистину, успех есть переход от неудачи к неудаче со всевозрастающим энтузиазмом, как говаривал товарищ Черчилль.

Проходят люди, задирают головы, дивятся на дятла, потом на меня, недоумённо пожимают плечами и идут дальше. А я залип. Сижу в оцепенении и гляжу.

– Трааа-та-та…

От долгого смотрения вверх немеет шея, а ему хоть бы хны, он невозмутимо продолжает свой труд.

– Трааа-та-та…

Спустя некоторое время перемещаюсь на соседний пригорок. Боясь надолго терять дятла из поля зрения, очередной косяк я скручиваю на ощупь.

Это же я. Я! Только я способен отыскать в современном мегаполисе чудом уцелевший деревянный столб. Только я мог удумать основательно засесть напротив жестяной заплатки. И долбить. Долбить. Годами. Несмотря ни на что – ни на здравый смысл, ни на боль в распухшем клюве. И окружающим всё понятно. Они даже будут делать робкие попытки вразумить меня. Куда там! Я буду колотить, пока не рухну вниз в полном изнеможении. Но песнь мою не задушишь, не убьёшь! Я отлежусь, отдышусь и полезу долбить дальше.

Сколько таких столбов в моей жизни… Тьма тьмущая. Дремучие леса. И каков результат? Да, конечно, я неизменно доказываю, что у меня отменный клюв, упорство и целеустремлённость. А что в остатке?

– Трааа-та-та…

Куда ведёт мой путь? К чему я прилагаю целеустремлённость? Каков смысл моих

титанических усилий?

– Трааа-та-та…

В остатке – боль, эмоциональное похмелье и тошнота. Одиночество, сублимируемое в пустые металлические звуки доведённой до маразма, наивной мечты. Разочарование, стыд и самобичевание.

– Трааа-та-та…

И потом скитания, омерзительная жалость к себе и в итоге новый столб и новая жестяная поверхность.

– Трааа… та… та…

* * *

Маэстро, до краёв!.. Не то расплескаю!

* * *

Вера – идеальная секс-игрушка, созданная и отточенная под меня. Она истошно кончает от любого моего проявления. От прикосновения, от звука моего голоса и даже от того, как я испражняюсь.

Однажды мы были в Барселоне. От непривычной пищи у меня случился запор, и я проторчал на толчке минут сорок. Когда я, весь потный, наконец выбрался оттуда, она, разрумяненная, валялась на кровати, тяжело дыша. Вера призналась, что слушала моё дыхание пока я тужился, и это так её завело, что она кончила пять раз подряд.

Вне постели она абсолютно отморожена. Не то чтобы черства, нет, – она будто сделана не из плоти, а из стекла. Она обитает в другой плоскости, где не существует понятий совести и морали. Я убеждён, что таких людей существовать попросту не должно. Будь моя воля, я бы её казнил. Отрубил голову, и ничего бы во мне не шелохнулось.

Она с преданностью собаки исполняла любую сексуальную прихоть. Стелилась под меня с тотальной, неистовой самоотверженностью, искренне и по-настоящему. И настолько же искренне и по-настоящему ни на йоту не шла навстречу в любой иной сфере взаимоотношений.

Наши редкие встречи ради демонических соитий тянулись долгие годы. В перерывах мы не виделись и не общались. Последний раз это было полтора года назад. В промозглый вечер поздней осени я написал ей: "Хочу выебать тебя под сенью нашей синагоги".

У неё были светло-голубые глаза и ангельское личико, лучащееся трепетным простодушием. При этом более бесчеловечной особи я никогда не встречал. Её жестокость порождалась не злобой, а непониманием и наивным любопытством, как безжалостность неумелых детских пальцев, ломающих крылья насекомого.

Я ненавидел её всем естеством, до хрипа и скрежета. Она была мне морально отвратительна, как не могут быть отвратительны любые телесные уродства, и даже хуже, гораздо хуже, как не бывают отвратительны пришельцы из иных миров в фантастических фильмах ужасов.

Вера – это то, что сейчас нужно. Вера – это в самый раз. Я беру мобильник, нахожу номер и набираю сообщение:

Motel 6, 1041 Alameda, SJ. room 9.[40]

Отсылаю, расплачиваюсь и отправляюсь в номер. Через час раздаётся стук. Дверь не заперта, я отзываюсь и она входит. У меня спирает дыхание от похоти, ненависти и предвкушения. Она приближается медленно, словно по зыбкой поверхности, неотрывно смотря своим рыбьим взором. На её лице – робкая улыбка покорности, а в подрагивающих уголках губ играет азарт торжества: "Ты снова позвал меня". Я выжидаю с полминуты цепенящего молчания и резко разворачиваю её к кровати. Опускаясь на колени, Вера быстро расстёгивает ремень, стаскивает джинсы и, выгибаясь, призывно обнажает белые ягодицы. Я швыряю недопитый стакан о стену и вхожу в неё под звон осыпающихся осколков.

* * *

Вкус Веры необходимо срочно залить спиртом. Маэстро, медицинский спирт в студию. И К ЧЁРТУ СТАКАНЫ!!!

* * *

Сальная стойка с расплывшимися пятнами от стаканных донышек. Я снова в пабе, уже другом. Трава кончилась, и я собираюсь как следует надраться. И вот, ставя предо мной вторую рюмку, смазливая барменша затевает пустопорожний трёп.

---

[40] Мотель 6, Аламеда 1041, Сан-Хосе. Комната 9.

– Ты как, в порядке? – игриво спрашивает она.

В порядке ли я? Да что там, я в полном ажуре! Оглянись вокруг, дурёха, разуй глаза, как тут вообще может быть что-либо в порядке?! Я выпиваю и жестом показываю налить ещё.

– А чем ты занимаешься?
– Я инженер, – огрызаюсь я, решив, отделавшись коротким ответом, пересесть за дальний столик. – Разрабатываю меди… цинское… обо…

Я затрудняюсь выговорить конец фразы. Мысли начинают отслаиваться от речи. Трещина в сознании разрастается, змеясь рваными краями, меж которыми разверзается головокружительная пропасть. Становится сложно произносить слова, окружающая действительность наваливается с невыносимой подробностью, заостряясь пронзительной чёткостью восприятия. Напряжённые мускулы сдавливает тисками липкого страха. Я встряхиваю головой, силясь отогнать наваждение, открываю рот, но сказать ничего не получается.

– Ты точно в порядке? – нервничает размалёванная девица.

Я захлопываю рот и утвердительно киваю. От волнения её голос становится визгливым. Я озираюсь, прикидывая, как бы поскорее свинтить от этой истерички, выйти на улицу, отдышаться и прийти в себя.

– Всё о'кей? – верещит смазливая сучка. – Может, вызвать врача?

Я отрицательно мотаю головой, и в проплывающей перед глазами пелене чувствую, что начинаю отслаиваться от собственных мыслей. Они текут всё медленней и прозрачней. Какое-то бесконечно тянущееся мгновение я с неземной отрешённостью наблюдаю их со стороны, словно облака под тёплым ветерком. Но тут небосвод раскалывается вспышкой молнии, и меня пронзает первобытный звериный ужас.

Всё исчезает, и последний вопрос пытается уцепиться за ускользающее сознание: кто же тогда тот я, который останется, если… Но вот и он затухает. Звенящая тишина повисает в густом беспросветном вакууме. Единственный звук, который я слышу, или, скорее, ощущаю, это удары собственного сердца. Глухие и гулкие, словно сквозь толщу воды.

Я делаю отчаянную попытку подняться. Картинка начинает съезжать куда-то в сторону. Слабеющие пальцы цепляются за край стойки. Срываются. Я задеваю

соседний стул, он медленно заваливается набок, а я падаю назад. Перед глазами плавно проплывает полоска огоньков над стойкой, их отсветы в бокалах на навесной полке, потом потолок, и я проваливаюсь в пустоту. В бездну.

Глава 14

> Древний поэт сказал, что любое повествование подобно ткани, растянутой на лезвиях точных прозрений. И если мои прозрения в оркскую душу точны – а они точны, – то в этом не моя заслуга.
>
> Виктор Пелевин

Я бросаюсь животом в белую, мелкую, как пудра, пыль. Хорошенько извалявшись, перекатываюсь на спину. Под радостный смех окружающих вожу по песку руками и ногами, и мне немного неловко, но тоже весело. Зачерпнув, вскакиваю, подбрасываю горсти песка вверх и в стороны и, замерев, наблюдаю, как оседает белёсое облако. Наконец-то я добрался сюда.

– You ain't a virgin anymore![41] – кричит чувак в шотландской юбке.

Чувствуется, что это старожил, – всё знает и понимает. И хоть это странно и несколько настораживает, он ждёт меня и очень рад видеть. Мне вручают железный прут, и я со всей дури бью в импровизированный колокол из газового баллона, подвешенного к пирамиде спаянных рельсов.

– Welcome home![42] – он обнимает меня и хлопает по спине.

Я бью ещё и ещё. Все вокруг орут и смеются. Пыль смывает первое смущение. Я прохожу через ворота, на которых тоже выведено "Welcome Home", и двигаюсь вглубь территории. Предстоит найти своё место. На билете адрес и карта раскинувшегося амфитеатром палаточного города Black Rock City, а на незанятой площади написано непонятное слово "Playa".

* * *

Очнувшись в машине скорой помощи, ещё бухой и злой как бес, я вскочил, содрал присоски ЭКГ и потребовал выпустить меня. Санитары наклонялись и увещевали, пытаясь уложить обратно, однако попадание в больницу мне никак не улыбалось. На перекрёстке я вырвался, распахнул двери и, пошатываясь, перебежал на другую сторону. Они истошно орали вслед, но было уже поздно.

Припав к стене, отдышался и оглядел пустынную улицу. Внезапно меня окликнул парень, будто соткавшийся из ночной мглы. Он был не особо приметен, но сразу чувствовалось, что свой. Подойдя, он протянул непонятный листок, закурил,

---

[41] You ain't a virgin anymore! – Ты больше не девственен!
[42] Welcome home! – Добро пожаловать домой!

выпустил дым и сказал: "Думаю, тебе сюда". Сказал и пошёл дальше. Я взглянул на зажатый в руке флаер с яркой эмблемой и надписью "Burning Man[43] 2015".

А впервые я услышал об этом эвенте при ещё более чудных обстоятельствах. Будучи студентом и исследуя окрестности Сан-Хосе, меня занесло в Redwood Park – заповедник калифорнийских мамонтовых деревьев, достигающих стометровой высоты. Нагулявшись по изрытым узловатыми корнями тропам, мне стало любопытно, каково остаться одному в ночном лесу. Найдя ручеёк, струившийся меж гигантских стволов, я устроился на берегу и, дождавшись сумерек, пустился в обратный путь.

С собой была вода, зажигалка и карта, казавшиеся вполне приемлемым малым джентльменским набором ночного путешественника. На третьей попытке рассмотреть карту зажигалка разлетелась на куски, тут же затерявшиеся в опавшей листве, и наступила полная темнота. Высоко над головой кроны исполинов смыкались в сплошной навес, не пропускавший лунного света. Проскитавшись всю ночь в кромешной мгле, я чудом вышел на сторожку лесника, оказавшегося преинтереснейшим типом. Мы быстро поладили, и за чашкой липового чая он поведал про свою первую поездку на Burning Man.

Надо было срочно что-то предпринимать, и парень из ниоткуда, вручивший флаер, подсказал мне верный ответ на незаданный вопрос. Две недели спустя, побросав в машину палатку и консервы, я устремился в Неваду. И вот я в пустыне. Только-только забрезжил рассвет, и всё тонет в молочной дымке, сквозь которую маячат шпили пёстрых шатров. И зычно гудит колокол. От этого звука и общего бесшабашного настроения спадает усталость и отступает барьер скованности.

* * *

По дороге я почитал про этот "Special Event"[44]. Ответ на вопрос "What is Burning Man?" начинался со следующей фразы: "Объяснять, что такое Burning Man человеку, никогда не принимавшему участие в этом событии, подобно попытке описывать радугу, слепому от рождения". Я пролистал к страничке под заголовком "Ten Principles"[45]. Наиболее значимыми были, пожалуй, следующие:

Gifting – Burning Man посвящается акту дарения. Ценность подарка является абсолютной и не зависит от реальной стоимости.

Radical Self-Expression – Радикальное самовыражение рождается из уникальных

[43] Burning man – (дословно) горящий человек.
[44] Special Event – Особое мероприятие.
[45] Ten Principles – Десять принципов.

личностных переживаний и является даром окружающим.

Immediacy – Непосредственность, важнейший аспект нашей культуры, стремящейся к преодолению барьеров, стоящих на пути к осознанию внутренней сущности, участию в жизни общества и контакту с природой.

Также на Burning Man нет денег и всего с ними связанного. Мероприятие проводится без посредничества спонсоров, коммерческих операций и рекламы.

* * *

Только я принялся ставить палатку, из соседнего лагеря выкатилось несколько гавриков, облачённых в звериные шкуры, и предложили помощь. Казалось, они вот-вот бросятся обниматься, но я ещё не был готов к такой всеобъемлющей любви и старался держать дистанцию. Добродушно расхохотавшись, они потоптались, наперебой приглашая заглядывать в гости, и вскоре отчалили.

Покончив с обустройством, я отправился на разведку. Город Black Rock City раскинулся на плоской равнине, окаймлённой далёкими холмами, тонущими в зыбком утреннем мареве. Неодолимо влекло к центру, куда сходились раскинувшиеся веером улицы. Вдоль них тянулись ряды шатров и остовы строящихся сооружений. Навстречу из облака пыли выплыл… диван. На нём восседала тусовка с кальяном. Пока я огорошенно взирал на это дело, диван плавно повернул за угол, а их предводитель в белых штанах, при виде которых Остап Ибрагимович Бендер-бей наверняка удавился бы от зависти, помахал на прощание соломенной шляпой.

Я развернулся и чуть не врезался в метровое крыло бабочки, прикреплённое к трёхколёсному мопеду, на котором ехала парочка в костюмах молодожёнов. Невеста заверещала и осыпала меня ворохом конфетти. Только я отряхнулся, как передо мной выросло что-то невообразимое и уставилось единственном глазом сквозь циклопические очки в полосатой оправе. Гологрудая девица высунулась из-за загривка чудо-зверя и заголосила оперным вокалом. Я решил, что стоит свалить с проезжей части и прекратить хлопать ушами. Появление пятиметрового розового слона с зонтом воспринялось уже гораздо спокойней.

Сойдя на обочину, я оказался в разношёрстной толпе. Кого тут только не было! Девочка в кожаном корсете, высоких шнурованных сапогах, мехах и цветастых перьях. Синекожий Нептун с белоснежной бородой, в золотой тунике, с посохом и ракушками в волосах в обнимку с не менее синекожей русалкой. Сказочные феи, мохнатые чудики всех цветов и оттенков, пришельцы из космоса, дамы и кавалеры во фраках эпохи возрождения, воины и воительницы из будущего в сверкающих

стилизованных латах, рептилии, лилии, египетские императрицы, жар-птицы и древние жрицы. Множество полуголого народа, разрисованного причудливыми узорами. Разнообразие и самобытность костюмов превосходили самое пылкое воображение.

Я замечаю на земле тряпичного человечка. Наклоняюсь и подбираю. Фигурка одета в радужную майку. Поднимаю глаза и вижу перед собой его точную копию, вернее, того, чьей копией является он – жонглёра в такой же футболке и котелке. Он ловко ловит кегли одной рукой и протягивает мне вторую. Я кладу человечка в раскрытую ладонь. Жонглёр отвешивает поклон, расстёгивает большой карман на груди и кивком предлагает проверить содержимое.

Я запускаю руку и достаю фигурку в докторском халате с бутафорским калькулятором. Та-а-ак… допустим первый человечек смахивает на него – тут всё ясно, но второй-то, как мог настолько совпасть? Заметив моё замешательство, парень тычет пальцем в фигурку, потом в меня и хитро подмигивает. Я киваю, затем ещё раз киваю, спохватившись, кланяюсь в знак благодарности и озадаченно бреду дальше.

Миновав множество загадочных препятствий, я всё же добираюсь до центрального шатра и, найдя свободное место, ложусь перевести дух от обрушившихся впечатлений. Девочка с соседней подушки протягивает чашку масалы[46] и предлагает сделать массаж. Это явный перебор, я восхищаюсь тем, как бесхитростно она это делает, и одновременно чувствую, насколько не готов к такому уровню непосредственности. Хочется куда-то спрятаться и на время оказаться в привычном мире. Но тут появляется ансамбль дервишей и, устроившись неподалёку, принимается играть убаюкивающую суфийскую музыку. Я успокаиваюсь и незаметно засыпаю.

* * *

Пробудившись, я сразу отправился дальше. Кругом всё столь ново и красочно, что жаль каждую минуту. Хотелось наверстать упущенное и поскорее вновь окунуться в сказочный праздник жизни.

Нигде подолгу не задерживаясь, я переходил с места на место, и любопытство гнало меня вперёд и вперёд, но к вечеру еле-еле успел обследовать малую толику – несколько кварталов одного из шестнадцати секторов. На внутренних улицах находились тематические шатры, где разыгрывались представления, от которых завораживало дух, и в большинстве из них я оказывался не просто зрителем, а

[46] Масала – пряный индийский чай с кардамоном, корицей и молоком.

участником, несмотря на первоначальную отчуждённость, невольно втягиваясь в происходящее. Выбравшись из безумного места под названием "Sexual Miseducation Clinic"[47], я подвёл удручающие итоги, из коих следовало, что, как ни старайся, осмотреть всё за неделю никак не удастся, и решил перейти к исследованию незастроенной территории.

Выйдя на Плаю, направился прямиком к статуе Горящего человека, расположенной в центре амфитеатра. В сумерках перед статуей разрасталось яркое кольцо света. В его центре пылал огромный костёр, который зажигался на заре первого дня от лучей восходящего солнца и горел на протяжении всего мероприятия. Приблизившись, я увидел людей в ниспадающих до земли тогах, державших на плечах длинные шесты с масляными фонарями. Другая группа с баграми, но в тех же одеяниях, зажигала лампы от пламени костра и развешивала по шестам.

Засветив фонари, они выстроились в шеренги и под завывание волынок, бой барабанов и литавр тронулись по главной аллее в сторону Города. В центре, церемонно ступая, вышагивали люди с шестами, на концах которых пылало по шесть огненных ламп, а по бокам – их подручные, и следом – музыканты, облачённые в глухие чёрные костюмы и золотые венецианские маски.

От движущейся процессии каждый раз отделялось по две передние пары, подручные подхватывали светильники баграми и развешивали на резных столбах. Закончив, пара примыкала к концу шествия. В сгущающейся тьме волна пламени медленно и величаво накатывалась на Город. Достигнув его границы, сверкающий поток вскипел, будто разбиваясь о прибрежные рифы, и растёкся по улицам огненными ручьями.

Ночью картина преобразилась, всё залилось светом и огнём. Арт-кары[48], освещённые зыбкими бликами, обрели экзотические очертания. Языки пламени затопили пространство, взметаясь в небо и опадая снопами искр. Посреди этой огненной фантасмагории на пьедестале возвышалась гигантская статуя Горящего человека – символа мероприятия, с широко расставленными ногами и гордо воздетой головой.

Я двинулся в обход, и навстречу выплыл пиратский корабль в натуральную величину. Казалось, я уже освоился и с размахом, и с непредсказуемостью происходящего, но от этого зрелища замер, как вкопанный. Фрегат, озарённый мириадами мерцающих свечей, медленно двигался мимо, а я стоял, задрав

[47] Sexual Miseducation Clinic – Клиника неконвенционального сексуального образования.
[48] Art-car – художественная передвижная инсталляция, внутри которой интегрирована машина либо грузовик.

голову, не в силах отвести глаз. На мачтах, под парусами застыли матросы в камзолах и треуголках. Флибустьеры пели. Грудные голоса сливались в печальную торжественную мелодию, от которой кожа покрывалась мурашками.

* * *

Вернувшись под утро, я пополнил запас воды и подкрепился. Спать совсем не хотелось, – сама мысль о сне казалась абсурдной. Единственное, что действительно мешало, – это въевшийся во все поры песок. Так хотелось нормально помыться, что я, переборов смущение, отправился в соседний лагерь. Там никого не оказалось, а лезть в их душ без спросу я не решился. Впрочем, оглядевшись и смекнув, что окружающие с ног до головы покрыты налётом пыли и выглядят ничем не лучше, я успокоился и знакомым маршрутом направился к центральному тенту.

Арт-каров и инсталляций стало гораздо больше, некоторые сооружения ещё не были достроены и, несмотря на ранний час, работа кипела вовсю. Чувствовалось, что разгул нарастает, и ошеломляющие удары по сознанию сыпались со всех сторон нескончаемым потоком.

Напившись масалы, я продолжил исследование Плаи, но сначала предпринял музыкальную экскурсию. Танцплощадки были вынесены на боковые улицы. Вокруг роились клубы поднимаемой тысячами ног пыли и ощущалось густое поле мощнейшей энергетики. Впрочем, с энергетикой тут всюду здорово – как на танцполе, так и в любой точке Города постоянно омывает волнами положительного заряда.

Остаток дня я бродил по Плае. Там повстречал крылатого дракона и железного осьминога, рукотворный смерч, ковёр-самолёт и исполинского буйвола, выползающего из земли.

На закате вышел к храму – комплексу резных деревянных башен, соединённых подвесными мостами и несколько напоминающих пагоды. Отовсюду сложной тревожной мелодией лился колокольный перезвон. Присмотревшись, я заметил старинные гонги, связанные замысловатой паутиной тросов, уходящей к остроконечным сводам.

Храм переполнен людьми, они лежат на песке, сидят, свесив ноги, на внутренних балконах и молча слушают чарующую музыку. Стены испещрены надписями и фотокарточками. Это фотографии умерших и прощальные письма.

Примостившись на ступеньках между здоровенным парнем и девушкой в арабском

цветном платье, шитом золотистыми нитями, я прислонился к стене и растворился в мелодии, исходящей, казалось, от самого строения. Очнувшись, увидел, что парень медленно раскачивается, закрыв лицо ладонями, а по щеке девочки, пробиваясь через покров пыли, стекает слеза. Я достал карточку с Кораблём спасения, осквернённую Ириным, теперь уже ничего не значащим "Я.Т.Т.Л.", и пристроил рядом на балку.

* * *

На третий день меня ждало новое знакомство.

– Эй, странник! – окликнул кто-то. – Куда направляешься?

Я обернулся и увидел чудака с посохом в клетчатых штанишках, которые были явно малы, в несоразмерно огромных клоунских ботинках и шапочкой турецкого подданного на рыжей шевелюре. В целом – дивный экспонат здешнего паноптикума. Его тоже звали Илья, он осведомился, где находится кинотеатр, по легенде, обретающийся в глубине Плаи. Интересно, что же происходит там, когда наяву творится такое?

Только мы двинулись в путь, мой новый приятель предлагает марку.

– Да ну, мне и без кислоты крышу сносит.

Илюха закидывается, и мы идём дальше. Темнота сгущается. Время близится к полуночи. Ветер усиливается и поднимает пыль. Вскоре мы оказываемся в сплошном тумане, столь густом, что трудно различить пальцы вытянутой руки. Сквозь белёсую поволоку проступают светящиеся полосы, украшающие куртку моего спутника, и больше ничего. Порывы ветра смешивают звуки в страннейшую какофонию.

Дышать тяжело. Пыль забивает рот, нос и глаза. Илья одевает повязку, закрывающую почти всё лицо. У меня повязки нет и, покопавшись в рюкзаке, он находит мне такую же.

Словно два аргонавта, мы движемся сквозь мерцающее звёздным светом плотное облако. Ориентиров никаких – ни статуи, видной со всех концов Города, ни храма. Куда идти – неясно. Глаза саднят, и становится очевиден мой промах. Тут носят не обычные солнечные очки, а закрытые, плотно прилегающие к лицу, как у мотоциклистов или пилотов первой мировой. Я полагал это данью местной моде, но теперь ясно, какой ошибкой было не запастись такими же. Поход превращается в пытку, но возвращаться поздно – в такой пылище лагерь не найти, да и отступать

не хочется.

В какой-то момент справа принимается греметь зверская музыка – электронное воплощение адской вакханалии.

– Идём, надо разобраться с этим всем.
– Не-не, перебор.
– Ну блин, вслушайся, нас же зовут! – рвётся в бой Илюха.
– Не-не-не. Я пас.
– Ну нет, так нет, – поколебавшись, соглашается он. – Может, оно и правильно.

Над нашими головами с рёвом вспыхивает сноп огня. Илья, шедший впереди, попятился, я тоже отпрянул от неожиданности. Переждав, двигаемся дальше, и перед нами вырастает громадный светящийся богомол. Он перебирает зубчатыми клешнями и то и дело шарахает в небо вспышками пламени.

Потом натыкаемся на инопланетных существ. Здоровенные, в два-три человеческих роста, кошки, обступив, нависают над нами. В центре – прозрачный шар, внутри него – маленькие кошки, замерев, смотрят на больших. От этого зрелища Илюха впадает в замешательство и достаёт компас. Заметно, что его сильно накрыло. В пелене проступает зыбкая тень, из неё материализуется какой-то крендель, спрашивает про кинотеатр и некоторое время топчется рядом, в сомнении косясь на Илью. Похоже, ему что-то не нравится, и он пропадает, оставляя нас в магическом круге астральных созданий.

Мы крайне смутно представляем, в какой точке Плаи находимся, и компас не вносит особой ясности.

– Так, нам на северо-восток.
– Северо-восток? – оторвавшись от навигационных изысканий, Илья удивлённо оглядывается. – Почему именно северо-восток?
– Звучит красиво.

Аргумент вполне удовлетворяет его, и мы возобновляем странствие. После долгого перехода дорогу преграждает стена, идём вдоль неё и находим дверь, почти сливающуюся с изгородью. Проникаем внутрь и оказываемся в лабиринте. Странно, ещё вчера тут ничего не было: ни стен, ни дверей, ни кошек, ни богомола.

Блуждаем причудливо извивающимися ходами, пока не добираемся до просторной комнаты, усеянной рунами, пиктограммами и каббалистическими знаками. В центре фигура женщины-дерева из цветного стекла, её руки-кроны простираются

над стенами. В углу сидят люди. Илюха подходит, но они на своей волне. Мы принимаемся рассматривать настенные письмена. Я ничего не понимаю, и Илюха не понимает, зато глючится. Впрочем, я тоже. Вскоре мне надоедает, и я предлагаю валить оттуда, заверяя, что снаружи можно поглючиться ничуть не хуже.

Мы берёмся искать выход, долго блуждаем, путаясь в развилках и тупиках и, выбравшись, оказываемся совсем не там, где вошли. Илья тотчас выуживает компас, а я брожу поблизости и натыкаюсь на приземистую палатку, натянутую вокруг берёзового ствола.

– Иди глянь, – выкарабкавшись, кивает Илья с довольно обалдевшим видом.

Я лезу внутрь и вижу вбитый в землю колышек и привязанную к нему тетрадь. Открываю и листаю усыпанные рисунками страницы, пока не дохожу до разворота с надписью крупными буквами:

In Man We Trust.[49]

От доносящегося отовсюду многоголосого гула, разрываемого ударами ветра, выведенные от руки слова обретают некий сакральный смысл. Кажется, вот-вот что-то произойдёт, или уже произошло.

– Ну что, видел?
– Ага.
– Круто, да?
– Ну да, круто, – отзываюсь я, стряхивая оцепенение.

Случившееся больше не обсуждается, и недосказанность увязывается за нами по пятам. Не видно даже земли под ногами, и кажется, будто мы плывём. Глаза воспаляются всё сильнее. Я, как могу, закрываюсь ладонями. Мы долго плутаем, и, ничего не найдя, утыкаемся в забор. Довольно символический, но всё же забор. Получается, вся территория огорожена. Надо же! Сперва меня коробит – с какой стати пространство ультимативной свободы обнесено решёткой? Однако, поразмыслив, становится ясно, что без неё мы бы попросту потерялись.

В этот момент из пелены выезжает мужик на велике, весь в чёрном, с разводами на лице и дьявольскими рогами. Он сообщает, что кинотеатра больше нет, и исчезает в песчаной мгле, а мы поворачиваем вспять. Странно, хотя мы не раз меняли направление, – снова палатка и опять лабиринт. Теперь всё ощущается

[49] In Man We Trust. – На человека уповаем.

иначе. От стен веет враждебностью. Мы не находим ни комнаты, ни людей, и, выбившись из сил, еле-еле выбираемся наружу.

Смекнув, что следуем прежним маршрутом, решаем сломать закономерность и резко меняем курс, но, вопреки всякой логике, вторично попадаем в заколдованный круг марсианских кошек. Композиция громадных неземных существ производит мрачное, завораживающее впечатление. Я чувствую себя чужаком, ставшим невольным свидетелем зловещей мистерии. Усталость и слезящиеся глаза довершают картину, и делается совсем не по себе.

Тащимся дальше, и вот – над нами снова машет клешнями огненный богомол. Полное впечатление, будто кислоту принял не только мой товарищ, а мы оба. Какофония звуков вместе с въевшимся в кожу шелестом песка опустошают сознание. Но, несмотря на измождённость и дезориентацию, в душе воцаряется умиротворение.

Становится неважно, куда идти, где моя палатка и мой дом. И я с ясностью откровения понимаю, нет, даже не понимаю, а пронзительно ощущаю, что мой дом везде, и стоит лишь отказаться от мелочей бытового комфорта, как весь мир станет моим домом. Я больше не думаю, я остро чувствую это всем телом, всем своим естеством. Мне хочется окунуться в песок и осязать его порами. Я опускаюсь на колени и загребаю пудру земли. Я уже настолько пропитан ей… Сквозь ветер доносится голос Илюхи. Он зовёт меня и, должно быть, в который раз. Я слегка прихожу в себя и снова слышу дикую музыку. Ужасающие звуки обрушиваются откуда-то сверху, будто в ночном небе над нашими головами бьются демоны.

– Нам туда, – настаивает мой спутник. – Илюха, идём.

Я стою на коленях, сквозь пальцы струится песок, и эти прикосновения ни с чем не сравнимы. Закрываю глаза и медленно мотаю головой. Илюха ещё раз зовёт меня. Он проникновенно говорит о борьбе света с силами ночи и зла, но мой дом везде, песок – моя кровь, а пыль – воздух, и мне не с кем и незачем воевать.

– Ну, я пойду? – спрашивает он, как бы ища разрешения оставить меня одного посреди пустыни.

Я киваю и желаю удачи. Обоим тяжко расставаться после породнившего нас странствия сквозь песчаную бурю, но его путь ведёт туда, а мой путь – находиться здесь. Он в последний раз треплет меня по плечу, весь подбирается и пропадает.

Когда песок высыпается из рук, я наклоняюсь и зарываюсь в него ладонями. Потом

перекатываюсь на спину и погружаюсь целиком. Медленно вожу руками, и песчинки, щекоча и скользя меж волосков кожи, забираются под одежду. Это невероятное чувство, и я нежусь, как младенец, как потягивается просыпающаяся кошка, плавно вбирая щемящую истому, поглощая и пропитываясь невесомой, мерцающей пылью.

Я лежу в густом слое песчаного облака, слегка колышущегося, словно рябь на мелководье. Здесь нет ветра. Он дует над нами. Звуки тише и мягче. Они растворяются во мне и сквозь меня перетекают в землю.

Неясно, сколько длится это состояние. Мало-помалу буря стихает. Оседает пыль. Я встаю, и во все стороны льются водопады песка, клубятся и оседают, впитываясь в почву.

Оглядываюсь и вижу огни, иду на них и нахожу людей. Мне дают напиться. Тем временем вдалеке забрезжил рассвет, и я спешу к нему. Добравшись до ограды, решаю продолжать навстречу пробуждающемуся светилу и встретить восход наедине с пустыней. Примерившись, перемахиваю через забор и иду на восток.

Утомившись, сажусь и гляжу, как светлеет небо и окрашиваются золотом гребни далёких склонов, а ранние лучи, прорезавшись сквозь седую дымку, заливают светом равнину. Некоторое время я раздумываю, идти обратно или прогуляться к ближайшим холмам. Воздух свеж, на взгляд, туда не более часа ходу, и можно вполне успеть вернуться, прежде чем навалится полуденная жара.

Расстояние оказывается больше ожидаемого, и, когда я забираюсь на каменистый уступ, снова начинается буря. Днём она ещё более мучительна. Во-первых, жарко, а я не догадался пополнить запас воды. Во-вторых, ночью, сквозь пыльную хмарь, хоть иногда виднелись огни и яркие силуэты, а днём я оказываюсь окружённым однородной непроницаемой светящейся массой. Петляя по склону, я теряю ориентацию. Прислушиваюсь – ни музыки, ни каких-либо иных звуков. Всё тонет в монотонном завывании ветра и шуршании песка. Выбираю направление и принимаюсь шагать.

Спустя часа три становится очевидно, что я иду не туда. Жажда усиливается. Всё плывёт, смешиваясь в сплошное слепящее марево. Мысли плавятся от зноя и духоты, но не настолько, чтобы не понимать, что раз я не угадал месторасположение лагеря, то лишь отдаляюсь от цели, а как пережить день без воды – совершенно непонятно. При каждом шаге пустая фляга укоризненно похлопывает по бедру. Я прикидываю, где взошло солнце, уже должно быть близящееся к зениту, и меняю курс.

Бреду, как ёжик в тумане, отмеряя время и стараясь держать прямую линию. Через полтора часа, никуда не добравшись, решаю продолжать дальше. Иду, иду и упираюсь в предгорье. Некоторое время сижу на валунах у подножья, и начинаю догадываться, что, вероятно, изначально выбрал верное направление. Скорее всего, я просто не дошёл, так как в пыли двигался гораздо медленней. Собираюсь с силами и топаю обратно.

Глаза режет невыносимо. Я проклинаю своё легкомыслие и, кажется, готов отдать что угодно за правильные очки и пару глотков воды. Добравшись примерно до той же точки, беру прежний курс и заставляю себя шагать, ничего не соображая и механически переставляя подкашивающиеся ноги. Упорство в итоге оправдывается, я натыкаюсь на спасительный забор, с трудом переваливаюсь и принимаюсь скитаться по Плае в поисках людей. Никого не найдя и выбившись из сил, я опускаюсь на землю, привалившись к какому-то строению, и замираю в заторможенном оцепенении.

Понемногу сквозь шум бури прорезаются гулкие металлические удары. Сперва я не обращаю внимания. Ноги налиты свинцом. Глаза слезятся. Звуки неумолимо приближаются. Встрепенувшись, настороженно прислушиваюсь. Мало-помалу на опостылевшем однотонном фоне проступает силуэт в конусообразной шляпе, размеренно колотящий по земле здоровенной кувалдой.

Забыв усталость, кряхтя, поднимаюсь и подхожу. Здоровущий китаец с молотом вбивает колья, укрепляет шпалы и невозмутимо ворочает тяжёлые рельсы, прокладывая одноколейную железную дорогу, уходящую в никуда.

Бросив колотить, он внимательно осмотрел меня, вынул флягу, дал напиться и полил на руки, чтобы я промыл глаза. Потом, сняв свои офигенные очки, протянул мне. Они оказались что надо, с добротными, прилегающими к лицу резинками и широким стеклом. Не очки, а горнолыжная маска. Я медлил в нерешительности, но он достал другие – попроще, и нацепил на себя. Лишь тогда, ещё не веря своей удаче, я одел его маску. Выдох, вдох, и снова глубокий выдох… Мир преобразился, вот оно – истинное блаженство.

Мой спаситель рассмеялся, и я спросил про рельсы. Закинув на плечо молот, он сделал жест следовать за ним. Через метров триста обнаружился старинный паровоз с вагоном. Обойдя это диво, я присел на подножку и поинтересовался, в какой стороне лагерь. Он ещё раз осмотрел меня, будто что-то решая.

– Идём, – говорит он и, прислонив молот, протягивает руку.

Я хватаюсь, и он рывком поднимает меня на ноги. Мы идём, и я уже не слежу за

направлением. За этим человеком я готов следовать куда угодно. Китаец ступает неспешно и уверенно, словно буря не является для него помехой.

Чувствуется близость Города и, хотя ничего не изменилось в окружающей непроглядной пелене, становится ощутимо легче. Вскоре мы добираемся до большого шатра, минуем толпу обнажённых людей и входим внутрь, где нам вручают жёлтые палки и угощают чаем.

– Эй, жёлтые! – откидывает полу шатра парень в шортах и шлёпанцах.

Китаец поднимается и направляется к выходу. Снаружи он начинает неторопливо раздеваться, впрочем, остальные тоже. Оставшись совершенно голым, он вопросительно смотрит на меня. Я пребываю в некотором замешательстве, но оставаться одетым средь нагих людей кажется почти непристойным. Поколебавшись, я ещё раз оглядываюсь на довольно посмеивающегося китайца и следую его примеру.

В соседнем шатре оказывается баня. Входящих для начала обливают водой, и мой вид вызывает у парня со шлангом бурный приступ веселья. Однако меня это не смущает, а душ после бури кажется райским наслаждением. Омытые, мы стоим в полумраке. На груди моего проводника фосфоресцирует медальон с эмблемой фестиваля. В дальнем углу кто-то затягивает размашистый ирландский напев. Понемногу его подхватывают ещё голоса. В горячем влажном воздухе вибрирующая мелодия крепнет и расцветает, перерастая в лихой торжественный гимн.

Под конец нас ещё раз окатывают прохладной водицей, и мы, заново рождённые, выходим, шаркая голыми ступнями по песочку. Одеваемся, сдаём палки, и проводник ведёт меня дальше. Ветер продолжает бушевать, но нам уже ничто нипочём.

Отыскав тент в виде полусферы с серебристой поверхностью, китаец двигается в обход. Вскоре он обнаруживает молнию и, приоткрыв, указывает внутрь. Я медлю в ожидании очередного сюрприза, но он протягивает руку и кивает куда-то в сторону. Я с удовольствием пожимаю сильную шершавую ладонь, и, сделав пару шагов, он исчезает в песчаной завесе.

Внутри прохладно, пол покрыт длинным бирюзовым ворсом. У стены, укрывшись одеялами, лежат несколько человек. Тихо. Лишь едва слышен шелест кондиционера. Изумительно… Хотя всё произошедшее после встречи с китайцем и так слишком смахивает на фантазию. Подобрав приглянувшийся плед и приметив уютный рукав, я заползаю вглубь. Пристраиваю под голову найденную

там же подушку, сладко зеваю и прикрываю глаза. Засыпая, я вспоминаю слова об уповании на человека, и немногословного китайца, наверняка уже снова вбивающего сваи, чтобы завтра мимо кого-то проехал старинный поезд. А на подножке, поблёскивая медными пуговицами ливреи, будет стоять кондуктор… и сквозь приглушённый шум ветра я различаю далёкие удары молота, сотрясающие планету.

* * *

Мерно стучат колёса далёкого детства. Мимо проплывает берёзовая роща. Лязгая стыками вагонов, электричка прибывает к конечной и замирает. Со станции мы едем в кузове грузовика. Мой отец откинулся на брезентовый рюкзак, он грызёт травинку и, жмурясь, поглядывает в небо. Его высокие сапоги упираются в дощатый борт, а я стою рядом, вцепившись в край, и смотрю кругом.

Маленькая деревушка в пол-улицы. Отец подхватывает меня и ставит на землю. Я устал, и он ведёт меня за руку. Я всё озираюсь, пытаясь понять, откуда доносится стрёкот. Вдоль дороги – покосившийся забор с пучками примятой травы. Разбитая колея. И до боли подробный угол дома, срубленного из толстых, потемневших брёвен. Трещины, шероховатости спила и ржавая проволока на балке карниза, и тусклая лампа со скрипом покачивается в косых лучах заходящего солнца.

Мы выходим за околицу и углубляемся в лес. Папа обещал показать мне "Африку". Туда предстоит долгий путь. Чаща сменяется широкой опушкой. Воображая дремучие джунгли, я пробираюсь сквозь высокую осоку. Стрекозы взлетают, шарахаясь при моём приближении. В духоте застывшего воздуха тревожно стрекочут кузнечики. Небо разрывается сухим треском, и зычный гром прокатывается по кронам далёких деревьев. Кузнечики умолкают, и слышатся мягкие шлепки капель. Всё заполняется звоном водяных струй и шелестом листьев.

Ливень стихает, и унимается поднявшийся было ветер. Безмолвие сковывает пахучий прохладный воздух. Заросли расступаются. Мы на краю небольшого пруда. Я вижу своё отражение в хрустальной воде и рядом – молодого отца. Он вглядывается в густой бурелом на другом берегу. Он ищет дорогу, и он её найдёт. Потому что папа всегда знает, и раз обещал – непременно найдёт. Мы дойдём, обязательно дойдём, и там будет Африка. Робко пробуя отсыревшие смычки, издают короткие трели кузнечики. А я замираю в неудобной позе и смотрю на неподвижную гладь, боясь шелохнуться.

* * *

Пробудившись, сперва не удаётся сообразить, где нахожусь. Всё залито бирюзовым светом. Потирая веки, чувствую, как что-то сдавливает палец, поворачиваю ладонь и вижу кольцо. На жёлтом фоне чёрный, точно смоль, глаз Гора[50].

Я высовываюсь из своего убежища и оглядываю пространство шатра. Тихо. В другом конце спят люди. Снова забираюсь внутрь и рассматриваю перстень. Я точно помню, что вчера кольца не было, и никто мне его не давал.

Так и не решив загадки, выбираюсь наружу. Буря унялась. В прозрачном воздухе ни малейшего дуновения. Ландшафт напоминает занесённое снегом эскимосское селение – всё белым-бело от толстого слоя пыли. Я надеваю новые очки и привычно чапаю к центральному шатру.

* * *

На закате притащился Шурик. Утомлённый долгой поездкой, он совсем не настроен на приключения. Да и вообще, насмешливо относится к рассказам об этом месте, а абсорбировать его тут насильно я не собираюсь. И вот мы в шатре у соседей. Накормив и напоив нас, они отправились на вечернюю вылазку в Город, предварительно предложив присоединиться к ним. Но мой товарищ затребовал отдыха, и мы остались.

– Как-то затянулась моя депрессия… – усмехаюсь, забивая первый с момента своего прибытия косяк. – Я здесь побродил и понял, что жизнь прекрасна и удивительна, и пора завязывать с обломовщиной.
– Тебе нужна баба, – лениво кивает Шурик, потягивая вино со льдом. – Чем Ирис-то не подходит? Судя по твоим рассказам, вы – идеальная пара.
– Блин, Шурик! "В который раз лечу Москва-Одесса?" Пойми, отношения с коллегой – это мо-ве-тон. Только офисного романа на фоне Арикова деспотизма ещё не хватало… Эдакий мазохизм с элементами жёсткой шизофрении.
– Ну, не хочешь Ирис, не надо. Хотя…
– Шурик! – грожу ему кулаком, чуть не рассыпая табак.
– Всё-всё, молчу. Забыли офисный роман, просто нормальные отношения. Но не как у тебя обычно, что-то такое… э-эм…
– На серьёзные отношения нет ни сил, ни желания. Нужны бабы, а не баба… Чуешь разницу? – я облизываю конус самокрутки. – Множественное число. Так что не вижу иного выбора, кроме как окунуться в беспробудное блядство.
– Блядство – это не конструктивно, – снисходительно молвит мой умудрённый опытом семейной жизни друг.

---

[50] Гор – древнеегипетский бог. Изображался в виде человека с головой орла или сокола.

– Ну почему?.. В чём-то ты, разумеется, прав, но не обязательно… Надо придумать алгоритм конструктивного блядства, основанный на искренности и всеобщей любви. Разве это невозможно?
– Сомневаюсь, – тяжко вздыхает Шурик. – Звучит как какая-то несусветная чушь.
– Да ладно, – я закуриваю и с наслаждением вбираю густой едкий дым. – Неужто мы, два неглупых мужика, инженера, аналитика, в конце концов, не способны разработать конструктивную модель? Не верю.
– Ой, ну тебя…
– Шурик, ты чего? Хорош занудствовать, мы не в офисе.

Я передаю, он жадно затягивается и придирчиво осматривает самокрутку.

– Это что? – спрашивает и снова затягивается.
– Трава, в каком смысле "что"? Каннабис обыкновенус. Ты от темы-то не увиливай, ближе к телу.
– Ладно, какие у нас условия? – отзывается Шурик заметно потеплевшим голосом.
– Кхм… Значица так: в идеале, нормальному самцу, естественно, хотелось бы каждый день иметь новую, но…
– Это нереально.
– Всё реально! Хотя морока ещё та. Нужно беспрестанно… мм… охотиться. То есть: тусить, напиваться, улыбаясь выслушивать глупые разговоры, в общем, совершать массу лишних телодвижений.
– Вот видишь, может, лучше что-то конвенциональное…
– Так, опять? У нас задача создать алгоритм конструктивного блядства, давай не отвлекаться.
– О, да ты поэт! Ладно, фиг с тобой. Тогда… Кстати, а почему бы не найти одну молодую и ебливую, впарить ей идею свободной любви и…
– Не, не пойдёт, одна – слишком лично. Плюс малолетних дурочек я не переношу, да и вообще, всё равно это перерастёт в отношения.
– Тогда две. Чем плохо? Сегодня одна, завтра другая – и ты в шоколаде.
– Мм… Две, безусловно, лучше, но всё же не то. Если не та, то эта… выбор скудноват. Кроме того, может начаться нездоровое соревнование, ревность, закидоны всякие… "Почему она, а не я?"
– В каком смысле, ты что будешь им сообщать, что есть "та" и "эта"?
– А как же! Не-не, ты не понял – врать я не собираюсь. Лишняя ментальная нагрузка… Скрывать, выкручиваться и для каждой держать в голове свою версию – не, так не пойдёт. Всё должно быть честно. Каждой впаривается та же самая модель свободных отношений. Главное – чтобы они не встречались. По принципу: разделяй и властвуй!
– It won't work.[51]

[51] It won't work. – Это не сработает.

– Да ну тебя, хватит Шурикизм разводить. Тут важно, чтобы они были из разных социальных кругов или хотя бы тусовок и не пересекались. В этом плане необходима предельная осторожность. Система хрупкая и требует деликатности, местами даже большей, чем обычные отношения.
– Это бред.
– Шурик! Ёлкин дрын! Я ведь подобное уже проделывал. Ты, типа, не в курсе?! Модель несомненно шаткая, но если аккуратно… Женщины, понимаешь ли, существа загадочные…

Меня всегда поражало, что в слове "женщина" нет мягкого знака. Хотя, казалось бы, должен быть. Эта навязчивая мысль посещает меня каждый раз, как я с ним сталкиваюсь.

– Так вот, женьщина теоретическую информацию усваивает плохо. Пока ты её хорошо окучиваешь, а другие претендентки в поле зрения не роятся, – всё ништяк. Если, конечно, ты изначально такие условия поставил, и она их приняла.
– Ну-у… – лицо Шурика собирается в кислую мину.
– Бедненький, измучился? – я возвращаю ему косяк и принимаюсь делать новый.
– Никаких "ну". Сконцентрируй свой могучий аналитический разум и вообрази: вот я её охмуряю, и я весь такой… мм… харизматичный и неотразимо сексуальный, и когда она уже готова, вся из себя эдакая… эм… тёпленькая, в разгаре обаяния первого флирта, сообщается радостное известие… что мол, увы, простите великодушно, я веду исключительно свободные отношения. И что? По-твоему, она уйдёт? Хуй. Никуда она не денется. Она скажет: сперва попробую, а там видно будет.

Шурик хихикает.

– А попробовав, куда она денется, – я щёлкаю пальцами и картинно развожу руками. – Короче, всё реально. Если глаза соперницами не мозолить, и если она со всех сторон удовлетворена, то до поры до времени она наша.
– То-то и оно, что "до поры до времени". Ты это, не отвлекайся, мы не в театре, – он жестом подгоняет меня, требуя ещё курева.
– Да-да, не извольте беспокоиться. А "до поры" и ладно, тех, кто не тянет эту невыносимую лёгкость бытия, исключаем из команды почётных финалисток. Нужна ведь ротация. Мы же, в идеале, хотим каждый раз новую. Так что списываем на неизбежные издержки и меняем по мере выхода из строя. Техобслуживание – ремонтец, смена запчастей и поехали дальше.
– Особенно мне нравится это "мы".
– Ага, я… как это? Пытаюсь добиться вовлечённости. Так сказать, личной ангажированности в решение поставленной задачи. А там, кто знает, может ты тоже соблазнишься. Я уже не раз намекал – эта твоя моногамия…

– Щас… – Шурик выхватывает у меня свежескрученный косяк. – Я вот чё вспомнил, где-то я читал про четыре типа женщин по Юнгу.
– О! Валяй. Чувствуется конструктивная струя. Нечего мелочиться, ваять надо на прочном теоретическом фундаменте.

Шурик откидывается на подушках и задумчиво разглядывает клубы дыма.

– Итак, – наконец изрекает он, – Юнг утверждает, что есть четыре типа женщин: Домохозяйка, Поэтесса, Амазонка и… и Жрица. Это светлые стороны, теперь, у каждого архетипа есть и тёмные: Домохозяйка – стерва, Поэтесса – шлюха и истеричка, Амазонка… мм… ну Амазонка – это само по себе, а Жрица – ведьма, она же Фурия.
– М-да, красиво излагаете. Хотя, если кроме шуток, четырёх я не потяну. Четыре – перебор с практической точки зрения. Я, само собой, половой гигант и всё такое… Но в разумных пределах.
– Впервые слышен голос разума!
– Думаю – три. Три – офигенное число…
– Ага, – хмыкает Шурик, – Святая Троица.
– Во-во, три – в самый раз. Наиболее близкое к "много", но ещё реально. Да и число хорошее. Богоданное! Аж три женских ипостаси можно совокупить.
– Слушай, совокупитель, давай хоть бога в покое оставим.
– Как скажешь, бога оставили. Будем на троих соображать: только ты, я и Карл Густав, – я вскакиваю и принимаюсь расхаживать, размахивая руками. – Не, ты прикинь: во-первых, никакого соревнования, – это тебе не та или эта. А во-вторых, даже с точки зрения геометрии – тело, опирающееся на две точки, образует неустойчивую фигуру. То ли дело три.
– Тогда точки должны располагаться на линейно независимых векторах, – резонно замечает Шурик. – Раз уж ты про устойчивость.
– Мм… Чёт с линейной независимостью ты переборщил.
– Не, это оно и есть! Мы прям по Юнгу и пойдём.
– В смысле?
– Для твоей безумной конструкции надо по одной представительнице каждого типажа.
– А-а, вот ты о чём. Почему бы нет. Как там было?
– О'кей, перво-наперво, берём Домохозяйку.
– Ой, не… Домохозяйка – это скучно. Лучше эту, как её… Жрицу или Амазонку.
– Не дури. Домохозяйка – это основа. Тебя же должен кто-то кормить… заботиться… Взгляни на себя!

Мы оба скептически осматриваем меня, превратившегося за последние дни в пустынного странника. По меркам Шурика, не говоря уже о среднестатистическом жителе Калифорнии, я выгляжу хуже бомжа-неудачника.

– М-да… кормить меня, пожалуй, не помешает.
– Отлично. Дальше можно Поэтессу, ты ведь у нас весь такой утончённый, тебе непременно нужно, чтобы кто-то припорашивал мозг рафинированной, как бы это выразиться… рафинированной лабудой.
– Угу, непременно. Поэтесса – эта та, которая истеричка и шлюха?
– А ты не доводи. Держись в рамках и всё будет пучком. У тебя ж свободные отношения, какие истерики? Одна лишняя истерика – и на выход.
– Хорошо, уломал. Берём Поэтессу.
– Спасибо.
– Ага, цени. Так, что у нас осталось?
– Дальше сложнее. Оба типажа не шибко конструктивны.
– Амазонка и Жрица?
– Ну да, даже не знаю… Скорее Амазонка.
– А Жрица? Не, так не пойдёт, где же духовность? Давай либо выкинем Домохозяйку, либо пересмотрим цифру три.
– Нет. Жрица не катит. Жрица – это ведьма и Фурия, она разметает всё в клочки. Амазонка, правда, тоже не фонтан. Будет войны затевать чуть что. Ледовые побоища. Оно тебе надо?
– А чё? Войны я люблю. Какой понт в страсти без войны?! Одной едой да лабудой сыт не будешь. Но вернёмся к Жрице. Обоснуй-ка, пожалуйста, почему Поэтессу можно держать в рамках, а её нет?
– Илюха, пойми, если блюсти конструктивность, Жрица категорически исключается. Жрица слишком похожа на тебя, и затеять с ней поверхностную интрижку не получится. К тому же, она сильный персонаж и непременно превратится в Фурию, при попытке запихать её в трёхгранную пирамидку.
– Юнг тоже придерживается такого мнения?
– Увы, дорогой. Либо Жрица, либо твоя полоумная модель.
– Ясно. Ну что ж, вот мы и определились с троицей почётных финалисток: Домохозяйка, Поэтесса и Амазонка.
– Осталось только название придумать. Конструктивное блядство – грубо и громоздко.

Зной сменился ночной прохладой, и, выбравшись из шатра, мы устроились на шезлонгах под открытым небом. Шурик притащил новую бутылку, а в холодильнике обнаружился лёд.

– А что тут думать? Так и назовём – Троебабие!
– Не, "баба" – это вульгарно.
– Зато смачно и от души.
– Может Троежёнство?

– Кто о чём, а вшивый о бане. Do I really need to spell it out for you?[52] Троебабие и концепция брака – не-сов-мес-тимы.
– Учкуду-у-ук тры колодца-а! – внезапно заголосил Шурик. – Учкуду-у-ук…
– Ты чего?
– Тры колодца-а! – ухахатываясь, продолжает горланить он. – Защеты, защеты, на-а-ас от со-о-онца. Ты в пусты-ы-ыне спасы-ы-ытэльный круг, Учкуду-у-ук!
– Братишка, ты перегрелся?
– Это ж песня советская, – утирая слёзы, пытается отдышатся Шурик. – Учкудук – город в пустыне… как её там? А, во – Кызылкум.
– Учкудук в Кызылкум?

Мы снова начинаем давиться со смеху.

– Итак, модель "Учкудук"? – переводя дух, уточняю я.
– Ну да, отлично. И звучно, и символично. Колодцы олицетворяют… олицетворяют… источник наслаждэний, нэжности и вдахнавэния. Тры красывый женщина – тры пэрсик.

* * *

В полдень предпоследнего дня Шурик объявил, что время, отведённое на "ангажированность" в Burning Man исчерпано, и оставшаяся часть праздников[53] должна быть посвящена семье. Несмотря на уговоры повременить хотя бы до окончания основного события – церемонии сожжения статуи, он собрался и уехал ещё засветло.

За много часов до огненного ритуала народ со всех концов стягивался к центральной площади. К моему появлению выступление факельщиков сменилось коротким затишьем, и ночную мглу разорвал свист взмывающих фейерверков. Громадные ручищи Горящего человека начинают вздыматься, и по толпе пробегает восторженный ропот. Гул усиливается и, когда фигура замирает с триумфально поднятыми руками, новый сильнейший залп заволакивает свободное пространство. Мириады искр взметаются ввысь, и вопль многотысячной толпы сливается в протяжный ликующий рёв.

Гремит тревожная, насыщенная музыка и петарды нескончаемым потоком устремляются в небо, заполняя его ослепительным заревом. В беснующейся массе людей, плотно сомкнувшейся вокруг церемониального круга, возвышаются арт-кары, освещённые бликами всполохов, будто сказочные чудища, явившиеся на шабаш. Свист, крики и музыка сплетаются в нарастающий рокот. На долю секунды

[52] Do I really need to spell it out for you? – Тебе что, по буквам продиктовать?
[53] Labor day – День труда – национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

всё стихает, основание постамента вспыхивает взрывом, и в ответ эхом прокатывается приглушённый стон. Огненные шары рвутся вверх, набухают и лопаются, поглощая строение. Равнина озаряется светом, ошмётки пламени разлетаются в стороны, и на фоне звёзд вновь вырисовывается фигура Горящего Человека с простёртыми в небо руками. Вспышки вновь и вновь окутывают статую и первые языки огня юркими саламандрами карабкаются по брусьям пьедестала. Все умолкают и заворожённо смотрят, как пылает символ нашего братства.

Обуглившаяся балка с хрустом срывается вниз, снова поднимается гомон, и толпа принимается вытаптывать общий ритм. В небо взвиваются десятки искусственных смерчей и, змеясь, пляшут с нами вокруг пылающего Человека. Конструкция продолжает гореть, охваченная огненным шквалом, и, когда последние обломки рушатся вниз, вакханалия достигает своего апогея – рёв пламени и грохот смешиваются во всепоглощающий пронзительный звук.

Мы – племя, сплочённое экстатическим танцем. Первобытное, животное опьянение обрушивается на плотины сознания и разносит их в щепки. Я окунаюсь в забытьё и тону в нём, сливаясь с окружающими в дикую стаю. Столп пламени высится над головами. Почва гудит от нашей поступи. В воздух, клубясь, взметается пыль и превращается в плотную завесу, будто во время песчаного шторма. Природа внемлет голосу стаи, и огонь бушует в каждом из нас. Слившись в единую первобытную стихию, мы порождаем бурю, пустыня дрожит под нашими ногами, и Земля отбивает нам ритм.

* * *

На следующий день проводится заключительная церемония – сожжение Храма. Это происходит совсем иначе – без криков и воплей. Пятьдесят тысяч человек молча смотрят, как пылающие языки поглощают святилище. Огонь медленно расползается, охватывая внешнее кольцо башен, и, прибиваемый ветром, взбирается по подвесным мосткам на центральную пагоду. В тишине далеко разносится гул прожорливого пламени и треск ломающихся брусьев, от которого почти физически больно.

В глазах слёзы, а в них блики огня. С лиц, будто озарённых внутренним светом, спали маски и проступила истинная сущность. Цветок на пиджаке парня рядом со мной выглядит как медаль, а я бы каждому вручил орден. За то, что они прошли этот нелёгкий путь и создали то, о чём я даже не мечтал, сотворив мир, превзошедший все ожидания. Они – свои, и какое счастье наконец повстречать столько близких по духу людей. Они приняли меня таким, как я есть, в песке и пыли, с моим скептицизмом и комплексами и теми же масками. Приняли, отогрели и подарили счастье, веру и надежду.

Мне хочется остановить время и остаться тут. Я стараюсь запечатлеть в памяти эти лица. Смотрю и не могу насмотреться. Рядом тихонько поют, а там кто-то чуть слышно читает стихи. А у меня в горле застрял комок, но это слёзы благодарности, и я не дам им пролиться, я заберу их с собой. Сегодня сгорает мой Корабль спасения, но я обрёл нечто большее. Нечто, что пока ещё не до конца понимаю, и только предстоит осмыслить.

* * *

После сожжения Храма я собрался и тронулся в обратный путь. Протрясясь пару часов по просёлочной дороге, выбрался на автостраду, остановился на заправочной станции, и первым делом – вода, проточная, холодная, в неограниченных количествах, – вода. Я умылся и прополоскал глаза. Потом наелся, напился сладкой шипучей дряни и сижу, а передо мной заправка во всей своей бесстыдной омерзительности. Стойка с промасленными резиновыми шлангами, аляповатый козырёк, кричащий рекламный щит и закусочная с выгоревшим навесом из синтетического волокна. Всё искусственно ровное и тупое, в смысле – с пухлыми обтекаемыми краями.

Только сейчас я начинаю осознавать происшедшее за последнюю неделю. Я подобен рыбе, которую с рождения держали в продезинфицированной воде. И вот меня достали из тесного аквариума и выпустили в океан, и я понял, что такое плавать, что такое дышать и что такое простор и свобода. А я и о море-то уже не мечтал, а о существовании океана вообще не догадывался. И я растворился в таком родном и естественном, но давно забытом чувстве свободного плаванья. А теперь снова чую знакомый вкус хлорки и меня мутит.

Как жить дальше в этом мире? Как после того, что было, вернуться в вездесущую заправочность бытия? Я сжимаю кулаки, и что-то режет мне палец. Поворачиваю ладонь и натыкаюсь на пристальный соколиный взор и вспоминаю загадку его появления. Ведь кто-то мне его подарил, как и всё остальное, что было там.

Всё, что я видел, создано руками таких же участников. Эти конструкции строились месяцами и стоили немало времени, усилий и, чёрт подери, денег, и всё для того, чтобы на мгновение порадовать, поразить воображение и в последнюю ночь быть преданным огню. Ведь дело совсем не в костюмах, перформансах, арт-карах или инсталляциях – это лишь средство вывести за рамки привычного мира, выбить из колеи, заставить разум прекратить интерпретировать и навешивать ярлыки. Сорвать пелену и увидеть, узреть прекрасный, удивительный мир и убедиться воочию, что может быть иначе, чем в рутинной, опостылевшей повседневности.

А пыль и песок, и тяжёлые физические условия необходимы, чтобы вытащить нас из зоны комфорта, в которой мы окопались, и за которую, словно за спасательный круг, будем держаться, как бы муторно нам не было. Через всё это надо было пройти и пережить бурю, чтобы хоть на время содрать коросту, которую я наращивал годами, защищаясь от лицемерия и чёрствости.

И понять, что не надо завоёвывать Китеж. Град Китеж не добыть огнём и мечом, зато можно построить из любви, искренности и готовности принять друг друга и окружающий мир. И это чудо вовсе не сказка, а явь, ежегодно происходящая в соседнем штате. И я хочу снова пройти сквозь ворота, на которых будет написано "Welcome Home", а пока на моём пальце кольцо и в сердце новообретённая надежда.

* * *

Поздним утром на подъездах к Фримонту[54] я решаю остановиться перекусить и попадаю в торговый арт-центр. Там пасторальная атмосфера, повсюду натыканы фикусы в кадках, а по стенам картины безруких художников. Кто покупает такой хлам – неясно. С потолка доносится тихая музыка. Настолько тихая, что не разобрать, кто именно играет. По павильону чинно променадятся пенсионеры. Подолгу пялятся на эту, с позволения сказать, живопись, и перешёптываются, делясь впечатлениями. И в этой юдоли мещанского благолепия – я, в салатовых шароварах, оранжевой майке и глазами на лбу.

Я расколбашен вдрызг, ввиду недельного недосыпа, отходняка от фестиваля и ночи за рулём, а посему мои реакции резки и весьма утрированны. Чувствуя это, я пытаюсь себя сдерживать, отчего моё поведение, должно быть, выглядит ещё комичней. Поднимаясь на эскалаторе, высматриваю подходящую забегаловку и прямиком направлюсь к цели. Подойдя, плюхаюсь в кресло и раскидываю руки на соседние спинки.

– Я хочу завтрак! – взбудоражено вскидываюсь я, завидев официантку.
– Погоди, – стройная негритянка смеряет меня взглядом. – Видишь, я тут…

В её руках поднос с корзинками сахара, салфетками и какими-то штучками.

– А, ну да… – отзываюсь я с той же неадекватной бодростью. – Но я уже хочу.

Ага, они только открылись – проявляю я чудеса проницательности, продолжая рассматривать девушку. Её чёткие, точные движения мне импонируют.

[54] Фримонт – город расположенный в юго-восточной части залива Сан-Франциско.

– Ты что, с Burning Man? – выдаёт она, закончив обсахаривать столы.

Я ошарашенно озираюсь, как Штирлиц, которого Мюллер только что поздравил с днём Красной Армии.

– Итак, вы уже хотели завтрак? – продолжает она, не дав опомниться. – Не так ли?

Я киваю, она записывает заказ и удаляется, накрепко завладев моим вниманием. Она высокая, с короткой стрижкой. На эту тему у меня особый фетиш – в грации женщин с короткими волосами больше свободы и изящества. Им не приходится при каждом повороте головы думать о своей гриве, что придаёт пластике движений некую скованность и манерность. Правда, в ответ на эту теорию Шурик заявил, что я латентный гей.

– Принести льда? – спрашивает она.

Очередной гениальный ход подкупает окончательно. Беру кубик и, закрыв веки, начинаю водить по лбу и вискам. В моём состоянии – это непередаваемое блаженство. Когда я открываю глаза, рядом со мной стопка салфеток.

При появлении завтрака я на некоторое время забываю обо всём.

– Двойной эспрессо и, если можно, убрать этот свинюшник, – говорю я, расправившись с едой.

Незатейливая шутка вызывает улыбку, и я пару раз ловлю её взгляд. Вокруг стола степенно расхаживает голубь, а она нравится мне всё больше и больше. Никакой косметики, на тонких запястьях по элегантному браслету, в ушах, в тон им, точечки серёжек.

– To go?[55] – спрашивает она.
– Нет, я на тебя ещё полюбуюсь.

Чем дольше я к ней приглядываюсь, тем яснее понимаю, насколько она тут неуместна. Впрочем, как и я. А девочка явно непростая, с чёртиками. Я прикидываю несколько вариантов вступительных фраз и решаюсь.

– Как бы ты поступила, будь это сценой из такого… мм… иронично-дерзкого

[55] To go? – С собой?

романа, – говорю я, подозвав её. – Главный герой заваливается позавтракать, во хмелю после Burning Man, а тут ты, то есть героиня, у неё только начался рабочий день – и на тебе. Он произносит эту самую реплику. И?

Она несколько замешкалась.

– Предположим, он тебе нравится, – припечатываю я, лишая её возможности отвертеться, – и ты в принципе не прочь.

Она выдерживает паузу, пристально рассматривая меня, будто колеблясь. Я улыбаюсь во весь рот, гордый удачным дебютом.

– Это у тебя такое начало романа? – произносит она скептически.
– Не, ну почему… скажем середина.
– А герой, стало быть, писатель?

Чувствуется, что ей не терпится сбить с меня эту самодовольную спесь.

– В каком-то смысле… Наш герой – художник. Он творит в широком понимании. Старается, чтобы каждое действие, любой поступок был… мм… – я изображаю витиеватый жест, – проникнут творческим вдохновением.
– И что, эта сцена войдёт в роман?
– Вопрос в том, способна ли героиня сделать достаточно сильный ход.
– Похоже, с читателем, добравшимся до середины такого романа, должно быть что-то не так.
– Давай оставим читателя, ты увиливаешь от основной сюжетной линии.

У неё мягкий французский акцент и поразительные голубые глаза.

– Знаешь… – она опирается двумя пальцами о спинку стула и слегка подаётся ко мне. – Не я буду симпатичной официанткой в твоей книжке, это ты попал в мои сети и пока производишь совсем неоднозначное впечатление… Не исключено, что ты сгодишься на роль… мм… – она передразнивает мой жест, – забавного клоуна. Я как раз думала разнообразить сюжет эдаким шутом.
– Идёт, – я делаю реверанс, подметая пол пером воображаемой шляпой. – Шута – вряд ли, а вот роль забавного клоуна меня вполне устраивает.

Затем беру в зубы цветок из вазочки, становлюсь на руки и, балансируя согнутыми ногами, обхожу вокруг стола.

– Hey, Zoe! – раздаётся раздражённый окрик. – Молодой человек, это общественное заведение, а не цирк. Будьте добры вести себя подобающе.

Голубь негодующе закурлыкал, вспорхнул и улетел, громко хлопая крыльями. Сделав ещё два шага, я спрыгиваю на ноги и отвешиваю господину в пиджаке и броском галстуке шутовской поклон. Он набирает побольше воздуха, готовясь разразиться новой тирадой, но тут от дальнего столика раздаются жидкие аплодисменты. Он прикусывает язык, а я ещё раз кланяюсь, сначала Зои, а потом и пенсионерам.

Новая знакомая подмигивает, с трудом сдерживая улыбку, и удаляется. Неодобрительно покосившись на меня, хмырь в галстуке семенит за ней и что-то подзуживает, нервно жестикулируя. Выслушав нотации, Зои приносит счёт, украдкой оглядывается, делает страшные глаза и снова уходит. Я расплачиваюсь, вывожу на квитанции свой номер и, усмехнувшись, приписываю:

Твой забавный клоун.

Беру два ножа, вставляю между крайними зубцами вилки – получается треугольная пирамидка. Рукоятки, чтобы не разъезжались, устанавливаю на пакетики сахара. Поиграв с балансировкой, добиваюсь шаткого равновесия и пристраиваю записку на кончики лезвий.

Итак, Амазонка нашлась. Дело за малым.

Глава 15

Одиночество – это болезнь, передающаяся половым путём.

Вера Павлова

Возвращение в повседневный мир было нелёгким. Окружающее казалось безвкусным и бесцветным, словно картонные декорации любительского театра. На фоне пережитого обыденная жизнь имела вид блеклый, грубый и топорно сработанный. Но внутри сохранялось зародившееся где-то в песках чувство покоя и умиротворения. Меня переполняла незнакомая радость, без клокота и бурления, но мощная и стойкая. Мир обрёл свежесть, ясность, насыщенность, и вместе с тем некую эфирную невесомость, с готовностью отзываясь внутренней мелодии.

Стали заметны вещи, которые я давно разучился видеть. Это было захватывающе и ново, и я стремился ступать осторожней и вдумчивей, чтобы не нарушить чудесный мираж. Однако, как ни старался, яркие ощущения постепенно тускнели и выветривались под натиском ежедневных забот.

Работа, с её неумолимой логикой, брала своё. Медленно и неуклюже, но всё ускоряясь и наслаиваясь, текли трудовые будни. Я по-прежнему вкалывал, пытаясь уложиться в сроки и по необходимости отражая атаки Ариэля. Впрочем, после совместного эксперимента в больнице его нападки пошли на убыль, как с точки зрения частоты, так и интенсивности. В них уже не было прежнего азарта, и чувствовалось, что продолжает он то ли для проформы, то ли по инерции.

Более того, теперь, когда Арик затягивал одну из излюбленных боевых песен, скажем балладу о десять ноль-пять, мне временами удавалось выбить его из накатанной колеи, сообщив о новых результатах или неразрешённой задаче, и он, отбросив менторский тон, охотно углублялся в инженерные дискуссии, не только снимая необходимость выслушивания бессмысленных нотаций, но и не раз помогая выйти из тупика.

Эквизишн уже давно налажен, основная часть детекции тоже завершена, и теперь я навожу глянец: калибрую параметры и оттачиваю нюансы. Нудное занятие, включающее тысячи однообразных тестов, и лишь стоящие рядом осциллограф и генератор-приёмник греют мне душу. В особенности осциллограф, ещё со школьных уроков физики сохранивший в памяти некий романтический флёр, как магический инструмент, позволяющей заглянуть за пределы зримого мира. Всякий раз, закончив очередную серию опытов, я кручу рифлёные ручки и щёлкаю мягкими подушечками кнопок.

Теперь у меня даже не один, а два осциллографа. Я колдую над ними, словно алхимик в поисках философского камня, и это отнюдь не единственное их достоинство, – приборы почти полностью отгораживают Тима Чи, что является не менее важным аспектом их волшебства.

Но вот начинается суета, грёзы улетучиваются, в комнату подтягиваются работнички и, рассаживаясь по местам, вздыхают и ёрзают, устраиваясь поудобней. Последнее время, кроме обычных недельных планёрок, Джошуа – консультант по методикам управления, проводит ежедневные лекции, посещение которых, с лёгкой руки нашего обожаемого директора Харви, вменяется в обязанность всем сотрудникам, включая секретаршу и Таню-Марину.

Мы сидим, героически сдерживая невольные зевки, и слушаем эту неимоверную галиматью.

– У понятия "проект" существует два концептуально разнящихся определения, – гундит Джошуа, как бы обсасывая каждую гласную. – Первое – проект есть мероприятие, производящее уникальный результат в ограниченные сроки.

Запечатлев сказанное на доске с видом Моисея, высекающего скрижали завета, он обводит собравшихся одухотворённым взглядом. Кроме Харви, притащившего сюда это нелепое создание, и, естественно, Тима Чи, в глазах слушателей ответного воодушевления не наблюдается, но присутствие начальства не даёт расслабиться, и они уныло кивают, подтверждая успешное усвоение информации.

– И более новое – уникальный набор процессов, состоящих из скоординированных задач с начальной и конечной датой, предпринимаемых для достижения конкретной цели.

Джош триумфально тычет пальцем в потолок.

– Необходимо уяснить кардинальную разницу, ибо она подчёркивает то, на чём фокусируются стратегии и методики. Не скрою, меня безмерно порадовал выход в свет второй формулировки, так как на самом деле даже сама уникальность результата совершенно несущественна…

На этом я отключаюсь, и в памяти всплывает бессмертная фраза Ариэля: "Правильное составление плана работы зачастую важнее самой работы".

Джошуа был призван, дабы внедрить в массы трудящихся систему правильной организации, или, как он выражается, реорганизации рабочих процессов. Хотя, какая организация и какие такие процессы… Препирательства с Ариэлем едва ли

назовёшь процессом. Да и вообще, как в компании, где каждый отдел состоит из одного человека, можно толковать о таких понятиях?

Если это и имеет практический смысл, то для гигантских концернов, или относительно больших предприятий, и уж никак не для нашей захудалой шарашки. На фоне катастрофической нехватки времени и полной неясности, как справиться с насущными инженерными задачами, эта катавасия выглядит не просто абсурдно, а глупо и безответственно. Однако, судя по тому, как Джошуа взялся за дело, чувствуется, что замыслы у него грандиозные.

Следующие полчаса он нарезает круги вокруг этих двух несчастных определений, а я малюю абстрактные каракули, переходящие от округлых форм к всё более резким и агрессивно заострённым, и искоса поглядываю на коллег: Ирис, вынужденную приезжать каждый день ради этих маразматических лекций, ни в чём не повинную Таню-Марину, которой, впрочем, всё нипочём, пока ей не мешают чатиться в телефоне, флегматичного Геннадия, неуместную Кимберли во всеоружии макияжа и вызывающего декольте, деревянного Харви, невозмутимого Стива, Тамагочи, чуть ли не истекающего слюной от этой говорильни, и Ариэля, постепенно приобретающего болезненно зеленоватый оттенок.

Джошуа являет собой в высшей степени карикатурный персонаж. Долговязый, угловатый, с претензией на аристократизм британского разлива не первой свежести, он припирается в офис с пуделем. Джош прибыл к нам, о ужас, из самого Нью-Йорка, и столь одинок, что ему не с кем оставить свою ненаглядную собачонку. И поэтому в нашей и без того тесной конторе постоянно путается под ногами эта драная псина. Разительно напоминающий своего хозяина, довольно потасканный пёсик обладает мерзким характером, непрестанно облизывается и то и дело жалобно поскуливает.

– Разработанные консультантом схемы – это полуфабрикат, как методологически, так и технологически, в то время как комплексное решение, требующее знаний отраслевой специфики, можете создать лишь вы сами, ибо консультант, по сути, не более чем сферический конь в вакууме.

Судя по специфическим ужимкам, этот конкретный конь не только сферический, но ещё и гей. Не то чтоб я имею что-то против, но приторность, манера растягивать слова и нарочитая похотливость, которой отдают его интонации и жесты, раздражают до крайности. Всё начиналось вполне безобидно: выпроводив Кимберли, они подолгу запирались с Харви, прежде заглядывающим в офис далеко не каждый день. Но вскоре бурная деятельность Джошуа выплеснулась за пределы кабинета директора, и что-то подсказывало, что новое веяние будет только усугубляться. Оставалось неясным, удастся ли нашему утлому судёнышку

пережить этот шторм, не сгинув в пучине бюрократизма.

* * *

Несмотря на тоску по утерянным отношениям, я постепенно оттаивал, нехотя выкарабкиваясь из скорлупы депрессии, в которой было так уютно. Боль и обида улеглись, но всякий раз по пути в аэропорт я проезжаю знакомые места, и они вновь растравляют душу. Вот он – неизменный маршрут, проделанный уже сотни раз, и большой перекрёсток перед поворотом в район, где живёт Она. Когда останавливаешься на светофоре, виден её квартал, а если нет машин – даже краешек бокового фасада, и вновь накрывают воспоминания. А если горит зелёный, я по привычке планирую этот поворот, соотношу с ситуацией на дороге и прикидываю, как лучше в него вписаться. И когда самолёт взлетает, ещё сохранившимся в глубине глазных яблок рефлексом я нахожу её дом, затерянный в полотне переулков, а затем машинально свой.

Дом, где я прожил последние несколько лет, за время наших отношений наполнился, и до сих пор хранит некое неуловимое присутствие. Стены впитали звуки её голоса, её смеха. Ночью в темноте мне иногда кажется, что простыни ещё помнят её запах. Или вдруг, хотя реже и реже, я замираю, и перед глазами караваном верблюдов в зыбком пустынном воздухе проплывают сцены недавнего прошлого. Поэтому дома я стараюсь себя чем-то занять. Предпочтительно алгоритмом, сжирающим меня целиком. Но для работы нужна хоть крупица душевных сил, которую не всегда удаётся найти, и тогда выходные напролёт я валяюсь на диване и думаю о ней, а внутри ногтями по грифельной доске скребётся пустота.

Впрочем, воспоминания не лишены своеобразного чувства такта и почти не тревожат меня в Сан-Хосе. Так повелось изначально – жизнь распалась на две автономные реальности. На севере – Ариэль со своими демонами и остальными атрибутами корпоративной действительности; на юге – призраки бывшей подруги, копошащиеся по углам полузаброшенного жилища. Они следуют за мной по пятам вплоть до самого аэропорта, но не дальше, и, затаившись, поджидают обратного рейса, чтобы наброситься прямо у выхода из терминала.

Правда, там я оказываюсь всё реже, а чаще – уезжаю на четыре дня и возвращаюсь, отработав укороченную неделю, неуклонно трансформируясь в бомжа на машине, в кочевника, который вечерами звонит Раби или Шурику и просит убежища. Чем дальше, тем больше эта ситуация начинает довлеть и надо мной и над моими друзьями, хотя, надо отдать им должное, оба это тщательно скрывают.

У Шурика каждый раз одно и то же – детские вопли, отцовские внушения, потом ритуал отхода ко сну и напоследок "quality time"[56] на кухне или в гостиной. Впрочем, в гостиной сохраняется та же атмосфера советских посиделок на кухне с самодовольным брюзжанием и циничным отношением ко всему, выходящему за рамки бермудского треугольника семейных ценностей, карьеры и мировой политики. И все эти прелести – при неукоснительном соблюдении ночной дисциплины. Всё бы ничего, если б не его непреклонность касательно провождения времени с детьми, и договориться приходить, когда они уже уложены, невозможно. Шурик обижается, уговаривает, настаивает, и не мытьём, так катаньем, добивается своего.

Для него это святое и, видит бог, в этой обители семейного счастья я не хочу быть заподозрен в святотатстве. И вот я сижу посреди этого бедлама и мечтаю о дУше, о тишине и о том, чтобы спокойно накуриться… А курить нельзя. Вика обнаружила и выполола мой цветок свободы. "У женатого человека одна радость – как следует выспаться", – зевает Шурик, почёсывая брюхо. Одеяло у него слишком толстое и колючее, а подушки чересчур большие, и по утрам ноет шея. Интересно, какие же надо отрастить плечи, чтобы было удобно спать на таких подушках.

У Раби другая крайность: его квартира – нечто среднее между общественной ночлежкой, проходным двором и круглосуточной вечеринкой. Когда и в каком количестве нагрянут очередные гости, не знает никто, даже он сам. Там редко удаётся отдохнуть. Вот и получается, что днём я лабаю алгоритмы, а по вечерам отрабатываю то няней, точнее, погремушкой, то белой вороной, искоса зыркающей на незваных прожигателей жизни, в ожидании, пока те начебурахаются и расползутся по домам.

В пятницу передо мной и вовсе непростая дилемма: либо Ариэль, либо мои химеры. И хотя возвращаться отнюдь не тянет, упускать исключительную возможность работы дома я не намерен. Моя врождённая тяга к свободе вопиёт от такой мысли, и я чаще подумываю о переезде. Том самом, на который пытался сподвигнуть Иру… И вновь передо мной оживает сцена, как я экспрессивно жестикулирую, живописуя красоты Сан-Франциско, а она, едва прикрывшись простынёй, смотрит на меня задумчивым взглядом и улыбается, думая о своём. Это ведь было совсем недавно, а кажется, так давно, что я вижу всё словно сквозь мутную пелену…

Но сегодня мне ничего не мешает. Никто не удерживает… Более того, сегодня уже нет никаких причин тратить столько денег, времени и сил на никому не нужные полёты или поездки через полштата. Но что-то останавливает меня. То ли –

[56] Quality time – популярный термин, определяющий особое время, отведённое для общения с семьей, близкими друзьями, или посвящённое любимому занятию.

леность, то ли – нежелание одному осуществлять то, что хотел сделать вместе с ней. Неясно. Но, так или иначе, переезд я откладываю, я занимаю себя другими делами, говорю себе, что ещё не совсем оправился. Что надо всё хорошенько взвесить. Мне нужно ещё немножко времени. Как знать, возможно Сан-Фран – не лучший вариант. Либо мне просто тяжело покидать дом, где прожил долгие годы, где разобрал себя на кусочки и кое-как собрал заново…

* * *

Около полуночи мы договорились встретиться с Зои. В ожидании конца её смены, я съездил помыться и переодеться и, так как в мотеле заняться нечем, коротаю время в офисе. Гоняю симуляции, оптимизирую параметры – муторная деятельность, подобная поиску иглы в стоге сена, при отсутствии какой-либо уверенности, что в этом стоге действительно имеется искомое.

Тем временем в студии звукозаписи за стеной особо острое воспаление порно-активности. Который час кряду они гоняют туда-обратно один и тот же эпизод. Видать, тоже творческий поиск… правильной интонации, что ли, или тембра… поди угадай. Эх, натравить бы на них Ариэля, он бы мигом нашёл и тон, и тембр. Уже порядком приевшиеся дикие стоны прорезаются сквозь музыку в наушниках, усиливая раздражение.

Плюнув на работу, бреду вниз по лестнице, сажусь на ступеньках у входа и закуриваю. Вскоре, из здания появляется невысокая девушка с собранными на затылке волосами, просит огня и пристраивается неподалёку. Провожая взглядом редкие машины, она откидывает непослушную чёлку, и в мягких движениях чувствуется усталость.

Докурив, она достаёт ещё одну, снова просит огня и уже не возвращается на прежнее место, а садится рядом.

– Тут работаешь? – помолчав, спрашиваю я.
– Ага, там, на первом этаже.
– А-а… Хорошо хоть здесь не слышно. Тебе вообще как? Не мешает под такую… эм… такой… такие вопли?
– Вопли? – смешливо сощурившись, переспрашивает она.

У неё задорная улыбка, сумбурно разбросанные трогательные родинки и выбившаяся прядь рассыпчатых волос, щекочущая губы.

– Ну эти… А-а! У-у! Ох! Ох-ох! – вою я, пародируя застенные стоны.
– О-о, да тут незаурядный талант даром пропадает! Может тебя к нам?

– В каком смысле "к нам"?
– В прямом, это я там… А-а! У-у! Ох! Ох-ох! – передразнивает она.
– То есть?..
– То есть – озвучиваю, в смысле, воплю.
– Ну да, конечно… ээ… кхм… пожалуй, я тоже… ещё это…

И, не договорив, принимаюсь сосредоточено нащупывать пачку. Она наблюдает, как я достаю сигарету и со второго раза закуриваю.

– Удивлён?
– Да нет, не то что…
– Я слышу нотки осуждения?

Собеседницу явно забавляет моё замешательство. Может, она права, что за занудство? Но неотвратимая логика разгорающегося спора, заставляющая оппонентов, подчас помимо воли, занимать противоположные позиции, и то, как открыто она потешается, мешают отступить, вопреки чёткому пониманию неуместности собственного упорства.

– Нет, почему… Но всё-таки, ничего более, как бы это сказать…
– Давай, вразуми меня, наставь на путь истинный: чем же плоха моя работа?
– Не то чтобы плоха, но всё же…
– Всё же?
– Да, всё же… Продавать своё… мм… даже не знаю… сексуальное обаяние, привлекательность, эротизм…
– Погоди-погоди, ты кто по профессии?
– Я инженер. Научный работник, если угодно.
– Ага, значит, проституировать мозгами – нормально, а голосовыми связками нет?
– Зачем так сразу – проституировать?
– Будем называть вещи своими именами, – усмехается она. – Ты свои способности продаёшь, так?
– Продаю, мы все что-то продаём.
– Так в чём же дело?

Необходимость отстаивать сомнительную точку зрения и положение, в которое сам себя загнал, раздражают всё сильнее. А ей хоть бы хны, она пожимает плечами, и в свете уличных фонарей в ключицах пролегают беззащитные тени.

– Стоп, ты меня как кого спрашиваешь? Как представителя целевой аудитории?
– Давай-ка разберёмся, – проигнорировав мою попытку отшутиться, настаивает она, – в чём проблема?
– Проблема, как ты выражаешься, в том, что есть большая разница…

– Неужели?! – снова перебивает меня эта нахалка.
– …разница, заключающаяся в том, что я разрабатываю медицинское оборудование, которое спасёт тысячи человеческих жизней, лечу людей, борюсь со смертью, в конце концов… что может быть благородней этой миссии.
– Браво, браво… – иронично роняет она. – Ты, наверное, рыцарь?
– Да уж, рыцарь… – огрызаюсь я. – У меня даже меч есть.
– Не сомневаюсь.

Это, пожалуй, слишком. Но, вопреки язвительности, в её слегка надтреснутом голосе слышится некая необъяснимая горечь и теплота.

– Раз уж ты о высоких материях, позволь и мне… – помедлив, она решает добить меня окончательно.
– Конечно-конечно, – я пытаясь придать голосу безразличный тон.
– Так вот, к вашему сведению, блудница, а вы намекаете именно на этот аспект моей деятельности…
– Ну-у…
– Не, погоди, блудница – древнейшая профессия, и мы, блудницы, гораздо нужнее, чем вы. Посмотрела бы я на вас – спасителей человечества, если бы вам слова доброго не от кого было услышать. Да, в извращённом, по-твоему, виде, я продаю ласку и фантазию. А если мы замолчим и прекратим шептать вам на ушко нежные слова, то и вы, и ваше человечество околеете от недостатка любви и тепла гораздо раньше, чем успеете опомниться и сообразить, что стряслось.
– Какая возвышенная святость! Прям Мария Магдалина, – я отстраняюсь, подняв раскрытые ладони и изображая готовность к безоговорочной капитуляции.
– Вот-вот, кстати, даже католическая церковь склонна культивировать образ раскаявшихся проституток. Неужто ты строже матери нашей церкви?
– Что-то особого раскаяния не наблюдается. Ты как-то чересчур воинственно настроена для человека, мучимого угрызениями совести, – продолжаю, не опуская рук. – И потом, насколько я помню, блуд – один из семи смертных грехов.
– Ага, как уныние и чревоугодие, – она демонстративно косится на мою пачку.
– Красиво излагаешь.

Я рассмеялся, признавая абсурдность дальнейшего спора. Мы помолчали.

– Ладно, давай сменим тему. Чем ты занимаешься, когда не трудишься на поприще теплоснабжения и любвеобеспечения?
– Котик, послушай, – начинает она вкрадчиво-коварным тоном, – я уже…

В этот момент звонит телефон, она предостерегающе поднимает указательный палец и, выслушав пару коротких фраз, поворачивается ко мне.

– Мне пора возвращаться, ещё немного повопить, – произносит она хрипловатым, сочащимся сексуальностью голосом.

Обезоруживающе улыбнувшись, обдаёт меня профессионально-томным взглядом и, расхохотавшись, юркает внутрь.

* * *

Покончив с первой частью, я перешёл к терапевтической функциональности будущего продукта. В наши амбициозные планы входит не только предоставление вспомогательной диагностической информации, но также инструмента, позволяющего не просто философски взирать на плачевное состояние пациента, а предпринимать шаги для решения проблемы посредством того же ультразвука. Таким образом, мы вторгаемся на неизведанную территорию. Никаких мало-мальски достоверных данных, говорящих в пользу того, что это теоретически возможно, у нас нет. Скорее наоборот: подобные опыты, описанные в научной литературе, прежде давали сомнительные результаты.

Я снова зарываюсь в работу. Думаю, пришло время признать – толком я ничего не знаю, всё делается настолько впопыхах и на авось, что абсолютно непонятно, как вообще что-либо в итоге получается. Но самое интересное – при удачном исходе, оглядываясь назад, пройденный путь обретает некую внутреннюю логику и даже величавость. Однако так кажется только потом, по прошествии времени. А пока моя деятельность состоит из хаотичного, если не сказать, панического метания и выискивания путей вывернуться из сложившиеся ситуации, при постоянном дефиците данных, знаний и катастрофической нехватке времени. Но именно это и тешит самолюбие, заставляет бороться и добиваться цели.

Мне, как натуре увлекающейся, в такие периоды трудно не только сохранять баланс между трудом и отдыхом, но даже просто расслабиться. Азарт погони за ускользающей целью беспрерывно жжёт изнутри, за что приходится платить ошибочными решениями, потраченным зря временем и хроническим недосыпом, пагубно сказывающимися на моём, и без того прихрамывающем чувстве меры. Эти марш-броски превращаются в умопомрачительную помесь воодушевлённого экстаза с кошмарным бредом.

Мясорубка мыслей не стихает даже по возвращении домой – после долгих полётов или ещё более долгой дороги на машине… Или посиделок с друзьями. И вот я, измотанный и опьянённый передозировкой адреналина, добираюсь, наконец, до постели, где бы она ни была в этот вечер, и, укутавшись, чувствую, как рывками спадает напряжение, и веки сковывает долгожданная тяжесть. Я приминаю подушку, потягиваюсь, устраиваясь поудобней, и сквозь первую пелену

дрёмы замечаю, что проклятый арифмометр продолжает щёлкать почти с той же частотой, как в часы упоённого трудового угара.

Рождаются новые идеи, возникает элегантное решение, над которым бился многие дни, и я вскакиваю и принимаюсь записывать, рисовать чертежи и графики. Я просыпаюсь посреди ночи, осенённый очередным откровением, и потом, окрылённый гениальностью собственного открытия, подолгу не могу уснуть. А утром все плоды бессонных бдений зачастую оказываются полной ахинеей, либо чем-то столь банальным, что становится стыдно и абсолютно неясно, чему было радоваться, вскочив в четыре утра и подробно документируя изобретение очередного велосипеда.

И даже когда всё улеглось, наиболее острые проблемы локализованы, а разрозненные идеи сложились в стройную схему, мясорубка не останавливается. Измельчая в труху остатки эмоций и шелуху чисел, машина вертится по инерции, жадно требуя новой пищи и, не находя, принимается пожирать саму себя.

Постепенно к этому привыкаешь и, хотя мясорубка продолжает молотить, я проваливаюсь в сон сквозь лязг и скрежет вертящегося на холостом ходу механизма.

* * *

from: maya@akutra.me
to: ilya.dikovsky@gmail.com
date: 11.09.2015
subject: Namaste

вновь подул южный ветер, и я опять в пути. ступив на индийскую землю, сразу почувствовала знакомый вкус свободы и умиротворения, ощутить который можно только тут.

в городке Путтапарти расположен Ашрам "Прашанти Нилаям" – "Место наивысшего Покоя", основанный Сай Бабой, почитаемым как чудотворец и Аватар, или воплощение Бога. это место и стало моим пристанищем.

поселили в женском общежитии. соседками по комнате были ещё семь женщин из разных стран. узнав мой возраст и краткую биографию, они решили, что я приехала просить у Бабы жениха. пришлось объяснять, что мне, в принципе, ничего не надо. есть, конечно, скромные желания, такие, как мир во всём мире и решение глобальных экологических проблем, но беспокоить Бабу я не собираюсь, поскольку не уверена, что он такими вещами занимается.

первые дни дались нелегко из-за многочисленных законов и закончиков. особенно раздражали закончики – я никак не могла запомнить, на какие мероприятия что брать: на некоторые без белых носков не пустят, на другие лучше прихватить коврик. лёжа на голом мраморе не помедитируешь – мысли только о коврике. вдобавок, на медитациях запрещено чихать и кашлять, это даже указано в брошюре. если не удалось сдержаться и не успеваешь выбежать из зала, кто-нибудь обязательно подойдёт и попросит удалиться.

постепенно освоившись с порядками, начала получать удовольствие. так пролетели недели три, но когда потерялась четвертая пара белых носков, что ставило крест на полуденной медитации, сделалось ясно, что это знак – пора продолжить путешествие, ведь впереди ещё столько неизведанного.

вернувшись в Пуну, влипла в дурацкую историю, в итоге которой у меня спёрли все вещи, кроме иранского бубна. стало быть – денег нет, документов нет и планов на будущее тоже нет, зато трипом добрые туристы угостили. и вот брожу в обнимку с бубном по городу и встречаю Машу, с которой в Ришикеше познакомилась. Маша очень удивилась такому стечению обстоятельств и позвала на какую-то халтуру – работа, говорит, не пыльная, платят хорошо.

пришли на репетицию, примерили костюмы, вроде не так уж плохо. однако профессиональные танцовщицы сразу отказались выступать с нами в группе, так как я не могла правильно повторить ни одного движения.

предполагался матч крикета между командами сони и ещё чего-то. на место ехали долго, я была словно в тумане. по прибытии выяснилось, что в таком виде выступать нельзя, потому что должны быть прикрыты плечи и ноги. заставили одеться и поверх напялить костюмы, причём уже другие: чёрные лосины с короткой серебряной юбкой, которая даже жопу не закрывает, да ещё и велика; сверху рубашка; на ней майка в обтяжку; а в руках махалки, как у болельщиц в бейсболе. одним словом – кошмар. не то что на люди выйти, в зеркало смотреть страшно.

тут прибежала тётка и срочно загнала всех на сцену, перед которой тусила кучка престарелых индусов. не успела я оглянуться, как подлетает Маша и вопит: "Майя, у тебя юбка падает". смотрю, а юбка уже у колен. Маша попыталась помочь, но вместо этого столкнула меня со сцены, и я грохнулась вниз.

упала, значит, лежу на зелёной травке и думаю себе: "приплыли. всё, что могло произойти, – произошло. я лишилась всего. я упала со сцены. я несуразно лежу в

этом ужасном наряде. я не умею танцевать и так боялась опозориться".

и попустило. всё прояснилось. теперь можно лезть обратно и прыгать в своё удовольствие. поднялась и полезла. и отплясали мы весело, коленки уже не дрожали. правда, наши проиграли с разгромом. может потому, что у них была такая группа поддержки. девочки из другой группы показывали акробатические номера, вставали в пирамиду и радостно скандировали название команды. мы же безуспешно силились изобразить синхронные действия, но даже в названии постоянно ошибались в спеллинге. время от времени, кто-то подбегал и просил выкрикнуть имя кого-нибудь из игроков, но с таким жутким акцентом, что воспроизвести услышанное, тем более по буквам, никак не удавалось.

впрочем, поражение никого не расстроило. после окончания мы ещё долго скакали по полю под гоа-транс, а спортсмены трескали гамбургеры. итак, дальше падать некуда, можно только забираться обратно, зная, что и другие падения я переживу.

OM namah Shivaya!

P.S. здесь существует слово – Сайрам, которым можно объяснить всё даже лучше, чем русским матом. например, если хочешь сказать человеку – подвинься, говоришь – Сайрам, с подходящей интонацией, а он в ответ – Сайрам, типа – извини, и ты – Сайрам, мол – спасибо. и поэтому, Сайрам, Илья…

Глава 16

> Девочки! Девочки, делайте реверансы! Мальчики, наклоняйте быстрым поклоном подбородки к груди и щёлкайте пятками, улыбайтесь вежливо и нагло! Потупляйте скромные взоры. Таитесь. Лелейте свою грёзу, грёзу джунглей. В лилиях, нежных певицах-танцовщицах, в восточных загадочных принцах. Разрывайте, разрывайте шуршащие щёлки кончиками пальцев, едва притрагивайтесь вздрагивающей кожей. Вспоминайте, потом вспоминайте… Когда вас спрашивают, о чём вы думаете, отвечайте холодно: "ни… о… чём".
>
> Астенический синдром

Джошуа. Джошуа, Джошуа и ещё раз Джошуа. Джошуа всё шире расправлял крылья и, казалось, его бурная деятельность вскоре затмит, а потом и вовсе вытеснит все иные отправления нашей конторы, лишь создающие досадные помехи и мешающие гармоничному росту и распространению его идеологии. И настанет торжество ничем не замутнённого, истинного процесса. И снизойдёт на смиренных сынов его милость и благодать. Да святится имя Твое! Да приидет Царствие Твое! Да свершится воля Твоя, как на небе, так и на земле. Аминь.

Джошуа был повсюду. Он читал лекции, он наставлял, уточнял или упреждал, носясь взад-вперёд и создавая бурю в стакане по любому мало-мальскому поводу. Спасу от него не было никакого. Пощады не удостаивался никто, даже неокрепшее, подрастающее поколение, я, само собой, имею в виду Таню-Марину. Вечно мельтешащая фигура нескладной конституции стала столь неотъемлемой частью повседневной офисной действительности, что едва ли не мерещилась нам по ночам.

Вдобавок, у него имелся тик, видимо, являвшийся наследием прежнего этапа нелёгкой биографии. Время от времени он с резким сипением судорожно втягивал ноздрями воздух, совершенно этого не замечая. В недолгий период, когда я увлекался коксом, у меня тоже имелась привычка шмыгать носом, но у этого заскорузлого кутилы она превратилась в нервный тик, обострявшийся в моменты эмоционального возбуждения.

Вместе с тем, Джошуа, эта жертва кокаиновых угаров, подобно некоторым развратным женщинам, по достижении преклонного возраста бросающимся из одной крайности в диаметрально противоположную, превращаясь в приверженец строгих правил и ревностных блюстительниц нравственности, напропалую разыгрывал из себя примерного бойскаута. Держался гипер-бодро и супер-позитивно, говорил исключительно правильные вещи в как нельзя более нужный

момент, непрерывно лез из кожи от переизбытка служебного рвения, был всегда корректен и неизменно проецировал успешность. А в присутствии начальства пыжился ещё пуще, в общем, вылизывал на отлично. Даже на отлично с плюсом.

– Итак, шс-шс, – вещал Джошуа, вдохновенно взмахивая клешнями и жадно втягивая воображаемый кокс. – Мы наглядно убеждаемся, что правильные, хорошо сбалансированные процессы, шс, являются фундаментальной составляющей, первоосновой, шс-шс, трепещущим сердцем всей структуры.

Тик резко усугублялся, когда он говорил о процессах, а он в основном именно о них и говорил. Кроме того, с недавних пор он нашёл соумышленника в своём непотребстве в лице нашего ненаглядного Тима Чи, вследствие чего у Джошуа укоренилась привычка заглядывать к нам по десять раз на дню, а у меня немедленно выработался защитный механизм – стоило ему появиться на пороге, как я рефлекторно хватался за наушники.

Эти встречи, к нашему с Ирис неудовольствию, становились более частыми и продолжительными, и вскоре претерпели качественное изменение. На одном из заседаний Джошуа заявил, что необходим представитель из среды работников фирмы, для приспособления процессов к реалиям компании, и на эту ответственную должность как нельзя лучше подходит господин Тим Чи, чью кандидатуру уже одобрил отсутствующий ныне Харви. Ариэль устало кивнул, видимо, рассудив, что такой поворот снимет с него часть гнёта, связанного с общением с Джошем. И так, с заочного согласия директора и благословения Ариэля, их мезальянс был официально оформлен и перешёл в более тесную фазу.

Помимо этого, освоившись, Джошуа стал проявлять узурпаторские замашки, внедряясь в сферы, никак не связанные с его прямыми обязанностями. Едва мы понемногу свыклись с необходимостью ежедневно выслушивать его лекции, как он, выходя на очередной виток сумасбродства, развил жизнедеятельность на новых неожиданных фронтах, и реформы посыпались, как из рога изобилия.

Преображение началось с нашей крохотной кухоньки. Ничем не примечательным утром я забрёл туда с невинной целью приготовления кофе и был ошарашен: на стенах не осталось ни клочка живого места, всё усеяли инструкции с подробными иллюстрациями. Мытьё рук – двенадцать пунктов, каждый из которых поражал нелепостью и долженствовал длиться в течение времени, необходимого, чтобы дважды пропеть "Happy Birthday", а последний гласил: "Теперь ваши руки безопасны". Свод правил поведения и гигиены, в числе коих над микроволновкой красовалось: "Осторожно! После разогрева пища будет горячей". А в коридоре радовали глаз инструкция правильного чиханья и схема пользования уборной,

которыми Джошуа не ограничился, и потребовал сменить пресловутый гвоздь, велеречиво высказавшись в духе того, что это-де небезопасно, антисанитарно и возмутительно неэстетично. Но, как и следовало ожидать, пылкие воззвания канули втуне, и надлежащие меры приняты не были. И тогда он ушёл из офиса! Ох, как бы хотелось поставить на этом точку, но нет – он вернулся. И, вернувшись, притаранил аккуратненький крючочек с завитушками и собственноручно, хоть и несколько кривовато, приляпал его к дощечке.

Это было бы ещё ладно, но далее, под предлогом всё той же безопасности, он потребовал избавиться от удлинителей и тройников, и в сопровождении Харви прошёл по комнатам, самолично производя изъятие. Покончив с конфискацией, эта парочка их куда-то запрятала. И тут, как ни странно, выяснилось, что нет достаточно розеток, и большая часть приборов осталась без питания.

В результате целую неделю экстренно вызванная ремонтная бригада сверлила стены и демонтировала перегородки, а мы были вынуждены постоянно отключать нечто одно, чтобы включить другое. Ариэль, с болью в сердце наблюдавший вопиющую трату рабочего времени, со свойственной ему безудержностью щедрой рукой установил объём мер, предпринимаемых по решению энергетического кризиса. Однако и Джошуа даром времени не терял, и по окончании строительства офис неузнаваемо преобразился – отовсюду хищно щерились стаи розеток, а где не было розеток, скопищами гнездились инструкции.

И всё же истинный венец, настоящий шедевр процессуального жанра, предстал пред нами чуть позже. После того, как кутерьма с вынужденной реконструкцией была окончена, дражайший Джошуа, как ни в чём не бывало, открыл нам великую тайну. Оказалось, что если небезопасный объект, скажем, удлинитель, приличествующим образом оформить, составив соответствующий формуляр и объяснив в каждом конкретном случае, почему он необходим, то означенный объект переходит в иную категорию, становясь безопасным и допустимым к использованию. И тут Ариэль поразил всех своим самообладанием. Я был уверен, что он удушит этого пидора прямо там же, в ходе очередного заседания, но он лишь побледнел, проскрежетал что-то невнятное и под недоумевающим взглядом докладчика, пошатываясь, покинул помещение.

* * *

На выходные я поленился возвращаться в LA и остался в мотеле, где уже прослыл завсегдатаем – факт, лишний раз напоминавший, что пора как-то решать жилищный вопрос. В пятницу познакомился с очень даже миловидной девушкой лет двадцати пяти, и вот вечером подъезжаю к её дому и звоню сообщить, что можно спускаться. Она выходит, вся расфуфыренная, на каблуках и в яркой

курточке, чмокает меня в щёчку, и салон заполняется сладковатым запахом духов.

– Представляешь, – начинает она без всякой подтанцовки, – говорила с сестрой, и этот мудак – её бывший, припёрся поддатый в парикмахерскую и затеял очередной скандал. Что она, типа, должна отстёгивать с выручки, хотя сам он ни хрена не делает, только пьёт да обжимается с каждой подвернувшейся тёлкой. Он…
– Погоди, – прервал я этот экзальтированный монолог, пытаясь одновременно проявить вежливый интерес и несколько сбавить обороты, – а они эту… кхм, это дело вместе открывали?
– Какое вместе?! О чём ты? Он всю жизнь сидел у неё на шее, пользовался её умом и красотой, и нет же, всё ему мало, этот кобелюка ещё имеет наглость что-то требовать! Это ж надо, вламываться средь бела дня, при людях и качать права! Подумать только, какой гадёныш!
– Ну… ты же понимаешь, когда люди расстаются – разногласия неизбежны. У каждого своя правда.
– Какая правда? Всё это тянется уже столько лет, какая ещё правда?! Он же просто эксплуатирует её! Ей богу, что она в нём нашла… Ни кожи, ни рожи. Конченный неудачник.
– Может, это настоящая любовь? – вяло пытаюсь пошутить я.
– Любовь? – презрительно фыркает она. – Ой, скажешь тоже – любовь, я тебя умоляю. Мы с мамой ещё вначале говорили, что ничего путного из этого не выйдет. У него ж на физиономии написано – жеребец.
– Так кобель или жеребец? Пора, наконец, определиться… после стольких-то лет. – Она запнулась, и я продолжаю: – Послушай, давай решим, куда ехать. Есть одно местечко, там варят пиво, неплохая еда и атмосфера вполне себе.

Вытаращившись, будто ей предлагают крысиный яд, причём в донельзя непристойной форме, барышня возмущённо отворачивается к окну.

– Ты чего?
– Пиво? – переспрашивает она сдавленным голосом.
– Да, а что? Ты не любишь пиво?

Она пару раз оглядывается, но так ничего и не произносит.

– Ну не хочешь пива, выпьешь что-нибудь другое…

По-видимому, в этой фразе снова что-то не так.

– Выпьешь что-нибудь? – цедит она, словно не веря своим ушам.
– Ну там… чай или кофе. У тебя с кофе, как? Нормальные отношения?

– Ты предлагаешь девушке пиво? – уточняет она ледяным тоном.
– А что, женщинам пиво противопоказано? – я еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться.
– Нет, но не на первом же свидании! Не понимаю! Незнакомой девушке – пиво?! На первом свидании?!
– Я же тебе не трахаться предлагаю, всего лишь выпить.
– Трахаться? – она поперхнулась. – Вместо того, чтобы пригласить в приличное место, где можно культурно отдохнуть… Так нет же, сразу выпить! Пиво! На первом свидании! Пиво!

На этом вопле я со скрипом разворачиваю машину через сплошную полосу.

– А куда мы теперь? – спрашивает она, не выпуская ручку двери, в которую судорожно вцепилась во время последнего виража.
– А теперь – домой.

Обратный путь проходит в гробовом молчании. Выйдя, она надменно одёргивает курточку, а я еду в местечко, где варят пиво и водятся сочные свиные стейки, которые не выходили из головы ещё по дороге к ней.

* * *

Тем временем подходил срок сдачи проекта, да и сама работа была во многом завершена. На прошлой неделе мы окончательно определились с датой эксперимента в больнице. На этот раз предполагалось обойтись без приключений, всё штатно – опыт на свинье, без человеческих трупов, душераздирающих драм и суматохи с полётами.

В преддверии ответственного события я проявил невиданную самоотверженность, пожертвовав последней отдушиной, оставшейся в этом бедламе, и остался в пятницу на работе. Впрочем, последние месяцы безразлично, дома либо в офисе, я и так трудился целыми днями, а зачастую и ночами.

Вечерело. Все разошлись, и только Ариэль, как двести девяносто девятый спартанец, бьётся с превосходящими силами противника. С телефонной трубкой, словно партизан со связкой гранат, бросающийся под гусеницы фашистского танка… впрочем, я увлёкся, спартанцы с фашистами – это художественный перебор. Как бы то ни было, из-за двери доносятся сдавленные взрыки, чувствуется, что борьба идёт не на жизнь, а на смерть. Но вот отзвучал последний яростный рёв и, шваркнув трубку, Ариэль распахивает дверь, чуть не срывая с петель.

Он взбудоражен и растрёпан, будто не по телефону беседовал, а буквально рвал на себе волосы. Как можно добиться такого эффекта с его короткой стрижкой – непонятно. Разве что действительно напяливая шлем во время разговоров. Но это лишь мои домыслы, а сам я нахожусь напротив в лаборатории и занимаюсь упаковкой аппаратуры.

Начальник ошалело осматривается и, не обнаружив более достойного объекта для приложения организационно-созидательного порыва, бросается ко мне.

– Ну? Что? Как оно?

Протараторив дежурную форму приветствия, он выдёргивает из горы приборов первый попавшийся и с ушераздирающим хрустом заворачивает его в несколько слоёв пузырчатого полиэтилена, который так любят щёлкать барышни определённого склада ума. Потом хватает изоленту и, с пронзительным скрипом обмотав всё это дело, принимается остервенело пихать в коробку.

Однако ёмкость заметно уступает в размерах предполагаемому содержимому, что нисколько не смущает шефа, не привыкшего пасовать пред лицом обстоятельств. В таком ключе и примерно с таким же успехом мы некоторое время пытаемся работать в паре, пока он не успокаивается, и мне не удаётся выпроводить его, заверив, что осталось не так уж много, и я прекрасно управлюсь сам.

– Только учти: наше будущее в твоих руках, – взмолился Ариэль, завершая свои ЦУ, – прошу тебя…
– Не беспокойся, – я с трудом сдерживаю улыбку. – Иди отдохни, ты тоже немаловажный элемент нашего успеха, почти как генератор-приёмник.

Если до визита я успел порядком утомиться и уже проклинал эти приборы, тем более, что время поджимало, то после ухода начальства почувствовал заметное облегчение и почти наслаждался, несмотря на вынужденную спешку. На самом деле, когда выдаётся работать руками, я порой задумываюсь, правильно ли выбрал род занятий. Делать что-то руками для меня всегда в радость, должно быть, из-за соприкосновения с осязаемой субстанцией, имеющей вес, плотность и фактуру, и дающей ощущение реальности, в отличие от виртуально-абстрактного онанизма, которым я занимаюсь повседневно.

Конечно, имеется в виду не наклеивание липкой ленты на коробки, а, скажем, работа с деревом или металлом. Ещё в детстве я сначала наблюдал, а потом и помогал отцу, который, будучи архитектором, собственноручно сооружал мебель для дома, считая ниже собственного достоинства покупать, а тем более как-то хитро доставать тот единственный типовой вариант, предлагаемый гражданам

совдепии. Увы, папиных надежд я не оправдал: не стал ни архитектором, ни дизайнером, как замышлялось, но любовь попилить, построгать, повбивать гвозди и позакручивать шурупы во мне сохранилась. И пусть в Штатах нет такой необходимости, я, втайне гордясь и любуясь, собирал столярный инвентарь и недавно приобрёл циркулярную пилу, с помощью которой нарезал полок, а потом смастерил из двух старых столов один длинный угловой, именно такой, как давно хотел.

Хотя я наверняка утрирую. Я уже давно и бесповоротно болен адреналиновой лихорадкой, вообще свойственной работе в хай-теке, а в стартапе в особенности. Став плотником, я бы запел совсем по-иному, да и сегодняшней зарплаты мне бы не видать, со всеми, как говорится, вытекающими.

* * *

Вернувшись в отель, я стал дожидаться назначенного часа. Настояв на том, что поведёт сама, Зои обещалась забрать меня в начале двенадцатого. В сущности, я вообще не хотел никуда ехать и с гораздо большим удовольствием скоротал бы ночь, забывшись в её ненасытных ласках. Зои была требовательна и неутомима. После наших любовных схваток у меня побаливал лобок от её неистовых телодвижений, а пальцы ещё долго хранили чуть терпкий, одурманивающий запах. Касаясь гибкого, стройного тела, я забывал обо всём, и потом, истощённый до донышка, ненадолго обретал внутренний покой, которого так не хватало в непрерывной череде офисных катаклизмов и моей общей бесприютности.

Успев задремать, я был разбужен гудками, сопровождаемыми вспышками дальнего света, озарявшего комнату сквозь размалёванные гостиничные занавески. Это было вполне в её стиле. Я выбрался из своей берлоги и, потирая заспанные глаза, плюхнулся на сиденье. Зои выглядела настоящей амазонкой с замысловатой конструкцией из перьев на голове и вся разукрашенная вызывающими узорами, на фоне матово мерцающей, миндальный кожи смотревшимися запредельно эротично.

Сонливость моментально улетучилась, захотелось всё похерить и немедленно затащить её в постель. Очевидно, предвидя такой поворот событий, она заранее наотрез отказалась зайти. Амазонка скептически оглядела меня, мотнула пёстрой гривой, звонко поцеловала в ухо, швырнула перья на заднее сиденье и резко тронулась.

Ехать предстояло довольно далеко, впрочем, куда именно, я толком не знал. Позвонив, когда я мчался на работу, она протараторила, что ночью состоится Burning Man Decompression party, куда непременно стоит попасть, и спешно

отключилась. Мне невдомёк, как должна выглядеть декомпрессионная вечеринка, но, с одной стороны, Зои была бескомпромиссна, а оставаться одному не хотелось, а с другой, мне часто грезилось недавно пережитое, и казалось глупым отказываться от возможности встретиться с людьми, прошедшими тем же путём.

Всю дорогу Зои чатилась в фейсбуке, умудряясь при этом нестись, будто на гоночном симуляторе, агрессивно обгоняя попутные машины и всякий раз радостно взвизгивая, узнав о том, что очередной знакомый отписался, подтверждая участие в предстоящем сабантуйчике. Я попытался завести разговор о своих похождениях на Burning Man, но каскадёрское управление автомобилем и мониторинг предвечериночного ажиотажа в сети полностью оккупировали её внимание, и на мои разглагольствования ресурсов просто не оставалось.

По приезде она отхлебнула текилы из фляги на поясе, угостила меня и, нахлобучив перья, устремилась к центру импровизированного танцпола. Я быстро потерял её из виду и стал осматриваться в поисках кого-нибудь достаточно в теме, чтобы вывести на местного пушера. Необходимо было прийти в кондицию, так как пока между моим внутренним микроклиматом и окружающим мракобесием царил резкий диссонанс. Но профессиональные услуги не потребовались, вскоре повстречался полузабытый приятель и, в лучших традициях Burning Man, тотчас пригласил разнюхаться.

Взбодрившись, я прошвырнулся по территории мероприятия, повтыкал на поделки креативных неформалов, но особой приподнятости духа так и не ощутил. Место было выбрано отлично – стоило отойти от огней, и в лунном свете открывался живописный ландшафт, да и сам лагерь был обставлен искусно и колоритно, и в чём-то действительно напоминал Burning Man. Но музыка была не в моём вкусе, а душевное состояние и общая атмосфера не соответствовали ни друг другу, ни моим ожиданиям. Волшебство, по которому я тосковал и втайне надеялся воссоздать, – не происходило. Я шатался, накуриваясь с малознакомыми тусовщиками, время от времени различая моё чудо в перьях, мелькавшее тут и там, броско выделяясь боевой раскраской на фоне гарцующей толпы.

Я уже начинал подумывать, как бы слинять, что несколько осложнялось отсутствием машины, как вдруг из шумной ватаги вынырнул Ян – лесник из заповедника секвой, который впервые рассказал мне о Burning Man. Не видавшись с тех пор, как я перебрался в LA и искренне обрадовавшись встрече, мы сошлись на том, что тут "не айс" и самое время сваливать. Ян предложил отправиться к нему в Санта-Круз, и я с ходу согласился, рассудив, что лучшего компаньона для логичного завершения декомпрессии и не сыщешь.

Для успокоения совести я предпринял попытку найти Зои, но её нигде не было.

Решив, что она чем-нибудь подкрепляется в укромном месте, выслал смску и немедленно получил в ответ – CU, have fun[57]. В её устах "have fun" являлось ультимативным речевым оборотом, резюмировавшим почти все разговоры. Порадовавшись её ненавязчивости и привычке не задавать лишних вопросов, я направился к выходу, где уже поджидал Ян. С полчаса мы брели по просёлочной дороге вдоль вереницы машин, пока он мучительно вспоминал, где оставил свою колымагу. В итоге пропажа обнаружилась, и мы двинулись в путь.

* * *

Обменявшись впечатлениями, или, скорее, излив собственные, так как для Яна Burning Man давно стал органичной частью жизни, я приступил к тому, что часто приходило на ум в последнее время.

– Вот объясни, почему это происходит? – я приглушил музыку. – Как работает этот magic?
– Знаешь, я давно зарёкся задумываться на темы типа "отчего?", да "почему?". Я как бы наслаждаюсь самими ощущениями и не парюсь по поводу того, что не могу объяснить. Вот солнце светит – и светит. Или Индия… про индийскую магию все говорят, она общеизвестна… Как? Не знаю. И никто не знает, почему там чудеса и совпадения на каждом шагу. Непонятно. Исполнение желаний, всякие азиатские штуки, – то же самое и Burning Man. Или, скажем, такая классическая история…

И он углубился в запутанный рассказ из серии восточных похождений, полный метафор и аллегорий, щедро сдобренный всяческими "не знаю" и "непонятно" и сводившийся к тому, как всё неизъяснимо удивительно. Вот же манера чуть что говорить "не знаю"! Что это, леность ума? Склонность к мистификации? Или попытка сохранить чудо, издревле балансирующее на ходулях таинства и неведения?

– Не, погоди, – спохватился я, когда, закончив первую историю, он принялся плавно набирать обороты, переходя к следующей, – давай разберёмся.
– В чём разбираться? Это совершенно уникальная ситуация, когда люди изначально приходят для того, чтобы открыться друг другу всей душой. И когда встречаются существа, преисполненные чистой любви, возникает мощнейшая волна, поглощающая всех окружающих.
– То есть, душевный резонанс?
– Да, бешеный. Это – поле, создающееся духовным слиянием десятков тысяч людей. Даже если два чистых…
– Однако ж такое не происходит на других больших пати?

[57] CU – сокращение от see you – пока, до встречи. Have fun – Развлекайся.

– Почему? Может и происходит, пусть не то, но нечто похожее. И вообще, Burning Man – это не пати. Там отсутствует элемент вечеринки. А на обычной пати очень просто попасться в ловушку вечериночности.
– О, вот, что это – ловушка вечериночности? Опиши мне.
– Burning Man – это не вечеринка.
– А что такое вечеринка? Попасться куда? В какую ловушку?
– На пати масса лишних раздражителей – наркотики, музыка, танцы… Люди забывают, что достаточно просто открыться. Попадают на вечеринку и думают, что надо непременно выёживаться. А на Burning Man этого нет, люди не придумывают отмазки, типа: приехал на вечеринку – танцы, девочки, то-сё… На самом деле, все хотят одного и того же – счастья и любви. Остальное побочно: музыка, наркотики – это ерунда. А любовь исконна и всегда присутствует в душе человека.

Порой в ходе подобных рассуждений я остро чувствую некую фальшь. Кажется, весь смысл, и в особенности метафизический смысл, кроется в прорехах между неплотно прилегающими друг к другу значениями слов, даже не кроется, а возникает, прорастая из самого пространства семантических щелей, – словно мох или плесень. Впрочем, где и как бы этот смысл ни возникал, при попытке его высказать он, как правило, теряется, исчезая в тех же зазорах, как вода в решете. В строгом соответствии с законами сохранения.

– То есть, – попробовал подытожить я, – человеку свойственна всемирная любовь, но на вечеринке его сбивают с толку шастающие туда-сюда полуголые девки, и он склонен покрасоваться?
– Да, он просто путается. Он привык, что любви мало, и её нужно нахапать побыстрее да побольше, пока другие не сожрали, а на Burning Man её много, и можно расслабиться.
– О'кей, тут её мало, а там – много, потому что её не прячут. Но давай сначала с вечеринками закончим, как-никак, там тоже открываются, и тоже есть механизм, хоть и более примитивный.

Он уклончиво кивнул.

– На вечеринке этого добиваются алкоголем, обилием… эм… легкодоступных женщин, громкой музыкой и скачущей в едином ритме толпой, так?
– Да, но на вечеринке можно вскрыться и без всего этого, даже не танцуя. Это лишние действия.
– Проще, братишка. Давай не лезть в дебри философии.
– Ладно, тогда скажи мне, чего добиться? Добиться чего?
– Ну, что ли… – я пошевелил пальцами, выуживая из пространства искомое слово, – адреналинового счастья… куража.
– Думаю каждый добивается того, чего хочет сам. Но мне интересно другое: я

склоняюсь к мысли, что если человек верит в любовь, то от него такое прёт… Эта волна настолько чистая, настолько мощная, что все окружающие…
– Хорошо-хорошо, ты уже говорил. Но это происходит потом, а приезжает он такой же снулый, как бродит тут по улицам… Ну, может, ещё надрюченный каким-нибудь MDMA.
– Да, проблема в том, что веры мало. И там поначалу не верили, но Burning Man существует уже тридцать лет, и есть основа – люди, которые возвращаются из года в год и приезжают, уже умея и будучи готовы ко всему этому. Понимаешь… – Он помолчал. – Я всё чаще убеждаюсь, что любовь – штука заразная. Ты не можешь её спрятать. Как только попадёшь в поле любви, какой бы ты ни был тупой урод, – оно действует. Ибо это и есть наша истинная природа.
– Ты не идеализируешь? За тебя бы Иисус Христос очень порадовался. Но, увы, одна эта ваша любовь всухомятку неудобоварима для обычного человека.
– Конечно. Этого мало, необходимо открыть душу.
– Так просто?!
– Естественно. Душа у всех одинаковая. Она хочет любви, и как только ты туда попадаешь, сама находит путь. Мозг не нужно включать, он только мешает.
– Ох, начались восточные напевы: мозг не нужен и даже мешает во время самого переживания. Но сейчас-то мы не там, не грех и включить. Возможно, я, будучи инженером, склонен искать во всём скрытую закономерность, но как-никак в большинстве духовных учений не "просто" вдруг решают открыть душу и трах-бабах – наступает нирвана. Нет, туда идут целым комплексом неких упражнений, телесно-духовных практик и т.п. То есть, опять же, одного хотения мало.
– Ай, оставь, дело не в технике. Ещё раз, архиважный момент: я утверждаю, что если из ста есть хотя бы двое по-настоящему чистых, то эти сто уже под угрозой заражения.
– А тебе не кажется, что под угрозой эти двое? – расхохотался я.

Мы втянулись в бессмысленный спор. Он продолжал отстаивать свою идеалистическую точку зрения, на что я возражал: мол, будь он прав, Burning Man царил бы повсюду, и уже давным-давно. К этому моменту мы сидели на веранде, развалившись в глубоких бамбуковых креслах, и взирали на буйно разросшийся газон, на котором громоздились массивные валуны. Видимо, сия композиция долженствовала символизировать сад камней.

– Но послушай, – не выдержав, взмолился я, – ведь даже самые великие маги и кудесники, прежде чем впасть в медитацию, совершают…
– Я верю, что для того чтобы познать истинную любовь, вообще ничего не надо, – заявил он, потягиваясь.
– О чём ты? Опомнись: звучит, конечно, красиво, но это же не работает!
– Это работает, в неких… эм… тепличных условиях.
– Невероятно! Хоть в чём-то договорились. Пусть будут тепличные условия. Вот я

и спрашиваю, в чём природа этих тепличных условий?
– Я ведь уже сказал – открытость души.
– Открытость души? Грандиозно! И что это такое? Как этого добиться?
– Добиться? Ну ты даёшь! Не надо биться. Надо просто открыть душу.
– Это бессмысленное словосочетание.

Я с досадой откинулся на спинку, а мой товарищ вздохнул и посмотрел на меня, несмышлёныша, очами, лучащимися беспредельным буддистским терпением.

– Ладно, если тебе для полноты ощущений непременно нужно проанализировать механизм собственных переживаний, что, по-моему, абсолютно лишне, то, во-первых, опять же – люди, и пропорция между старожилами и новичками… как это у вас называется? Критическая масса, так? Во-вторых – творчество…
– О! О! Хорошо, – творчество, – воспрянул я.
– Не знаю, как точно сформулировать взаимосвязь между творчеством и любовью, но это родственные материи. Творческие люди легко находят общий язык, как музыканты, которым не нужно слов, чтобы понять друг друга.
– Наконец-то, добрались до сути. А я вот ещё что думаю…

Я принялся пересказывать собственную теорию о том, что инсталляции и перформансы на Burning Man нужны не только для пущей красы, а чтобы создать сплошной поток ударов по сознанию, перенасытить мозг впечатлениями и заставить отказаться от привычки категоризировать. И хоть на миг увидеть и непосредственно ощутить мир, каков он есть.

– Это известная практика, – отмахнулся он, – но к любви отношения не имеет.
– Да успокойся уже со своей любовью, – огрызнулся я, задетый тем, что долго вынашиваемая идея не была должным образом оценена. Мне даже подумалось, не затеял ли я весь разговор лишь для того, чтобы ею блеснуть.
– Потом языческие ритуалы, сжигание эффигий… Люди строят их, помня, что в конце всё будет предано огню.
– Это красиво, – вынужденно согласился я. – Поиск смысла в действии, а не в результате. Созидания ради самого акта.
– Да, более того, человек не увозит с собой груз, как принято в обществе потребления. И потом, сожжение – это ритуал духовного очищения.
– Ишь, как завернул, а говоришь – не знаю.
– А, вот ещё – подарки. Их не меняют, не продают, а дарят искренне и от души. И люди воочию убеждаются, что можно иначе. Осмеливаются поверить. Сбрасывают скованность и глупые привычки… Проблема в том, что веры мало.
– Веры мало? Привычки глупые? Очнись, это реалии нашего мира. Человек взрослеет, и ему наглядно показывают, что если он станет открываться где ни попадя, то будет постоянно получать по башке.

– Плохо.
– Да, что уж тут хорошего. Всю жизнь тебе вдалбливают: держи себя в руках, контролируй эмоции, ты чуткий и отзывчивый – значит, ты слабый. Ты слабый – тебя будут пинать. И ты учишься помаленьку, обрастаешь бронёй.
– Ну да, а Burning Man – это попытка объявить перемирие. Священный водопой. Оставьте оружие за забором, а ещё лучше дома.

Он провёл спорную параллель между Burning Man и олимпиадой, но я уже порядком утомился и не спешил ввязываться в очередное пререкание.

– И, в конце концов, сама земля, кто-то скажет – место силы, природа, ведь нельзя убрать из этой формулы магию красоты. К слову, о красоте – ещё занятная история, ты в курсе, как всё начиналось?

О том, как всё начиналось, я не имел ни малейшего представления. Ян заварил свежего чая и принялся рассказывать.

– Вкратце, история приблизительно следующая: изначально Горящий Человек был женщиной. Некий парень расстался с девушкой и, чтобы залечить душевные раны, забацал деревянную фигуру, пригласил друзей и совершил ритуальное сожжение. Подтянулись люди, всем понравилось, и на следующий год решили повторить. Секс, наркотики, рок-н-ролл, с каждым разом народу становилось больше, и местное население возроптало… А было это, кстати сказать, на диком пляже во Фриско. И тогда мероприятие переехало в индейскую резервацию Black Rock Desert[58]. Отсюда и Плая – так называют высохшие озёра в Мексике. Ещё всё это как-то связано с кельтскими жертвоприношениями, но в чём фишка, уже не помню.
– Кхм… интересное… – протянул я, дивясь совпадению, и закончил несколько невпопад, – история.
– Видишь, – усмехнулся он, будто догадываясь о чём я думаю, – а ты спрашиваешь – "почему?".

Мы помолчали, и Ян, решив, что метафизики на сегодня хватит, стал расспрашивать о том, что творилось со мной в последние годы. Когда я, предусмотрительно оборачивая свои невзгоды в иронию, добрался до BioSpectrum и размышлений о будущем, он неожиданно оживился.

– Ну-ка, идём, – он встал и одёрнул полы изношенной куртки военного образца.
– Куда? Зачем? – простонал я. – Что ты ещё удумал?
– Идём-идём, и вино прихвати.

[58] Black Rock Desert – Пустыня Чёрного Камня.

По опыту я знал, если Яну что-либо втемяшилось, он не отступит, и проще согласиться. Мы погрузились в разболтанный джип, брошенный у крыльца; выехав на дорогу, извивающуюся вдоль обрыва, миновали несколько уходящих вглубь мыса улиц и остановились у слегка обветшавшего каменного коттеджа с черепичной крышей. Ян по-хозяйски толкнул скрипучую калитку и поманил за собой.

– И что это означает? – спросил я, опасаясь, что предстоит знакомство с какими-нибудь маргинальными дружками, но окна были темны, и эта версия отпадала.

Он двигался дальше, продолжая разыгрывать загадочный образ. Мы прошли через задний двор с любовно запущенной лужайкой, в восковом свете луны имевший несколько апокалиптический видок, и, завершив круг, вернулись к парадной. Повозившись с ключом, Ян распахнул дверь и изобразил приглашающий жест.

В полумраке гостиной витал лёгкий запах костра и старого дерева. Я осмотрелся и, стремясь развеять старательно нагнетаемую таинственность, щёлкнул выключателем – ничего не произошло.

– Люстр нет, – бросил Ян, взбегая по лестнице.

Смирившись с тем, что приходится и дальше играть по его правилам, я направился следом и очутился в комнате со скатными потолками, где за стеклом чернели перекладины перил. На балконе, опершись на широкий, потемневший от времени поручень, стоял Ян и с видом карибского пирата всматривался в ночную даль. Остро-свежий бриз с солоноватым вкусом, к которому примешивался запах водорослей и ещё чего-то неуловимого, раскачивал верхушки кипарисов. Я отхлебнул, поставил бутылку рядом с его локтем и так же принялся разглядывать водный простор. Слева, изгибаясь вдоль набережной и подрагивая на фоне сгущавшегося по краям неба, светились огни ночного города. Вырастая из него, словно щупальце неведомого зверя, и, ломаной линией врезаясь в гладь залива, мерцал сигнальными огнями длинный пирс, тенью возвышающийся над водой на зарослях свай. А справа до горизонта, искрясь отблесками звёзд, величественно раскинулся Тихий океан.

– Что скажешь?
– Впечатляюще…
– Думаю – в самый раз.
– В каком смысле?
– Ты разве не сказал, что нужен новый дом?

Глава 17

Я сам себе и небо, и луна,
Голая, довольная луна,
Долгая дорога, да и то не моя.
За мною зажигали города,
Глупые, чужие города,
Там меня любили, только это не я.

АукцЫон

В понедельник состоялся эксперимент, без особых эксцессов, но довольно продолжительный. Проведя более пяти часов в свинцовых халатах, мы вернулись из больницы только под вечер. Следующее утро ушло на то, чтобы привести в прежнее состояние аппаратуру. Покончив с этим, я принялся за обработку результатов – однообразное и ещё более муторное занятие, нежели настройка параметров.

Впрочем, в отсутствие спешки можно было бы воспринять это как благотворную смену деятельности и даже отдых от мучительного процесса оптимизации, но близилось время сдачи проекта, и сроки поджимали. Мои самонадеянные выступления и бессовестная похвальба вылились в завышенные ожидания коллег и самого Ариэля. А значит, надо во что бы то ни стало продемонстрировать компетентность и способность в решающий момент добиться нужного результата.

Зарекомендовав себя, я буду контролировать основную часть продукта. Кроме меня, поддерживать и развивать его никто не сможет, ввиду незнания внутреннего устройства, нигде не задокументированного, и принцип действия которого хранится исключительно в моей голове. Немудряще, однако вполне эффективно. Такой расклад не просто придаст мне устойчивость, но сделает ключевым игроком – удобная позиция для решения вопросов в дальнейшем. И заодно, будет уместно напомнить Арику про золотые горы, обещанные во время полёта в Солт-Лейк-Сити.

Чтобы гарантировать полный успех, желательно сделать больше или лучше, чем запланировано, а, предпочтительно, и больше, и лучше. Выкраивая время по вечерам, в выходные и праздники, я исследовал разнообразные идеи, связанные с усовершенствованием нынешних решений и возможными направлениями дальнейшего развития. Где успел – приготовил демо-версии с первичными выводами, где временные рамки исключали такой подход – ограничился подробными описаниями и схематическими иллюстрациями.

Однако до поры наполеоновским замыслам суждено томиться в ожидании, поскольку результаты никак не желают выкристаллизовываться в стройную структуру. В целом, из уже обработанного, большинство данных красиво укладывается в рамки нормального разброса вокруг теоретических значений, но чем дальше, тем чаще всплывают странные случаи.

Данные, на первый взгляд, кажущиеся достоверными, при ближайшем рассмотрении приводят к противоречивым конечным значениям и вызывают сбои в функционировании алгоритма. Стоит ли упоминать, что при напрашивающихся воспоминаниях о нашем, а точнее, моём фиаско на прошлом опыте, в голове воцаряется бестолковая сумятица, на фоне которой сами собой выстраиваются мрачные параллели. Меня бросает в жар, я принимаюсь излишне суетиться, потеть и нервничать, стараясь отогнать мысли о фатальной закономерности.

Я в комнате один, Ирис нет – у неё экзамен, Тамагочи тоже куда-то запропастился. Заглянув поинтересоваться предварительными выводами и узнав о непредвиденных осложнениях, Стив предлагает помочь. Мы пересматриваем проблематичные случаи, и ситуация несколько проясняется. Удаётся выявить значительную группу, где карта частот имеет характерные искажения. Складывается впечатление, что опять что-то не так с настройками, хотя были предприняты все необходимые меры во избежание подобных казусов.

Продолжаем работать, временами непроизвольно переглядываясь, и призрак прежнего эксперимента практически зримо витает в комнате. В какой-то момент я замечаю, что Стив сидит, обхватив голову и уставившись в пол. Тормошу его, и он, выйдя из оцепенения, тусклым, совершенно не свойственным ему голосом озвучивает давно напрашивающийся вывод:

– Неужто снова…
– Похоже на то, – обречённо отзываюсь я.

Стив кивает.

– Вот Тим-то порадуется, – помолчав, усмехается он. – Непременно запоёт о процессах и правильном планировании.
– Да уж… Кстати, а где его носит? Отгул без уведомления – как-то не вяжется.

Вопрос повисает в воздухе. Стив снова задумывается, а я погружаюсь в пучину самотерзания.

– Знаешь, – произносит он через некоторое время, – он и вчера был какой-то странный.

– Что значит, "странный"? Тим всегда странный.
– Не-не, – хмыкает Стив, – Действительно странный, не в его стиле. Хотя, может, я ошибаюсь, повадки у него и вправду чудные.
– Что ты имеешь в виду?

Стив отнекивается, но потом рассказывает, что перед опытом застал Тамагочи за моим ноутбуком, и при его появлении Тим поспешил покинуть операционную.

– И что тут такого? – недоумеваю я. – Там бегут и его компоненты…
– Возможно… Хотя он и потом вёл себя подозрительно. Особенно в твоём присутствии.
– К чему ты клонишь? Ну вёл себя Тим странновато, что тут такого? Неудивительно, что ему некомфортно в моём присутствии. Учитывая предысторию…
– Вот видишь! – встрепенулся Стив.
– Что вижу? Погоди, – до меня постепенно доходит, – не считаешь же ты…
– Подумай сам. Мы всё проверили, так?
– Так.
– С теперешними настройками таких результатов быть не могло, верно?
– Верно, верно, но…
– Ты калибровочные файлы не менял, не правил? Вспомни хорошенько.
– Конечно, нет. С чего бы?!
– О'кей, получается во время опыта значения были другие, а потом поменялись обратно? Каким образом? Сами? По собственной воле?
– Ладно, ладно… То есть, ты предполагаешь, что это он?
– А кто? Ариэль?!
– Ну, ни Ариэль, ни Ирис не могли. Врачи тоже не могли… Остаются я, ты и он… Вроде логично… Не, но всё же…

Вопреки убедительности доводов, никак не хотелось верить в возможность такого расчётливого коварства. Не доведись Стиву застукать Тамагочи и не реши он оказать мне помощь, махинация с подтасовкой результатов прошла бы гладко, и ответственность целиком легла бы на мои плечи. Сорванный эксперимент, да ещё второй кряду, бесповоротно подрывал мою репутацию и ставил жирный крест на далеко идущих планах. Допустить подобное развитие событий было нельзя и, гоня крепнущие подозрения, я предложил проверить всё снова.

Мы убили ещё часа два, установив, какие параметры приводят к обнаруженным искажениям. Теперь появлялся шанс компенсировать их при соответствующей модификации алгоритма. Это обнадёживало, но не давало ответа на вопрос: что делать с хвостатым ублюдком, посмевшим поганить мои результаты?

Время близилось к девяти, и Стив всё чаще терял нить разговора. Перед уходом он предложил завтра же улучить момент и переговорить с Тимом с глазу на глаз, утверждая, что, действуя скоординировано, нам удастся вывести его на чистую воду и решить всё по-тихому, не дав ситуации выйти из-под контроля.

Признаюсь, первым моим позывом было отказаться. Ненависть и отвращение при мысли об этом поганце лишали всяческого желания искать мирных путей. По мне, наилучший путь – прямой: вскрыть известные факты, и разом избавиться и от него самого, и от опасности вновь попасть в похожее положение.

Но Стив отговорил меня, обрисовав перспективы: шумный скандал с непредсказуемыми последствиями, плюс вполне вероятное криминальное расследование, Ариэль, лишающийся остатков здравого смысла и подозревающий всех и вся, увольнение Тамагочи, которое приведёт к тому, что его какие-никакие обязанности разделятся между нами обоими, и потом долгие поиски замены со всеми сопряжёнными мытарствами. Однако, уверял Стив, если взяться грамотно, Тим Чи окажется у нас в кармане и не посмеет чинить козни ни нам, ни другим работникам, а коли посмеет, мы легко сможем его нейтрализовать.

Оставшись один, я ещё раз всё взвесил. Стив был безусловно прав, хоть с этой правотой и не хотелось соглашаться, а то, что Тамагочи отважился на такой шаг, до сих пор не укладывалось в голове. Но других кандидатов не наблюдалось, никому не был выгоден ни срыв опыта, ни мой личный провал. Вдобавок, никто не был достаточно знаком с кодом, чтобы суметь провернуть такое с практической точки зрения. Тим – единственный, у кого имелись и мотив, и средства.

С моим появлением Ариэль отобрал у него почти всё, а искать случая свести счёты с начальником – гиблая затея. Таким образом, самой естественной мишенью оказывался я, не придавая тому значения, внёсший посильную лепту своим иронично-пренебрежительным отношением. Но кто мог предположить, что ситуация зайдёт так далеко…

И всё же, имелись и более насущные вопросы. Оставалось совершенно неясно, как его разоблачить, не располагая конкретными фактами. Вряд ли в ответ на обвинения, подкреплённые смутными догадками, он вскинет лапки и взмолится о пощаде. Решившись на такой поступок, единственное, что остаётся – играть до последнего, пока будет виден хоть малейший проблеск надежды. Значит, необходимо просчитать варианты и перекрыть пути отступления. Стив с его косвенными уликами и логическими выкладками – это, конечно, хорошо, но, пожалуй, недостаточно.

* * *

Наутро, начавшееся ранним подъёмом ввиду лекции по управлению процессами, уставший и невыспавшийся, я всю дорогу боролся с подкатывающим волнами раздражения, понимая, как важно не допустить, чтобы Тим Чи преждевременно догадался о наших замыслах.

По прибытии меня ждал сюрприз. Я вошёл, махнул в знак приветствия и, усевшись, сделал вид, что с ходу погрузился в работу, то и дело незаметно косясь на Тамагочи. Необходимо было присмотреться свежим взглядом к этому подпольному диверсанту. По всей видимости, он был мной недооценён, если можно так выразиться в данном контексте. Казалось, ничто не предвещало беды, и тут я обнаружил, что запущенная на ночь симуляция, долженствовавшая выявить, до какой степени изменение конфигураций способно компенсировать искажения, упала, выдав непредвиденные ошибки.

Забыв про Тамагочи, я наскоро просмотрел лог-файл, взглянул на аппаратуру, расставленную вокруг аквариума, и обнаружил, что всё оборудование выключено. Щёлканье выключателями не дало видимых результатов – экраны оставались мертвы. Я вскочил. Провода валялись на полу, а на стене, закрывая розетки, висела большая магнитная доска. Во главе красовалась гордая надпись "Personal Task Board", пространство под ней делилось на несколько колонок, а поверх лепились цветные нашлёпки. Ни желания, ни времени на созерцание этого новшества не было. Сотрудники уже расселись, а Джошуа суетился, регулируя проектор. Выругавшись, я отодрал край доски и воткнул провода на место.

Первую часть лекции, пока Джошуа гундосил про какие-то Daily Stand-Up Meetings, я заново настраивал приборы.

– В обязанности работника вменяется ежедневное обновление информации на личной доске. – Он забежал мне за спину и принялся перешлёпывать нашлёпки из одной ячейки в другую, подробно разъясняя логику своих действий. – Таблички текущих заданий – тасков следует перемещать соответственно этапам выполнения и сообразуясь с планом работы.

Подавив приступ злобы, я продолжил валандаться с симуляцией и, завершив приготовления, запустил всё сызнова.

– Учтите: по состоянию индикаторов, шс-шс, еженедельно выставляются оценки. Об этом мы поговорим после перерыва, – потирая руки, резюмировал Джош. – А теперь, пожалуйста, буду рад вопросам.

Как правило, на эту реплику угодливо отзывался Тамагочи, но на этот раз я

перебил его, лишь этот деятель собрался раскрыть рот.

– Вопрос: какого чёрта, ты присобачил свою доску поверх моих розеток? Is it fucking safe?![59]

Проигнорировав квохтанье Джоша, я демонстративно встал и, вместо второй лекции, отправился на обед, чтобы лишний раз не мозолить Тиму глаза, не будучи уверен, что сумею скрыть свои чувства.

* * *

В течение дня мы, как могли, подготовились к решающему разговору. Оставалось расчистить сцену и создать правильную обстановку. Всё складывалось как нельзя лучше: работники разошлись раньше обычного, а Тамагочи засиделся, вникая в подсунутые мной документы. Когда в офисе не осталось никого лишнего, Стив подсел к Тиму, а я устроился на противоположном краю стола. Таким образом, жертва изначально оказывалась, в полном смысле, припёртой к стенке.

– Тим, необходима твоя помощь, – взялся Стив, – Мы столкнулись с проблемой и пока не всё понимаем, но полученные данные кажутся… как бы это выразиться… недостоверными.

Подопытный насторожился, но в целом держался молодцом, лишь нервно теребя провод от блока питания.

– Хотим проконсультироваться с тобой, как с человеком, поднаторевшим в подобных вещах. Ты знаешь, как это важно для всех нас, как много зависит от этих результатов и какие надежды возлагает на них Ариэль.
– Конечно-конечно. Необходимо изолировать и последовательно проверить компоненты алгоритма. Полагаю, удастся обнаружить проблему в одной из составляющих… Ведь и прежде были схожие… эм… неурядицы.

Стив сосредоточенно слушал, временами согласно кивая, хотя всем троим было известно, что проблемы прошлого опыта не имели никакой связи с алгоритмом. Напрашивалось порекомендовать начать с настроек, но Тамагочи старательно избегал этой темы, косвенно подтверждая наши подозрения. Меж тем, подчёркнутая серьёзность, с которой выслушивалась его речь, усыпили бдительность Тима и, польщённый вниманием, он всё дальше углублялся в пустопорожние рассуждения.

[59] Is it fucking safe?! – А как же грёбаная безопасность?!

– Вот-вот, с этого-то мы и начали, – подхватил Стив. – Проверили каждый в отдельности, но не нашли заметных отклонений. Тогда мы решили – возможно, дело в настройках. В исходных данных обнаружились помехи, имеющие определённые, ярко выраженные характеристики.

Тут бы самое время заинтересоваться помехами и их характером, о коих ему якобы прежде слышать не доводилось, но Тим Чи лишь поморщился и принялся ожесточённей теребить ни в чём не повинный провод.

– Настройки? Разумеется, настройки влияют… – он откашлялся. – Но не столь кардинально. Ведь правда, может быть просто какой-то баг. К примеру, баг, который… эм… проявляется в частных случаях. Скажем… при определённых сценариях. А засечь его крайне непросто. Да… весьма непросто. Или Илья использовал неправильную версию, а это действительно критично. Даже очень. Но, скорее, баг… или не та версия. Одно из двух. Я почти уверен.
– Вот как? Чрезвычайно ценное наблюдение. Ускользающие баги – такая каверзная штука.

Стив обернулся, как бы показывая, что мы возьмём это на заметку. Я кивнул, в том смысле, что держу себя в руках, и мордобоя не предвидится.

– Ах да, ещё и версия… – продолжил Стив рассеянно. – У нас, правда, имеется несколько иная версия, но всему своё время. К сожалению, мы до этого не додумались… и взялись за настройки. Изолировали, протестировали, и ты не поверишь, нам таки удалось воспроизвести искажения. Любопытно, не правда ли?

Тамагочи выпустил измусоленный провод, и тот, влажный от пота, свесился к ногам хозяина, наглядно олицетворяя бренность бытия и тщетность всяческих усилий.

– И, что парадоксально, в наборе, согласованном с Ариэлем, таких конфигураций быть не должно. Но не волнуйся, мы не поленились всё просмотреть, и убедились, что их действительно нет. Всё хорошо. Вот только, что ж получается… Прямо перед опытом настройки каким-то загадочным образом изменились, а после, опять же, неясно как, вернулись в прежнее состояние. Не догадываешься, как такое приключилось?
– Я откуда знаю?! – взъерепенился Тамагочи, вскакивая с места. – Почему вы…
– Потому, что мы все в одной лодке, – сокрушённо изрёк Стив, кладя руку ему на плечо и мягко усаживая обратно. – И прежде, чем напрасно тревожить Ариэля, мы решили посоветоваться…
– А при чём тут я! – Тим Чи покрылся багровыми пятнами. – Должно быть, Илья где-то ошибся… Что-то попутал…

– Это ты – что-то попутал! – заорал я, теряя терпение и тоже вскакивая. – За кого ты меня принимаешь? Я тебе не Таня-Марина! Мы все трое прекрасно знаем, что такое мог провернуть только ты! И никто другой! Пораскинь мозгами! Представляешь, что я с тобой теперь сделаю?!
– Погоди, это не ваш личный междусобойчик, всё гораздо серьёзней, – поспешил вмешаться Стив. – Дело даже не в заваленном опыте, к которому мы долго готовились. Опыте, на который и Ариэль, и Харви возлагают столько надежд… Речь о преднамеренном саботаже деятельности всей компании.
– Почему я должен вас слушать?! – хорохорился Тим Чи, в отчаянной попытке выскользнуть из собственноручно сконструированной мышеловки. – Как вы смеете предъявлять такие беспочвенные обвинения?!
– Ах, как мы смеем? – вкрадчиво проговорил я. – Слушай ты, крыса, во-первых, Стив видел, как ты ковырялся в моём компе перед началом эксперимента. А во-вторых…
– Ну и что?! С какой вообще стати…
– А во-вторых, – оборвал я, – тебе улик мало? Что ж, я устрою тебе улики, расследование и мотив преступления, который, как не странно, есть только у тебя. Я знаю, ты слышишь?! Знаю, а не догадываюсь, что ты залез в мой ноут и скопировал файлы.

Это был блеф чистой воды и, окажись я не прав, вся многоходовая комбинация рушилась, как карточный домик. Но риск был неизбежен: как-никак, твёрдых фактов не имелось. Доказать, что именно он изменил файлы, не удастся. Однако Тим Чи, будучи неглуп и осторожен, вряд ли стал бы подкручивать настройки на авось, рискуя вызвать подозрения и упустить редкий шанс, а значит, он был вынужден их скопировать и изучить, неоднократно гоняя на своём компе.

Любое недостаточно выверенное значение могло вылиться непредсказуемым образом и было бы мгновенно обнаружено. Предположение? Да, хоть и тщательно взвешенное. Промахнись я, и всё бы закончилось прямо сейчас, но по исказившемуся лицу Тамагочи стало ясно, что мы не ошиблись, и следует продолжать развивать успех, не давая оппоненту опомниться.

– Но ты не учёл, что все операции фиксируются системой, и можно в два счёта проверить, какие файлы, куда и когда были переписаны, отредактированы и так далее. И даже если ты принял меры предосторожности, полностью уничтожить следы невозможно, а попытка таких манипуляций – уже в своём роде улика. Так что – не переживай: когда прибудут спецы, которых, после того, как утром я положу свой лэптоп на стол Ариэля, присовокупив эту занимательную историю, он непременно вызовет, этих самый улик, дорогуша, будет хоть отбавляй. А дальше, дабы развеять последние сомнения, мы вместе полюбуемся на логи с твоего компа, где, как пить дать, обнаружится престранная активность. Я не специалист,

но даже мне в общих чертах известно, как это делается.

Я хорошенько подготовился, понимая, что если удастся отвертеться, он догадается, что так же, как с варьированием настоек, нет способов доказать его причастность к переписыванию файлов, выяснит, что заявление о невозможности замести следы не совсем верно, и предпримет меры, – второго шанса может не представиться. Необходимо было найти что-то наглядное или хотя бы подкрепить наш блеф максимальным количеством убедительных подробностей.

Просмотрев множество материала в сети, я нарыл искомые улики, точнее, то, что могло за таковые сойти. Плюс нахватался звучных терминов из лексикона компьютерной безопасности, которые теперь вывалил на обалдевшего Тамагочи.

– И тогда мы посмотрим, как ты запоёшь, объясняя Ариэлю, как ради карьерного роста решил подставить коллегу и по ходу завалил эксперимент, стоивший фирме несколько сотен тысяч долларов.
– Сотни тысяч – деньги, конечно, большие, – протянул Стив, с сочувствием рассматривая скукожившегося Тима Чи, – но вряд ли удастся ограничиться внутренним расследованием. Боюсь, действия подобного рода расцениваются как уголовное преступление, и после визита компьютерщиков прибудет полиция.

Он выдержал паузу, давая подследственному осознать масштаб и неотвратимость происходящего. Я же, повинуясь театральной логике, требующей придать моменту вящего драматизма, отбарабанил тревожную дробь.

– Уже поздно, всем пора домой, а в твоих интересах разойтись по-хорошему, – почти ласково подытожил Стив. – Сделай себе одолжение, прекрати юлить и давай серьёзно. В сложившемся положении лучше с нами договориться.
– Ладно… – Тим сник, лишь нервозно пощипывая замасленный хвостик из остатков растительности на монголоидном черепе. – Что вы хотите?
– Мы хотим, – оттарабанил Стив, – чтобы ты признал, что целенаправленно изменил параметры настроек, рассчитывая завалить опыт. Второе – мы придумаем как объяснить подпорченные результаты, не бросая ни на кого тень и не открывая всей правды, и ты полностью нас поддержишь. И третье – ты прекратишь копать под Илью и наушничать об остальных работниках. И тогда этот прискорбный инцидент останется между нами.

Что-то сообразив, Тамагочи взмолился об отсрочке, но Стив пресёк его, дав понять, что игры окончены, и либо мы решаем всё сейчас, либо продолжаем завтра в кабинете Ариэля. Тим шумно выдохнул и уткнулся глазами в стол. Еле сдерживаясь, я дослушал сбивчивые признания, кивнул Стиву и вышел, не в силах лицезреть это тошнотворное создание.

* * *

Едва выехав, я наглухо влип в пробку. Хмурое утро трепало душу порывами ветра, бросая в стекло брызги моросящего дождя, сливающегося с гулом мотора и шелестом мокрых шин, опустошая и навевая мрачные мысли. Как же надо было довести эту серую мышку, чтобы он так окрысился! Конечно, Тима можно в чём-то понять, если допустить, что в борьбе за место под офисным солнцем все методы хороши… Ведь, если разобраться, я занял его жизненное пространство, даже чисто физически.

Ариэль в первый же день согнал его с места, отобрал должность, лэптоп и перепоручил начатый им проект, во многом превратив Тима в моего подручного. И хоть обездоленному Тамагочи удалось отвоевать эквизишн, сейчас, по окончании разработки, становится неясно, в чём состоят его функции, и целесообразность дальнейшего пребывания в фирме оказывалась под вопросом.

Но понимание не успокаивало, а лишь замыкало порочный круг. Чувства вины и сопричастности распаляли клокотавшую злобу. Чем больше я думал, тем запутанней представлялась сложившаяся ситуация. Неужели я оказался настолько глух, что дал положению докатиться до того, чтобы сподвигнуть этого, страшащегося собственной тени, законопослушного педанта на столь отчаянный шаг, ставящий под угрозу не только его нынешнюю работу, но и будущую карьеру, случись этой истории выйти на свет.

Теперь, вследствие унизительной взбучки, он станет ненавидеть меня пуще прежнего. И если на данный момент удалось добиться некоего преимущества, вряд ли тему нашей вражды можно считать закрытой. Холодная война на этом не кончится, а после временного затишья выйдет на новый, более жестокий и изощрённый уровень.

Единственным светлым пятном на фоне последних событий был Стив. Без него я бы не заподозрил подвох. Тамагочи толково подготовил свою диверсию и создал искажения малозаметные, но, тем не менее, критичные. Всё висело на волоске, не посчастливься нам установить первопричину, не удалось бы подстроить алгоритм и – плакал наш опыт. А если каким-то чудом я бы и догадался, то, действуя импульсивно, наломал бы дров.

Выдайся шанс, Тим не преминул бы замести следы, которых, возможно, и не было, и тогда я бы предстал в ещё более негативном свете, как человек, обвинивший коллегу в собственной неудаче. То, что этого удалось избежать, – всецело заслуга Стива, и при случае надо выказать ему признательность. Получается, я обрёл не

только заклятого врага, но и нового союзника.

Истерзанный раздумьями, я, наконец, миную оцепление дорожной полиции, за которым в кювете виднелись ошмётки раскуроченного мотоцикла. Добравшись до офиса, наспех паркуюсь и, взбегая по лестнице, прикидываю, ждёт ли меня традиционный утренний нагоняй, или же на этот раз обойдётся.

– Привет, зайди, пожалуйста, на минутку, – мурлычет Кимберли, скалясь улыбкой крокодилицы, выигравшей кастинг на рекламу жвачек от кариеса.
– Привет-привет, что стряслось? – напустив беспечный вид, плюхаюсь в кресло напротив неё. – Где Ариэль?
– Твой шеф уехал, – она одаривает меня многозначительным взглядом.

К подобным ужимкам я уже выработал иммунитет, а известие об отсутствии начальства сразу поднимает настроение на пару градусов.

– Послушай, Илья, – медоточиво начинает офис-менеджер, – у нас реорганизация… Кстати, с тобой всё нормально? Цвет лица какой-то… Надеюсь, всё хорошо? Я вот подумала, это ведь не совсем правильно, опять же коллектив, и с точки зрения процессов тоже, и рабочей динамики… А твои опоздания сказываются на трудовой атмосфере. Ведь это действительно имеет значение, и я решила взять на себя смелость, сообщить мнение, с которым, полагаю, многие коллеги…
– Так! – Я грохнул ладонью по столу. – Кимберли!

Вроде получилось не так уж громко, но она аж подпрыгнула и смотрит на меня своими глазами-блюдцами. Заметив неподдельный испуг этой, казалось, абсолютно непробиваемой особы, я мгновенно успокаиваюсь, и ситуация начинает даже несколько забавлять.

– Давай-ка каждый заниматься своими прямыми обязанностями, – продолжаю я подчёркнуто тихим угрожающим тоном. – Процессы, говоришь? Так вот, процесс у нас следующий: ты – перекладываешь бумажки, я – работаю, Ариэль – делает выговоры. И не тебе – секретарше, высказывать мне – главному инженеру, замечания. Это понятно?
– Но я… Я только хотела… – блеет густо пунцовеющая Кимберли. – Просто подумала…

Хотела она, понимаете ли. Только Ариэль чуток утихомирился с постоянными выволочками, и я было решил, что смогу спокойно вздохнуть, так нет же, нашлось кому проявить бдительность.

– А не надо. Думать – не твоя прерогатива, – подавшись вперёд, ласково проговариваю я. – Занимайся своим рукоделием и не лезь, куда не следует. Ага?

Оторопевшая крокодилица кивает.

– Вот и славно, – хлопнув по коленям, я бодро встаю и поправляю покосившийся календарик на её столе. – Всего хорошего.

* * *

В один из вечеров я сгонял в Санта-Круз. Выяснилось, что коттедж принадлежит знакомому Яна, укатившему в Новую Зеландию спасать китов или, наоборот, – девственные пляжи, которые те в суицидальном порыве захламляют своими тучными телами. Он вырос в этом доме, и потому не спешил сдать его лишь бы кому. He's good people[60] – заверил Ян, позвонив хозяину, пока я с детским азартом пытался развести огонь в обнаружившемся камине. На этом переговоры были окончены. При желании я хоть сегодня получал в распоряжение отличное жилище фактически за полцены. Оставалось решиться…

Впрочем, в этот момент нам пришлось прерваться, и срочно эвакуироваться во двор, так как каминные приключения окончились тотальным задымлением помещения. Я ещё раз осмотрел округу и остановил взгляд на сизом дыме, струящемся из окон мансарды, стелясь, танцуя и тая под порывами тёплого ветерка.

Субботним утром я заказал перевозку и взялся за сборы, но со временем всё же не рассчитал. Хоть обстановка хозяйская, а остального барахла, в сущности, не густо и, казалось, рассовать его не составит труда, к полуночи выяснилось, что я катастрофически не успеваю. Кроме прочего, то и дело попадаются подводные мины – предметы, связанные с воспоминаниями о каком-либо периоде жизни или человеке и по-прежнему хранящие эмоциональный заряд. Мимо них сложно пройти, не получается просто сунуть в коробку или с лёгкостью определить на выброс.

И вот я шатаюсь из угла в угол, перебирая в пальцах непальский браслет из черепов Кали, символизирующий бесконечную череду мнимых эго, чужих и моих собственных, умерщвлённых мною на жизненном пути. Или рассматриваю какой-то смутно знакомый клык и никак не могу восстановить в памяти историю его происхождения. А потом нахожу осколок Звёздного ветра, добытый на берегу Сан-Диего, когда, будучи в просветлённом состоянии духа, мы спасали луну, чтобы та

[60] He's good people – Он свой.

не потонула в океане… И кость птичьего крыла, и простенькое кольцо, выпрошенное у одной девушки, которой уже давно нет.

Но предутренние часы летят быстро. Я перешагиваю и продолжаю, как заведённый: склеиваю картонные ящики, распихиваю шмотки и, наскоро обернув лентой, составляю штабелями в гостиной. Перед рассветом, когда большая часть уже собрана, на вешалке в прихожей, под тёплой курткой, купленной для поездки в канадские Скалистые горы и в итоге забытой дома, обнаруживается Ирин шарф. Помедлив, подношу его к лицу, и внутри всё сжимается.

Оглушённый, сижу, глотая слезы, и вою, до боли стискивая зубы. Я плачу не о куске цветного шёлка, не о ещё сохранившемся в нём знакомом запахе, и даже не об Ире или наших отношениях, – я оплакиваю себя. Того себя, преисполненного мечтами и ожиданиями, поверившего, что дверь в иной чудесный мир находится на расстоянии вытянутой руки. Тоскую о том мне, бросившем едва начавшуюся блистательную карьеру ради того, что казалась настоящим и было наполнено истинным смыслом.

Сегодня я покидаю не место жительства и не LA – город искалеченных судеб и проклятых надежд, – я покидаю себя, сбрасываю отжившую оболочку. Всем спасибо, затянувшийся пикник на обочине окончен. Однако теперь, в отличие от тех времён, я не знаю, что меня ждёт, не верю в новый мир и не вижу дверь. За этот период я не обрёл ничего, кроме понимания ещё нескольких горьких истин, новых шрамов и вороха никчёмных вещей. А из той жизни остался, пожалуй, только мой добрый старый Challenger, который увезёт меня отсюда, постаревшего на пять лет и разочарованного на все двадцать.

Но расклеиваться некогда. Оставшиеся полтора часа проносятся в бешеном темпе, и хотя, кажется, всё уже сложено, таинственным образом всплывают новые и новые вещи. Упаковка завершается и вовсе кое-как – при грузчиках и одновременной попытке уследить за правильным размещением коробок в грузовике. Около полудня всё заканчивается. Я оглядываю неказистую и на поверку небольшую кучку своих пожитков, – горстку чудом уцелевших робинзонов, безотрадный итог очередного кораблекрушения. Водила, посмеиваясь, обменивается со мной рукопожатием, и они отчаливают.

Я возвращаюсь сделать прощальный круг по дому и убедиться, что ничего не забыто. В опустевшей гостиной завершаю последние сборы. Вскоре на столе ровной шеренгой выстраиваются пять косяков. Я аккуратист, зануда и перфекционист. Этого у меня не отнять. Припрятав боеприпасы, высыпаю остатки травы за окно, как жертвоприношение космосу в преддверии новых начинаний, да и от греха подальше, – поездка не близкая, а лишний раз париться по поводу

полиции не хочется.

Закурив, медленно совершаю ещё один, уже совсем последний обход, запираю дверь, прячу ключ в условленном месте на заднем дворе вместе с чеками до конца годичной аренды для покрытия текущих счетов и неустойки, связанной с внезапным отъездом. Учитывая разницу в скорости, спешить особенно некуда, навскидку ещё имеется час-другой. Я сажусь в машину и еду к Дятлу.

Со дня нашего знакомства это далеко не первый визит. Мучимый бессонницей, я приходил сюда повидаться с товарищем по разуму. Как и подобает верному другу, Дятел всегда был на месте, встречая издали различимым в предрассветной тиши размеренно-методичным стуком и вселяя некую абсурдную надежду. Впрочем, не такова ли природа всех человеческих надежд… От него я уходил с чувством облегчения, по-братски разделив вселенскую тоску. Он будто выдалбливал из меня неизбывную скорбь, ожившую в последние месяцы.

И сегодня Дятел, по обыкновению, приветствует меня бравым маршем. Я присаживаюсь и смотрю, как он долбит. Придя позже обычного, я боялся не застать его, но он тут и будто чувствует неладное. Он оглядывается и смотрит протяжным, внимательным взглядом. Если бы я мог забрать с собой что-то одно, я бы без колебаний выбрал его. Ну и, конечно, столб с жестяной заплаткой бы прихватил, куда нам без них… Но этого не случится. Я уеду, а он останется. И в этом есть своя сермяжная правда.

Да он и не согласится покинуть пост. Не оставит священных обязанностей. Ибо есть предел и небесному терпению, и когда приидут ангелы Божие к вратам Содома сего, и не найдут в стенах его ни единого праведника, воздастся каждому по делам его, и вопиет камень и реки потекут вспять, и будет велик и неотвратим гнев Господень. И сдаётся мне, что без моего дятла этому городу грозит попросту кануть в тартарары, а я не готов стать виновником катаклизма национальных масштабов.

Привстав на цыпочки, я привязываю шарф повыше на столб. Последний раз долго смотрю и, к своему удивлению, обращаюсь к Дятлу вслух. Голос предательски подрагивает, и я смущаюсь, хотя никто, кроме нас, этого не слышит. Попрощавшись, сажусь в машину и под возобновившийся стук уезжаю. На светофоре раскуриваю оставленный на поверхности косяк – моё ультимативное лекарство, сомнительная панацея от мирских невзгод. Затягиваюсь, врубаю на полную катушку Beats Antique и несусь, несусь мимо аэродрома к морю, и дальше вдоль набережной до Санта-Моники, где, свернув на широкий бульвар, устремляюсь к северному выезду из Лос-Анджелеса.

* * *

После передряг с экспериментом воцарилось зыбкое затишье. Подошёл срок сдачи проекта. Составив отчёт, я усиленно работал, стремясь получше подготовиться к знаменательному событию. При соответствующих настройках подавляющая часть данных уложилась в допустимый диапазон, что весьма обнадёживало, доказывая устойчивость и универсальность алгоритма, а неудавшиеся случаи – отголоски саботажа, удалось списать на неминуемые погрешности, и в целом отчёт был принят вполне благосклонно.

Единственным примечательным событием оказался внеочередной бзик Ариэля. Уж не знаю, какие именно завихрения происходили в его дюжей башке, но как-то во время послеобеденного штиля, когда разомлевшие работники погружаются в безмятежное оцепенение, наш великий комбинатор в каком-то припадке умопомрачения выскакивает из кабинета и принимается метаться по коридору.

– I've got no life![61] – как оглашенный воет Ариэль, обхватив голову руками.

Добежав в три-четыре слоновьих прыжка до конца небольшого прямоугольного пространства, он закатывает очи и, воздев могучие длани к пенопластовым панелям фальш-потолка, неистово потрясает ими в воздухе.

– I've got no life! – стенает Арик, кидаясь обратно.

Наблюдая за этими вокально-атлетическими упражнениями, я всякий раз опасливо отстраняюсь. Из дверей в испуге выглядывают лица сотрудников.

– Что это с шефом? – шепчет Ирис, дёргая меня за рукав. – Утром я застала его спящим, уткнувшись лбом в стол.
– Должно быть, издержки производства. Кстати, как там у тебя с дифференциальными уравнениями?
– Да… всё обошлось. Спасибо. Купили программу, начертили, решили, ничего сверхъестественного. Может, ты и ему что-нибудь посоветуешь?
– Увы, прикладная математика тут бессильна.

Вслед за ним, влекомый вихрем, парит листопад инструкций по технике безопасности, опрометчиво подвернувшихся под горячую руку.

– I've got no life! – надрывается Ариэль.

[61] I've got no life! – У меня нет жизни!

В этом вопле души, в этом отрицании жизни звучит не раскаяние опомнившегося, не ужас осознания, а бешеный азарт. Он упивается своим подвигом, а в безумном взоре пылает обречённость. Должно быть, именно такой блеск сквозь дым грохочущих орудий различали расторопные адъютанты в глазах Бонапарта во время его Ста дней. Хотелось крикнуть "Да здравствует император!", но я этого не сделал. Не осмелился. И наш вождь продолжил рысачить, так и оставшись непонятым. Оробевшие свидетели не разделили его восторг, глаза их не озарились сопереживанием, в них лишь растерянность и смущение.

Я смотрю на происходящее, словно на собственное отражение в кривом зеркале. Ведь, подобно ему, умеренность никогда не была моей сильной стороной, а меж тем я иду по его стопам, просто ещё не забрался столь далеко. И пока не поздно, надо что-то менять. Нельзя дать себе докатиться до такого состояния. При всём сочувствии, становиться Ариком номер два мне отнюдь не улыбается.

* * *

В выходные я выбрался в центр пообедать, да и поужинать заодно. Повар из меня неважнецкий и посуда ещё не распакована, так что дома в смысле продовольствия хоть шаром покати.

Санта-Круз – город хиппи, сёрферов и морских чаек, предрассветного тумана и запаха океана, беззаботно радовался погожему дню ранней осени. Проезжая мимо Калифорнийского университета, останавливаюсь на перекрёстке и вижу девушку из студии звукозаписи.

– Эй, ты чего тут делаешь? – положив локти на край окна, она заглядывает внутрь салона.

Её волосы растрепались, а в глазах поблёскивают озорные огоньки.

– Тебя разыскиваю, что ж ещё.
– А я тут учусь.

Загорается зелёный, и сзади слышатся гудки. Помедлив, она непринуждённо распахивает дверь и садится рядом.

– Соскучилась?
– С какой стати?
– А я, признаться, скучал. Безмерно. Места не находил… – Влекомый словесным водоворотом, я ещё не вполне понимаю, где вынырну. – Тосковал. Можно даже сказать – томился… Думал: будешь ждать на ступенях под звёздным небом,

изнывая, стонать при моём появлении, и всё такое.

Она улыбается, делая вид, что рассматривает окрестные пейзажи.

– Тебя как зовут?
– Джейн Винтер.
– Очень поэтично. Так вот, Джейн, пока мы были в разлуке, я понял… Нет: понял – это не в полной мере выражает всю мощь и, так сказать, глубину моего чувства, – я не понял, я осознал! О чём это… а вот, я осознал, насколько твои эротичные завывания стимулировали моё воображение… Без тебя наука зашла в тупик, буквально погрязла в пучине невежества. Тысячи, нет, миллионы страждущих алчут исцеления, а я сижу долгими вечерами и грежу о тебе. – И, не дав ей опомниться, продолжаю: – Кстати, ты голодна?

Мы поели, и она изъявила желание посмотреть, где я поселился.

– Это что? – удивляется Джейн, оглядывая пустую гостиную и гору ящиков у лестницы. – Ты аскет? Что это символизирует?
– Это… кхм… видишь ли, это моя неуклюжая попытка создать романтическую обстановку.
– Ты считаешь, что картонные коробки и голые потолки – это романтично? – осматриваясь, она не забывает держать меня в напряжении насмешливым взглядом и загадочными полуулыбками.
– Не, всё гораздо хитрее. Теперь придётся зажечь свечи. Но ты ж понимаешь, просто зажечь свечи и погасить свет – это пушистый китч. А у нас будет по-настоящему, без розовых соплей. Уникальная ситуация – романтика, не обременённая патетикой.
– Браво. Браво.
– Вот если бы я не снял предварительно люстры, а притащил тебя сюда и стал зажигать свечи, ты бы могла подумать, что я тебя охмуряю.
– Да упаси Господь. Но свечей не надо.
– Это почему?
– У меня на них аллергия.
– Понятно, значит, будет ещё более романтично и уж совсем без патетики.
– Это мы ещё посмотрим, что будет, а чего нет, – она на мгновение приближается и я чувствую запах её волос. – А пока я бы развела камин. Дрова есть, романтик?
– Дрова-то есть, но камин не работает.
– Не работает?
– Угу.
– Камин не работает! – развеселилась она. – Батарейки кончились?
– Не… ну… не батарейки, конечно. Чего ты так обрадовалась? Я пробовал развести, но только напустил дыму…

– А-а, ну ясно, ты ж учёный! – заливисто хохочет Джейн. – Научный работник!

Осмотрев кирпичную кладку, она подёргала ручки на её торце, на которые я прежде не обращал внимания. Раздался негромкий скрежет, и до меня сразу дошло, в чём тут дело.

– Тоже мне перпетуум-мобиле, – победоносно объявила она, задрав подбородок, и в полумраке красиво вырисовалась линия шеи, ямочки ключиц и тонкие сухожилия, меж которых притаилась трогательная ложбинка.

* * *

Проснувшись, я впервые позволил себе позвонить на службу и сказаться больным. Вернувшись в спальню, тихонько вышел на балкон, покурил с видом на залив и, ещё раз порадовавшись решению перебраться сюда, вернулся внутрь. Джейн, заворочавшись, приподнялась и, смешно поморщившись, открыла один глаз. Пристально осмотрев меня, как некое диковинное явление, она высунула язык и, отвернувшись, плюхнулась обратно, зарывшись в подушку. Покопошившись, Джейн недовольно заурчала и натянула одеяло на голову, так, что с другого конца высунулись голые лодыжки. Пальцы задумчиво пошевелись, недоумевая столь вопиющей несправедливости, и, слегка помедлив, юркнули вслед за своей хозяйкой, скрываясь в складках простыней.

Выбрались мы далеко за полдень. Нетерпеливо дождавшись, пока я очухаюсь, Джейн Винтер потащила меня в ресторанчик на пирсе. И вот мы сидим за дощатыми столиками, она щурится на суетливые стайки солнечных зайчиков, отбрасываемых мерно колышущимися волнами, а за оградой на лодочном причале нежатся вылезшие погреться морские котики. Неподалёку от них не менее забавно роится набежавшая невесть откуда кодла китайских туристов в единообразных панамках. И те, и другие гармонируют друг с другом какой-то нездешностью… инопланетностью что ли.

С ходу не понять, что является бОльшим аттракционом – семейство ушастых тюленей или китайская делегация. Они фыркают, разбрасывая брызги воды, потешно переваливаются, ползая друг по другу и лоснясь мокрыми телами… в смысле котики, а не китайцы, конечно. Впрочем, на этакое счастье я успел налюбоваться ещё в Лос-Анджелесе, и больше засматриваюсь на Джейн, которая следит за ними с неподдельным умилением, будто видит это обыденное для здешних мест представление впервые.

Глава 18

Меня разыграли, как ребёнка. Пообещали показать настоящего Санта-Клауса, а заявился пьяный сосед в маске. Потому что в этом году его очередь дурачить детей из нашего дома.

Иржи Грошек

И настал день истины. День, к которому я шёл долгие месяцы. Все усилия, надежды и старания, направленные к достижению цели, спрессованные в единую непрерывную цепь событий, проносятся на немыслимой скорости, пока я взбегаю по лестнице, и меня выбрасывает из туннеля сознания так, что едва удаётся затормозить, чтобы не врезаться в прозрачную дверь.

Всё работает, причём местами значительно лучше ожидаемого. По функциональности данный прототип является фактически конечным продуктом, и хоть сейчас можно отправляться демонстрировать наши достижения на конференции Американской Ассоциации кардиологов с забавной аббревиатурой АНА[62], не раз благоговейно упомянутой Ариком. А оттуда до победного конца – пусть не близко, зато по накатанной.

Технология есть, осталось провести серию клинических исследований, результаты которых вполне предсказуемы, накропать статьи в парочку респектабельных журналов, согласовать графический и внешний дизайн, составить проспекты и… и тому подобные прелести. Ох уж эта сладкая канитель в преддверии долгожданного успеха.

Но условленного часа ещё надо дождаться, а пока начинается Stand-Up Meeting, и затем лекция Джошуа. Stand-Up Meeting при ближайшем рассмотрении оказывается ежедневной четвертьчасовой планёркой, проводимой стоя, дабы подчеркнуть динамичность и оперативность мероприятия. Мы собираемся в тесном коридоре и поочерёдно отчитываемся о продвижении за последние сутки. Выглядит это довольно комично: докладчик, балансируя лэптопом на задранном колене, силится второпях ввести толпящихся вокруг коллег в курс дела касательно состояния на своём сегменте. Абсурд в том, что изменения за день незначительны и, чтобы разъяснить их суть, требуется входить в детали, а так как каждый занимается своей мало в чём пересекающейся с остальными сферой деятельности, приходится начинать с азов, на что катастрофически не хватает времени. По истечении двух минут говорящего прерывают и переходят к следующему, превращая Stand-Up Meetings в пёструю нарезку импровизаций на

[62] AHA – American Heart Association.

околомедицинские темы.

Отыграв роль в этой клоунаде, я ловлю взгляд Стива, знаками показываю, что нам необходимо переговорить, и в перерыве тащу его на улицу поделиться тем, что тревожило в последние дни.

– Слушай, Стив, мы два идиота!
– Чрезвычайно ценное наблюдение. Ты для этого меня звал?
– Да нет же, я насчёт Тима.
– И что с ним? Мы ж всё уладили, чего тебе неймётся?
– В том-то и дело, уладить-то уладили, но в чём наше преимущество? Как можно что-либо доказать в случае чего…
– Да не парься. – Он нетерпеливо переминается, хотя ввиду предстоящей мозгосушительной лекции, причина спешки не вполне понятна.
– Как не парься?! – не унимаюсь я. – Мы просто так его отпустили? Что у нас на руках? Устное признание? И что с того?! Это же никак не доказуемо…
– Вот ты о чём… Ну, это не проблема. Я записал разговор на диктофон.
– А… Значит всё нормально?!

Серое облачко, омрачавшее горизонт радужных перспектив, развеивается как не бывало.

– Да говорю же: не волнуйся, – Стив отступает ко входу в здание. – Всё под контролем.
– Здорово! – с облегчением выдыхаю я, в который раз радуясь его предусмотрительности. – Не до того было, только потом сообразил…

Он изображает улыбку и, махнув рукой, скрывается за дверью.

– Скинь мне запись на мыло, – спохватившись, кричу я вслед.
– Да-да… – донеслось издали. – Разумеется.

Для затравки Джошуа не преминул напомнить о важности обновления данных на личной доске, о чём и без того уже успел прожужжать нам уши. Как и всё связанное с процессами, Personal Task Boards являлись примером здравой в корне идеи, доведённой до полного маразма. Предназначенные для предоставления актуальной и прозрачной информации, они стали лишь бестолковой обузой. Как и Stand-Up Meetings, из-за чрезмерной подробности и обособленности деятельности каждого из работников, наименования тасков, ужатые до аббревиатур, не только теряли наглядность, но и вовсе превращались в бессмысленные буквосочетания даже для тех, к кому они относились, не говоря уж об остальных.

Мало того, по результатам миграции нашлёпок с кодовыми названиями по поверхности доски выставлялись оценки, разделённые на три категории: от красного – символизирующего неудовлетворительную успеваемость, до зелёного – присущего высоким показателям. Полоска соответствующего цвета наклеивалась прямо над рабочим местом и, что характерно, зелёного не удостоился никто, кроме самого Джоша. Политика светофорной градации породила массу толков и разнообразных шуточек, среди коих предлагалось не ограничиваться принятыми мерами, а принудить отстающих ходить в красных майках или вообще ставить метки прямо на лбы тунеядцам.

Покончив с этой темой, Джошуа не остановился на достигнутом, и твёрдой рукой выводил нас на новый уровень сюрреализма, заявив, что, строго говоря, первичными структурными элементами процессов являются не работники, а исполняемые ими функции. И посему пришло время навести порядок и чётко распределить должности. Он сразу предупредил, что из-за нехватки человеческих ресурсов каждому придётся взять на себя несколько ролей. Мы с Ирис переглянулись, она устало закатила глаза, а Джош приступил к раздаче слонов. Первым был награждён Тамагочи, порядком посеревший после унизительной нахлобучки и старавшийся не встречаться со мной взглядом. Вдобавок к почётному званию – Process Leader, его инженерной функции было придано некое звучное имя, которое я прослушал, так как меня отвлекла Ирис.

– Тоже мне – лидер! – фыркнула она.

Перешёптываясь, мы пропустили названия первых двух новоиспечённых титулов Ариэля, связанных с внешними отношениями и инвесторами, вкупе с коими он был наречён Chief Engineer, Chief Research Manager и Chief…

– Чиф! – прыснула Ирис.

Не вполне ясно, что её развеселило. Видимо бюрократическая казуистика в неумеренных дозах пагубно сказывалась на женском организме. К счастью, сам чиф этого не расслышал. Увенчанный в одночасье эдаким количеством руководящих должностей, он преисполнился чувством собственной значимости, выпятил могучую грудь, раздулся и, казалось, вот-вот начнёт левитировать.

* * *

И пробил час – я на пороге кабинета, дабы предстать пред светлыми очами руководства, как какой-нибудь рыцарь короля Артура, приволокший к Круглому столу чашу Святого Грааля. Но Ариэль – не Артур, его не проймёшь антикварной

посудиной, зато в моих руках ключ от его мечты на блюдечке с голубой каёмочкой в виде красивого оформления, ради которого я почти не спал в течение минувшей недели.

Не имея стопроцентной уверенности в итоговых эксплуатационных характеристиках до окончания всех тестов, и рассчитывая в случае удачи на больший эффект, я был вынужден преуменьшать предполагаемые успехи, придерживаясь скептических границ. Зато теперь мог без колебаний демонстрировать потенциальные возможности в полном объёме.

– Готов? – требовательно осведомился Ариэль. – Великолепно! Садись.

Я взглянул на него в ожидании приглашения приступать. Лицо начальника омрачилось мало уместной для столь триумфального момента досадой.

– Ве-ли-ко-лепно, – рассеянно повторил он и нахмурился. – Но сначала – серьёзный разговор.

Ариэль открыл ящик и вытащил пачку листов.

– Вот, – волосатая рука припечатала бумагу к столу. – У нас проблема.
– Ариэль! – взмолился я, догадываясь, что сейчас начнётся.
– Нет, Илья, – Ариэль вскинул ладонь в предостерегающем жесте, как принято изображать на дорожном знаке Stop. – Потом всё покажешь, но сперва…

Я непроизвольно застонал. Звук получился жалкий, словно хруст старой флейты, завёрнутой в траченный молью бархат под кирзовым сапогом пролетария. Ариэль невозмутимо отвернул первую страницу и пробежался по объёмистому абзацу.

– Первое, – он строго взглянул на меня и снова вонзился в текст, – ты постоянно опаздываешь.

Застрявший в горле ком лишал не только дара речи, но и способности дышать.

– Желаешь прокомментировать? – холодно поинтересовался Ариэль.

Остолбенев, я вылупился на него, не в силах шелохнуться.

– Илья?

Кровь тяжело стучала в висках. Я чувствовал, как лицо стремительно краснеет, а пальцы судорожно впиваются в пластиковый корпус ноутбука.

– Илья?! – повторил Ариэль с нажимом.

Я заставил одеревеневшие позвонки прийти в движение и медленно повёл головой из стороны в сторону.

– Больше так продолжаться не может! Я тобой недоволен. И далеко не впервые. Я записал по пунктам, – он шмякнул по стопке, – и сейчас мы во всём разберёмся.

Пока он бубнил, способность мыслить постепенно восстанавливалась. Переехав в Санта-Круз, я не сообщил об этом в офисе, чтобы сохранить возможность по пятницам работать дома, которой должен был бы давно лишиться. Но никто не спохватился и, не желая бередить устоявшиеся порядки, я стал приходить вовремя, что стоило немалых усилий, ввиду врождённого опоздунства. Некогда меня даже в пионеры не приняли по этому поводу, но то совсем другая история. Так или иначе, вступать в споры на эту, да и на какую-либо другую тему не было никакого смысла. Разочарованный и оскорблённый, я решил снести экзекуцию, не проронив ни звука.

– Я требую ответа, до каких пор это будет продолжаться?

Я молчал.

– Илья! Это принципиальная тема. Мы…
– Я прихожу вовремя, – не удержавшись, процедил я.
– Не перебивай меня!
– Да, больше так продолжаться не может.

Возобновление гордого молчания теряло всяческий смысл. Я отложил лэптоп, пристроил на колене тетрадь, вывел цифру один, поставил точку и обрисовал.

– Вот-вот, так продолжаться не может! – воодушевился Ариэль. – Ты должен усвоить: время прибытия – не шутка, как тебе, вероятно, кажется.

Какие уж тут шутки? До шуток ли теперь? Я изобразил растекающийся циферблат и принялся вычерчивать разлетающиеся стрелки в стиле Дали.

– Не пустая условность! Не третьестепенная мелочь! – рвал горло Ариэль. – Время прихода на работу – это основа основ! Фундамент! То, на чём зиждется…

Закончив, он шумно выдохнул и воззрился на меня.

– Приму к сведению, – подтвердил я, успев немного остыть, пока он громоздил эту монументальную ахинею.

Начальник удовлетворённо кивнул и погладил бумагу своей лапищей.

– Пункт второй, – он бросил короткий взгляд на записи и вновь всверлился в меня. – Невыполнение обязательств.

Я вывел красивую цифру два. Поставил точку. Обрисовывал в другом стиле и написал печатными буквами – ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

– Взяв обязательства касательно работы, её содержания, объёма, сроков или того же времени прибытия, – ты должен неукоснительно их исполнять!

Ариэль сделал паузу. Возражений не последовало, и он продолжил:

– Когда сотрудник не способен исполнять обязательства в полной мере и в оговорённые сроки, происходит сбой здорового рабочего процесса! А здоровый процесс…

Ариэль смотрел уже не на меня, а куда-то мимо, в мир своей заветной мечты, где, осенённые благодатью здорового рабочего процесса, дисциплинированные, пунктуальные служащие, сущие агнцы златорунные, беспрекословно исполняют обязательства и с трепетом прислушиваются к начальству, предугадывая все его прихоти.

– O'кей, – сказал я, когда он утихомирился. – Я учту.

Ариэль прочёл следующий параграф, приподнял верхний лист и, словно сличая, внимательно посмотрел на меня, а затем снова на лист.

– Пункт три, – со спартанским спокойствием начал он. – Твои представления о том, в чём заключаются твои обязанности, не соответствуют моим. Мы никак не можем определиться в базисных понятиях.

Я обречённо вздохнул. Неужто снова два аспекта "мы договорились"? Хотя нет, с "обоюдным согласием" мы вроде уже давно разобрались. Значит, подразумевается второй аспект, относящийся к погрешностям человеческой памяти и буйной фантазии моего начальника.

– Ты отказываешься принимать мою позицию, да что там мою, – единственно верную! Мы дожили до того, что приходится прибегать к помощи Аристотеля! Но

даже он не помогает!

Я тоже не раз пытался найти решение, но как ни старался, не удавалось ни избежать подобных ситуаций, ни заранее предугадать, что именно Арик приплетёт к изначальному соглашению. В итоге я опустил руки – делал, что считал нужным, и потом терпеливо выслушивал упрёки.

– Нынешнее положение неприемлемо! Необходимо немедленно принять самые категоричные меры!
– Ты прав, самое время, – я подобрался, готовясь к длинному разговору.
– Покончить с этим раз и навсегда! – он потряс указательным пальцем.
– Давай, я готов.
– Превосходно. Но сначала разберёмся с остальными пунктами. Не менее важными.

Я закашлялся, скрывая нервный смешок.

– Пункт четвёртый, – торжественно провозгласил он.

Я вывел номер, прислушался, записал название и углубился в украшение надписи зубчатым орнаментом. Арик говорил упоённо, с красноречием, достойным лучшего применения, снабжая обличительную речь выразительными образами и напыщенными сравнениями. Когда он истощился, я склонил голову, демонстрируя согласие.

– Пункт пять, – он испытующе глянул на меня.
– Да, я записываю.
– Пятый пункт, – повторил он, и пошло-поехало.

Пункт оказался запутанным и, заплутав в метафорах и аллегориях, Ариэль отчаянно бился с ними минут пятнадцать.

– Ты всё понял? – выговорившись, он подозрительно уставился на меня.
– Ага, предлагаю двигаться дальше. У нас ещё немало… – я покосился на стопку, – кхм… дел впереди.

Я написал новую цифру и нарочито нахмурил брови.

– Ты не отвечаешь на телефон! – Арик стиснул кулаки, но, не найдя им приложения, поколебавшись, хлопнул по столу ладонью.
– Так ты звонишь мне по сто раз на дню! – возмутился я.
– Я твой начальник, и ты обязан мне отвечать. Должна быть постоянная линия

связи. Прямая и открытая коммуникация…
– Куда прямее? Я же сижу за стенкой от тебя, мы и так…
– Неважно, – отрезал Ариэль. – Подумать только! Я звоню, а ты…
– Я понял.
– Нет, ты не понял.

Пока он распинался, я набросал дисковый телефон с ушастой трубкой и витым проводом. Рядом крестик умножения и число сто. Когда он выдохся, я сидел, уткнувшись в тетрадь, и вяло симулировал осознание собственной вины. Арик выдержал назидательную паузу, потом вздохнул, выровнял стопку и взялся за новый запил.

– Халатное отношение к составлению графиков работы.
– Просто возмутительно! Я знаю, как это для тебя важно.
– Вот именно!

Нажевавшись моими ушами под соусом первостепенной значимости составления рабочих планов, Ариэль отложил очередной лист.

– Пункт восьмой, – с сытым довольством протянул он. – Твои профессиональные качества не соответствуют занимаемой должности. Ты не способен исполнять…
– Всё, Ариэль, всё, – я захлопнул тетрадь. – Возможно, наши взгляды во многом не совпадают. Я могу терпеть претензии на тему времени прибытия, смириться с тем, что мои методы не соответствуют твоим и потому являются ущербными. Я готов выслушивать практически любые придирки, что я не выполняю обязательства, что я не Платон или наоборот, упрёки, адресованные Платону. Но я не допущу отрицания моих профессиональных качеств!

Арик, привыкший к тому, что я давно прекратил спорить с ним во время подобных экзекуций, на миг растерялся.

– Во-первых, – продолжил я, – ты прекрасно знаешь, что это не так. Во-вторых, ты в три раза укоротил сроки, но, тем не менее, я закончил вовремя. Алгоритм готов! И, в-третьих, ты провёл несколько собеседований и определил меня на эту должность. Мы работаем бок о бок, и тебе доподлинно известно, что я отлично разбираюсь в том, чем мы занимаемся.

Арик долго гипнотизировал меня удавьим взглядом.

– Давай не отвлекаться, – я кивнул на кипу листов.

Похрустев страницей с восьмым пунктом, он отложил её и вчитался в следующий

параграф, а я с карикатурным злорадством взялся вырисовывать его портрет.

– Девять, – объявил Ариэль.

Пока он тарахтел, словно кукурузник, набирающий высоту, на бумагу ложились контуры несколько несимметричного черепа с массивным изгибом нижней челюсти, широким лбом, оттенённым глубокими мысами проплешин, и тяжёлые надбровные дуги, какими мог похвастаться не каждый питекантроп.

– Десять, – неистовствовал Ариэль. – Пункт десять.

Абстрагировавшись от потока нападок, я разделался с крупным носом со вздувшимися от натуги ноздрями. Закончив, Ариэль перебрал бумажки и отложил часть в сторону. Несвойственная обстоятельность и неторопливость наводили на мысль, что, несмотря на внешнее недовольство, он втайне наслаждается этой процедурой.

– Где мы были? – спросил он осипшим голосом.
– Одиннадцать, – подсказал я, не отрываясь от дела. – Параграф одиннадцать.
– Верно! – Ариэль любовно разровнял страницы. – Одиннадцать – дресс-код.

Я в недоумении обозрел начальничка и даже заглянул под стол, где красовались волосатые ноги в шортах и сандалиях. Но видимо, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Я хмыкнул и окинул взглядом результаты своих художеств. Отметив, что надо ещё вернуться к скулам и жёсткому излому губ, очертил плечи, шею с бычьими венами и густую растительность, выбивавшуюся из-под ворота.

– Пункт двенадцать – пренебрежительное отношение к методикам организации.

Можно подумать, кто-то, кроме Джошуа и Тамагочи, относится к ним иначе. Но почему-то мой, именно мой Personal Task Board – просто позорище, – негодовал Ариэль, – неужто даже в таком нехитром деле я не могу придерживаться установленных правил. Пока он разорялся на эту животрепещущую тему, я наводил последний глянец, акцентируя детали резкими штрихами.

– Что там у нас… – пробормотал Ариэль, шебурша листами. – Тринадцать, так-так.

Нечто в его голосе заставило насторожиться.

– Пункт тринадцать – ты плохо запаковал коробки. Казалось бы, безделица, пустяк? Но нет! Коробки – не безделица! И совсем не пустяк! Коробки – это всё!

Он вскочил и растопырил пальцы, явно не зная, куда деть свои мощные верхние конечности. Мышцы предплечий дрожали от напряжения.

– Коробки! – восклицал он. – То, как ты обращаешься с коробками, отражает всё отношение к работе. Я пришёл, увидел их, и у меня… у меня… – Ариэль задыхался. – Ты вообще отдаёшь себе отчёт, – хрипел он, – что всё здесь создано моими руками?!

Я осмотрел обстановку в стиле класса эконом: шкаф из ДСП, стол и три стула.

– Я тебе доверял, а ты не можешь нормально выполнить простейшее задание?! Ты хоть понимаешь, какая на мне ответственность?! Сколько я в это вкладываю! За каждую вещь, которую ты видишь, я кровью харкал!
– Та-а-ак! – заорал я, тоже вскакивая. – Ариэль! – я грохнул тетрадью о стол. – Я запаковал коробки нормально!

Он отпрянул и злобно уставился на меня. Некоторое время мы молча мерялись взглядами, пока его глаза несколько не прояснились. Обмякнув, он потёр воспалённые веки, отодвинул кресло и сел.

– Так вот, я запаковал коробки как надо. Я умею делать вещи руками, и если за что-то берусь, то не успокоюсь, пока не получится не просто сносно, а хорошо. И уж тем более, если пакую аппаратуру, на которой сам работаю и от которой зависит мой алгоритм, ради которого я тоже не сплю ночами.
– Какая разница?! Может, и не ты… Дело ведь не в самих коробках, а в безалаберном… Хотя, кто ж их так запаковал?
– Я! Это я их паковал! Ты видел, как я это делаю, и никто другой к ним не притрагивался.
– Тогда, как же так?
– Хватит о коробках. – Больше не делая вид, что вникаю, я вернулся к прерванным экзерсисам и пририсовал этому уроду роскошные бычьи рога.

Несмотря на многозначительные паузы и испытующие взгляды, вплоть до заключительного, семнадцатого параграфа, я не проронил ни слова, мстительно прорабатывая детали: вздыбившиеся пучки шерсти, жирные тени набухших желваков и, напоследок, увесистое кольцо в перегородке между ноздрями, выполненное с особой тщательностью.

– Сейчас мы перейдём к результатам, – подытожил Ариэль севшим голосом, – а потом тебе следует отправиться домой и основательно подумать.

Портрет Минотавра был окончен, я отложил тетрадь.

– Настоятельно рекомендую поразмыслить о том, как ты собираешься работать в нашей фирме, хочешь ли ты и способен ли ты работать в нашей фирме. И если ты действительно всего этого хочешь, ты придёшь завтра не как обычно, – можешь прийти позже… – Ариэль сделал широкий жест. – Выспись, отдохни и составь план того, как намерен исправляться, и мы в спокойной обстановке всё должным образом обмозгуем.

Я напрягся. Эдакой постановки вопроса я никак не ожидал.

– Мне самому неприятно, но ситуация зашла слишком далеко. Ты должен уразуметь: всё предельно серьёзно. Речь о том, продолжишь ли ты работать под моим руководством.

Да уж, зашла ситуация… воистину, жизнь полна неожиданностей. Особенно моя. Однако, как это – продолжишь ли? Неужто он действительно решится? Хотя, стоп-стоп-стоп. А как же проект? То, что я пришёл демонстрировать, – лишь прототип, над которым ещё пахать и пахать. Без меня это – груда никому не понятного кода: ни документации, ни комментариев. А конференция? А сроки? А обязательства перед инвесторами? Что-то он тут передёргивает или просто пытается взять меня на понт… Не лучший способ мотивировать подчинённых, а ежели те способны дотумкать, что за угрозами ничего не стоит, и подавно.

Либо Арик совсем заработался и начинает слетать с катушек. Стращать увольнением по поводу какой-то муры… Иди знай, возможно, он и впрямь намерен собственноручно пустить всё под откос. Шантажист хренов. Впрочем, времени на раздумья не оставалось: выложив последний козырь, Ариэль пристально разглядывал меня, ожидая реакции.

– Семнадцать параграфов. Я понял… кхм… уразумел. Даже записал, – проговорил я, стараясь придать голосу нейтральный оттенок. – Непременно последую твоему совету, отдохну и поразмыслю.
– Замечательно. – Ариэль энергично потёр ладони, лицо переменилось, и проступило простодушное нетерпение, будто сейчас состоится раздача рождественских подарков. – Давай сделаем десятиминутный перерыв, и покажешь алгоритм. Скажи только, есть что-нибудь новенькое? Как результаты?

* * *

Я вышел пройтись, силясь отогнать мысли об ультиматуме. Рефлексировать было не время. Вернусь домой, накурюсь и обдумаю всё на трезвую голову.

– Погоди. Хочу сперва почувствовать своими руками, – засуетился Ариэль, едва я открыл презентацию. – Наверняка ведь есть какая-нибудь демо-версия?

Да что ж такое! Видно, моим замыслам не было суждено осуществиться даже в малом. Я раздосадовано вздохнул. Демо, конечно, имелось, но что он там поймёт, не выслушав объяснений. Разве только кнопками пощёлкает… Я открыл демо, и Ариэль принялся самозабвенно тыкать в виртуальные клавиши.

– Ну? Как результаты? – не оборачиваясь, бросил он через пару минут. – Как эта штука вообще работает?
– Нормально, отлично работает. Может, вернёмся к презентации, покажу тебе статистику, графики, сравнительный анализ, – закачаешься.

Ариэль продолжал с нездоровым азартом клацать куда попало.

– Постой-постой… А это что такое? – замерев, проговорил он изменившимся голосом. – Кнопка Start – синяя? Как это? Почему?
– В каком смысле?
– В прямом – почему она синяя?
– Ну… потому что я окрасил её в синий, а отчего, собственно…
– И, по-твоему, это приемлемо?
– Приемлемо? А что, разве нет?

Арик сердито отвернулся и застыл в таком положении.

– Ариэль, в чём проблема? Кнопка не может быть синей? Да и какое это имеет значение? Не хочешь синюю, сделаем её какой угодно, хоть серо-буро-малиновой, если тебе так нравится.
– Как какое?! – вспылил Ариэль. – Ты разве не понимаешь – кнопка Start должна быть красной? Неужто это так сложно?
– Ариэль, может, хватит? Может, делом займёмся? Красной, так красной.

Теперь уже отвернулся я.

– Нет, ты послушай! Дело не в том, нравится мне или не нравится, а в том, что правильно, а что нет. Ты несколько недель рассказываешь сказки о том, как всё закончил, и вот мы встречаемся и оказывается, что ты даже кнопку не можешь сделать по-человечески! Элементарную кнопку! Как же так?! Одумайся, что ты творишь?! Кнопка Start должна выделяться, верно? Сразу бросаться в глаза! Так или нет? – Ариэль оседлал любимого конька. – Это не просто кнопка, а кнопка Start! Ключевая кнопка! Кнопка, которая…

По идее, в оформлении медицинской аппаратуры не принято без веского повода использовать красный цвет во избежание нежелательных ассоциаций, но какое это имело теперь значение… Перед внутренним взором в сочных подробностях предстала панорама получасовой дискуссии о расцветке кнопки Start. От этого зрелища стремительно темнело в глазах. Я попробовал подавить волну ненависти, но было поздно.

– Ариэль, ты совсем очумел?! – я не заметил, как оказался на ногах. – Пожалуй, если бы ты поменьше компостировал мозг своими маразматическими претензиями, я мог бы задуматься над тем, что кнопка Start тебе должна или не должна, и какого она цвета. Но пока мне ежедневно приходится выслушивать весь этот несусветный бред, о таких нюансах и речи быть не может. Семнадцать параграфов, ё-моё! Я пришёл показать проект, а ты не можешь обуздать свои шизоидные припадки?! Ты что куришь? Как ты умудрился такое удумать? Рабочего времени не жалко?! Расписал по пунктам, циферки проставил! Дел поважнее не нашлось?!
– Думаешь я развлекаюсь? – Ариэль медленно поднялся и наклонился вперёд, нависая надо мной. – Уверяю, ты ошибаешься!
– Да пошёл ты… сколько можно? – я махнул рукой и сел.
– Предупреждаю, я не намерен это терпеть. Если ты не отнесёшься к критике с должным вниманием и не примешь надлежащие меры, я буду вынужден…
– Ох, как ты задолбал…
– Учти, это последнее предупреждение.
– Вау… сколько пафоса, сколько драматизма! – я закинул руки за голову, ухмыляясь ему в лицо. – Браво! Брависсимо! Зрительницы падают в обморок от восторга и умиления. Не намерен он, видите ли, терпеть! Да не смеши меня, ты скорее руку себе отрежешь, если понадобится, чем меня уволишь.
– Илья, учти, я не шучу! – Арик грохнул по столу.
– Да, я вижу. Настоящая греческая трагедия. Гнев и ярость Минотавра. Ты ещё грохни кулаком, грохни, – я положил вытянутые ноги на соседний стул. – У тебя эф-фектно получается. Ты не пробовал в театре выступать? Твои истерики там куда как уместней.
– Убирайся! – гаркнул он, приобретая совершенно неописуемый цвет лица.
– Э-э-э… а как же последнее предупреждение?
– Во-о-он!
– Как так? Увольнение отменяется?
– Во-о-о-он!!!
– А зрительницы? Что ж с ними?
– Катись вон отсюда! – проскрежетал Ариэль сквозь стиснутые зубы.

Побелевшие пальцы вцепились в крышку стола, и в воцарившейся тишине

послышался скрип прессованной стружки.

– Ладно-ладно, всё, ухожу. Чего ты разнервничался, ей-богу? – я резко встал и под испепеляющим взглядом Ариэля сунул подмышку тетрадь и лэптоп. – По-моему, блестящее совещание. Давно не получал такого удовольствия. Надо делать это почаще. – На прощание я помахал дымящемуся от ярости Минотавру. – Ах да, кстати, искренне благодарен за совет. Я прислушаюсь к твоим словам и хорошенечко подумаю, могу ли я, а главное, хочу ли я продолжать работать под твоим руководством.

В комнате было пусто. Контуженные звуковой волной, сотрудники сочли за лучшее эвакуироваться, не дожидаясь кровавой развязки. Я осмотрелся в поисках мишени для вымещения клокотавшего бешенства, и на глаза попалась как нельзя лучше подходящая для этой цели Personal Task Board. Выдрав с мясом из гипсовой панели, я разбил её о колено и сунул обломки в урну.

Глава 19

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и весёлый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Сергей Есенин

Первым позывом было разбить всё вдребезги – в лучших моих традициях. Перед внутренним взором назойливо мельтешили сцены увольнения по собственному желанию, сочинялись обличительные речи, одна красочней другой и вскипала подогреваемая ими злоба. Копившаяся месяцами фрустрация требовала выхода, и я, смакуя подробности, представлял картины моего торжества и Арикова раскаяния. Раздавленный осознанием глубин собственной вины, он буквально ползал на коленях и вымаливал прощение, но ответ был неизменен и холоден.

Я непреклонно заявлял, что метаться поздно, и задуматься о последствиях следовало прежде чем исчерпаются резервы моего терпения. А теперь ему предстоит в полной мере ощутить собственную беспомощность и всю тяжесть утраты столь квалифицированного специалиста и верного соратника.

Когда прилив раздражения отхлынул и приступы бешенства уступили место проблескам рассудка, я начал задумываться об альтернативах. Протрезвев от опьяняющей ненависти, я осознал, что, по сути, являюсь хозяином ситуации, и вполне могу односторонне диктовать условия. Поколебавшись, я счёл за лучшее выждать и посмотреть, что будет дальше, но теперь играть исключительно по своим правилам, твёрдо решив впредь не идти у Арика на поводу и не расшаркиваться перед ним по каждому вздорному случаю.

И всё же, я пребывал в прескверном расположении духа и в наказание остался дома, злорадно наблюдая бесплодные попытки достучаться до меня. Два дня подряд, как брошенная потаскушка, он трезвонил и слал сообщения, то гневные, то просительные, а я желчно посмеивался, вспоминая, сколько усилий стоила подготовка презентации, картинок и прочей дребедени, проделанной ради того, чтобы порадовать его, представив результаты покрасивше да понаглядней.

На третий день Ариэль опустил руки, и за дело взялась Кимберли. Настойчиво и методично – ровно каждые пятнадцать минут. Её звонки постигла та же участь. Единственным человеком, с которым я говорил, была Ирис, развлекавшая меня красочными сводками о смятении в лагере неприятеля. На четвёртый – они отчаялись, телефон настороженно помалкивал вплоть до самого вечера, и лишь

тогда я задумался о возвращении.

Пребывая в раздрызганном состоянии, я откровенно бездельничал и отсыпался, мало-помалу очухиваясь от марафона последних месяцев. Успев немного обжиться в новом доме, я постепенно влюблялся в это место: в одичавший садик, поросший сорной травой, жухлые кусты и две потрёпанные пальмы. Я всегда хотел жить высоко, но не в многоквартирном здании. Эти два условия казались взаимоисключающими, но нежданное решение нашлось, родившись из тоски по Burning Man. С обрыва открывался головокружительный пейзаж, завораживающий бескрайним простором, а у подножья ласково шуршал прибоем Тихий океан.

И всё же, в этом, казалось бы, подлинном воплощении мечты чего-то не хватало. Чего-то трудно передаваемого словами, но явного и почти осязаемого. Давно утерянного ощущения родного дома, что ли… Закончив школу и уехав учиться, я довольно быстро осознал, что это понятие опустело, лишившись наполнявшего его смысла. Впрочем, оно начало тускнеть гораздо раньше, когда мы перебрались из тогдашнего Советского Союза в Штаты, но ещё сохраняло некую силу, пока я жил с родителями. Да и в первые университетские годы не сразу растворилось, обволакивая смутным облаком, когда в выходные я возвращался из общаги под отчий кров.

Но время не стоит на месте и, неумолимо тая с годами, оно окончательно испарилось. С тех пор я жил в разных квартирах, и теперь, сняв дом, можно даже сказать, особняк на берегу моря, всё равно чувствую некую квартирность своего жилища. Квартирность, выражающуюся в скупой утилитарности постройки, пусть красиво оформленную и, как я люблю, слегка отшлифованную временем. Сегодня эта утилитарность легко распознаётся, а в детстве была непонятна и потому загадочна.

Хотя дело, конечно, не в функциональности или загадочности, дело в том, что там были мама и папа – этакие полубоги, которых больше нет. Сегодня есть два немолодых человека, которые любят и переживают, но уже не способны ничего изменить в моём мире. И нет того меня, который жил в доме моего детства и был способен на те ощущения. Даром что здание стоит и по сей день, и я могу увидеть его на снимке в Google Maps прямо со своего монитора.

* * *

Несколько раз я звонил Джейн, но она не отвечала. Как выяснилось, это было ей свойственно. Временами она впадала в аутичные состояния и, заперевшись дома, занималась какой-либо монотонной деятельностью. Лелея свою меланхолию, Джейн обретала некое умиротворение, кутаясь в пелену отчаяния. Как-то,

неожиданно нагрянув, я застал её за перебиранием книжек, которых у неё была тьма-тьмущая. Попытки привести её в чувство разбились о глухую стену, и я ушёл ни с чем.

Обычно Джейн была вполне жизнерадостна, обаятельна и остра на язык, но вот, её переклинивало, двери во внешний мир захлопывались, и она погружалась либо в продолжительное оцепенение, либо в вышеописанную гиперактивность. Как правило, этому предшествовали периоды крайней взбудораженности и маниакальной озабоченности какой-нибудь эфемерной проблемой в стиле сопоставления трансцендентально-диалектического онтологизма с сенсуалистическим эмпиризмом, сферы, в которых мне было сложно поддержать вразумительную беседу. При этом она осложняла всё до полной неразрешимости, то и дело задумываясь, и потом отвечала односложно и невпопад.

Впрочем, эти состояния были непродолжительны. Спустя пару дней она появлялась и, нервно встряхивая чёлкой, говорила, что ей было необходимо побыть одной, а в голосе слышалась старательно скрываемая горечь.

Это было странновато и неоднозначно влияло на мою не слишком стабильную психику. Резкие перепады женских настроений способны разнообразить отношения, будоража и внося эмоциональные всплески. Но, видимые не раз прежде, такие паттерны поведения уже не действовали возбуждающе, и я отстранялся, чувствуя их приближение, да и она не требовала внимания, предпочитая замкнутость и одиночество. Её вполне устраивала необязательность наших отношений, а хорошие периоды сторицей компенсировали эмоциональный дискомфорт, связанный с переживаниями.

Поначалу меня несколько смущало соседство со студией звукозаписи, и я опасался, что теперь будет сложнее абстрагироваться от порнушных стонов и всхлипов. Однако её халтура оказалась временной, и раздутая на пустом месте проблема отпала сама собой. В целом, исключая отдельные моменты лунатизма, мы чудесно ладили. А кроме того, радовало, что отношения с Зои прекратили быть эксклюзивными. С недавних пор я стал замечать за собой первые признаки развивающейся помимо воли, неуместной и абсолютно ненужной нам обоим привязанности.

* * *

Расценив прекращение попыток достучаться до меня как полную капитуляцию, я счёл уместным снизойти с Олимпа на бренную твердь, и спустя неделю заявился на работу, угодив в разгар очередного заседания по методикам управления. Я был изумлён не меньше окружающих, казалось, уже не чаявших моего возвращения.

Обычно собрания проводились утром, и потому я намеренно пришёл после обеда, отнюдь не горя желанием лишний раз участвовать в этом параде сумасбродства. Но ввиду того, что полуторачасовые лекции показались начальству недостаточными, было принято решение удвоить их продолжительность и перенести на более позднее время. Загремев, что называется, с корабля на бал, я обводил собравшихся молчаливым взглядом, с удовлетворением отмечая произведённый эффект. Тамагочи съёжился, Кимберли нервно хмыкнула и запнулась, а начальник, набычившись, сверлил меня удручённо-укоризненным взором.

– Можно продолжать, – произнёс я спустя полминуты неловкого молчания.
– Секрет продуктивной работы с тасками, – откашлявшись, повторил Джошуа, – заключается в их правильном распределении по приоритетам и категориям.

Некоторое время он буровил об иерархии рабочих заданий и её значимости. Чувствовалось, что утомлённым сотрудникам с трудом удаётся совладать с неиссякаемым напором околесицы, и их психическое здоровье находится в прямой опасности, однако вскоре Джош смилостивился и объявил перерыв.

– Где ты пропадал? – выпалил Ариэль, ринувшись ко мне, как только был дан отбой.
– Осмысливал твои семнадцать параграфов, – радостно отозвался я.
– Нам необходимо…
– Что-то свеженькое? Ты выдумал новые пункты?
– Уймись. У нас остались нерешённые вопросы!
– Неужто? – изумился я, всеми порами ощущая внимание ещё не успевших разойтись сотрудников. – Не знаю как ты, а я для себя уже всё решил.
– И что же?

Красуясь, я кинул быстрый взгляд на Ирис и картинно уставился в потолок.

– Полагаю посвятить ближайшую неделю выбору расцветки кнопки Start.
– Ты должен немедленно прекратить эти дурацкие игры! – вскипая, процедил представитель подвида жвачных парнокопытных.
– Знаешь… я бы на это не рассчитывал.

Минотавр раздул ноздри, пофыркивая и испуская пар, помотал бычьей башкой в бессильном негодовании и счёл за лучшее ретироваться, чтобы не привлекать излишний интерес к разговору, который у него не клеился.

– Прошу внимания! У нас важное сообщение: – приступил Джошуа ко второй части, – ввиду загруженности в инженерной сфере Тим вынужден отказаться от

занимаемой должности в пользу Стива. Спасибо Тиму Чи, безупречно исполнявшему роль процесс-лидера и спешащему уступить её человеку, который, по его словам, обладает коммуникативными навыками и сможет способствовать всем нам в достижении новых горизонтов. Решение, достойное наивысших похвал, – он указал на Тамагочи, перекосившегося в резиновой улыбке. – В силу опыта и компетенции, Тим продолжит ассистировать Стиву по мере надобности, и вы можете обращаться к нему по любым вопросам.

Занимательный поворот событий. Интересно, какая такая загруженность? В чём подоплёка столь неожиданной самоотверженности? Разъяснения звучали дуто и натянуто. Добровольный отказ не вязался с тем, насколько Тамагочи дорожил своей должностью и на какой риск пошёл, пытаясь расширить полномочия. Что же получается: если это не его собственная инициатива, то… Внезапно разрозненные фрагменты встали на свои места и пазл сложился воедино.

Ответ оказался до омерзения прост и, как водится, находился прямо под носом. Конечно же, без Стива не обошлось. Кому это на руку? Кто имел рычаг давления на бедного Тамагочи? И почему, собственно, он так и не выслал запись? Я запоздало вспомнил, как поспешил уйти сразу после капитуляции Тима, а ведь Стив зачем-то остался, и, видимо, тогда же состоялась вторая часть переговоров, не предназначенная для моих ушей.

Нечего сказать, Стив проявил дальновидность и расчётливость, использовав ситуацию на все сто. Но почему было не поделиться своим замыслом? Я бы ровным счётом ничего не имел против, поскольку пертурбации внутри должностной лестницы процессов меня не интересовали. Отчего он предпочёл разыграть меня втёмную, представ эдаким альтруистом, заботящимся исключительно о моих интересах? Хотел не только добиться своего, но и сделать так, чтобы я чувствовал себя обязанным? А в случае неудачи оказаться в стороне, подставить под удар меня? Или имеются и другие скрытые мотивы…

Вдобавок, с новой остротой вставал вопрос шаткого положения Тима Чи, и поди гадай, в какой форме и на чью голову это выльется на сей раз… Впрочем, уже понятого было вполне достаточно. Навалилась апатия, смешанная с гадливым отвращением, свойственным осмыслению пошлости механизмов социальных интриг.

Тем временем Джошуа упоённо трындел о рабочих заданиях и приоритетах, разворачивая перед тихо шалеющей публикой шизоидную схему их организации. Сперва каждому таску присваивался статус, определяющий его удельный вес и значимость в каких-то абстрактных единицах. Затем всё это поступало в хранилище текущих задач, где по некой формуле, которую Джошуа наотрез

отказался обнародовать, исходя из совокупности характеристик выстраивалась динамическая очерёдность. По завершении этих метаморфоз наиболее приоритетные таски извлекались из хранилища и неясным образом, якобы гарантирующим оптимальное распределение трудовой нагрузки, рассредотачивались между работниками. Вся эта бодяга дробилась на двухнедельные циклы, по истечении каковых подводились итоги и заново разделялись задания.

Отвлёкшись, я рассеянно блуждал глазами, то и дело спотыкаясь о зловеще зияющие дыры от выдранной доски, недвусмысленно напоминающие о безрадостном положении. Почему я должен тратить лучшие годы в этом убожестве? Каждодневно выслушивать несусветный бред и притом неким непостижимым образом сохранять энтузиазм и выкладываться, достигая каких-то там целей, тогда все благие намерения сублимируются в бессмысленной и тошнотворной возне? В междоусобной грызне сотрудников, вульгарном самодурстве начальства, подлости и показухе, подобострастного лизоблюдства с одной стороны, и взаимного презрения и ненависти с другой, лишь едва прикрытыми двуличной корпоративной этикой, ложью, ханжеством и искусно ретушированным пусканием пыли в глаза.

Как, интересно, я должен жить и плодотворно трудиться в этом гадюшнике? Единственный возможный ответ напрашивался сам собой – никак. А раз так, дальнейшее участие в апофеозе этого безобразия – методиках управления – баснословной ярмарке тщеславия, густо замешанной на формализме и лицемерии, теряло всяческий смысл.

– Внимание, ещё одно важное сообщение: – заявил я, перебивая Джоша посреди очередной пустой реплики, – процессами я больше не занимаюсь.
– Но… такова политика компании! – прокудахтал Джошуа.
– Политика? Превратили фирму в гибрид детсада с дуркой. Скоро это и компанией будет называть стыдно.

* * *

Вернувшись из заветного скверика и не испытывая ни малейшего желания заниматься делом, я засел за сайт знакомств. Хотя невыносимая лёгкость бытия уже порядком опостылела, планы есть планы, и замысел построения пирамиды троебабия необходимо было довести до победного конца. Для полноты картины не хватало домохозяйки, а при моём образе жизни дейтинг сайт – лучшая площадка для поисков такого типажа. Да и построение модели Учкудук являлось идеальным сочетанием дополнительной формы социального бунта и наиболее достойным способом с толком использовать остаток рабочего дня.

Времяпровождение на подобных сайтах вселяет бодрящую смесь азарта и раздражения, вполне гармонирующую с моим теперешним состоянием. Я зашёл на портал, оплатил абонемент и оказался в этой юдоли посредственности, одиночества и дешёвых понтов, раздуваемых уязвлённой гордыней и инфантильным стремлением найти ту самую, единственную и неповторимую "вторую половинку". В душе робко заворочалось чувство жалости с гнильцой отвращения, но я задушил его, не давая окрепнуть. В мире половинчатых людей, отчаявшихся и потому отчаянно озлобленных принцесс, ждущих принцев, и принцев, ищущих уж не знаю кого, всё отдавало пафосом и враждебностью, и держаться следовало подобающе – холодно, расчётливо и неумолимо.

Я давно убедился, что нет никакого смысла выкладываться, сочиняя вступительные фразы, ориентированные на конкретную собеседницу. Стараешься или нет, процент ответов неизменно остаётся низким. Объём прилагаемых усилий несущественно влияет на КПД. И неудивительно – женщин здесь в несколько раз меньше, чем мужчин. Кроме того, немало представительниц "прекрасного" пола пребывают тут ради эмоционального вампиризма и, насытившись настырным вниманием оголодавших самцов, ни с кем не встречаются, ограничиваясь накоплением лайков. Хотя, возможно, я слишком строг в отношении гетер сетевого пространства, ведь весь мир сегодня занят тем же самым – собиранием виртуальных поглаживаний в социальных сетях.

С точки зрения КПД наилучшую отдачу приносят бесхитростные вступительные фразы. Барышни с запросами на неординарность с первого слова меня несколько поражают. Это классический пример пагубного замкнутого круга – в результате завышенных требований они постоянно разочаровываются, попадая в ловушку собственных ожиданий, озлобляются и начинают ещё более придирчиво относиться к претендентам, силясь оградиться от новых разочарований. И немудрено, ведь зачастую та самая пресловутая неординарность должна каким-то непостижимым образом вписаться в узкие рамки их шаблонного мировосприятия или настроения на данный конкретный момент, и любой шаг вправо-влево – и ты либо фрик, либо чудак, либо ещё что похлеще.

А как, спрашивается, можно попасть в точку, угадав единственно верное сочетание слов, располагая минимальной информацией о собеседнице, в виде инсценированных фоток и кокетливо-бессодержательного описания: чужих цитат, смайликов и перечня стандартных параметров из заботливо предоставленных администрацией вариантов. Мало того, большинство представительниц вовсе не утруждаются описанием собственной персоны и снисходят лишь до нескольких слов о том, кого они хотят найти, настолько же надуманных, как и всё остальное. Откуда, собственно, взялся этот повальный запрос на оригинальность? Из

зомбоящика? Ведь это не более чем нынешняя мода, никому из них, на самом деле, экстравагантный партнёр даром не нужен, а ищут они, как правило, "серьёзные отношения" и будущего мужа или отчима для детей от неудачного брака. Чем в таком контексте хороша оригинальность – загадка, разобраться в которой, возможно, удастся нашим далёким потомкам, но уж никак не мне.

Убедившись в нецелесообразности сочинения личностно-ориентированных обращений, я завёл файл, где хранил наиболее эффективные вступительные фразы и удачные ответы на часто повторяющиеся вопросы. Файл так и назывался – flirt.doc. Открыв его, выбрал односложное приветствие, сделал поиск в своём регионе на подходящий диапазон возрастов, отмёл явно несимпатичных, и, подобно Остапу, не баловавшему соперников разнообразием дебютов, разослал всем прошедшим отборочный тур одно и то же сообщение.

Прошу прощения читательниц, если такой подход кажется вам циничным, но реалии способны переупрямить любые сантименты. Мой шеф с первой работы, о котором я упоминал как о гениальном физике, шагнул на пути автоматизации сетевого охмурения гораздо дальше. Поканителившись с таким же файлом, он прикинул масштаб энергозатрат и, засев дома на выходные, навалял скрипт для съёма. Программа собирала данные находящихся онлайн кандидаток, отсеивала по заданным критериям и выдавала галерею фотографий. Шеф производил визуальную селекцию, и скрипт начинал общение, подбирая реплики, исходя из статистического анализа прошлых разговоров. Когда диалог выходил за рамки предусмотренных вариантов, он получал уведомление и, оценив ситуацию, самолично вступал в рукопашную.

Так что моя стандартизация – ещё цветочки. К слову, о цветочках: я заметил, что наличие буйной растительности на фотографиях – плохой признак, частенько указывающий на попытку отвлечь внимание. Если внешность в чём-либо подкачала, всегда можно спрятать неудачные фрагменты в букете или, ещё лучше, забраться в раскидисто-пышный куст. Тут надобно быть начеку и зорко подмечать предостерегающие знаки. Если вам попалась дева в кустах, самое время задуматься, прежде чем поставить себя в положение, когда придётся битый час вежливо улыбаться, делая вид, что вы внимательно слушаете, при этом закатывая глаза под невообразимыми углами, пытаясь скрыть… На этом этапе броуновское движение моих мыслей было прервано неожиданно возникшим за спиной Ариэлем.

– Ну что? – дружелюбно начал он. – Как дела?
– Чудесно. А ты как поживаешь?
– Как идёт? – игнорируя вопрос, Арик продолжал приводить в исполнение давно установленную форму зондирования подчинённых.

– Что-то ты неважно выглядишь! – ахнул я, решив взять на вооружение тактику из арсенала Кимберли. – Всё нормально? Как себя чувствуешь?
– Необходимо поговорить.
– Ты чего? – я кивнул на экран, где дружными рядами выстроились девушки в позах разной привлекательности и распущенности. – Не видишь? Я занят.

Арик вздохнул, стоически сохраняя самообладание.

– Я всё же думаю, было бы лучше…
– Спасибо, мне и так хорошо, – отрезал я, отворачиваясь.

Шефа перекорёжило, он заскрежетал зубами, переступая с ноги на ногу и роя копытами землю. Минуту-другую он околачивался подле меня, силясь привлечь внимание к своей уникальной персоне, потом резко развернулся и вышел. Впрочем, отсутствовал он недолго и скоро прискакал вновь, преисполненный непоколебимой решимости.

– Илья, что происходит?
– В каком таком смысле? Ты не мог бы конкретизировать свой вопрос?
– Чем ты занимаешься? – поигрывая желваками, прошипел он.
– У меня широкий спектр интересов.
– Чем ты занимаешься в данный момент?!
– Это риторический вопрос? – я покосился на экран.
– Я о работе! – завопил Ариэль. – Чёрт подери, о ра-бо-те!
– А-а… о работе? Вот как… А что с ней?

Повисло гнетущее молчание. Сотрудники замерли, боясь шелохнуться, и лишь под потолком чуть слышно похрустывала неисправная люминесцентная лампа.

– Что ты вытворяешь? – взвыл Минотавр. – Совсем уже…
– Э-э, ты повторяешься. Нет бы что-нибудь менее тривиальное придумать… воспользуйся фантазией что ли. Ты же начальник, и всё такое…

Сведя брови в угрожающую гримасу, Ариэль надвигался на меня, но в этот момент из кабинета донёсся пронзительный звонок. Подступив вплотную, он открыл было рот, однако телефон трезвонил всё более требовательно. Глаза шефа сузились, полоснув ледяным огнём. Аппарат продолжал разрываться. Ариэль стиснул зубы, тряхнул головой и направился прочь, оставляя за собой наэлектризованный шлейф священного негодования.

– Мы к этому ещё вернёмся, – выпалил он, скрываясь в коридоре.

Я переглянулся с Ирис, которая, силясь не рассмеяться, старательно изображала античную статую.

– Прямая трансляция с арены событий возобновится после технического перерыва. Коррида, Калифорния, 2015, – продекламировал я голосом заправского комментатора. – Оставайтесь с нами!

Поймав себя на том, что по обыкновению разглагольствую о вещах, в которых ни бельмеса не понимаю, я отвлёкся от совращения виртуальных девиц и, погуглив, наткнулся на статейку об обрядовых играх и боях с быками.

Обычай ритуальных боёв зародился на острове Крит ещё во втором тысячелетии до нашей эры. Приятно осознавать себя продолжателем старой доброй традиции, – подумал я, добравшись до следующего занимательного отрывка: "В Древней Греции единоборства с быками прежде всего связаны с развитием культа героев. Состязания получили широкое распространение в Фессалии и Афинах в форме так называемой таврокатапсии (волохватании). Обнажённые юноши выходили на арену, дразнили животное, затем хватали за рога и боролись, доводя до изнеможения. Нередко поединок заканчивался жертвенным закланием".

Ариэля не было довольно долго. Значительно дольше, чем я ожидал. Коротая время до следующего раунда, я мысленно примерял роль матадора. Может, действительно обзавестись красными рубашками, тем более, что мои успехи по шкале процессов соответствуют именно этому оттенку, а после сегодняшней выходки алый и вовсе обещал стать моим именным цветом.

– Илья?!
– Ариэль?!

Минотавр наконец соизволил осчастливить своим присутствием заждавшуюся публику.

– Пойдём.
– Не смешно.

Он выглядел посвежевшим и буквально фосфоресцировал радушием. Видно, без тета-волнового излучателя не обошлось.

– Что, снова мозги поджаривал?
– Илья! – Ариэль вздрогнул, как от пощёчины, но быстро овладел собой.
– Знаешь… добром это увлечение не кончится.
– Пойдём, я настаиваю.

– Это твоё право.
– Ты идёшь?
– Неа.
– Нам нужно поговорить.
– Я так не думаю.
– Тут решаю я, – отчеканил Ариэль.
– Довольно спорное утверждение. Говори, я слушаю тебя, затаив дыхание. Мы все…
– Необходимо поговорить наедине.
– Сомневаюсь, что это хорошая идея.
– Почему?
– Я боюсь.
– Илья, что за чепуху ты несёшь?
– Да ты вконец распоясался. Возможно, это последствие облучения. Не то чтобы раньше был так уж вменяем, но сегодня… у-у… совсем того… опух, озверел, офонарел, ошизохренел…
– Думаешь, ты в цирке?! – пролаял Ариэль, теряя остатки хладнокровия.
– Я не думаю, я уверен. А тебе, небось, кажется – ты угодил в фильм ужасов?
– Что?! – он шагнул ко мне, сжимая кулаки.
– Арик, к чему дешёвые жесты? Ты всё норовишь превратить это в боевик…
– Илья, ты уже окончательно зарвался, – отстранившись, проговорил Арик севшим голосом. – Хорош, а? Сколько можно?
– О-о… уверяю тебя, я могу ещё долго.

Я сделал паузу, наслаждаясь полнотой триумфа и предоставляя зрителям возможность осознать новую расстановку сил. Пожалуй, с закланием можно повременить и вдоволь натешиться, компенсируя месяцы титанического терпения.

– Но увы, – продолжил я, – ты мешаешь не только мне, твои эскапады препятствуют гармоничному проистечению процессов. Вон, Тим уже в панике под стол забился.

Ариэль окинул комнату тоскливым взглядом, а Тамагочи воровато шмыгнул глазками по сторонам, скукожился и принялся хомячить с удвоенным усердием.

* * *

from: maya@akutra.me
to: ilya.dikovsky@gmail.com
date: 21.11.2015
subject: Namaste

я в штатах, скоро буду в калиХорнии.

OM namah Shivaya!

* * *

Шли дни, стычки с Ариэлем продолжались полным ходом, неизменно оканчиваясь взятием быка за рога, то бишь – быкохватанием. Минотавр не сдавался и предпринимал всё новые вылазки, а я придерживался той же тактики: избегая разговоров наедине, выставлял его на посмешище при сотрудниках. Арик свирепствовал, сатанея от бессилия, но с присущим упорством не отступал и, опьянённый предвкушением скорой расправы, исступлённо бился головой о стену.

Борьба Тесея с Минотавром в офисных лабиринтах становилась более масштабной. Окружённый людьми, которым не мог доверять, я тоже ожесточался. Единственной отрадой, Ариадной в мрачном царстве, была Ирис. Дело оставалось за малым: выйти победителем и отыскать нить, которая выведет из мрачных катакомб. Хотя… насколько мне помнится, героям оригинального мифа победа над монстром не больно помогла. И Ариадна досталась алкоголику, и с папашей Тесея нехорошо вышло. Эстетом был дедуля, расцветка парусов ему не понравилась[63], и решил он сыграть в Офелию. Вот и наша история, сдаётся мне, добром не кончится.

Тем временем планета продолжала путь вокруг солнца, и всё шло своим чередом, единственным новым контрапунктом в какофонии моих мыслей был неожиданный и будоражащий мейл. Но земной шар не остановился, а невозмутимо вращался вокруг своей оси, и его естественный спутник, как ни в чём не бывало, двигался по орбите, вызывая приливы и отливы, размывая и сглаживая ощущение остроты поначалу приведшего меня в смятение конфликта.

Сайтовые похождения вылились в четыре встречи, две из которых я по-быстрому закруглил из-за занудства и недостаточной привлекательности соискательниц большого приза. Третья мне понравилась, но была зациклена на полноценных отношениях и замужестве, и я остановился на четвёртой, не без радости отделавшись от необходимости принимать дневную норму густопсового коктейля, замешанного на приторном яде показной доброжелательности.

Итак, четвёртую звали Келли, она была неисправимой тараторкой, задорной и весёлой, с простыми и ясными взглядами. Получив для галочки гуманитарное образование, она решила, что исполнила дочерний долг, и с чистой совестью

[63] Возвращаясь с острова Крит, Тесей забыл сменить паруса на белые, символизирующие победу, и его отец – Эгей бросился в море, уверившись в смерти сына. Ариадну, по одной из версий, похитил Дионис.

пошла учиться на флориста. Её квартира была обставлена с лёгким плюшевым прибабахом – бархатистые подушки, занавесочки, ворсистые коврики и, естественно, множество комнатных растений. Всё со вкусом подобрано, уравновешено и выдержано в сиреневой гамме с вкраплением пастельных тонов.

Она неизменно пребывала в беззаботно-приподнятом настроении, любила поворковать с хомячками, которых у неё было целых три, и много времени уделяла занятиям. Келли была любвеобильна и постоянно находилась на грани оргазма, однако что именно нужно для его достижения, разобраться никак не удавалось. Поэтому секс с ней был своеобразен, но несколько утомителен, напоминая нечто среднее между вольной борьбой и игрой в кошки-мышки. Ещё она ухитрялась совмещать жизнерадостность с капризностью, чертой характера, которую я никогда не воспринимал. Впрочем, поняв, что эти приёмы на меня не действуют, она практически прекратила их использовать и в целом мы славно ладили.

* * *

– Так что, приступим? – проговорил я, решив ускорить события.

Настало время прервать затянувшееся обсуждение вчерашнего чемпионата и перейти к новому.

– Давайте, – отозвался Стив, – Я за!
– Ну хорошо, кто будет Ариэлем?
– Я, – выпалила Ирис, – Ариэлем я ещё не была.
– О'кей, а кто Ильёй? – перехватил инициативу Стив.
– А Ильёй – Илья, – рассмеялась Ирис. – У него лучше всех получается.
– Не… не пойдёт! Мне и так хватает. Лучше я буду Ариэлем.
– Фигушки, ты всё время забираешь Ариэля. Сегодня – я. Пусть тогда Стив, а ты арбитр.

Игра в Ариэля превратилась в традиционный десерт совместных обедов, став отдушиной от вездесущих процессов и повседневных треволнений, усиливающихся по мере приближения судьбоносной конференции.

– А кем же я?! – обиделась Таня-Марина.
– А ты будешь… Татьяной, – нашёлся я, чуть было не ляпнув "тумбочкой".
– Ну вот, так не интересно…
– Ещё как интересно! Быть Татьяной – самое почётное, – поддержал Стив. – Это – как… рыцарский турнир. А ты… прекрасная дама, вершительница судеб.

Вершительница зарделась, махнула на Стива ладошкой, и была безболезненно оставлена за бортом.

– Поехали. Начинай. – Стив поставил локти на стол и положил подбородок на сплетённые пальцы.
– Почему ты мне не перезвонил? – требовательно спросила Ирис.
– Когда?
– Вчера!
– Не успел.
– Хорошенькое дело! – Ирис грозно нахмурилась. – И чем же ты занимался?
– Работал. Я так усердно работал, что не мог ответить. А когда ты звонил?
– Я не звонил, – отрезала Ирис. – Я хотел, но был в кафе.
– Жаль, мне так нужно было поговорить.
– Почему ж ты не позвонил сам? Возмутительно! Мало того, что ты не перезваниваешь, когда нужно мне, ты ещё и не звонишь, когда тебе самому необходимо что-то сообщить!
– Ты прав, я просто не хотел тебя компрометировать.
– Да, но…
– Пять секунд… – взялся отсчитывать я. – Восемь… Десять.

Я махнул салфеткой.

– Один-ноль в пользу Стива.
– Ладно, ладно… Давай ещё… – Ирис разорвала пакетик подсластителя и нетерпеливо перемешала.
– Погодите, а в чём тема? – спохватился я. – При чём тут компрометировать?
– Ну ты ж знаешь, Ариэль всегда занят работой, даже когда возвращается домой или идёт есть. Но когда он в ресторане, о работе говорить нельзя.
– Это почему?
– Потому что… – оглянувшись по сторонам, проговорила Ирис трагическим шёпотом. – Его могут подслушивать.
– Кто? – усмехнувшись, допытывался я.
– Лазутчики. Кругом вражеские лазутчики, – произнесла она ещё тише. – Неусыпно бдят и чинят козни, норовя похитить его гениальные…
– Да ну вас, – я взглянул на Стива и снова на неё. – Вы шутите.
– Тебя ещё что-то удивляет? Ты же сам рассказывал про микрофоны с камерами. Типа слежка за подчинёнными – это нормально, а тайные агенты конкурирующих фирм – уже перебор?
– М-да… – только и смог выдавить я, припоминая, как Ариэль советовался насчёт установки аппаратуры наблюдения для окончательного решения проблемы второго аспекта "мы договорились" посредством переслушивания в записи спорных моментов.

– Так, давайте не углубляться в обсуждение симптомов, – призвал к порядку Стив.
– Верно, – я тряхнул головой, отгоняя параноидальное наваждение об офисной слежке и индустриальном шпионаже. – Раунд два. Готовы?

Ирис кивнула.

– O'кей, бокс! – я хлопнул в ладоши.
– Дррр… Дррр… – Ирис приложила ладонь к уху и изобразила крайнюю степень озабоченности.

Стив растянулся в кресле, зажмурился, запрокинул голову и, приоткрыв рот, пару раз всхрапнул, дёрнулся и принялся суетливо ощупывать всё кругом в поисках воображаемого телефона.

– Алло, – прохрипел он, резко вскидывая руку.
– Ты где?
– А ты кто?
– Я твой начальник! – возмутилась Ирис.
– С какой стати? – парировал Стив.
– Потому… что…
– Пять…
– Эм… Потому… – Ирис была явно не в форме, с ходу можно было предложить минимум два варианта ответа на этот выпад.
– Семь… десять, – я подмигнул Стиву. – Два-ноль.
– Ну, мальчики, сейчас я вам устрою. – Ирис подалась вперёд и снова скинула ладонь к уху. – Дррр, дррр.

Стив покосился на телефон, развёл руками и сделал "дррр, дррр".

– Дррр, дррр, – требовательно повторила Ирис. – Это ещё что такое?!
– Дррр, дррр, – передразнивает Стив, пожимая плечами. – Я не беру трубку.

Ирис насупилась, а Таня-Марина, оттаяв, начинает подхихикивать.

– Пять.
– Дррр, дррр, – повторяет Стив, качая головой.
– Это мухлёж! – Ирис оборачивается, требуя восстановить справедливость.
– Восемь, – давясь со смеху, я делаю вид, что не замечаю укоризненных взглядов.
– Дррр, дррр.
– Брейк, – провозглашаю я. – Три-ноль, в пользу Стива, то есть в мою.
– Нечестный ход! – настаивает Ирис, скорчив обиженную гримасу. – Рефери, я

требую рассмотрения данного нарушения на судейской комиссии.
– Хорошо, Арик, не кипятись, будем переигрывать, – я грожу Стиву вилкой. – Смотри у меня – первое предупреждение.

Стив, деланно смутившись, скалится своей проделке и хитро посматривает на Ирис.

– Ну что, готовы?

И тут принимается трезвонить мой телефон. Я кошусь на экран, затем встречаюсь взглядом с Ирис, потом со Стивом, и мы дружно покатываемся со смеху.

– Дррр, дррр, – делает Ариэль.

Все хохочут, включая Татьяну, а я, держа мобильник в вытянутой руке, шепчу сквозь слезы:

– Не-не… не могу… Я не в состоянии…
– Дррр, дррр, – делает Ариэль.

Веселье достигает критической отметки, на пол летит задетая чьим-то локтем ложка, и на нас уже начинают оборачиваться.

– Дррр, дррр, – делает Ариэль.
– Ты же сказал, – внезапно посерьёзнев, встревает Таня-Марина, – что это нечестный приём?!
– Дррр, дррр, – делает Ариэль.
– Это в нашей игре – нечестный, – с трудом выговариваю я, – а с настоящим Ариэлем – только так!
– Дррр… др… – жалобно делает Ариэль и затихает.

Глава 20

> …Ей представился дымный горизонт, выжженные поля с напрасным урожаем, закат на западе и пламя на востоке, сумеречный лес, в котором по случаю конца света пробуждаются самые страшные сущности, дремавшие доселе в дуплах, ветвях, пнях, брошенные огороды, разорённые дома и жалкая кучка беженцев с убогим скарбом, плетущаяся через посёлок и усугубляющая кошмар визгливыми, бессмысленными взаимными обвинениями. Это была война, землетрясение, голод и мор, за лесом выло, на железной дороге грохотало, и хрустела под ногами колючая стерня, схваченная первыми заморозками.
>
> Дмитрий Быков

– Не, ну вот что ты творишь?
– В каком смысле?
– Вот именно, я о смысле. Чем ты вообще занимаешься?
– Работаю в хай-теке.
– И что? Какой в этом толк? Это, типа, круто? Бабки зашибаешь?
– Толк? Ну как! Я это… эм… разрабатываю медоборудование, чтобы лечить людей, спасать человечество от…
– Кого спасать? От кого?
– От смерти… Спасаю людей от смерти, разве есть более благородное ремесло?
– "Спасать человечество", "благородное ремесло", "лечить от смерти", – передразнила Майя. – Это лозунги. Бессмысленное сотрясение воздуха. Отмазки, которые ты сочинил, чтобы не думать о том, о чём действительно стоит задуматься, пока не поздно.
– Неужели! И о чём же стоит задуматься?
– О том, что ты порешь херню. Ты что – Мать Тереза? Махатма Ганди? Самого себя спасать нужно, а ты слепо следуешь чужим установкам, воображая, что это круто. И не просто круто, а "благородно"! Это наживка, которую ты добровольно заглатываешь, даже не замечая крючка.
– Какого ещё крючка?
– Того самого, который заставляет вновь и вновь идти в никому не нужный бой, лишь бы не оглядываться, не думать о том, что с тобой происходит. Опомнись! Где в этом настоящий Илья? Его нет. Ты ослик, бегущий за морковкой. Суетишься, мечешься, стараясь исполнить то, что велели мама с папой. Жить, работать и учиться, как завещал великий Ленин. Тебе тридцать три года, а ты, будто заведённый, никак не можешь остановиться. К чему всё это? Четыре степени, охренеть!
– Ну да, я и сам это ощутил в какой-то момент… бросил, уехал…

– И что из этого вышло? Оглянись, ты в том же болоте. Снова в хай-теке, со всеми своими понтами и лозунгами. Вон ты пишешь, как ставишь раком Ариэля…
– А что, не смешно?
– Нет. Не смешно, а грустно. В этой ситуации смешон ты. Нет никакого Ариэля, ты сам ставишь себя раком и радуешься, словно ребёнок. Это театр одного актёра, который поочерёдно исполняет все роли, и сам же является единственным зрителем.
– Ну… как так – нет Ариэля? Давай без этой твоей эзотерики. И потом, можно подумать, у меня есть выбор…
– Конечно есть. Ты что, в тюрьме? Да пусть бы и так, есть множество способов это воспринимать. Бесчисленное количество вариантов в любой ситуации, но ты почему-то неизменно выбираешь быть либо Ариэлем, либо анти-Ариэлем. Что, собственно, одно и то же – что совой об сосну, что сосной об сову.
– Как одно и то же?! – возмутился я. – Я воин. Я долгое время был сдержан и терпелив, но теперь пришёл мой черёд. Настал час возмездия.
– И это юродское возмездие, и тот Ариэль, с которым ты каждый день впутываешься в бессмысленные потасовки, существуют исключительно в твоей голове. И раз уж ты воин, выбирай бои осознанно, и нечего чуть что выхватывать сверкающий меч идеализма. А выбрав, ты должен быть отрешён, безоглядно решителен и готов поставить на карту всё ради своей правды. И тогда, и лишь тогда, это будет иметь смысл, и ты победишь любого противника. Всякий иной подход – безрассудство, а склоки с Ариэлем и вовсе – полное разгильдяйство. Пижонство. Понимаешь? Пижонство. Кому это нужно? Ты думал вообще об этом? Или так и будешь, как круглый дурак, принимать любые вызовы?
– Кажется, прогулки по заморским странам не пошли тебе на пользу, – попробовал пошутить я. – Чего ты взбеленилась? Ариэль – достойный противник. Нам бок о бок работать, и необходимо поставить его на место.
– "Достойный противник" – снова оправдания. Ещё скажи, что это "благородный бой". Смешно! Неужто ты думаешь, в этом есть хоть крупица чего-то настоящего. Ты просто кормишь своё эго самим собой. Убедил себя, что это "достойно" и "благородно", а на самом деле в этом бессмысленном копошении ты отрезаешь от себя куски и бросаешь на растерзание собственным демонам. И, самое жуткое, получаешь извращённое наслаждение. Гордишься, мне хвастаешься, да небось и перед друзьями куражишься. Бесконечно прокручиваешь эти сцены в голове. Как ты не понимаешь – всё это не более чем самопожирание?!
– Ну…
– Что ну? Что ну?

Некое верхнее чутьё подсказывало: если я хочу выйти из этой игры с честью, нужно во что бы то ни стало сохранять спокойствие.

– Так, Майя, уймись. Давай лучше о Катманду поговорим.

– Ага, сейчас… сейчас стану тебе сказки сказывать, может, ещё колыбельную сплясать? Очнись, ты всё норовишь зарыться головой в песок, едва мы затрагиваем что-то настоящее. Не согласен? Спорь, защищайся. Ты же воин! Думаешь я тебя атакую, – я просто указываю на то, что ты предпочитаешь замести под ковёр. Фигли увиливать? От кого…
– Хорошо, Майя, хорошо…
– Ничего хорошего, это жутко. Не мне жутко – тебе должно быть жутко. Это твоя жизнь, тебе выбирать и тебе расхлёбывать. А ты предпочитаешь отсиживаться в кустах, абы не думать о неприятном. Чего трусишь? Это ведь так или иначе происходит. Где-то там, глубоко внутри, ты знаешь, но боишься признаться и впустую наворачиваешь круги в карусели бичей и морковок. Хочешь оставаться слепцом? Бегать за морковкой, которую сегодня тебе даже показывать не обязательно? Ты так заучил этот урок, что самостоятельно визуализируешь её перед собственным носом. И тебя не смущает ни то, что бичи страданий очень даже ощутимы и их много, а морковки иллюзорны и их мало, ни то, что тебя держат за тягловую скотину, впахивающую ради чужих интересов. Ты настолько растворился в них, что уже считаешь своими, и потому ишачишь с искренним энтузиазмом. Чего весь сморщился? Сделай физиономию попроще! Нечего смотреть с немым укором, будь всё о'кей, тебя бы не задевали чьи-то слова… – Она сломала в пепельнице недокуренную сигарету. – А это твоё, как его… троеборье!
– Троебабье, – огрызнулся я.
– Да один чёрт.
– А чё, красиво… и по Юнгу. Карл Густав Юнг, был такой немецкий товарищ.
– Сногсшибательно, Карл Густав! Ты вроде такой умный, а присмотреться…
– Не понял, уж к Юнгу-то какие претензии?
– К Юнгу никаких, разговор о тебе. – Казалось, она больше не считала нужным скрывать наслаждение этим измывательством. – Нашёл за кого спрятаться!
– Майя, трах-тарарах, ни за кого я не прячусь, просто сказал… Когда мы с Шуриком…
– Значит Юнг с Шуриком виноваты?

Я вздохнул и, закрыв глаза, попытался восстановить внутреннее равновесие.

– Ты на Burning Man ездил, провёл неделю в пустыне, писал, что у тебя глаза открылись… И что? – ковровая бомбардировка возобновилась. – Что ты вынес из этого переживания? Троеборье? Бред! Дикость – это твоё троеборье.
– Ой, ты вся из себя невероятно продвинутая, а в вопросах секса – вдруг такая консервативность. С чего бы? А?! С какой радости? Кто теперь озвучивает то, что завещали папа с мамой, вкупе с Лениным? Чем, интересно, моногамия лучше полигамии?
– Ничем. Ничто одно ничем не лучше ничего другого, если делается с чистым

сердцем. Всё едино. Но ты выбрал скользкую тропинку. Возможно, твои намерения были чисты и красивы там, на фестивале. Но разве они таковы сейчас? Я же чувствую… Ладно, так и быть, не хочешь мне признаваться, – признайся хоть сам себе. Шёпотом, в глубине, но признайся. Разве ты не продолжаешь просто ради очередной победы? Ради того, чтобы пририсовать ещё звёздочку на фюзеляже? Дорогой мой, чтобы идти этой дорожкой и не скатиться, надо быть мегамонстром, а тебе до этой точки сознания ещё грести и грести… Скажешь – нет? Всё совсем не так?

Я стиснул зубы, стараясь побороть нарастающее ощущение смутной тревоги.

– Так и будешь отмалчиваться? – она глядела в упор, прожигая до самого нутра.
– Ну, Майя… – я снова вздохнул, отводя глаза.
– Опять "ну"! Что ты мнёшься? Оправдываешься, увиливаешь… Что вздыхаешь? Тяжко? Бедненький, сложно ему с самим собой. Ладно, будь по-твоему… Раз не хочешь признаваться в слабостях, давай хоть поиграем. Возьмём простейшую практику, первый шаг к осознанности. Или это тоже для тебя слишком?
– Да ничего для меня не слишком! Ты слова не даёшь ввернуть, беспрестанно перебиваешь. Хочешь практику – давай практику.
– Отлично, значит так: необходимо научиться отслеживать себя, это называется охота. Охотиться можно на что угодно, тут важна не дичь, а навык. Задача – отстранённо наблюдать за душевными порывами, умственными явлениями и тому подобной чехардой. И таким макаром постепенно обрести некий контроль, или хотя бы осознание, и прекратить идти на поводу…
– Контроль? Какого чёрта? Я хочу, чтобы мои чувства были настоящими, истинными и искренними!
– Нет ничего истинного в мельтешении эмоций. Бесконечное преследование бредовых фантазий, подкармливаемых вбитыми с детства чужими и чуждыми ценностями. Преследование, которое гонит вперёд и вперёд, не давая оглянуться, причём всякий раз в ином направлении.
– Та-а-ак… Я, значит, мельтешу, пытаясь поймать за хвост эфемерную мечту, а вы там, в Непале, все эдакие высокомудрые до полного опупения, монополизировали духовность и единственно верную истину, и теперь стройными рядами шагаете в правильном направлении?
– Охотник прежде всего должен изучить повадки зверя… – продолжила Майя, не принимая мой выпад. – Хотя, вижу, ты не со мной… Тебя нужно как-то мотивировать. Итак, хочешь прекратить быть осликом?
– А-а, я снова ослик! Отличная мотивация.
– Ослик. Смешной такой, милый ослик. Но знаешь, в чём проблема?
– Нет, куда уж… Просвети меня, Майя.
– Проблема в том, что это вижу не я одна. И если тебе начхать на то, что ты, точно заворожённый, мечешься за химерами ума, не имеющими к тебе никакого

отношения, может, хоть наглядный пример приведёт тебя в чувства. Пойми, каждый, кто это видит, способен манипулировать тобой, как ему вздумается.
– Да ну?!
– Не да ну, а ну да. Хочешь продемонстрирую?
– Давай. Очень, знаешь ли, интересно.
– Хорошо, я про охоту рассказывала, будешь слушать?
– Буду, поехали.
– Так вот, можно попытаться контролировать речь – очистить от слов-паразитов, всяких там: "ну", "вообще", "типа" и т.п.
– Я в курсе, что такое слова-паразиты.
– Чудненько, вперёд.
– Чёт я не вижу, чтобы ты от них избавилась.
– Мы о тебе говорим, у меня другая практика.
– Какая?
– Это сейчас неважно.
– Ну, конечно! Ничего иного я и не ожидал.
– "Ну" – слово-паразит. Согласен?

Ага, значит ей кажется, что она самая умная. Чёрта с два! Быть не может, чтоб ей удалось уделать меня этими восточными уловками и смысловыми тупичками.

– Нет, не согласен.
– Вот это да! Не согласен?! Прям с места в карьер? Изумительно! – неясно чему обрадовалась Майя. – Поясни, пожалуйста.
– В смысле, такие слова, конечно, можно назвать паразитами, но это не означает, что они не содержат смысла. У слова "ну" есть два… эм… – Соображать приходилось быстро. – Нет, три различных значения.
– Ого, аж три? – Она рассмеялась. – Ты не галлюцинируешь?
– Три, я уверен.
– Хорошо, посвятите, пожалуйста, в ход ваших мыслей.
– Прекрати ухахатываться.
– Тебе мешает, что я в хорошем расположении духа?
– Нет, отчего же. – Попадаться на удочку очередной провокации я не собирался. – Короче…

Я принялся терпеливо разъяснять, что первое значение – призыв, досада или ирония, как "Ну, ладно" или "Ну, давай!", а второе это вывод, заключение – "Ну, а теперь". И, наконец, значение, чуть труднее поддающееся объяснению, выражающее согласие с одновременным приглашением продолжать, к примеру, когда собеседник замолкает, произносится вопросительное "Ну?".

Майя слушала, не слишком сдерживая ехидную улыбку и временами предлагая

дышать глубже и поменьше размахивать руками, а я гнул своё, не обращая внимания ни на сарказм, ни на едва слышно скребущееся ощущение, что нечто упускаю.

– Ну, ты даёшь! – с издёвкой вымолвила она, когда я закончил. – Чрезвычайно занимательно. Это, кстати, какое значение было?
– Первое, подвид первого значения!
– И ты уверен, что первое и третье не одно и то же?
– Уверен.
– А я нет, – усмехнулась она.
– Хорошо, давай погуглим.
– Не переводи стрелки. Решил спрятаться за коллективный разум?
– Майя! В конце концов! Что происходит?
– Как что? Вместо того чтобы вникнуть в охоту, ты зачем-то доказываешь, что у слова "ну" есть целых три значения, а я демонстрирую, как водят за нос ушастых осликов. Тоже охота, в своём роде. Теперь понял?
– Может… – я с натугой подавил вспышку злобы, – растолкуешь, что к чему?
– Я уже растолковала всеми возможными способами, но до тебя никак не доходит. Что ж, я готова продолжать. Или ты решил сдаться?
– Нет уж. Я тоже готов.

Ещё с полчаса она делала вид, что пытается поточней разобраться в том, что я нагородил о разных значениях слова "ну", ежеминутно перебивая, и то и дело взрываясь припадками хохота, пока я не заставил себя заткнуться, чувствуя, что еле сдерживаюсь. Я встал и прошёлся туда-сюда, силясь справиться с раздражением и вернуть хоть толику самообладания.

– Садись, что разбегался, – вкрадчиво произнесла Майя. – Попробуем с другого конца: вот объясни, что такое слово-паразит?
– Паразит, – начал я, следя за речью и тщательно избегая употребления этих самых слов-паразитов, – это слово, применяющееся в качестве…
– Опять тридцать пять. Вот умора! Скажи лучше, ты абсолютно уверен, что "ну" не может быть паразитом?
– Ну… – начал было я, забывшись.
– Это было какое "ну"? Какой категории?
– Это "ну"…
– Ты неподражаем! Значит, и дальше будешь утверждать, что "ну" – не паразит? И что у него аккурат три значения?
– Да! Три, ё-моё, три!
– Ты настаиваешь? Не два и не четыре?
– Майя!
– На все сто процентов?

– На двести!
– На двести?! Ого! Ты уверен?
– Да, уверен!
– Точно?
– Точно! Точно!
– И ты готов за это умереть?
– Да!!! – заорал я, вскакивая. – Да, я готов за это умереть!
– Ну и дурак, – она покатилась со смеху, буквально завалившись набок и сотрясаясь всем телом.
– Успокойся!
– Илюша… скажи мне, – не унималась Майя, с трудом выдавливая слова сквозь приступы неудержимого хохота, – за что? За что умереть? За "три ну"?

Я стоял над ней, стараясь упорядочить дыхание и успокоиться, чтобы казаться хоть чуть-чуть меньшим дурнем, но при этом действительно чувствовал себя идеально круглым, законченным идиотом. Эталоном беспросветной дурости.

– Это развод, – выдохнул я, когда она угомонилась, и пена этого разговора стала постепенно оседать.
– Да, развод. – Она улыбнулась той самой улыбкой, за которую я всегда прощал ей всё что угодно. – Но… ведь этот развод, от начала и до конца, происходит в твоей голове. Тебя разводят твои же демоны. Я лишь подкидываю им поводы для ссоры. Но ты совершенно не обязан в этой грызне участвовать.
– Ты бросаешь вызовы, а когда я их принимаю – насмехаешься, читая свои катмандинские мантры.
– Мне приходится пробиваться к тебе сквозь броню наносной мишуры. Это бой, беспощадный и искренний, как любой настоящий бой. Я осознанно его выбираю, чтобы приоткрыть тебе дверь.

Она задумалась. На её губах играла печальная улыбка.

– Видишь… – Майя встряхнула головой, отгоняя воспоминания, и её курчавые непокорные волосы всколыхнулись в мистическом танце, – как легко манипулировать эго, заманив его наживкой вызова. Ты проиграл, потому что взялся отстаивать позицию, которую отстаивать не стоило, и докатился до того, что был готов погибнуть за "три ну". Чистое бахвальство – лишь бы мечом помахать. Если так и принимать все вызовы подряд, то рано или поздно выдохнешься, оступишься и попадёшься.

Она была права. Я остро ощущал её правоту, понимая, что любые слова теперь излишни. Уставившись в никуда, я понемногу оттаивал, чувствуя, как истощение сменяется приятной пустотой и лёгкостью.

– Может, чайку? – встрепенулась она. – И какие-нибудь печеньки… у тебя случайно не водятся?

После чая Майя предложила сменить обстановку и прогуляться. Воздух полнился душистым ароматом прелой листвы. Мы шли вдоль обрыва, приближаясь к северной окраине спящего города. Покинув его пределы, пересекли поле и поднялись на пологий утёс, с которого открывался вид на лунную бухту.

– Ну что, оклемался? Поехали дальше? – поинтересовалась Майя, устроившись на вросшем в землю округлом валуне.
– Поехали. С чего начнём?
– Да с чего угодно. Выбирай.
– Хорошо, давай выясним, что в сущности такое – эта ваша духовность?
– Отлично, тогда сперва разберёмся с вопросом – зачем? Зачем мы сюда пришли? Зачем всё это? Зачем нужна духовность, как ни банально? Чего, по сути, мы хотим? – Каждое существо стремится к счастью.
– Постой… постой, что ты мне сейчас задвигаешь? Буддизм говорит совсем иное: жизнь наполнена страданием, и по этому поводу Будда предлагает избавиться от первопричины – от изменчивых желаний и стремления угнаться за сиюсекундными удовольствиями.
– Мы не о буддизме, а о духовности в широком понимании. Так вот, человек хочет быть счастливым. Любой человек, который занимается практиками, ходит в церковь или на работу… и убийца, который убивает людей, хочет того же счастья, просто у него способ такой… чудаковатый.
– Допустим. Вероятно, так и есть, но в чём революционная новость?
– Ни в чём, нет ничего нового, всё давно известно. Что утверждают восточные учения? В чём основная мысль, которую они пытаются донести? Они говорят об изменении. Изменении себя. Что значит открыть глаза? Проснуться? Озарение то самое… Что это по сути?
– И что же?
– Тебе предлагают измениться. Стать Сверхчеловеком, не в смысле каких-то суперспособностей, а в смысле освобождения из плена разума и оков социальных установок. В создании этого Сверхчеловека и заключается дальний стратегический план. Сперва необходимо научиться наблюдать за собой, убрать туман, колоброжение мыслей, и тем самым открыть глаза и увидеть бескрайнее звёздное небо.
– Но это – снова манипуляция, все эти аллюзии к звёздам…
– Всё манипуляция, тобой вечно манипулируют. С самого детства – семья, близкие, общество. Мама сказала: это – красное, это – синее, и посеяла первые семена зла. Задача – заново научиться беспристрастно смотреть на мир. А пока ты существуешь исключительно в рамках определённого смыслового среза,

контекста своей культуры… Однако это не значит, что нужно и дальше ими ограничиваться.
– Но любая попытка вытащить меня – тоже манипуляция.
– Из двух зол – меньшее. Манипуляция колышет листья, а искренность сдвигает звёзды. Не ты ли писал: "Дайте мне искренность, и я переверну весь мир"?
– Писал, писал…
– Видишь, ведь ты всё знаешь, но туман, гололедица и тяжёлые погодные условия постоянно мешают. А искренность ближе к источнику.
– К источнику чего?
– Того, что сдвигает звёзды… к духовности твоей вездесучей.
– Ладно-ладно, хорошо, и что же тогда духовность?
– А духовность – и есть тот центр, к которому всё стремится.
– Не, погоди. Раз уж на то пошло, Центр – это то, что ты называешь счастьем, а буддизм – нирваной.
– А духовность?
– А духовность – движение к Центру. Само стремление к счастью.
– А что, если нет счастья? – усмехнулась Майя. – Тут всё очень тонко.
– То есть как? Тогда духовность теряет всяческий смысл.
– Не…
– Получается – некуда идти.
– Нет-нет. В том то и дело, что – нет.
– Эй, постой. Как это – нет счастья? Ты же с этого начала!
– Да, начала, но это промежуточный этап.
– А-а… И что же тогда конечный?
– Это ещё не совсем ясно. Но счастье – это…
– Стало быть, ты зовёшь меня в поход куда-то туда, незнамо куда… И вовсе непонятно, есть ли там… Так, стоп. А зачем тогда ты туда намылилась?
– Я могу лишь сказать, что путь туда, я не знаю точно куда, он интуитивно… О'кей, есть такое понятие – Намерение.
– Намерение?
– Это не то намерение, когда что-то в голову взбрендило, и ты откаблучил какую-нибудь очередную хренотень. Истинное Намерение, оно… воплощение духа стихии, вселенной, мироздания. Намерение земли.
– Типа… э-э… некая совокупность сил природы?
– Да, есть подсознательная, никак не связанная с разумом, сила. Стремление всех существ. К счастью ли, к духовности ли… абсолютно фиолетово. Главное – оно есть, и наша задача научиться чуять этот поток и выравниваться по нему, сливаться.
– Синхронизироваться, что ли? Держать нос по ветру?
– Вот именно, как флюгер. И не надо ничего активно делать, ворочать мозгом, строить, бороться… Борьба – те же шоры. В процессе ты увлекаешься и начинаешь верить, что в нём самом и заключается суть, что он и есть звёзды, а

это всего-навсего шоры в блёстках. Бороться не с кем. Ты и окружающий мир – одно. Надо лишь снять латы, смыть эту дребедень, налепленную лицемерием и манипуляциями, и почувствовать Намерение, которое и так есть. Ты с ним родился. Человеку не надо ничего создавать или разрушать. Всё уже есть. Есть Намерение, как у него, так и у этого камня, и у дерева, – она указала на заросли юкки, раскинувшие шипастые листья, – оно одинаковое. Всё одинаковое. Всё меняется, всё течёт и при этом всё едино и неизменно на уровне этого Намерения. Просто человек запутался, ему сложнее, чем этой каменюке.
– Потому что он вечно мечется?
– Это уже он сам выбирает… Не, хуже того, у него схемы. Схемы, поверх них ещё схемы, ещё и ещё. Он смотрит и решает: это – красное, это – зелёное.
– Категоризирует, интерпретирует…
– Вот-вот, а камню это не нужно. Он целостен и един с Намерением.
– То есть, человек хуже камня?
– О! Главное – посоревноваться. Хоть с камнем! Нечего оценивать всё в понятиях хуже-лучше, хорошо и плохо. Это ещё одна тухлая схема. Человек, в отличие от камня, способен распоряжаться направлением намерения, – это дар и в то же время проклятие. В итоге, ты сам дуришь себе голову.
– И окружающим…
– И окружающим, и его не слушаешь, – она похлопала по камню.
– И портишь.
– И портишь, но это твоя проблема. У него всё в порядке. Что с ним ни делай, его намерение никак не меняется.
– Значит, это ещё одно проявление моего скверного намерения?
– Намерение у всех одинаковое, но у тебя… мм… пыль. А на нём нет пыли, даже если она есть. Его намерение совершенно и нет прослойки, где она могла бы скопиться. А у человека есть. Почему – вопрос двадцать второй. Но у нас на Востоке это засекли. Не вчера. Несколько тысячелетий назад.
– Давай без "у нас на Востоке", объясняй сама, без ссылок на авторитеты.
– О Намерении и подобных материях вообще нельзя ничего объяснить. Слова сами по себе содержат корень зла, и потому усугубляют путаницу. Единственный способ – почувствовать самому. К этому сводятся все практики. В какой-то момент ты ощущаешь истину, и никакие доказательства уже не нужны.
– Выходит, весь этот разговор бессмыслен?
– По большому счёту – да. Во всяком случае, смысл не в словах, а в ощущении, которое возникает, если не сбиться с пути и миновать языковые западни. Он – в отблеске, искре истинного Намерения, которые иногда удаётся высечь из столкновения слов… Или не удаётся.

Майя звонко рассмеялась.

– А что за ловушки слов, к чему ты клонишь?

– Слова, сам язык, – это результат толкования мира, попытки рассечь неделимое целое на составляющие элементы. Они изначально содержат двойственность: это – то, это – это, красное – синее, субъект – объект… Дуализм и сопутствующие ему ложь, боль и тоска.
– Стоп-стоп, это снова слова, а конкретно, в чём ловушка?
– Ну хорошо, если совсем по-простому, то… есть старая байка, о том, как буддийский монах спрашивает каждого встречного – "Кто ты есть?", и ему отвечают "Я бизнесмен", "Я фотограф", "Нет, но кто ты есть?", "Я русский.", "Нет, но кто же ты всё-таки?". В итоге человек останавливается и понимает, что он не знает. Кто же он на самом деле? Ответа нет. И он затыкает дыру словесным суррогатом – бизнесмен, журналист, фотограф…
– О'кей…
– А, где вода? – спохватилась она. – Воду-то мы взяли?
– Да, есть сок, – я потянулся за сумкой. – Красненький такой, из этих… как их… cranberries[64]. Кстати, давай заодно покурим.

Я принялся скручивать, что несколько осложнялось порывами ночного бриза. Прикрываясь полами куртки, я свернул два джойнта, и мы молча выкурили один за другим. Шорох пахучего ветра уходящей осени сливался с шуршанием прибоя в завораживающем, переливающемся и в то же время неизменном звуке.

– На самом деле, – Майя подожгла пятки от косяков, положила на камень, подождала, пока они догорят, и смахнула пепел, – кошмар в том, что настоящего тебя вообще нет. Настоящий "ты" появляешься на единственный миг перед сном. Ты ложишься, закрываешь глаза, погружаешься, и мгновение перед тем, как наступает сам сон, когда ложные эго уже уснули, просыпаешься, или вернее, остаёшься истинный ты, в ужасе озираешься, и едва успеваешь подумать – что же со мной творится? – как сознание окончательно выключается, и ты проваливаешься в забытьё. А остальное время на сцене твоего сознания отплясывают демоны-самозванцы, и это происходит с тех пор, как ты себя помнишь, и оттого выглядит правдоподобно. Настолько правдоподобно, что ты привык считать этот вертеп своим внутренним миром. Ты весь такой тонкий и сложный, у тебя эдакая насыщенная внутренняя жизнь, правда? И прорва проблем во взаимоотношениях между этими сущностями, ты думаешь, как установить между ними некое подобие гармонии… А на самом деле проблема одна, и гораздо более насущная. Проблема в том, что тебя вовсе не существует.

Прежде чем я сформулировал контраргумент, в просвете, образовавшемся в цепочке мыслей, нарисованная ей картина предстала с неимоверной чёткостью, и я успел уловить и прочувствовать её. Майя посмотрела на меня долгим взглядом,

[64] Cranberries – клюква.

и в тёмных глазах, еле различимых в сумрачном сиянии недоеденного полумесяца, мерцало что-то до боли близкое, родное, и в то же время чуждое и загадочное.

– Так вот, возвращаясь к нашему монаху, задача – узнать самого себя.
– Главный путь – это путь внутрь себя, – процитировал я завалявшуюся в памяти фразу.
– Да, путь внутрь одеяла… Загвоздка в том, что никто не знает. У всех шоры. У каждого свои. Кто-то думает, что он инженер, кто-то – что у него лапка болит, а кому-то кажется, что у него депрессия, но в действительности никто не понимает, кто он такой.
– И… Кто ж я такой? – Я потянулся, расправляя затёкшие конечности.
– О, с этого и начинается. Задавая вопрос, ты уже сделал сто пятьдесят тысяч шагов. Но не стоит пытаться найти ответ. Это тоже западня, и люди, "ищущие себя", в неё влипли. Всё уже и так есть внутри, нужно лишь научиться не быть инженером, тем-сем, пятым-десятым, и даже когда приходиться исполнять роль инженера, осознавать, что это не ты, а роль.
– Стало быть, вместо того чтобы отвечать на вопрос: "Кто ты есть?", нужно разобраться с тем "Кто ты НЕ есть?".
– Да, и понять, что ты не инженер, не еврей, не русский.
– И что отвечать некому.
– Нет, отвечать есть кому.
– Так ведь меня нет! – возмутился я.
– Как это нет? К кому ж я в гости приехала? Ты есть! Это факт. Есть ты, есть камень, и дерево тоже есть. Всё оно есть.
– Только что ты сказала…
– Я сказала, что тебя не существует, но это не философская идея для умственного обсасывания. Возня вокруг этого вопроса лишь загонит нас в очередной тупик. Я хотела, чтобы ты ощутил, и в тот момент ты…
– Ощутил.
– Вот и отлично. И нечего переворачивать вверх тормашками, если не хочешь снова затеять бессмысленный бой и погибнуть за очередные "три ну". Тебя не нет! Ты очень даже есть, – проговорила она, акцентируя каждое слово, – это суперважный фактор.
– Но как это соотносится с тем монахом? – не уступал я, невольно начиная улыбаться.
– Илья, ау-у! Вопросы: "КТО ты есть?" и "ЕСТЬ ли ты?" различны по своей сути.

Я не выдержал и расхохотался.

– Это чрезвычайно важный момент, и нечего хихикать, – она тоже засмеялась. – Аксиома, understand?

– Yes, ma'am. I understand.[65]
– Есть мир вокруг, есть ты, есть Намерение, вы одно и тоже, и это всё есть. И когда разгоняешь ложных "я", истинный ты наконец получает возможность выйти на сцену. И ему всё понятно, как камню и дереву. Хочешь – не хочешь, спрашиваешь себя: "Кто ты есть?" или не спрашиваешь, так или иначе – ты есть, и чтобы видеть, достаточно смахнуть пыль. Желаешь увидеть камень – надо смахнуть с него пыль, желаешь себя – смахнуть пыль с себя. А не мучиться вопросам "Ой, где же я?".
– Да, но внутри столько голосов всяческих…
– Во-о-от… и когда на Востоке это засекли, они пригорюнились и сказали: "Блин, что ж такое, эти голоса так мешают…"
– То есть, ты предлагаешь хотя бы дисциплину навести в этом ансамбле песни и пляски имени товарища Ильи Диковского?
– Это они предлагают, а я предлагаю ещё покурить.

Мы закурили; я откинулся назад, подставляя лицо ветру. От ударного расширения сознания голова моя порядком опухла. Мысли были уже не совсем мысли, а какие-то тени обрывков, копошащиеся на илистом дне сознания.

– Кстати, ничего нового я ведь не рассказываю. Та же Библия о том же говорит.
– Библия? Да ладно, ты уже вовсе что попало мне заливаешь.
– Конечно, изначально – Танах[66], а за ним и Евангелие… Просто там это описывается на том пределе искренности, который граничит с пафосом – "Возлюби ближнего своего".
– А каким боком: "Возлюби ближнего"…
– Речь не о техниках и манипуляциях для его достижения, а о самом Намерении. Именно о нём, без культурно-социальных наслоений.
– Погоди, но чудеса, которые Иисус начудил, – это же манипуляция.
– Да, чудеса – довольно пошлая штука. На самом деле всё чудо. Небо, воздух, земля. Ты дышишь – это чудо, дым выдохнул – чудо.

Я проследил за клубящимися завитушками, влекомыми воздушным потоком.

– Между прочим, одна из двух нерешённых проблем физики.
– Что, дым?
– Турбулентное течение. Самолёты летают, а мы до сих пор ни черта толком не понимаем.
– Вот видишь – чудеса повсюду, а никто не замечает.
– Ну да, конечно. Но ты же понимаешь почему…

---

[65] Yes, ma'am. I understand. – Да, мэм. Я понимаю.
[66] Тора, книга Левит, глава 19, стих 18: "…люби ближнего твоего, как самого себя". Танах – еврейское Священное Писание (в христианской традиции – Ветхий Завет). Тора – первая часть Танаха.

– Потому что думают не о том.
– Нет.
– А почему? Потому что привыкли?
– Да, потому что, когда сто раз видишь нечто, пусть даже самое расчудесное, оно уже не чудо. Когда ты была маленькой и впервые увидела дерево…
– Поэтому привычка – одна из самых ужасных вещей.
– Ужасно, прям-таки ужасно! Майя, так устроен наш организм: говоря со мной, ты не чувствуешь соприкосновения с камнем, на котором сидишь. Почти во всём, кроме боли, мы замечаем не сами ощущения, а их изменения – градиент. Представь, как бы ты спала, если бы всем телом постоянно чувствовала соприкосновение с матрасом, с пижамой, простынями, одеялом…
– Это защитная реакция разума.
– Это его свойство – вычленять из общего потока информации критичные сегменты. Вот ты легла и почувствовала соприкосновение, замерла – ощущение контакта растаяло, поворочалась, устраиваясь поудобней, – снова почувствовала, прекратила – ощущения исчезли. Сознание в каждый конкретный момент способно фиксироваться исключительно в одной точке, и даже когда ты думаешь о нескольких вещах сразу, на микроуровне, по-любому сосредотачиваешься то на одном, то на другом – поочерёдно.
– Да, именно. Но это свойство разума ограничивает бескрайний, удивительный мир до единственной точки.
– Такова наша природа. Если бы ты всё воспринимала, все тактильные контакты, звуки, запахи, не говоря уж о зрительных впечатлениях, сознание не справлялось бы с таким напором. Его бы мгновенно затопило. Мы и шагу не могли бы ступить – беспрерывно падали.
– Ничего, научились бы ходить заново. Это то же самое. Прекратив быть инженером, евреем, русским, ты не исчезаешь, а становишься всем. Нечего сидеть, уныло вперившись в точку, когда вокруг бесконечно прекрасный мир.
– Это, конечно, красиво, но привычка – свойство организма, и не только на уровне сознания. Это что-то более базисное. Так работают рецепторы. Когда впервые пробуешь горькое, они воют "Ой-ой-ой, нам очень горько", в следующий раз они воют чуть тише, затем постепенно привыкают и прекращают бить тревогу. И так почти со всем, кроме некоторых видов боли, субъективное ощущение которой может со временем усиливаться.
– Верно, но есть моменты… эм… назовём их прозрением, когда впитываешь мир целиком и каждый миг творишь его заново. У тебя ж они были.
– Да, были. Были моменты, когда я видел звёзды, но вот момент прозрения, а в следующий момент зачесалась жопа, идиллия перекосилась, и звёзд уже не видно, хотя они, естественно, никуда не делись.
– Вот и отлично. Это первый шаг, а если уметь видеть звёзды не только урывками, то не окажешься в ситуации, где придётся погибать за "три ну". Погибнуть за "три ну" можно, лишь чрезмерно сосредоточив на них внимание, и

позабыв об удивительном мире вокруг. Стоит научиться этого не делать, и тот факт, что чешется жопа, звёздам уже никак не помешает.
– Допустим… но это долгий путь, вероятно, действительно можно насобачиться продлевать эти состояния и со временем произойдёт качественное изменение…
– Это каждый сам выбирает. Можно идти долгим путём, регулярно погибать за "три ну", и только у разбитого корыта, когда выдохся и не способен продолжать метаться, – наконец видеть звёзды. А можно просто открыть глаза. Ничего не мешает сделать это в любой момент. Это твой выбор. Дверь в сказочный сад всегда прямо перед тобой, а ты тупишь, зажмурившись от ужаса. Но иногда даже сквозь плотно закрытые веки каким-то чудом пробивается луч истины,.. проскользнувший сквозь щёлочку скважины.
– "Лучик, проскользнувший сквозь щёлочку" – красиво, но неубедительно.
– Да, так и есть. Ты есть, сад есть, и глаза тоже есть. Дело за малым – осталось их открыть.
– Ага, купи слона.
– Да, купи слона!

Мы погрузились в изматывающий спор о том, есть ли некий духовный путь, или достаточно "просто открыть глаза". Где-то я это уже слышал… Темнота сгустилась, небо заволокло пеленой низких туч. Ветер усилился, окружающие звуки и запахи сделались более резкими.

– …научиться видеть сад без того, чтобы беспрестанно погибать за "три ну", – как ни в чём не бывало, твердила Майя. – Вот в чём фишка!
– Угу, – устало кивнул я, – и чтоб ничего нигде не чесалось.
– Да пусть чешется, это не должно мешать звёздам. Не надо ни с чем бороться. Путь – это преодоление препятствий, то есть – борьба, а борьба – в корне неверно.
– Ладно, хорош, уже пятый круг пошёл. Скажи лучше, а что, если нет никакого Намерения?
– Смотри, на Востоке они в один голос говорят, что есть, и…
– Но ты ж не они, или они? И без них уже никак?
– О'кей. О'кей, – Майя сдержанно улыбнулась. – Да, я видела звёзды, и я уверена, что Намерение есть.
– Почему?
– Спроси у камня.
– Я с камнями ещё как-то не научился общаться.
– Нет, просто эта каменюка, – она погладила его ладонью, – и есть ответ на вопрос. Вот оно – Намерение в чистом виде. Вот, потрогай.
– Намерение? Каменюку – я могу потрогать, а прикоснуться к Намерению мне гораздо сложнее.
– Нет тут ничего сложного, стоит ему свалиться на голову – сразу прикоснёшься.

– Да, я понимаю: в любой философской полемике, бейсбольная бита – неопровержимый аргумент.

Она рассмеялась.

– Вот именно, именно. Ощущение и есть лучшее доказательство.
– Ну серьёзно! Ощущения обманчивы. Даже на трезвую голову можно тако-о-ое почувствовать, а если что-нибудь употребить – недолго и вообще в чём угодно усомниться. Не то что Намерение, – многое становится неоднозначным. "Есть ли ты?", "Есть ли камень?" и, коли он есть, то "Камень ли он?" – вовсе не тривиально. Но давай не будем уж совсем… Допустим, что камень есть, но у него нет намерения… и вообще нет нигде никакого Намерения. Что тогда?
– Вот для этого и нужна бита. Как только жизнь берёт в руки биту, ты уже не спрашиваешь: "Есть ли бита?" и "Бита ли она?", всё моментально встаёт на свои места. Так же и со звёздами: стоит отсечь лишнее, и ясно виден свет, который ни с чем не спутать.
– Но острота ощущений не является признаком истинности. Субъективные переживания обманчивы вне зависимости от своей интенсивности.
– Обманчивы, но штука в том… и тут я уже не могу привести доказательств, но на Востоке говорят, что обманчивость присуща лишь половинчатым переживаниям. При истинном свете вопросы и потребность в доказательствах отпадают. Ведь вопреки своему скептицизму, ты ни разу не усомнился в том, что есть звёзды. Потому что целостность не оставляет места сомнению.
– Хороший ответ. Но… то они. А мы, во всяком случае я, ещё не вижу истинный свет. И поэтому, давай предположим, что Намерения нет.
– Ну… – она отвела волосы со лба, – давай предположим.
– Тогда что?
– Продолжаем… продолжаем открывать глаза. Ничего не изменилось…
– Куда открывать?
– Дальше.
– Куда дальше? На ложный свет?
– Да. А что? Глаза ведь по-любому стоит открыть. Ну нет счастья… – её голос сделался глухим и тихим. – Предположим… Ну нет, что ты будешь делать…
– И… Что тогда? – также понижая тон, спросил я.
– Ничего. То же самое. Нет – и ладно, – Майя помедлила. – Не в счастье счастье. И без счастья зашибись. Только сложнее… но не в нём цель и даже не в звёздах. И это уже серьёзно. Ты отворяешь дверь, а в саду могут быть хищные зверюги, драконы, инопланетяне… Открыл глаза, и тут же – шмяк, – она резко хлопнула в ладоши, – динозавр голову откусил. А что? Легко… Скажем, у них договорённость такая, у динозавров этих, не трогать тех, кто тихо сидит и не чирикает.

Мы помолчали. Не знаю о чём думала Майя, но меня захлестнула волна щемящей

тоски, и захотелось обнять её и прижать к себе, пока нас не успели скушать динозавры.

– Они говорят, что будет хорошо.
– Но мы не знаем?
– Мы не знаем. Тебя учат быть готовым ко всему и принимать мир, каков он есть. Динозавр? – Отлично. Откусил голову? – Замечательно. Это никак счастью не мешает. Наоборот. Ты стал частью динозавра и всё пучком. Ты своё сделал: открыл глаза и слился с миром в едином, как они говорят, Намерении.
– Погоди, погоди, ты где-то подменила понятия…

Она звонко расхохоталась, радуясь своему трюку.

– Мы же предположили…
– Что Намерения нет, – закончила она, сквозь хохот.
– А ты всё свела к тому, что снова там очутилась.
– Ну конечно, мы снова там очутились. Потому что… – её глаза светились, – тебя не должно останавливать то, чего нет. Это сомнения и страхи. Думал, спасут звёзды? Дудки! Засмотрелся и хлоп – динозавр. А может, нужно было не в небо пялиться, а сразу меры принять, и самому что-нибудь ему откусить… или в сторону отбежать, и он бы мимо проскакал… кто знает… а ты на две лишних секунды зазевался на звёзды.

Она потянулась, оглядываясь кругом. За нашими спинами назревал рассвет. Гребни холмов вырисовывались на фоне стремительно светлеющего неба. Всё замерло в ожидании, и только волны мерным шелестом размывали последние сгустки отступающей ночи.

– Как там наш сок?
– Увы, наш сок – вшть… – я махнул в неопределённом направлении.
– Значит пора возвращаться. А трава тоже вшть?
– Обижаешь!
– Покурим?
– Конечно покурим, Майя, конечно покурим…

* * *

Когда мы подошли к крыльцу, я обогнал её и прислонился спиной к входной двери.

– Оставайся, не уезжай. Ты бежишь не от западного образа жизни, ты бежишь от себя… а это дохлый номер. Хорош скитаться, Катманду не где-то там на Востоке, он внутри. Тут твой дом, твои друзья и люди, которым ты небезразлична.

Оставайся, сколько можно скользить по краю?! Майя, ты просыпаешься каждую неделю в другом городе, если не в другой стране; ты меняешь скутер на поезд, поезд на самолёт, на скрипучий автобус, ползущий над извилистым ущельем… Ты молодец, ты смелая, ты сильная, но разве ты ещё не поняла, что нет никакого там и тут?! Хочешь освободиться от привязанностей, чтоб избежать потерь и разочарований? Я тебя понимаю, но нельзя полностью избавиться от человеческой формы. Невозможно навсегда разрешить конфликт души и разума, и уж точно не за счёт метания из одной точки глобуса в другую. Бездну внутреннего одиночества не заполнить ни людьми, ни событиями, ни заморскими странствиями. Это неотъемлемая часть бытия. Ты уехала, и без тебя Калифорния – пустыня, населённая тусклыми тенями. Я иду по миру и встречаю лишь призраки. Иногда, всё реже и реже, на краткое время кажется, что они люди. А ты – настоящая. И на фоне этого чуда… Майя… На Востоке считается, что если от всего избавиться, наступит состояние высшего покоя и умиротворения. Звучит круто, но уйти туда с концами я не хочу. И пускай мне страшно и больно, и я остро ощущаю всю бессмысленность и обречённую суетность окружающего, – я не готов слиться с предвечным светом и исчезнуть в этом сомнительном блаженстве. Нам всем в один прекрасный день это предстоит, а раз так – я пока побарахтаюсь. Я человек, а не эфирное создание. И потом, стоит ли отказываться от всего из страха его потерять? Это же нонсенс! Майя… Мы не виделись почти шесть лет, я смотрю на тебя и хочу тебя обнять. И мне всё равно, что нагородил Кришна и что приглючилось Будде. Я ни за что не променяю это ни на какую триста раз преблаженную нирвану.

Майя стояла передо мной во всём блеске своего великолепия и долго не спускала пристальный взгляд, но казалось, что смотрит она не на меня, а куда-то сквозь. Прохладный ветер трепал её волосы, а за спиной, лучась и слепя глаза, переливалась океанская гладь. И в ауре этого свечения она была такой близкой и родной и вместе с тем совершенно недоступной.

– Нет, Илья, – тихо проговорила Майя, – я уже давно не живу в этих понятиях. Я приехала в Штаты повидаться с родителями и с тобой проститься… И собрать нити… И напомнить о звёздах, потому что ты тоже мне дорог. Но моё сердце не здесь, и я спешу продолжить странствие. Я сделала, что должна была сделать, и теперь уже всё неважно. Там, куда я направляюсь, от всего этого нужно избавиться. Ещё недели две-три побуду тут, может, увидимся, если срастётся… Потом слетаю домой, и тю-тю, меня ждёт обратный рейс.

Глава 21

Ладно, ладно, давай не о смысле жизни, больше вообще ни о чём таком
лучше вот о том, как в подвальном баре со стробоскопом под потолком
пахнет липкой самбукой и табаком
в пятницу народу всегда битком
и красивые, пьяные и не мы выбегают курить, он в ботинках, она на цыпочках, босиком
у неё в руке босоножка со сломанным каблуком
он хохочет так, что едва не давится кадыком…

Вера Полозкова

Получив отпор, Ариэль притих, окопавшись в своём логове и вынашивая коварные планы по сведению со мной счётов и скорейшему подавлению бунта на корабле. Некоторое время он не никак не проявлялся и не смущал свирепым ликом умы подчинённых. Воцарился штиль, мы дрейфовали в неясном направлении, влекомые подводными течениями, а я посвятил рабочее время расширению познаний в буддизме и других восточных учениях, рассчитывая впечатлить Майю и оказаться чуть менее беспомощным оппонентом при новой встрече. Но вот затишье нарушилось, и на пороге нарисовалась знойная крокодилица.

– Приветик, чудесно выглядишь! – слащаво пропела Кимберли.
– Харе Кришна, – отозвался я.
– Спешу напомнить о сегодняшней встрече с Ариэлем, – запнувшись, продолжила она. – Все подробности в электронке.
– Благодарю, – сложив ладони, поклонился я. – Ступай с миром, сестра.

Однако Кимберли не уходила, и я с благодушной улыбкой созерцал, как наша офис-менеджер силится собраться с мыслями.

– Мы приближаемся к судьбоносному рубежу! В преддверии конференции настало время отбросить… – она снова запнулась, – отбросить разногласия и, сомкнув ряды, встретить грядущее испытание. – Брови сдвинулись, голос окреп и напряжённо подрагивал от опасения упустить что-либо из вызубренной тирады. – Для каждого в отдельности и всей компании в целом предстоящая конференция обещает стать поворотным событием на нашем пути!
– Все пути одинаковы и ведут в никуда, – кротко молвил я, дав отзвучать эху прочувственного воззвания. – Любой из них всего лишь путь, один из бесконечного множества, и ничто не мешает оставить его, если в нём нет сердца.

Закончив формулировать эту сентенцию, выуженную из винегрета, создавшегося в ходе спешного ликбеза в сфере оккультных наук, я отвернулся и отрешённо уставился в экран. Кимберли поошивалась за спиной, тужась придумать ответную реплику, но так и не сумела ничем разродиться. Открыв электронную почту, я ехидно отклонил назначенную по всем правилам офисного этикета встречу. И тут же на месте ретировавшейся секретарши возник наш несравненный командор.

– Рад видеть тебя в добром здравии! – он старательно растянул мясистую физиономию в благожелательном оскале. – Передай, пожалуйста, материалы, чтобы я мог непосредственно ознакомиться с ними перед встречей.

Я молча разглядывал его, развалившись в кресле.

– Понимаю, что не уделил должного внимания… – с трудом выдавил Ариэль изменившимся голосом. – Погорячился… не вник… при нашей тогдашней… – бестолково лопотал Арик, вытирая взмокший лоб. Искажённая мимика кричала о том, что публичное покаяние даётся ему нелегко. – Но теперь, накануне конференции, – приободрился он, миновав сложный участок, – мы должны перешагнуть через былые… эм… распри ради общего блага, ради будущего компании и воплощения нашей мечты.

Забавно, этот поц думает пронять меня новой тактикой канцелярских прибамбасов. Что ж, я в долгу не останусь и учтиво попотчую плодами его собственной закваски, щедро сдобренными непальской приправой.

– Конференция – мираж. Нет её и никогда не было. Глупая, тщетная, а главное, бессмысленная суета. Дым, тлен… тень на стене пещеры.

Минотавр озадаченно насупился.

– Ну как же! Платон, миф о пещере… No comprende, amigo?[67]
– Чего!?
– Чего-чего… – передразнил я. – Как-то ты сдал… в апокрифы не заглядываешь… Миф… О… Пещере… Чё тут неясного?
– Илья!? – всплеснул руками Ариэль.
– Ладно-ладно, не кипятись. Сейчас я всё популярно рассую по полочкам. Значица… твой закадычный враг, Платон Платоныч… возможно, пребывая в алкогольном изумлении (история умалчивает)… эм… утверждал, что все люди сидят в пещере, задом к выходу и не могут повернуться. За их спинами другие люди носят разную утварь… ну там… вазы, амфоры, мраморные статУи…

[67] No comprende, amigo? (исп.) – Не врубился, приятель?

Древняя Греция, сам понимаешь. Так вот, прикованные рабы с рождения видят перед собой лишь тени, а потому уверены, что это и есть мир. Мы – рабы, томящиеся в заточении собственных чувств и эмоций, и твоя конференция лишь крохотный завиток… зыбкий блик на стене, плод болезненного воображения.

Ариэль впал в ступор, лихорадочно силясь нарыть достойный аргумент из эллинского наследия.

– Пора дать решительный бой нелепой и порочной суетности! – взвыл я. – Покончить единым махом. Настало время порвать цепи, скинуть оковы и узреть подлинный свет! Я верю в тебя, Арик! Ты, как начальник и предводитель всего чего ни попадя, выведешь нас на стезю истины! К свету, к радости, к надежде!

Шеф угрюмо набычился.

– Мы любим тебя, Арик! – безумно завопил я, вскакивая на стол. – Ура-а-а!!!

* * *

После встречи с Майей, я пребывал в приподнятом настроении, не ходил, а буквально парил, не касаясь земли. Новое чувство крепло, обволакивая облаком невидимого света и даря свежие краски, остроту и лёгкость, вместе с некой наполненностью. Я вновь открыл в себе способность радоваться простым вещам, и меня переполняло счастье. То самое счастье, о котором говорила она.

Всё стало чётче, сочнее, выпуклей, объёмней, будто спала пелена, причём не только с глаз, а со всех душевных и телесных ощущений. Я стал бережней относиться к внешним и внутренним впечатлениям, прислушиваясь к себе и к тому, что нашёптывал окружающий мир, и от этого, даже мелкие переживания пронизывались спокойной, стойкой радостью и целостностью того непререкаемого смысла, который не нуждается ни в определении, ни в доказательствах.

Однако неурядицы, сыплющиеся непрерывным потоком, вовлечённость в офисную возню и остальные составляющие рутинной, давно приевшейся бытовухи, постепенно накапливаясь, как клочья пыли под старым диваном, замутняя кристальную чистоту новообретённого состояния. Всё чаще посещали мысли о Майе, с сопутствующей им тоской скорого расставания… Хоть мы и давно поняли, что не можем быть вместе, я считал её единственным душевно близким человеком, единственным существом моей крови, единственной, кто чувствовал и переживал так же остро и глубоко. И теперь, встретив после долгой разлуки, оттаяв в её лучах, я должен вновь потерять её.

* * *

Вопреки напоминаниям, Стив так и не прислал запись, что лишний раз подтверждало подозрения в вероломстве. И всё же, в голове не укладывалось внезапное преображение эдакого рубахи-парня в ушлого махинатора, который одним манёвром подмял под себя Тамагочи, добыл должность и заодно развёл меня. Откуда это неуёмное рвение к продвижению по служебной лестнице процессов, над которыми он с готовностью потешался на совместных обедах? Как не крути, сформировавшееся мнение о Стиве требовало переоценки.

Нельзя не признать, что он провернул ловкую комбинацию, заняв желанную позицию и навьючив основную часть работы на Тима, продолжавшего корячиться не покладая рук, но уже без прежнего рвения. Таскать для Стива каштаны из огня ему не улыбалось, самолюбие было задето, честолюбивые планы рухнули, но он не подавал виду, с подкисшей миной корча из себя командного игрока. Следовало быть осмотрительным: терять ему нечего, и, вздумай он поквитаться, поддержки ждать неоткуда, а на Стива теперь рассчитывать не приходится.

Близилось Рождество, давно превратившееся в праздник потребления, с повальным обострением шопингового зуда. Невзрачная офисная обстановка навевала уныние. Несмотря на кураж войны с начальником, ситуация оставалась безрадостной. Заигравшись, я ухитрился настроить против себя всех. Ариэля, одержимо несущегося за заветной мечтой, для него это уже давно не погоня, а снежный ком, который настиг, поглотил и влечёт всё дальше и дальше, не давая ни остановиться, ни даже оглянуться. Тамагочи, и без того забитого и презираемого, отважившегося на рискованный, но решительный шаг. Тамагочи, поставившего на кон всё, и проигравшего вчистую, с позором и унижением. А ведь не будь меня, ничего подобного бы с ним не приключилось… Кимберли, в общем-то нормальную женщину, беззлобную и бесхитростную, но со своей придурью, пришедшейся мне не по вкусу. Джошуа, постоянно подворачивающегося под горячую руку… Возможно и эпизод со Стивом, меркантильно использовавшим моё положение под предлогом бескорыстной помощи, тоже не возник на ровном месте. Точно во вражьем тылу: полагаться практически не на кого, брать в расчёт Таню-Марину, с которой, по чистой случайности, я ещё не успел испоганить отношения, было смешно, оставалась лишь Ирис.

Полностью отделаться от процессов так и не удалось. Их метастазы стремительно разрастались. Все заражены и зомбированы. Деться некуда. Если Ариэлю можно было нахамить, и он улепётывал с поля брани, не в силах стерпеть прилюдного глумления, то с Джошуа дело обстояло значительно хуже. Мне не удавалось вывести его из зоны комфорта. Как я ни измывался, ничего не действовало, точнее, он просто не уходил, продолжая увиваться за мной и в любой ситуации

находя до омерзения вежливый ответ. Это было невыносимо, и я часами ломал голову, гадая, как отделаться от этого субъекта.

На время заседаний по процессам я повадился эвакуироваться в комнату Геннадия. Он был немногословен, в интригах участия не принимал и не особо интересовался перипетиями копошения в нашей песочнице, порой забавлявшими его, но не более. Работы, дававшей возможность заниматься любимым ремеслом, Геннадию хватало с лихвой. Дочка, внучка да любимый паяльник обеспечивали комфорт и счастье этого немолодого и сдержанного человека.

– Что, снова удрал? – бросил он, когда я в очередной раз ввалился в комнату с лэптопом под мышкой.
– Ох, да… у меня уже перехлестнуло ватерлинию.

Сам Геннадий был привлечён к процессам только на ранних стадиях, и то исключительно для галочки. Посетив несколько лекций, он тихо самоустранился, что никого не удивило, и даже непреклонный Джошуа не осмелился поднимать шум по этому поводу.

– Я лишь наблюдаю со стороны, но такого маразма не доводилось видеть со времён застоя. – Геннадий отложил инструмент и выключил лампу увеличительного стекла. – Смахивает на махровый совок, замешанный на японщине.
– Вы о брежневском периоде, да?
– Вот-вот, я же говорю – попахивает расцветом застоя, убого скрещённым с… – Он горько усмехнулся, затем снял и задумчиво протёр очки. – Да что там… всё одно к одному: те же ухватки, та же пустопорожняя болтология…
– А мне это всё больше напоминает сектантство. Культовые церемонии, обряды, табель о рангах, специфический лексикон…
– Эх… Лодыри и лоботрясы всегда изыщут способ покрыть нерадивость каким-либо пустобрёхством. Будь то совок семидесятых, будь то Япония, будь то сегодняшняя Америка. Когда люди не желают работать, найдётся множество организационных мероприятий, позволяющих отлынивать от непосредственных обязанностей. Главное – благовидный предлог…
– Меня только разочаровывает, что на это повёлся Ариэль. Он всё-таки человек действия, а не балабол.
– Ну, ты ж понимаешь, – протянул Геннадий, водружая очки на переносицу и давая понять, что беседа окончена, – у него не было выбора.

Безусловно, он был прав. Всё это затевалось неспроста и, несмотря на личную неприязнь, причина введения процессов была мне ясна. Чтобы выйти на рынок с продуктом в сфере медицинского оборудования, необходимо получить

разрешение FDA[68]. Министерство здравоохранения, как и другие ведомства сертификации, не имеет ни средств, ни возможности оценить каждое поступающее на рассмотрение лекарство или аппарат, и потому, вместо того чтоб делать своё дело, занимаются преимущественно прикрытием задницы от всевозможных судебных исков.

Для этой цели учреждена тучная туча всяческих государственных и отраслевых стандартов, одним из коих является наша методика управления процессами. Предполагается, что если разработка ведётся по узаконенной схеме, то всё о'кей. Таким образом, FDA проверяет не изделие или его функциональность, а исправность соблюдения бюрократических процедур. Именно для этой цели Харви инициировал внедрение процессов, и Ариэль был не в силах воспротивиться, как бы те ни стояли ему поперёк горла.

Тем временем абсурд приобрёл дополнительное измерение. Посоветовавшись с Джошуа, Ариэль пришёл к заключению, что работники слишком много едят, точнее, тратят чересчур много времени на приём пищи. Объединившись в мозговом штурме, они ринулись в схватку со скрытым тунеядством и расточительством человеко-часов, взяв в подкрепление доблестного Тамагочи, вообще не ходившего обедать, втихаря подъедая что-то из герметичного контейнера.

Спустя неделю споров, пересудов и уймы потраченного времени, в урочные и сверхурочные часы, лучшие умы компании родили регламент поочерёдного отбытия сотрудников на перерыв, долженствовавший обеспечить непрерывность рабочего процесса и кардинально сократить количество обедо-часов. Подразумевалось, что в отсутствие общения мы будем жрать гораздо проворней. Продолжительность перерыва отныне стала строго нормированной, и каждый должен был заблаговременно записываться, чтобы застолбить определённую смену.

И всё же, это не мешало находить лазейки, встречаться и продолжать игру в Ариэля, интерес к которой лишь окреп вследствие трапезных реформ. Во время последнего чемпионата Ирис со смешанным чувством поведала о случайно обнаруженном в локальной сети: Арик действительно приступил к воплощению параноидальной идеи фикс. Не осмелившись использовать аппаратуру наблюдения без общего ведома, он поступился замыслом тотальной слежки и установил замаскированные камеры у себя в кабинете. В таком случае юридические осложнения отпадали, при условии, что он сам участвует в записываемых разговорах. Стив попробовал съязвить: мол, теперь мы сможем

[68] FDA – Управление по надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США.

дистанционно наблюдать за большим боссом, но его никто не поддержал. Собравшихся беспокоила обратная сторона медали: никто не жаждал оказаться невольным участником этого блокбастера. Известие вызвало ажиотаж у всех, кроме Тани-Марины, которая пялилась на меня немигающим взглядом и вдруг, вынырнув из забытья, отжарила ни к селу, ни к городу:

– Нет, всё никак не могу поверить, что у тебя нет телевизора!

* * *

Когда я вошёл в кабинет директора, Ариэль был уже там. Харви предложил садиться и начал в своей дежурной гладкой манере:

– Я пригласил вас, дабы прояснить ситуацию, принявшую нездоровый характер и мешающую полноценно функционировать как тебе – Ариэль, так и тебе – Илья. – Харви по-отечески взглянул на меня, потом на него. – Мне стало известно, что ваши отношения вышли за конструктивные рамки и приобрели характер трений личного толка, тлетворно влияя на социальный климат. Поскольку вы являетесь основополагающими фигурами в осуществлении инженерного развития компании, я счёл своим долгом вмешаться и поспособствовать устранению этой досадной и, в свете предстоящей конференции, несвоевременной помехи. Верю – рациональный диалог между коллегами поможет вернуться в здравое рабочее русло. Итак, хотелось бы услышать ваши соображения.

Покончив с преамбулой, Харви мельком глянул на часы и упёрся в меня вопросительным взглядом. Ба, Арик наябедничал директору! Признаться, не ждал от него скорой капитуляции, тем паче в столь постыдной форме… Вспомнив школьные вызовы к директору, я, не раздумывая, выбрал линию защиты. Загнанный месяцем отборной изгалятины в маловменяемое состояние, Ариэль представлял из себя слабого соперника в состязании на самообладание, которое я собирался ему навязать.

Определившись с тактикой, я повернулся к Минотавру и развёл руками, изображая наивное недоумение. Арик нахмурился, почуяв подвох. Я покосился на Харви, бессильно покачивая ладонями, будто не находя слов.

– Трения? Между мной и Ариэлем? – Я снова повернулся к начальничку. – Арик, неужто между нами могут быть трения? У нас с тобой? Трения? Личного толка? Я ошеломлён… Даже не знаю, разумеется, я мог что-то упустить, но, с моей точки зрения, у нас в высшей степени гармоничные и, я бы не побоялся этого слова, дружеские отношения… мм… взаимопонимание… эм… признаюсь, для меня это просто… просто, как снег на голову.

Я растерянно переводил взгляд с одного босса на другого.

– Конечно, мы к этому ещё непременно вернёмся, а пока сосредоточимся на рабочих аспектах. Случается, что разногласия на профессиональной почве выходят из пропорции, порождая напрасные конфликты.
– Хм… – я подпёр щёку и уставился в пол. – Да-а нет, вроде нет… Как-то не припомню, чтобы что-то выходило из пропорции. Естественно, есть мелкие разногласия, но это нормальная составляющая творческого процесса. К примеру, мы не сошлись во мнениях о расцветке кнопки Start. Но даже над этим я сейчас работаю. Я воспринял критику и работаю, исправляюсь. Не правда ли, Арик?

Харви взглянул на Ариэля, но тот не проронил ни слова.

– Хорошо, тогда вернёмся к личным аспектам, – помедлив, продолжил Харви.
– Извольте. Хотя где-где, а тут уж точно и речи быть не может ни о каких трениях. Напротив, у нас на редкость дружеские взаимоотношения. И… надо отдать должное Ариэлю, это преимущественно его заслуга. – Я обратился к начальнику: – Хочу, чтобы ты знал, как я ценю твоё внимание. Правда, для меня это необычайно важно, и я искренне благодарен за всё, что ты для меня делаешь.

Минотавр ощетинился. Ставка оправдалась: гордость не позволяла открыто признать, что его высмеивают на глазах подчинённых.

– Вот, Ариэль не даст соврать: у нас масса общих интересов, античную философию регулярно обсуждаем, намедни состоялся занимательный диспут о концепциях Платона. Если угодно, могу вкратце: миф о пещере, знаменитая аллегория…
– Как-нибудь с удовольствием послушаю, – поспешил пресечь моё словоблудие директор. – Ариэль, складывается впечатление…
– Диспут?! Да как он смеет! – взъярился начальник, но тут же прикусил язык, сообразив, что дальнейшее развитие темы ему не на руку, и поспешил сменить сектор атаки. – Давайте, наконец, о действительно важном! – громыхнул он, предпринимая попытку направить незадавшееся судилище на нужный курс. – На носу конференция, а у него конь не валялся! Мы на грани катастрофы, а он целыми днями на сайтах знакомств.

Харви чуть заметно поморщился.

– Как так? – изумился я. – Всё готово. Можно хоть завтра ехать. Ариэль, ведь была встреча, я продемонстрировал всё, на что ты пожелал обратить внимание. Безусловно, ввиду твоей загруженности и широкого круга ответственности, мы не

могли вдаваться в нюансы. Я знаю, как ты переживаешь, мы все знаем… Арик, можешь на меня рассчитывать: ни малейшая деталь не ускользнёт и не останется без должного внимания. И действительно, – я вновь обратился к Харви, – всегда есть место для усовершенствования… опять-таки, расцветка, однако, как я уже говорил…

Возражений не предвиделось: не мог же шеф сознаться, что не имеет ни малейшего представления о происходящем в подотчётной сфере. Загнав себя в тупик, Ариэль в бессилии сжал кулаки, что не ускользнуло от цепкого взгляда директора.

– Хотите, могу принести лэптоп, и вы сами убедитесь.

Резюмировал я, догадываясь, что Харви и без того есть чем заняться. Он появлялся редко и вообще мало интересовался происходящим, заботясь лишь о том, чтобы всё на первый взгляд имело благопристойный вид. Этакая тень отца Гамлета… Загадочный персонаж, судя по всему, чётко отдающий себе отчёт о масштабах раздрая, в котором находилась возглавляемая им компания, и стремящийся отгородиться от неприглядных подробностей. Титул, хорошая зарплата и поменьше ненужных проблем – таковым представлялось мне кредо нашего директора.

– Но сайты знакомств! В рабочее время сутками торчать на сайтах!

Харви опять поморщился и нетерпеливо глянул на часы. Уловив этот жест, Ариэль сглотнул, издав какой-то нечленораздельный сип, и окончательно приобрёл стойкий мутно-фиолетовый оттенок.

– Ариэль, прости, мне невдомёк, кто рассказывает тебе эти бредни. Не хочу делать необоснованные предположения, возможно…
– Но, но… – захлебнулся негодованием Минотавр. – Ведь я сам… сам…
– Арик, – нежно проговорил я, – я ещё не успел поделиться с тобой последней новостью: дело в том, что я увлёкся буддизмом. Настраиваю тонкий мир, медитирую и… и сейчас мне совершенно не до женщин. На данный момент единственная женщина в моей жизни – это мама.

Под конец этой бессовестной тирады зазвонил мой телефон.

– Привет. Как дела? – раздался звонкий голос Келли.
– Как в сказке… мм… Я тут слегка занят, можешь коротко?
– А, да-да, понимаю. Я только сказать… я… я хочу птифюры.
– Кого?

– Птифю-ю-юры.
– Это ещё кто?
– Пирожные. Маленькие такие. Пирожные.
– Пирожные… Какие? Как это пишется?

Я взглянул на Харви и изобразил извиняющуюся гримасу. Тот кивнул, взял мобильник и начал сосредоточенно тыкать в экран.

– Пти-фю-ры. Такие крохотные, цветные и разных сортов, а бывают… Мм… – протянула она с вожделением. – Знаешь, я их жутко люблю. Просто умираю…
– Погоди, не надо умирать. Можешь по буквам?
– Пи, и, ти, – принялась диктовать она, – ай, эф…
– Так-так… понятно, вышли название смской. Я попробую… но не обещаю.

Я поспешил отключиться.

– Прошу прощения, это как раз мама, – смущённо улыбнулся я. – Так о чём… а, вот, я решил посвятить себя духовной практике, и женщины меня теперь отнюдь не интересуют. Однако, возвращаясь к существу вопроса, хотя Арик не раз признавался, что все начальники и в особенности его начальники, – я красноречиво взглянул на директора, – полные идиоты, мне несказанно повезло с шефом, и я не устану это повторять.

Ариэль попробовал возмутиться, но был остановлен коротким властным жестом.

– На данном этапе будем считать тему закрытой. – Директор приосанился. – Спасибо и успехов в подготовке к конференции. Полагаю, излишне напоминать о её важности.

Я поблагодарил Харви и повторно заверил Ариэля в непреходящем почтении, от чего Минотавру сделалось совсем худо.

– Ариэль, мы ещё не закончили, – прозвучало за моей спиной, и я заботливо прикрыл дверь, чтобы директор мог вольготно устраивать моему начальничку внеплановую головомойку.

* * *

– Почему Юнг? Почему Платон? Потому, как за всем стоят прообразы. Ариэль говорит – фигня, а меж тем, конфликту три тысячи лет, и пошло всё даже не с Платона с Аристотелем… Это же и есть раскол между язычеством и иудаизмом.
– О чём ты? – в недоумении покосилась Майя.

– Выход Аврама из Вавилона, книга Бытие… Hello?! Зарождение первой монотеистической религии…
– При чём тут одно к другому?
– А, ну смотри… Вавилон – поклонение золотому истукану, а иудео-христианский подход – альтернатива всему этому. Для того и придуман миф о башне, чтобы в аллегорической форме разоблачить языческое заблуждение. Зачем башня строилась? Чтобы достать до неба. Люди возомнили, что Бог где-то там, – я ткнул пальцем в потолок, – что до него можно дотянуться, ан нет, чёрта с два! Еврейцы просекли фишку и сказали – "Вы чего? Бог абстрактен!".
– Вопрос: может ли человек верить в абстракцию, либо он всегда придумывает образ и верит в него, а не в какую-то бесформенную идею.
– Может, конечно может. Оглянись: сегодня, благодаря Христу и Голливуду, все поголовно верят в любовь, но не надо пытаться до неё дотронуться… уж прям до самой любви… до её объекта можно, но не до неё самой, и это прекрасно! В этом сила! Подумай, как иудеи, крохотный народец, пережили тысячелетия изгнаний и гонений? А вот как: можно взять и рубануть по золотому изваянию, переплавить на серьги и брошки, а еврейского Бога невозможно ни запятнать, ни низвергнуть, ни уничтожить; он неуязвим, абстрактен и непостижим, как сиятельные идеи Платона, как любовь, которую не запачкать никакой пошлостью или низостью.
– Ну, может ниспровергнуть и нельзя, но люди, которые действительно верят, всё равно ищут конкретики.
– Да, индусу, чтобы верить, нужны рудракши, или алтарь, или статуэтка Шивы… А евреи как бы не такие, хотя у них тоже свой антураж.
– Они обожествляют Тору. К любой из священных книг надо относиться с почтением.
– Вот именно! Слово! Они обожествляют слово, образ, то есть опять же – абстракцию. Не вещь, не бумагу. "Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе". Нет священных косточек рудракши, есть то, что стоит за ними, а их самих нет, в смысле – нет в них святости. А ты всё за них цепляешься. Великий Вавилон пал, а занюханной иудейской вере четвёртое тысячелетие пошло.
– Это нормальная тема, – Майя поправила бусы из рудракши и кристаллов, – на самом деле, индуизм говорит то же самое, да и другие религии…
– Пойми правильно: я не утверждаю, что иудео-христианство лучше буддизма или индуизма, – я об изменении восприятия, начавшемся тогда и происходящем по сей день.
– О'кей, хорошо. Но в христианстве не совсем так, там Иисус, пророки всякие… святые, великомученики – между прочим, классические пережитки идолопоклонства. Но зачем христиан с иудеями смешивать? Истоки, конечно, одни, но сегодня осталось не так много общего.
– К слову об Иисусе, тебе на редкость повезло. Я угощу тебя рыбой собственного приготовления.

Я торжественно извлёк из холодильника две свежих, ещё пахнущих морем и водорослями, рыбины.

– Не бойся. Я правда умею, – поспешил заверить я, заметив скептическое выражение. – А христианство… видишь ли… христианство – это коммерческий вариант иудаизма, обезжиренная версия для домохозяек, – вымарали особо пикантные места, заменили невнятным бормотанием о вселенской любви, втюхали половине цивилизованного мира, и вуаля! Почти две тысячи лет торгуют индульгенциями.
– Ага, иудаизм тоже хорош, это ж надо такое удумать: Господь един, он наш, мы избранный народ, и он только с нами общается, а остальные гои, и с ними наш Бог не разговаривает. Бред! Им, значит, Бога не полагается? Нет, оказывается, нет. Иудеи утверждают, что все прочие боги ложны, а к себе никого не зовут.
– Нормальный жидовский национальный нарциссизм.
– Скорее шовинизм.
– За то по шее и получали от всех, кому не лень. Избранный – это в смысле избравший себя в козлы отпущения.
– В любой нормальной монотеистической религии есть элемент миссионерства. Без него эта идея хромает. Отсутствие миссионерства свойственно политеизму, где у каждого селения свой божок, у каждой рощи нимфа, у источника наяда… Либо Бог един, и тогда – айда к нам, либо у каждого свой и никаких "айда".
– Не только не зовём, – мы и тех, кто желает примкнуть, берём с неохотой, и то лишь сперва знатно помурыжив. Чтоб неповадно…
– А то! Так запросто в избранные?! – Майя принялась расхаживать вокруг, следя за моими действиями. – Ладно, вернёмся к абстрактности.
– Ну да, абстрактность… По сути, если копнуть глубже, в христианстве – почти то же самое. Ну, сделали им скидку с Иисусом… чтоб чуть попонятней было, почеловечней… небольшая поблажка, как водится в адаптированных изданиях. А так – та же старая песня о главном. Кстати, евреям имя Господа даже писать нельзя… ни писать, ни говорить напрасно. Оно, в принципе, непроизносимо на человеческом языке.
– А Тора?
– Вот именно, только в священной книге, а ни в коем случае не всуе. И то – Яхве или Иегова – не имена, а обозначения… титул, если хочешь… термин… Есть такое поверье: тот, кому ведомо имя Господа, может творить чудеса, Иисус знал несколько…
– Хорошо, но люди всё равно выдумывают символы, иконы… Им нужен зримый образ. Человек не может иначе. Трудно уповать на вакуум!
– Может! Сложнее? – Да. Но может! Ты веришь в любовь. О чём речь? Любовь – абстрактная штука. Мы – люди науки, люди искусства, постоянно оперируем умозрительными предметами. Понятия умственной и душевной деятельности абстрактны и никаким боком не материальны. Невозможно нарисовать любовь.

Можно изобразить половой акт, ссору, объятия, но не любовь. И не пытайся. Так взять, нарисовать и поставить – вот, мол, полюбуйтесь, это любовь.
– Однако мои представления о любви и твои… Не факт, что они одни и те же.
– Ну да, – усмехнулся я, – это уж точно.

Я откупорил белое вино, налил треть стакана и перемешал с оливковым маслом и сладкой горчицей. В ароматной золотистой смеси закружились, поднимаясь и скапливаясь на поверхности, искрящиеся шарики.

– То есть, понятия не существует? – неожиданно раздался вкрадчиво-коварный голос у моего уха.
– Че-е-го? – отшатнулся я.
– Не существует общего понятия – любовь, – рассмеялась Майя. – Оно не абстрактное, оно у каждого своё.
– Своё, Майя, своё… – Я вздохнул. – Оно у каждого своё… потому что сложно охватить сиятельную идею во всей полноте. Можно увидеть отражения… тени… Ты видела один отблеск, я другой. Мы пытаемся сложить их и договориться о свойствах оригинала. Майя, к чему ты клонишь? Хочешь встать на сторону Арика и отстаивать позицию – нет любви?
– Не волнуйся, я бы не позволила себе такого вероломства. Абстрактные идеи существуют, но их описывают, используя объекты материального мира. И это всего лишь идеи, а чтобы найти и сохранить веру, необходимо иметь что-то настоящее, за что ухватиться.
– Может что-то не так с верой? Раз в неё так сложно поверить. Не понимаю, а как же художники, учёные… Они не спешат вцепиться в материальный предмет и потому, как правило, более высокоразвиты. Их стремления направлены к абстрактному, недостижимому идеалу. Он безупречен, понимаешь? И даже если тебе отрезали ногу…

Майя расхохоталась, не выдержав зашкаливающего пафоса. Я повернулся, сжимая в руке только что разделанную и вымытую рыбу.

– Да, даже если тебе отрезали ногу…
– С трупом рыбы! Платон, блин…
– А?
– Платон – в одной руке рыба, в другой нож… – заливаясь смехом, Майя плюхнулась на стул. – Даже если тебе отсекут руку… или хвост…

Я тоже рассмеялся, стараясь при этом не упустить скользкую рыбину.

– Хорошо, Майечкина, отлично, молодец, – проговорил я, успокаиваясь, кладя рыбу, и для верности придерживая её рукой. – Вот именно, даже если…

Майя снова покатилась со смеху.

– Даже если я стою с рыбой, весь по уши в чешуе и капаю на пол, это никак ничего не портит, потому что идеал абстрактен и совершенен.
– Ты просто рыбой брызгаешь на меня, а так… ничего не портишь…

Новый приступ хохота закончился на полу в компании злосчастной представительницы водной фауны.

– Понимаешь, – продолжил я, когда мы отдышались и я отловил и снова вымыл улизнувшую хвостатую беглянку, – зачем нужно много богов? В чём фишка?

Я накрошил чеснок и разрезал лимон. С лезвия скатилось несколько капель прозрачного сока, и по кухне распространился терпкий прохладный запах.

– Вот какая хрена… – я напрягся, сплющивая лимон в соковыжималке, – тень, если Творец един, крайне сложно объяснить черни, почему мир так несовершенен и противоречив. Ведь в самом деле, коли один закон, всё чётко и понятно, то с какого перепуга такая неразбериха? Вот им и объясняют: о'кей, это, типа, как в Санта-Барбаре… есть папа, мама, они поссорились, а ты ребёнок. Ну или чуть хитрее… Не пар под влиянием холодного потока превращается в капли, а ветер повздорил с облаком и получился дождь. И вправду: если всё едино, откуда вечная динамика? А еврею такого не говорят. Ему говорят: Бог непостижим и многолик. И ну его. Не лезь. Делай как написано и не суйся куда не следует. Не думай, тут тебе не мыльная опера. Ведь, если Бог – это Санта-Барбара, можно иметь предпочтения, быть против или за, и есть немало места сомнению. Кстати, Ариэль как-то выдал о Боге…
– А он у вас тоже безбожник?
– Нет, серьёзно, ты видишь этого героя в храме? Бьющим поклоны?

Майя невнятно хмыкнула. Я выжал другую половинку, вылил в стакан, туда же высыпал чеснок, добавил соли и ещё раз перемешал.

– Ну, я ему – Ариэль, мол, давай хоть Бога в наши разборки не впутывать. Ни ты, ни я в Бога не верим, так что: Платон, Аристотель… как-то так. Короче, Майя, мы в Силиконовой долине, в самом центре современной Вавилонской башни. Те, кто строят башню, заявляют – мы в Бога не верим, мы сделаем сами.
– Ага, жрецы веры Неверия.
– Почему неверия? И я, и Ариэль – адепты веры в науку. Это следующий шаг. От язычества к монотеизму, ратующему о единстве законов и абстрактном Боге, но табуирующем всё связанное с истоками этих законов. И дальше, к науке, которая

говорит: погодите, вы твердите о стремлении к Господу – законам мироздания, по-нашему, вот и давайте разберёмся. – Я схватил рыбу и победоносно взмахнул. – Свободу Богу! Даёшь Бога в народ. А вы – нет-нет, тут низя там неможно, осторожно, обратите внимание, там рудракши, здесь святые коровы.

Достав противень, соорудил аккуратные ладьи из фольги, на дно уложил по рыбине, залил соусом, украсил базиликом и веточками розмарина.

– Жуткая картина, прям сатанинская. Мы заявляем обывателю: "Ты, сука, будешь умирать, у тебя будет инфаркт, и ты попадёшь к нам на стол… не, ещё лучше – в лапы! А мы в Бога не верим! Мы не верим в твоего Бога. Ты душу запродашь, приползёшь к нам, а мы даруем тебе жизнь. Либо ты наш, либо иди, бей поклоны и помирай". Мы же не говорим – "Колет сердце – значит, следует усердней молиться. С Богом ты там как-то сам, а мы тебя пофиксим, как умеем, и побежишь по дорожке… Ну, может, не побежишь, но уверенно пойдёшь, а не тебя понесут. А там молись Богу, раз уж неймётся. Твоё маленькое помешательство нас, безбожников, не интересует. Молишься ты – не молишься…"
– Так, хватит ересь молоть. Я к тебе на стол не собираюсь. Разве что за стол… и то ещё подумаю. Ты лучше чёртову рыбу жарь, Мефистофель доморощенный. Или мы так и будем на неё любоваться?!
– Но-но! Тут тебе не Катманду, без обстоятельной теоретической подготовки рыба как надо не запечётся.

Я сунул своё творение в разогретую духовку, выставил время и проверил температуру.

– Теперь двадцать минут отдыхаем. – Я потёр ладони. – А хочешь, я так же наглядно докажу, что Бог есть?
– Ну-ну?
– Идём, нечего смущать её голодными взглядами.

Мы поднялись по лестнице и прошли спальней на балкон. Майя облокотилась на перила, а я смотрю на неё чуть сбоку, как она чудесно жмурится, улыбаясь сама себе. И воздух вокруг неё звенит. Неужто я больше никогда этого не увижу…

– Значит, кхм… – Я тряхнул головой, отгоняя нахлынувшую ностальгию по будущему. – Значит, Бог есть, Ганеш… или там Шива есть, знаешь, почему?
– Почему? – Майя посмотрела мне в глаза.
– Потому что… – я снова запнулся, но развинчиваться было не время. – Потому, что для миллионов христиан, или там индуистов, он есть. Они сообразуют с ним свои действия, и он имеет все атрибуты понятия "есть". Облик, притязания и, главное, влияние на окружающее. Допустим, мы договоримся, что есть некие

розовые летающие плюшки, с мохнатыми ушками и… перепончатыми ластами. Теперь, как только ты скажешь: "Хорошо, я согласна" – они есть! Они есть в нашем мире и уже влияют на него. Мы можем наделить их некими свойствами: допустим, им нравится, когда их приверженцы щёлкают пальцами, думая о них, и, если завтра ты хоть раз… Это как "три ну" – оно есть, и его хрен сотрёшь. Мы чётко понимаем его значение, в нём есть сила, и если ты укажешь на какой-то поступок и скажешь это опять "три ну", мне будет сложно отмахнуться. То есть, оно способно изменять объективную реальность. И так же с Богом, но в иных масштабах. Все боги, которых когда-либо выдумали, и о которых где-либо сохранились упоминания, несомненно, есть, и всю дорогу влияли на умы.

– Складно завернул… Но человек хочет Бога, который больше него самого, который живёт не только в его сознании.

– Да, вопрос таков: Бог есть только в моём уме? И когда не будет меня, останется ли он? Если все люди умрут, останется ли Бог?

– И что, как по-твоему?

– Не знаю… не обижайся, но я сомневаюсь… Единственное, что достоверно – пока есть люди, есть Бог. Но ты права: в мире, где всё иллюзорно, хочется ухватиться за нечто абсолютное. Мы умрём, плоды наших стараний, рано или поздно, исчезнут, и так необходимо иметь что-то, выходящее за рамки нашего мушиного роения… Но я не думаю, точнее, не вижу ничего, что бы на это указывало… Слишком удобно эта сладкая фантазия совпадает с нашими страхами и слабостями, мой скептицизм бунтует и требует двойной осмотрительности. Уж больно заманчив самообман. А насчёт веры Неверия… я просто пытаюсь быть честен. И нечего этого бояться. Достоевский опасался, что без веры нет морали, и всё дозволено, но сегодня есть достаточно атеистов и агностиков, и мы знаем, что это не так. Мораль свойственна человеку, для неё не нужен страх божий. Не Бог вселил в нас мораль, а люди придали его философии моральные качества. Истинное чудо религии в провозглашении сверхличностных ценностей. Однако это не единственный путь.

– Ладно, чудовище, я в курсе, что ты начитан. Но одно дело верить в науку, а другое – не верить вообще. Вера в науку – это ещё нормально, наверное… Многие же вообще ни во что не верят…

– Не-не. Все во что-то верят. Не в науку, так в Пепси-Колу, в джинсы Кельвин Кляйн… или в бабло. Если уж не в Бога, то в бабло – кстати, тоже насквозь абстрактное понятие… Ау, – окликнул я, заметив рассеянное выражение, – Майя, ты жива? Или я уже доконал тебя разглагольствованиями?

– Жива, жива, только есть хочу, уж как-то чересчур долго…

– Потерпи пять минут. В общем, спор между учёным и верующим – это как спор между иудеем и христианином. То, чем мы занимаемся, – служение Богу науки, а вы говорите – богохульство, вы говорите – мы оскверняем… Ой-вей, вера разрушится. Вера во что? В святой крест? В косточку рудракши? Да, разрушится. Но вы же не за рудракшу, вы ж за Бога. А рудракша мешает к нему идти. Вы идёте,

а тут трах – корова. И всё, вы останавливаетесь, и начинаются охи-вздохи. Мы, конечно, не предлагаем их прям завтра порубать на котлеты, упаси Господи, но нельзя загромождать путь к этому самому Богу вашими святыми коровами.
– Смотри, кто-то не ест коров, кто-то к ним иначе относится.
– Да, кто-то не ест коров, но если этот кто-то возомнил, что то, что он не ест коров, делает его ближе к Богу, – то "кто-то" нужен доктор.
– Да никто не думает, что он ближе. Не волнуйся.
– Учёный – он жрец! Жрец Бога науки, жрец законов природы. Он стремится познать Бога, он ищет, собирает по крупицам, а потом приходит и проповедует – он говорит: "Смотрите, я познал истину!". Научился у Всевышнего, и сделал… мм… ну, скажем – смартфон. Ведь это сущее чудо. В самых смелых фантазиях ещё лет пятьдесят назад мы о таком даже не мечтали. Пожалуйста, ходите по воде. Кому от этого хуже? Никому. Значит, будем ходить по воде и дальше искать Бога.
– Так Арик, по-твоему, жрец?
– Разумеется, вне всякого сомнения! Более того, он истовый фанатик! Он давно забылся, запутался, где Бог, где его атрибуты, и разбивает лоб, кладя поклоны. Мало того, он и наши хочет разбить.
– Кстати, в оккультизме Ариэль – львиноголовый ангел, один из великих князей преисподней, надзирающий за наказаниями грешников в аду. Он хочет, – хихикнула Майя, – чтоб вы сами их разбивали.
– Ага, автономно – по принципу самообслуживания. Но по сути Арик такой же, как ты, такой же, как я.
– А я что, тоже жрица?
– А кто? Чем ты на Востоке занимаешься, как не духовным поиском. И потом, нарыв истину, приезжаешь и заливаешь её мне, да и не только мне, небось разливаешь направо и налево. Ты всегда была такой. Ты лидер, ты веришь и хочешь вести за собой. Кто же ты, если не жрица? И ты, и я постоянно пытаемся проповедовать…

Тин-тин – прозвенело ласково снизу.

– А вот и рыба.

Глава 22

Никогда не встанут на колени,
Даже если заберут их в плен,
Гордые и смелые тюлени,
Ибо вовсе нет у них колен.

Александр Македонский

После визита к директору в поведении шефа произошла перемена. Вылазки пошли на спад, что было как нельзя кстати ввиду приближения конференции и интеграции нового поколения сенсоров, подразумевающей настройки, проверки, калибровки и вновь проверки и перепроверки. И всё же, полностью утихомириться Ариэль был генетически не способен и продолжал практиковать свои рейды, но уже без прежнего энтузиазма, а уныло и обречённо. Приготовления шли своим чередом, и моё внимание безраздельно сосредоточилось на этой цели. Выступать с презентацией продукта предстояло мне, и я не собирался позориться на столь престижном форуме из-за придури моего неисправимого начальничка.

Но сегодня у Ариэля было резкое обострение хронического недуга с маниакальными припадками и остальными характерными симптомами минотаврства. После того, как в течение получаса он четыре раза нагрянул в совершенно невменяемом состоянии, я решил, что пора менять тактику. Не желая откладывать начатый эксперимент, я пошёл ужинать, но, вернувшись, застал шефа по-прежнему в офисе.

Тогда я отправился прогуляться и, проходя мимо машины, обнаружил заднюю дверь незапертой. Забравшись внутрь, откинул сиденье и включил тихую музыку. Тем временем принялся накрапывать заунывный дождь, и я задремал под мерный шелест капель. Проснувшись, хорошенько задраил Challenger и, подойдя к зданию, убедился, что в кабинете уже потушен свет. Взбежав по лестнице, провёл магнитную карточку, машинально повторив это действие несколько раз, пока до меня не дошло – Арик запер компанию.

Все вещи, включая кошелёк, телефон и ключи, томились в офисном плену. С собой имелись сигареты, горстка мелочи и карточка работника фирмы BioSpectrum. Поистине барский набор, однако проку от него в сложившейся ситуации негусто. Как ни крути, выходило, что единственный, кто может выручить, – это всё тот же Арик, вот только обращаться к нему совсем не хотелось.

Поразмыслив, я прикинул, что смогу перекантоваться без него. Зои жила где-то в северной части города, и хотя прежде я у неё не был, однако помнил, что

неподалёку находится паб, где она подрабатывает барменшей. Я отправился туда в надежде застать её или заполучить адрес, либо номер телефона.

В пабе, несмотря на будний день, было на удивление людно, но моей Амазонки нигде не наблюдалось. Протолкавшись к стойке, окликнул девушку азиатской наружности в смешной панамке, задумчиво поливающую струёй из крана большой длинный нож, поворачивая лезвие то одной то другой стороной.

– О-о, а ты, должно быть, Илья! – радостно защебетала она и, отложив холодное оружие, протянула ладошку. – А я Зоина соседка. Меня зовут Шисато Шиохара. Мы вместе живём. Хочешь подождать? Садись. Её пока нет, но собиралась заглянуть. Ты ей звонил?
– Не, я мобильник посеял.
– А… Ой… Ну вот… А я звонила, но она не отвечает. Может, это у вас… хи-хи, – прыснула она точь-в-точь как школьница из мультфильмов аниме.

Узнав, что я остался без денег и вообще без вещей, она нацедила мне пива и насыпала целую гору орешков. Через пару часов её смена закончилась, и, так как Зои ещё не появилась, Шисато предложила поехать дожидаться к ним домой. Выбирать не приходилось, и я с благодарностью согласился.

В квартире, куда мы пришли, гостиной как таковой не оказалось.

– А-а… там комната Зои, – японка кивнула на одну из дверей в прихожей. – Не знаю… Давай, наверное, побудем у меня.

Она скинула панамку, включила компьютер и смахнула на пол наваленную на стуле одежду.

– Погоди, почту проверю, – бросила Шисато, высвобождаясь из браслетов, со звоном рассыпавшихся по столу. – Ты пока… это… – она исполнила кистью затейливый жест, – располагайся, в общем. Чувствуй себя как дома.

Сесть было негде, и я принялся расхаживать, рассматривая детали интерьера. Ничего особо занимательного там не наблюдалось, кроме больших профессионально выполненных фотографий высокой девушки в строгом облегающем костюме.

– Это кто? – поинтересовался я.
– Эй, ты чего… – хихикнула она, – про меня не догадался?

Я пожал плечами.

– Это моя невеста, – произнесла она с нескрываемой гордостью, и мелкие странности в её поведении мигом встали на свои места.

Шисато уткнулась в экран, а я заглянул в полуприкрытую дверь в противоположном конце комнаты. За ней находилось помещение, драпированное тяжёлыми полотнами глубоких золотисто-бордовых оттенков, со свисающими с потолка стилизованными кожаными ремешками.

– О-о! – не удержался я.
– А! Ой… – она изобразила лёгкое замешательство, снова в духе японских мультиков. – Ну… можешь посмотреть, если охота.

Внутри оказалась недурно обставленная БДСМ комната. У входа удобно развешаны несколько видов наручников, ошейник, плётки, пару стеков и тому подобные аксессуары. Интересная у Зои соседка, подумал я, подобрав валявшийся на полу кнут и похлопывая им по ладони. Впрочем, чего-то в этом роде можно было ожидать. Окончив осмотр, я остановился у добротно сработанного косого креста с креплениями для запястий и лодыжек, в верхней части несколько отходившего от стены.

– Ауч… – войдя, Шисато задела табурет с круглым отверстием. – Будешь есть? Могу что-нибудь сварганить. Уф, сама ещё с утра ничего не кушала.
– Слушай, а у тебя тут проблема.
– Знаю, – она приблизилась, потирая коленку. – Надо бы починить, да вот…
– Это небезопасно. Могут пострадать люди, – усмехнулся я, осторожно пошатывая плохо закреплённый агрегат. – Женщины! Могут пострадать женщины!

Отмахнувшись, она заковыляла обратно, охая и поглаживая ушибленное место.

– Слушай, а… инструменты есть? Попробую починить, пока ты там…

Шисато остановилась и, немного подумав, поманила за собой. В комнате Зои она уселась на пол и стала выволакивать из-под кровати объёмистый пластиковый чемодан, оказавшийся профессиональным столярным комплектом.

– Осталось от… – неуверенно прокомментировала она, – в общем, осталось.

Пока она возилась на кухне, я покопался в кейсе, где обнаружилось всё необходимое, и с удовольствием взялся за работу, наконец найдя, чем заняться после долгого вечера неприкаянности. Освободив хлипкие крепления, отставил крест в сторону и принялся углублять отверстия в стене.

Одно из наиболее любопытных открытий, сделанное в процессе экспериментирования с БДСМ играми, было то, что настоящее наслаждение получает тот, кто подчиняется. Контролирующий остаётся трезвым и осознанным на протяжении всего акта, и его задача вывести партнёра за привычные пределы. На первый взгляд, доминирующий как бы творит, что ему заблагорассудится, на самом же деле, хорошая сессия разыгрывается вокруг подспудной фантазии подчинённого, которую чувствует и угадывает ведущий.

По существу, имеются два типа сценариев: где контролирующий, тонко чувствуя партнёра, воплощает его сокровенные фантазии, или когда дразнит, заставляя делать обратное, с отдушинами, того, чего хотелось бы ведомому, тем самым всё больше распаляя его за счёт наращивания предвкушения. Для этого требуется открытость и раскрепощенность, а главное, чуткость и внимательность.

В физическом плане не обязательно должно происходить нечто неординарное, вся фишка в тайминге и фантазии. Главное – правильный ритм прикосновений, и ещё важнее – пауз, оставляющих место воображению. Как раскачивая маятник, в нужный момент прилагая точно выверенное воздействие, постепенно достигается высшая точка и в ней, при обоюдном доверии и взаимопонимании, можно удерживать партнёра сколь угодно долго, и, в конце концов, он забывается и растворяется без остатка. Мир замирает и останавливается. Наступает состояние невесомости. Это и есть истинный пик наслаждения, далеко выходящий за рамки физических ощущений и ментальных переживаний. Тут начинается самое интересное, ибо в этот момент доминирующий управляет уже не телом или разумом, а держит в ладонях душу, суть, трепещущее сердце партнёра и может вести его куда угодно.

Teasing[69], не в пример лучше монотонного елозинья туда-обратно, позволяет нагнетать сексуальный накал и держать ведомого в высокой фазе возбуждения. Во многом он основывается на взаимной химии и знании граней и границ. Его воздействие приходится на фантазию. Фантазия ярче, красочней и действует мощнее, чем что-либо иное, и когда на пике она сливается с реальностью, происходит короткое замыкание.

Существует множество техник достижения этой цели, как сенсорные депривации[70], простейшая и наиболее эффективная из которых – депривация зрения. В отсутствии визуальных впечатлений чувства значительно обостряются,

[69] Teasing – техника эротической стимуляции, разновидность предварительной игры.
[70] Депривация – сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные психофизиологические либо социальные потребности.

воображение высвобождается и каждая интеракция[71] ощущается интенсивней, непредсказуемей и потому более обжигающей.

Вокруг этого наверчено ещё куча всего, но суть остаётся той же: подчинённый должен находиться в постоянном предвкушении, томясь и изнывая, и, одурманенный нарастающим желанием, постепенно войти в состояние транса, наваждения и забытья… В возможности дарить это переживание и заключается роль, кайф и счастье доминирующего. А помимо прочего, обе стороны переходят множество внутренних барьеров, что само по себе интересно и доставляет утончённое наслаждение. Это здорово и в то же время очень непросто, и требует много любви, заботы, терпения и понимания.

Покончив с отверстиями, вставил дюбели, водрузил обратно крест и стал вгонять шурупы креплений. Когда я уже почти управился, Шисато принесла панкейки с ягодами и сиропом.

– Ой, класс! Здорово! – Она хотела хлопнуть в ладоши, но передумала, уловив мою ухмылку. – Спасибо!
– Теперь сможешь… – из деликатности я решил не завершать фразу. – Короче, твоей невесте понравится.
– А… давай… – Шисато смутилась. – Давай попробуем?
– Что попробуем? – подозрительно уточнил я.
– Да ну тебя! Я только посмотреть. Пристегни меня на секунду.

Она стала у креста, нагнулась, зашнуровала поножи и, закинув руки, нетерпеливо мотнула головой. Помедлив, я закрепил наручники на запястьях. Вертясь и изгибаясь, чтобы получше себя рассмотреть, Шисато лучилась улыбкой озорной старшеклассницы. Ещё раз окинув взглядом и оставшись доволен проделанной работой, я принялся складывать инструменты.

– Что за… – внезапно раздаётся за спиной гневный окрик. – Совсем охуел?!

Я оборачиваюсь, сжимая в руке беспроводную дрель-шуруповёрт.

– Зои… – начал было я.
– О, Зои! – радостно визжит Шисато. – Где ты пропадала? Весь вечер не могу дозвониться!

Медля, словно пантера перед прыжком, Амазонка стоит на пороге, воинственно сверкая глазами, и на губах её бродит коварная улыбочка.

[71] Интеракция – взаимное влияние людей друг на друга.

– Зои! Да что ты?! – верещит Шисато. – Ты вовсе не так поняла, он же к тебе пришёл, я только…

Зои быстро пересекает комнату и со словами:

– А с тобой, маленькая шлюшка, я разберусь позже.

Вопреки отчаянному сопротивлению, напяливает на неё намордник, и заталкивает в рот пластиковый шарик кляпа.

– Аай… Мм-а-ы… ээ… – мотая головой, мычит Шисато Шиохара.

Танцующей походкой Зои обходит помещение, останавливается у табурета и, полюбовавшись трогательным панкейковым натюрмортом, подхватывает баллончик со взбитыми сливками, затем подмигивает мне и вызывающе покачивая бёдрами направляется обратно к распятой жертве.

– Зо-оы Хы-ы из… Но-о… – продолжая биться, блеет Шисато Шиохара.

Приблизившись вплотную, Зои мучительно долго рассматривает эту пантомиму, потом встряхивает баллончик и методично запшикивает лицо Шисато белой пеной в несколько слоёв. Японка визжит и отфыркивается. Хлопья пены падают ей на грудь и с неё на пол. А я, сжимая дрель, с ужасом наблюдаю эту вакханалию и обречённо ожидаю своей участи.

– Вуманайзер[72] хренов, – разделавшись, зловеще цедит Зои, наступая на меня. – Что, другой пизды не нашлось?! А?! Те чё, тёлок в Калифорнии мало? Я, конечно, понимаю – свободные отношения и всё такое! Но скажи, дорогой, тебе непременно нужно отыметь мою соседку? Лесбиянку?! У меня дома?!
– Зои-Зои! – повторяю я, отступая назад и пытаясь придать голосу предостерегающий тон.

Зои взмахивает баллончиком, я вскидываю руку, чтобы защититься, и в следующий момент меня сгибает ошеломляющей вспышкой боли в паху. Дрель падает на пол, и за ней со стоном оседаю я, сначала грохаюсь на колени, а потом заваливаясь набок.

Амазонка стоит надо мной, победоносно поигрывая баллончиком. Я гляжу на неё снизу вверх, стиснув зубы и стараясь выть не слишком жалобно. Зои приседает на

[72] Вуманайзер – womanizer (англ.) – бабник, ловелас.

корточки и пристально наблюдает, как недавно рассматривала Шисато, уже прекратившую трепыхаться и лишь тихонько поскуливающую. Затем Зои выдувает жемчужную пену на точёную ореховую ладонь и одним движением слизывает сладкий шарик.

– Ями, – шепчет Зои одними губами, чувственно облизываясь.
– O-oh… formidable[73], – с трудом удаётся прохрипеть сквозь сжатые зубы. – Просто formidable.
– Прощай, бейби.

Она резко встаёт, переступает через меня и выходит. Слышится грохот двери и ритмично удаляющиеся шаги по лестнице. А я так и лежу, прикрывая пострадавшее место и зажмурившись от вновь и вновь накатывающих приступов нестерпимой боли.

* * *

Наутро я пребывал в подавленном состоянии. Дело не только в отвратительном разрыве с Зои, – вечером улетала Майя, и, несмотря на все усилия, ни свыкнуться, ни примириться с этим никак не удавалось. Сосредоточиться на работе тоже не получилось, и я уехал раньше обычного. Арика не было, и, запирая компанию, я тешил себя надеждой поквитаться с ним за вчерашнее, что несколько притупляло общую угнетённость. Однако, когда добрался домой, снова навалилось отчаяние, и я бесцельно слонялся, бередя душу воспоминаниями и тщетными грёзами о том, как всё могло сложиться иначе.

К тоске расставания примешивалось всегда незаметно присутствующее где-то на фоне, но остро ощутимое сегодня чувство тревоги. Как ни сложно, приходилось признать: я переживаю за неё, одиноко странствующую в чужих, далеко не самых благополучных странах. Майя стала колкой и независимой, но под этой скорлупой жила всё та же взбалмошная девчонка с задорной, чуть застенчивой улыбкой и выкрашенными в красный цвет волосами, так бесившая меня в начале нашего знакомства.

Это сочетание беззащитности и безоглядной решимости отзывается щемящей мукой и жгучим желанием её спасти. Спасти от этого мира, который она, как и я, чувствует слишком пронзительно, будто у неё вовсе нет кожи, и всё тело покрыто воспалёнными нервными окончаниями.

В её душе гудит колокол. Который год одиноко гудит в пустоте, и я, кажется,

---

[73] Formidable (фр.) – чудесно, восхитительно.

единственный, кто отчётливо его слышит. Этот голос созвучен мне, как ничто иное. Он звонит по мне. Как долго казалось, что я всё-таки смогу помочь ей и, возможно, сам обрету утерянную целостность, а может, и нечто большее… Но я знаю: это мне не дано, я никого не спасу и не смогу ничего изменить. Я тратил и продолжаю тратить свою жизнь впустую. Мне не под силу избавить её от страданий, защитить, уберечь от неумолимой жестокости окружающего, но сейчас я могу отогреть её. Обнять, приютить, укутать, чтобы она оттаяла от нескончаемых скитаний. И хоть на время утолить скорбь, затаившуюся в глубине Майиных глаз под матовым блеском отрешённости и азартом бесстрашной странницы.

Но настаивать или уговаривать остаться – бессмысленно. Ничего путного не выйдет. Не тот случай… И невесть откуда всплывает давно затерявшийся в закоулках памяти вечер. Стылый ветер клонит сухую траву, ворошит и шуршит зарослями терновника на обрывистом склоне. Майя зябко ёжится, но она не тронется с места, пока не научит меня рассасывать облака. Её брови нахмурены, а взгляд устремлён на лохматую тучу.

– Майя, – шепчу я, – может выберем облако поменьше? Ты же вся продрогла.

Она оглядывается, и в глазах её мерцают угольки. Майя упрямо качает головой, возвращается к туче и, нахохлившись, надолго замирает. Не смея нарушать её сосредоточенность, я пялюсь на этот продукт конденсации водяного пара, в надежде хоть как-то поспособствовать… хотя, какой из меня помощник в таком деле…

Решив провентилировать тоску свежим воздухом, выхожу из дома, миную каменистую осыпь, спускаюсь к воде и плетусь, шаркая подошвами, вслушиваясь в шелест песка и монотонные всплески прибоя. Вдоль берега тянутся шеренги столбов, на которые крепятся солнечные зонты. По вечерам бриз усиливается, полотняные купола снимают, и остаются вкопанные в землю обрубки полутораметровой высоты, сиротливо торчащие нескончаемыми рядами. Я бреду между ними, слегка прихрамывая после вчерашнего, пропитываясь музыкой ветра и шёпотом океана, лижущего солёной пеной мокрую кромку суши.

Постепенно я различаю, что к шороху ветра то и дело примешиваются протяжные чистые звуки. Сперва ничего не разобрать, но вот тихое, как стон, гудение раздаётся издалека, а потом, с другой стороны, вторит долгий, низкий, вибрирующий вой. Я настороженно прислушиваюсь и улавливаю всё новые и новые ноты. Звуки диковинно сплетаются с порывами колючего бриза, вторя и перекликаясь с ними. Уловив чёткую ноту, быстро шагаю в её направлении, но она замирает задолго до моего приближения. Новый вздох слишком тих и тонет, прежде чем удаётся сфокусироваться.

Бестолково верчусь на месте, но вижу лишь ряды столбов. Трясу головой, отгоняя наваждение. Вдруг откуда-то слева вновь доносится негромкий, но отчётливый свист. Осторожно крадусь к нему, источник смещается. Ветер на мгновение затихает, я тоже замираю и жду. Новый порыв и новое жалобное завывание. Я резко оборачиваюсь. Исходя со стороны соседнего столба, звук подрагивает вокруг глубокой протяжной ноты. Иду навстречу, и он усиливается. Приблизившись, понимаю, что гудение льётся от самой металлической опоры. Она поёт, задумчиво и печально, отзываясь на танец потоков воздуха.

Присмотревшись, я соображаю в чём дело: в верхней части железной трубы расположен ряд отверстий для фиксации несущего зонт стержня. Воздух, обтекая полый цилиндр, создаёт вибрацию и рождает низкие подрагивающие тона, отдалённо напоминающие флейту, а вдалеке еле слышно откликаются другие. Я сажусь, прислонясь к столбу, и долго сижу, слушая мелодию ветра, песка и моря, в которую вплетаются тоскливые и прекрасные звуки. Весь берег, словно гигантский оргАн, переливается в ночной тиши, опустошающей душу, гармонией самой природы. И на глаза невольно наворачиваются слёзы, потому что этого для меня слишком много, и не с кем разделить эту неизъяснимую красоту.

Постепенно все чувства выветриваются, и внутри воцаряется тишина. Я прощаюсь с поющими столбами и иду домой. Возвращаюсь далеко за полночь и сразу падаю в кровать. Уснуть не удаётся, и я долго ворочаюсь, пытаясь отогреть окостеневшие пальцы. Зимой от одиночества постоянно мёрзнут ступни ног… Встаю, спускаюсь в гостиную, выкуриваю подряд несколько косяков, заторможено сижу, уставившись в одну точку и со смешанным чувством тоски и обиды думаю, что Майя могла бы хоть позвонить перед отъездом… Наконец, стряхнув оцепенение, тащусь наверх, забираюсь в постель, натягиваю на голову одеяло, сворачиваюсь и незаметно засыпаю.

Снится один из моих навязчивых сюжетов: я пробираюсь в тылу врага мрачными обшарпанными развалинами, зарослями, спёртыми склизкими катакомбами, слепыми проулками, вглубь неприятельской территории. Нас мало, мы разрознены, связь прерывиста и нестабильна. Мы крадёмся, подолгу затаиваясь, приникнув к сырой земле и напряжённо вслушиваясь в глухую мглу. Противника не видно, но его присутствие ощутимо и нарастает с каждым неловким шорохом, хрустом сухих сучьев и скрежетом битого стекла под жёсткими подошвами.

* * *

С треском распахивается балконная дверь, я подскакиваю и ошарашенно пялюсь на то, как знакомый силуэт, путаясь в занавесках, вваливается в комнату.

– О! Здорово, Челленджер. Что, не спится?
– Майя?!
– Какой-то ты квёлый, не рад меня видеть? – Она пересекает спальню и на мгновение останавливается у двери.
– Что происходит?
– Решила сделать романтический сюрприз! – усмехается Майя, не в силах сдержать улыбку при виде моей заспанной физиономии.
– Что случилось? Ты не улетела?
– Рейс перенесли. Вот подумала зайти на прощанье, тем более компания тёплая подобралась. Вижу, ты не теряешь вкус.

Пошвырявшись этими невнятными репликами, она разворачивается и начинает спускаться по лестнице.

– Майя, ты чего? Какая компания?
– Встречай гостей! – доносится снизу. – Как, блин, тут открывается…

Потирая виски, налитые тяжестью ещё не выветрившихся паров марихуаны, выползаю из кровати и озираюсь в потёмках, ища, что бы напялить на голую задницу. Штанов в пределах досягаемости не обнаруживается. Я присаживаюсь на край матраса и принимаюсь массировать гудящую голову, но в этот момент с лестницы раздаются приглушённые голоса и стук каблуков.

Я вскакиваю, едва успеваю опоясаться одеялом, как на пороге возникают два силуэта. Тут же щёлкает выключатель, и меня ослепляет нещадным светом. Сморщившись и придерживая норовящее соскользнуть покрывало, я тупо пялюсь на растерянно замерших Джейн и Келли. Лица уцелевших представительниц модели Учкудук не предвещают ничего хорошего.

Воцаряется убийственная тишина.

– Проходите, девочки, – опомнившись первым, произношу я небрежным тоном, – раздевайтесь!
– Ах ты дрянь! – взрывается Келли. – Сволочь! Подонок! Ничтожество!

Сквозь ненависть в её голосе прорываются плаксивые нотки. Майя весело дирижирует в такт выкрикам, а Джейн, не реагируя на происходящее, рассматривает помещение, будто находится тут впервые.

– Сукин сын! Скотина! Урод! – горланит Келли.
– Что новенького? – светским тоном осведомляется Майя, когда та на миг

умолкает, захлебнувшись гневом. – Как дела на работе?
– Да, знаешь ли… всё штатно, – я спешу ухватиться за конструктивную ноту. – По чётным дням – спасаем человечество, по нечётным – собачимся с начальством. Как-то так… Вот, конференция на носу.
– А почему ты один? Мы думали застать тебя…
– Майя! – одёргиваю я.
– Как поживает Ирис? – как ни в чём не бывало, продолжает она.
– Ирис?! – вновь взметнулась примолкшая Келли. – Какая ещё Ирис?!
– Ирис? – эхом вторит ей Джейн.

Оглянувшись на соратниц, Келли начинает медленно надвигаться на меня.

– Кто такая Ирис?! – сдавленно сипит она.
– Вот-вот, Джейн, ты ж тоже хотела побольше узнать об Ирис, – подливает масло в огонь Майя. – Илья, мы заинтригованы. Расскажи-ка, как там она?

Выпустив объёмистый пакет, Келли подхватывает с пола лэптоп и угрожающе заносит его, то ли для удара, то ли для броска. Воспоминания о вчерашнем ещё болезненно свежи, и, не горя желанием проверять, что именно она выберет, я опасливо пячусь, путаясь в одеяле.

– Майя, прошу, оставь Ирис в покое.
– Ладно, оставим пока твою Ирис.
– Ирис не моя, – уточняю я как можно более спокойно. – Мы вместе работаем.
– Ах, работаете? И над чем же вы… – взмахивая ноутом, Келли делает очередной шаг, заставляя меня отступить вплотную к стене.
– Кел, не стоит разбрасываться электронными приборами, – примирительно произносит Майя, – мы против телесных увечий. Отложим обсуждение Ирис. Нет, так нет. Можно и без Ирис.
– Я так и думала… – выдыхает Келли.

Потрясая лэптопом, она озирается, и, немного помешкав, швыряет его в сторону кровати. Тот с жалобным хрустом ударяется о стену и падает на мятую подушку. Действие замирает. Я прислоняюсь к стене перевести дыхание.

– Мне никогда не импонировала эта фотография, – невпопад отчебучивает Джейн, с отсутствующим видом рассматривая постер абстрактного содержания.

Все с минуту изучают уже не раз виденную над изголовьем кровати репродукцию из Нью-Йоркского музея современного искусства.

– Вот, девочки, полюбуйтесь на своего рыцаря. Это и есть то счастье, по которому

вы сохнете? – участливо вопрошает Майя и продолжает, обернувшись ко мне: – Что ж, прелюдия затянулась. Одевайся, герой-любовник, оргии не предвидится. Может, предложишь чаю? Мы всё-таки к тебе в гости пришли.
– Давайте я сделаю, – неожиданно вызвалась Келли. – Кто ещё будет?
– Не откажусь, – тут же соглашается Майя. – Посидим, чайку попьём, заодно во всём разберёмся.
– А ты, Джейн?

Высказавшись на тему авангардного искусства, Джейн отошла к окну и молча смотрит вдаль, будто ничего не слыша.

– Я бы тоже от кофе не отказался, – осторожно роняю я.

Келли выходит, не удостаивая меня ответом. Помедлив, Джейн следует за ней.

– Крепись, Челленджер, – многообещающе подмигивая, бросает Майя, окончательно входя в образ Фурии, – до рассвета ещё далеко.

Я наспех одеваюсь, добиваю найденный на полу окурок и, собравшись с силами, спешу вниз. В моё отсутствие события развиваются в довольно предсказуемом направлении, и это вселяет надежду, что худшее уже позади. Келли орудует на кухне, а Джейн дефилирует вдоль полок с книгами, выставленными в гостиной, дабы продемонстрировать всем любопытствующим необъятную широту моего кругозора.

– Итак, вы зачем, собственно, пожаловали? – спускаясь по лестнице, я застёгиваю на ходу рубашку. – Я конечно счастлив видеть вас вместе, особенно в три часа ночи, но с какой радости мне оказана такая честь?

Майя снисходительно усмехается моей попытке обрести контроль над ситуацией. Джейн наклоняется и, отодвинув увесистый том Шопенгауэра, извлекает потёртую книгу "Легенды и мифы Древней Греции".

Устроившись в кресле, она раскрывает наугад и принимается читать вслух: "Быстро схватил Персей голову Медузы и спрятал в чудесную сумку. Извиваясь в судорогах смерти, тело Медузы упало со скалы в море. От шума его падения проснулись сёстры Медузы – Стейно и Эвриала. Взмахнув могучими крыльями, они взвились над островом и горящими яростью глазами смотрят кругом. Горгоны с шумом носятся по воздуху, но бесследно исчез убийца…"

– Давайте только без Греции, – простонал я. – У меня и так постоянная Греция на работе.

– Обычная история, – встрепенулась Майя. – Все они, Персеи, одинаковые. Появляются из ниоткуда, достанут даже на острове, не успеешь оглянуться, как ты уже без башки и ничего не видишь вокруг. А они, словно так и надо, ещё и тащат куда-то.
– Пока другую не встретят, – поддерживает Келли.
– А наш тащит, даже если встретит. Как вам втроём в одной чудесной сумке? – всё больше воодушевляется Фурия. – А знаете, как он это называет?
– Майя, не надо, – спешу вклиниться я.
– Троебабие, – припечатывает Майя.
– Что?! – раздаётся из кухни.
– Модель тро-е-ба-би-я, – нараспев повторяет Фурия.
– Сво-о-олочь!

Я оглядываюсь на Келли, и очень кстати: мне с трудом удаётся увернуться от летящего стакана. Споткнувшись, чуть не падаю и еле успеваю отпрянуть от нового метательного снаряда, вдребезги разбивающегося о стену рядом с моей головой.

– Это прозрачный намёк, – кивая на осколки, назидательно произносит Фурия, – на то, что не всем в твоей модели так уж уютно. Самое время задуматься, Персей ты или не Персей.
– Да, признаю, я не Персей, – киваю я. – И никого никуда не тащу и не тащил. Свободные отношения – без обязательств. Мы открыто обсуждали. Никто, никому, ничего не навязывал. Всех всё устраивало.

Вместо ответа ещё один объект, на сей раз – чашка, перемещается по траектории: кухня, моя голова, стена, пол.

– Ну как, теперь понял, что заблуждался, или нужны ещё доказательства? – проследив за полётом, осведомилась Фурия.

В подтверждение мимо тут же просвистели две большие тарелки.

– Кел, такими темпами посуды не останется, прибереги на десерт.
– Тут ещё полно! И потом есть ножи и вилки.
– Не увлекайся, – урезонивает её Майя.

Вскоре Домохозяйка приносит чай и ставит по чашке рядом с Майей и Джейн. Я выжидаю несколько секунд, потом иду на кухню, плеснув себе виски, залпом выпиваю и, прихватив стаканы, возвращаюсь в гостиную. Майя и Джейн от спиртного тоже не отказываются и, налив по порции, я приземляюсь на безопасном расстоянии от их буйной подельницы, но не успеваю сделать пару

глотков, как раздаётся звонок моего телефона.

– О, кто же эта прекрасная незнакомка, истосковавшаяся по нашему Персею? – оживляется Майя.
– А… это мой неугомонный начальничек, – морщусь я, глянув на экран.

Звонок обрывается, однако через полминуты телефон начинает трезвонить снова. Так повторяется три раза подряд.

– Алло? – устало отзываюсь я на пятый раз.
– Алло, Илья? Это Ариэль.
– Да, я так и понял.

Минотавр принимается долдонить про запертую компанию, про ключи от квартиры, про Ирис, которая живёт неподалёку, и про то, что я должен немедленно с ней связаться.

– Ты что, хочешь, чтобы я будил Ирис посреди ночи?! – нетерпеливо прерываю я.
– Ирис?! – вопит Келли, хватая бутылку с журнального столика и начиная замах. – Враль! Самец! Ни на минуту не способен отвлечься от своих баб.
– Алло, Арик, пора заканчивать. Сейчас не до тебя, – я спешно отсоединяюсь.
– Так как, будем будить Ирис? – Фурия поигрывает отобранной бутылкой.
– Майя, хватит уже, – взмолился я. – Достаточно.
– Отчего же? Мы не вправе лишать Ирис такого удовольствия. Девочки, хотите познакомиться с Ирис? Уверена, она будет рада примкнуть к нашей славной…
– Ирис никак к делу не относится. Ирис – это работа, а не игрушки. Я не завожу интимных отношений с коллегами!
– К какому делу? – очнулась Джейн.
– Ах, а я, значит, для тебя игрушка?! – вновь активизируется только было утихомирившаяся Домохозяйка.

Я обречённо вздохнул, поднялся и прошёлся по комнате.

– Так, девушки, время позднее, как бы ни было приятно ваше общество, пора закруглять этот импровизированный митинг воинствующих феминисток. Голливуд неподалёку, думаю, там гастроли с этим вашим концертным номером будут куда как уместней.
– Без тебя нам никак, – парирует Майя. – Разве что ещё за какой-нибудь твоей подружкой заехать… А где, кстати, обретается Ирис? Может, её прихватим.
– Ирис – это работа. Ра-бо-та. Майя, мы же договаривались её не впутывать.
– Вообще-то, я с тобой ни о чём не договаривалась. Но… так уж и быть.
– Благодарю, – кланяюсь я. – Девушки, серьёзно, мне рано вставать. Спасибо

вам, было очень занимательно. Заходите ещё.

– Ненавижу тебя! – выкрикивает Домохозяйка, ринувшись к двери. – Сволочь!

– Кхм… Ты пакет забыла, – напомнил я.

Спохватившись, она круто оборачивается, обжигает меня презрительным взглядом, и я запоздало жалею, что не промолчал.

– Гад, гад… – бормочет Келли, топая по лестнице. – Как же я…

Вскоре она появляется, сжимая в одной руке злосчастный пакет, а в другой – подозрительно дымящего плюшевого бобра. Спустившись, она кидает его на кресло, и обивка тут же принимается тлеть, отвратительно чадя.

– Тут всё, что от тебя осталось, – мстительно скрежещет Келли, высыпая туда же содержимое мешка: забытую мной рубашку, пару фоток и какие-то мелочи.

– Ой, а у меня такой же, – вздыхает Джейн, заворожённо наблюдая за разгорающимся пламенем. – Он подарил мне на День влюблённых.

– Какой День влюблённых, приди в себя! – не выдержал я. – Мы осенью познакомились.

– Разве это существенно? – вяло отзывается она. – Просто "День влюблённых" звучит трагичней.

Я развожу руками, не зная, что противопоставить такой логике.

– Никакой фантазии, – язвительно констатирует Майя. – Уверена, и с Ирис без бобра не обошлось.

– Ты что, издеваешься? – снова заводится Келли. – Это мерзко. Так меня ещё никто не унижал! Не мог выбрать личный сувенир? Всем раздал одинаковые?

– Да вы что?! – ору я, теряя самообладание. – Что значит мерзко?! Какой ещё личный подарок?! Вон, в углу целый ящик этого добра.

Банда бобров ядрёной расцветки была всучена мне ещё пару лет назад знакомым горе-бизнесменом, чьи предпринимательские потуги не увенчались успехом, а остатки товара так и валялись у приятелей.

– Вы что, совсем рехнулись? Ни хрена я никому не дарил. Вы ж сами их выпросили! Вот вам и одинаковые бобры!

Но озверевшая Домохозяйка уже ничего не слышит, она жаждет расправы. Прошествовав на кухню, она принимается методично извлекать недобитую посуду и мрачно, без прежнего воодушевления, крушить её об пол. Тем временем комната заполняется едким дымом и запахом гари, но я не спешу переключиться

на тушение пожара, опасаясь упускать из виду беснующуюся Келли. Впрочем, кухонная утварь вскоре заканчивается, и, обведя опустошённым взглядом плоды своих стараний, она удаляется, сохраняя гробовое молчание.

Я принимаюсь метаться, выискивая уцелевшую ёмкость, чтобы набрать воды для ликвидации источника возгорания, как вдруг за спиной слышится шипение. Оборачиваюсь и вижу Майю, поливающую кресло минералкой. Опомнившись, я сажусь, прислоняюсь к стене и в изнеможении наблюдаю, как она опорожняет одну бутылку за другой, пока кресло полностью не пропитывается влагой, и вокруг не образовывается лужа с разводами сажи и обрывками обугленной ткани.

– Красиво горело… – траурно произносит Джейн в пространство.

Мы с Майей переглядываемся. Она качает головой, намекая на мой незаурядный талант в выборе женщин.

– Я вообще зашла сообщить, что у меня появился молодой человек, – бесцветно вымолвила Джейн, наблюдая, как падающие лоскутья пепла бесшумно растворяются в мутном болоте. – Прощай, милый.

Она поворачивается и идёт к выходу, осторожно переступая через осколки. На этом дебош заканчивается, и мы остаёмся одни. Я так и сижу, обхватив голову, а Майя растерянно оглядывает разгромленное помещение.

– Ну что, Майечка? Довольна? – утомлённо усмехаюсь я. – Почудила на славу?
– Погоди, кажется, сверху ещё тянет гарью.

Я принюхиваюсь, вскакиваю и, ввинтившись по лестнице, обнаруживаю, что Келли подожгла кровать. Но полусинтетические простыни горят плохо, и кроме тучи дыма, не представляют реальной опасности. Спихнув разбитый лэптоп, переворачиваю матрас на каменный пол и, убедившись, что огонь задохнулся, плетусь вниз.

– Мне пора, – тускло говорит Майя. – Открой окна, пусть проветрится…

У двери она застывает в нерешительности, будто собираясь что-то добавить, но, помедлив, так ничего и не произносит. По её лицу пробегает тень, Майя смущённо улыбается и, отвернувшись, покидает поле отгремевшего сражения.

Я опускаюсь на чудом уцелевший диван, а в перекрестье окна, вспучившись грязно-багровой зарёй, набухает новый день…

Глава 23

Hush, little baby, don't say a word,
Mama's gonna buy you a mockingbird.
And if that mockingbird don't sing,
Mama's gonna buy you a diamond ring.
And if that diamond ring turns brass,
Mama's gonna buy you a looking glass.
And if that looking glass gets broke,
Mama's gonna buy you a billy goat…

Народная колыбельная

Я ехал на работу, подводя удручающие итоги минувшей ночи. На фоне маячила конференция, до отлёта[74] – меньше двух недель, а интеграция новых сенсоров по сей день не окончена. Не предвещавшая осложнений рутинная процедура затягивалась, погрязая в несметном количестве опытов, ведущих к противоречивым выводам и лишая возможности приступить к массе других не терпящих отлагательства задач, связанных с поездкой и презентацией. Но наличие непредвиденных трудностей даже радовало.

Я спешил ухватиться за них, как за спасательный круг, и поскорее выкинуть из головы всех этих Зой и Домохозяек, с которыми, как водится в отношениях с женщинами, о чём бы ты не договорился, в любом случае останешься в дураках и кругом виноват. Да и с Майей, слабость к которой заставляла всё ей прощать, ситуация зашла слишком далеко. Пора прекращать размазывать сопли, выставляя себя на посмешище, тем более, что моя уступчивость ни к чему не ведёт.

Прибыв в офис, я наскоро разгрёб накопившиеся результаты, обозначил основные направления и, поколебавшись, решил прекратить затянувшиеся разборки с Ариэлем и скоординировать наши дальнейшие действия.

– У нас проблема. – Ввалившись в кабинет, я сразу подметил нездоровый цвет его лица. – Что-то не клеится. Вероятно, дело в алгоритме, но времени в обрез, и я хочу попросить тебя проверить базовые характеристики самих сенсоров.
– Что значит не клеится? – шеф поморщился, словно с похмелья. – Почему я узнаю об этом только сейчас?
– Ариэль, послушай, нужно твоё профессиональное мнение. Новые датчики отличается от предыдущих, и…
– Я в курсе, и что с того? – Он приложил ладони к лицу и стал потирать набухшие

[74] Конференции Американской Ассоциации кардиологов (AHA) проводятся каждый год в другом штате. В 2015 году конференция проходила во Флориде.

мешки под глазами.
– И их характеристики имеют небольшие, но, возможно, роковые отклонения. Надо прикинуть, как они сказываются на конечных данных. В крайнем случае – выступим со старыми.
– Так… О'кей, – Ариэль откашлялся. – Старые – не вариант. Оставь материалы, я займусь. Встречаемся через полтора часа. Необходимо составить как можно более полную картину. Успеешь управиться?
– Постараюсь. – Я поднялся и, чуть помедлив, добавил: – Спасибо тебе.

Но Ариэль, зарывшись в принесённые распечатки, уже ничего не слышал. Я принялся сопоставлять противоречивые случаи, пытаясь обнаружить закономерность в на вид разрозненных, но в чём-то несомненно взаимосвязанных явлениях, и таким образом установить источник всей неразберихи.

Сквозь поток хаотичных чисел вновь и вновь прорывались мысли о Майе. Её выходка никак не укладывалась в голове. К чему было устраивать прощальный погром? Как вообще это понимать? Банальная ревность или нечто большее… Вероятно, она придумала некую высокоморальную цель. Скажем, помочь избавиться от бремени ложных связей… С неё станется… Не исключено, что она тоже по-своему хотела меня спасти. Помочь совершить поступок, на который я, в силу лени и малодушия, уже не способен. Разорвать порочный круговорот лжи и предотвратить неминуемые разочарования и боль.

Конечно, она права. Но что остаётся, если я ощущаю себя на борту затерявшегося в штормящем море, потрёпанного судёнышка, где еле успеваю залатывать новые и новые пробоины. И тут уж не до сантиментов, я затыкаю их чем придётся: полуправдами, белой ложью, обманом, сделками с совестью, ухищрениями и отмазками… С годами они наслаиваются и, несмотря на растущее безразличие к окружающему, я в конце концов захлебнусь в этом океане вранья, если во мне ещё остался тот, кто не способен этим дышать. Или его давно нет, а чувство смутной тоски и привычное желание вырваться на некую свободу есть не что иное, как очередной самообман, психозащитный механизм, фантомная боль? Ведь всё кажется, что ещё одна ничтожная ложь, ещё один незаметный компромисс, заключённый где-то в дальнем чулане сознания, и удастся выпутаться, выскользнуть из непролазной трясины… Но куда? И кто вырвется?

– Всё нормально, – Ариэль бросил на стол кипу уже порядком измятых листов, – не вижу значительных отклонений.
– Ясно, – я кивнул, машинально отметив, что прошло меньше часа.
– Ты разобрался, в чём дело? Есть какие-нибудь новости?
– Не… Пока нет.
– Что, никаких зацепок?

– Да, нет… – я заставил остановиться теснящуюся перед глазами череду чисел. – Не то что совсем никаких, ты же понимаешь: если дело не в сенсорах, значит, в настройках. Придётся перебрать массу вариантов. Дай мне время до конца дня, там видно будет.
– Знаешь, есть идея получше. Попробуй прогнать вот это. – На стопку бумаги легла флешка. – Результаты из больницы.
– Как из больницы? – растерялся я. – С новыми датчиками? Откуда?
– Не хотел тебя отвлекать, сделал сам на прошлой неделе.
– То есть как "сам"? – продолжал недоумевать я. – А алгоритм, а параметры… Ты заказал опыт и поехал без меня? С некалиброванной аппаратурой?
– Да нет же, это необработанные данные. Тим установил эквизишн, и я произвёл пару измерений в конце чужого опыта. – Он заговорщицки подмигнул. – У меня немало полезных связей, среди них – несколько врачей и анестезиологов.

Я оглянулся на Тамагочи, вернувшегося незадолго до прихода начальника и по обыкновению сразу уткнувшегося в экран. После упоминания своего имени он, казалось, напрочь забыл о намерении изображать безразличие и буквально ел Ариэля взглядом.

– Постой-постой… – спохватился я. – Всё это очень хорошо, но в буклетах указано, что мы будем демонстрировать эксперимент в реальном времени.
– Так это гораздо круче – не просто аквариум со стерильными условиями, а среда, максимально приближенная к действительности.
– Да, но как показать, что система и впрямь работает? Фокус же в том, чтобы было наглядно: вот наши измерения, вот то, что есть на самом деле, – пожалуйста, сравнивайте.
– Ничего, – ухмыльнулся Ариэль, поднимаясь, – обработай, проверь и, если всё нормально, я раздобуду необходимые медицинские снимки.

Прежде всего я прогнал стандартные тесты, теряясь в догадках, что же я упустил. С каких пор эти двое стали мутить опыты за моей спиной? С какого, собственно, перепуга? Впрочем, растекаться мыслью по древу было некогда: вопреки тайным надеждам, данные казались вполне приемлемыми, лишая предлога для проволочки.

Я приступил к обработке и вскоре получил вполне стабильные результаты, с чёткими, ярко выраженными деталями, какие не часто встречаются в нашей практике. Кроме того, оптимальные параметры оказались на удивление близки к применяемым для старых сенсоров. Это не вязалось с прежними наблюдениями, и я взялся за анализ выборочных точек.

Когда на покрытом сеткой уродливых трещин экране начали выстраиваться

графики, голос Ариэля вернул меня к действительности. Я поспешил поделиться сомнениями, но он отмахнулся, заявив: дескать, нет причин для тревоги – характерное смещение частот в живой ткани давно известно.

– Арик, я лучше продолжу тюнинг. К чему рисковать…
– Не время затевать научные изыскания, – нетерпеливо отрезал он. – Хочешь – попросим Тима пересмотреть заново, и выслушаем ещё одно мнение.
– Но опять же, это не режим реального времени…
– А кто виноват?! Ты два месяца рассказываешь, что всё готово, – в его тоне прорезался металл, – а теперь признаёшься, что это не так? Я дал тебе решение, скажи: "Спасибо"! Думаешь, я позволю до последней минуты ковыряться в параметрах? Презентация недоделана, оформление…
– Дай мне работать, и я налажу всё к сроку. В конце концов, это важнее оформления презентации.
– Значит, так: в твоём распоряжении два часа, потом ты сворачиваешься, и едем с тем, что есть. Тим, – продолжил он, отворачиваясь, – зайди ко мне в кабинет.

Двухчасовая подачка, направленная на создание видимости компромисса, сгущала набухавшие в голове предгрозовые тучи. Впрочем, вскоре в глаза бросилась характерная особенность, полностью поглотившая моё внимание – в спектральной репрезентации присутствовали два ярко выраженных пика, будто у новых сенсоров имелось две близкие собственные частоты. Теоретически такое было возможно, но встречаться с подобным явлением прежде не доводилось. Кроме того, один из двух "горбов" подозрительно напоминал старые датчики, что объясняло, почему наилучшие результаты получались именно с теми параметрами.

Ответ напрашивался сам собой – Арик отобрал удачные случаи из прошлых экспериментов, усилил частоты в типичном для новых сенсоров диапазоне и всучил мне под видом мнимого опыта. Верить в это не хотелось, и я навалял простенький поисковик, сравнивающий информацию с базой данных.

В этот момент снова ворвался великий комбинатор.

– Слушай, что ты мне подсунул? – перебил я с ходу начавшиеся настырные требования. – Давай начистоту: не было никакого опыта ни в какой больнице.
– Что ты такое несёшь? – скривился Ариэль.
– Именно то, что ты слышишь. Скажи лучше: где ты это надыбал?
– Тим, ты сделал, что я просил?
– Всё готово, – отрапортовал Тим.
– Великолепно! Твои соображения?
– Существенных отклонений не обнаружено, – зачем-то вскочив, Тим расправил

плечи и, кажется, даже стал на пару сантиметров выше. Это был уже не Тамагочи, а Тим Могучий, грозный и ужасный Тим, – напротив, налицо все признаки валидности. Естественно, местами присутствуют локальные аномалии, в совокупности не выходящие за приемлемые…
– Ты издеваешься?! – Прервав новоявленную звезду офисных интриг, я обратился к начальнику: – Думаешь, я не понимаю, что происходит?

На шум пришёл Стив и, прислонившись к косяку, остался в дверях.

– Два человека говорят тебе… – продолжал напирать Минотавр.
– Ага, будто мы не знаем, что Тим с готовностью озвучит любую твою прихоть. Для кого устраивается этот театр?
– На что ты намекаешь?!
– Я не намекаю, а прямо говорю: твои данные – сфабрикованы. Я ещё не во всём разобрался, но уже понял…

И я стал вываливать обнаруженные факты. Стараясь побыстрее свернуть разговор, Ариэль настойчиво отрицал их, то и дело апеллируя к Тиму, подобострастно поддакивающему, вопреки базисной логике. Сочтя происходящее достойным внимания, Стив сел рядом с Ирис, тоже прислушивающейся к разговору. Наконец, потеряв терпение, шеф рявкнул, что нам сейчас не до бредовых теорий конспирологии, сделал рубящий жест, заставивший всех примолкнуть, и ринулся к выходу. В этот момент поисковик, за которым я следил краем глаза, выплюнул первый итог.

– О! Вот оно! Вот откуда ты это передрал! – захохотал я, разворачивая лэптоп так, чтобы все могли полюбоваться на два практически идентичных графика, к одному из которых была прилеплена искусственная загогулина. – Ариэль, знаешь… это выглядит просто жалко!

Минотавр замер на пороге, скосомордившись в вымученной гримасе.

– Тим, самое время высказать авторитетное мнение, – глумился я. – Нет? Желание отпало? Стра-анно. Такой случай выслужиться перед начальством! Может ты, Арик, хочешь как-то прокомментировать первичные выводы "научных изысканий"?

На мониторе возникла новая пара верблюдоподобных контуров.

– Значит, давай уточним: ты хочешь, чтобы я взял сфабрикованные данные, собранные в ходе мифического эксперимента, имевшего место исключительно в твоей и вот его – я ткнул в сторону Тима, – фантазиях, и выдал это за наши

достижения?!
– Думаю, основная идея – продемонстрировать полную функциональность, – примирительно проговорила Ирис, прежде чем Ариэль успел разразиться ответной тирадой. – И возможно, действительно, используя измерения из аквариума, пусть даже со старыми датчиками…
– На повестке инженерный вопрос, не входящий в твою компетентность, – бесцеремонно пресёк Ариэль. – Кстати, ты закончила проспекты?

Ирис покраснела, но взгляда не отвела.

– Тогда, пожалуйста… – Он снова обратился ко мне: – Прибереги-ка свой пыл для полезных целей. И знаешь, если тебе так легче, можешь считать это результатами симуляции, каковыми они по сути и являются.
– Ах, симуляции? – развеселился я. – Великолепно! И что же мы симулируем? Поездку в больницу? Опыты на животных?
– Коллеги, – дипломатично вымолвил Стив, – не стоит преувеличивать пустяковое недоразумение. Мы не собираемся вводить никого в заблуждение. Есть хорошие результаты для старой конфигурации. Есть новое поколение сенсоров, обладающее вполне приемлемыми характеристиками. Интеграция одного с другим – не концептуальный вопрос. Конечно, в идеале хотелось бы решить его до конференции, но на данный момент мы не можем позволить себе такую роскошь. Эта ссора тем более неуместна, что у всех общие цели. Вы оба по-своему правы, но Ариэлю лучше видна полная картина, и если он считает, что синтезированные данные допустимы, нет веских причин прерывать плановую подготовку.

Ирис едва заметно скривила уголки губ. Пока наш инициативный коллега изливался медовыми речами, притащился Джошуа, судя по всему, прекрасно слышавший последнюю часть этого интенсивного обмена мнениями. Вслед за хозяином пришкандыбал, в придачу ко всем остальным уродствам, недавно охромевший пёсик.

– Молодчина, Стив! Ты на правильном пути. Осталось освоить многотрудную науку подделывания результатов – и прямиком в начальники, – презрительно проронил я и снова обратился к Ариэлю. – Можешь хоть на уши встать, но с этим вот… дерьмом я никуда не поеду.
– Поедешь! Ещё как поедешь! Два месяца валял дурня, а в последний момент опомнился? Ты сам создал эту ситуацию, и нечего теперь разыгрывать из себя святошу, в то время как я пытаюсь спасти компанию, место работы для всех и нашу, в том числе и твою, репутацию, – он ткнул в меня пальцем. – Это на твоей совести. Ты несёшь ответственность не только передо мной, но и перед коллегами. Короче, хорош катать истерики, пройдись по новым данным, и к концу дня жду отчёт о продвижениях с презентацией.

– Не хотел вмешиваться, но вы так шумите, что сложно не быть в курсе… – протянул Джошуа. – Полагаю, надо дать Илье шанс завершить начатое. В крайнем случае, выступите со старыми сенсорами, а в течение ближайших месяцев выпустим новую статью. Можете объявить о подготовке публикации, в которую войдёт развёрнутый анализ…
– Всё упирается в то, – оборвал Ариэль, – что старые сделаны по технологии, непригодной для медицинской аппаратуры. Коммерческий вариант не содержит существенных изменений, но с формальной точки зрения это абсолютно разные вещи. Выйти со старыми датчиками равносильно… да всё равно что выйти с пустыми руками! Это во-первых, а во-вторых, – срываясь на крик, продолжил он, – я не понимаю, с каких пор в нашей фирме повелось лезть в сферы деятельности, не относящиеся к прямым обязанностям?!

Джошуа покосился на него с оттенком печального сожаления на немолодом и в последнее время как-то осунувшемся лице.

– Чрезвычайно трогательно, – саркастически произнёс я, скрестив руки. – Вот только непонятно, что именно из всего вышесказанного даёт нам моральное право врать врачам и будущим пациентам?
– Можешь называть это как угодно… – огрызнулся Минотавр. – А отстаивать красивые идеалы будешь в другом месте. Мы в этом положении из-за твоего наплевательства, так что кончай корчить из себя борца за правду и начинай расхлёбывать кашу, которую заварил.
– А я и не прошу, чтобы кто-то за меня отдувался. Если с сенсорами всё в порядке, в чём, кстати, мы всё ещё не уверены, то за двенадцать дней я выверну алгоритм наизнанку, буду ночевать тут, если потребуется, но они у меня заработают!

На слове "заработают", колченогий пудель зашёлся визгливым лаем.

– Убрать отсюда эту паршивую псину! – дёрнувшись от неожиданности, закричал Ариэль. – Тут вам не собачий приют.

Собачонка забилась в щель между стеной и створкой двери, лишь тихо поскуливая из укрытия.

– Прения окончены, – проговорил Ариэль изменившимся голосом. – Ты два месяца морочил голову, что всё в порядке. – Сунув лапу в аквариум, он выудил сенсор, а потом сграбастал и остальные. – Вот и всё в порядке.

Минотавр зловеще оглядел подчинённых, мотнул головой, хрустнув позвонками и вышел, сжимая датчики, с которых ещё капала вода. Некоторое время никто не

двигался с места, но постепенно работники стали расползаться. Ирис принялась подавать какие-то знаки, пытаясь привлечь внимание, но я пребывал в полном ауте. Будто облитый помоями, сидел и глазел в опустевший аквариум, взбаламученный Ариковым вторжением.

Когда рябь улеглась, я медленно встал.

– Эй… – тихо позвала Ирис, – пойдём на улицу.
– Не сейчас.
– Илья, не надо. Остынь…

Я аккуратно отодвинул кресло и вышел в коридор, на ходу ускоряя шаг. Ворвавшись в кабинет, захлопнул дверь, пнул в сторону стул и принялся орать:

– Думаешь, я позволю провернуть такую махинацию?!
– Достаточно, – отрезал он, не отрываясь от экрана. – Иди работай.
– Ты думаешь, я не знаю, что это не первый раз?! Полагаешь, никто не видел картинки, которые ты втюхал инвесторам? Когда это проворачивалось ради инвестиций, я ещё мог промолчать, но переиграть никогда не поздно. То-то они порадуются, узнав, под какое фуфло ты доишь их на бабки.
– Я долго терпел твои выходки, – прорычал Минотавр, грузно поднимаясь, – но если тебе кажется, что удастся меня шантажировать, – ты ошибаешься! Сам создал ситуацию, вот и выкручивайся.
– А я и не увиливаю от ответственности, верни сенсоры, – я грохнул по крышке стола, – иначе, я никуда не поеду.
– Ты считаешь себя незаменимым? – осклабился он. – Значит, поедет Стив. Уж он-то справится с презентацией никак не хуже. И вообще, алгоритм закончен, а тюнинг можно перепоручить Тиму. Не обольщайся, от тебя можно избавиться в два счёта. Так что катись, пока я тебя не вышвырнул.
– Мне насрать, уволишь ты меня или нет, – приблизившись вплотную, я принимаюсь вопить ему прямо в лицо, – в любом случае, я не дам тебе это проделать. Я уничтожу этот твой говённый BioSpectrum. Ты хорошо меня слышишь?! Я обращусь к инвесторам и покажу, как ты грабишь их, впаривая намалёванные в фотошопе картинки, я заявлюсь на конференцию с графиками, которые ты только что видел, я урою всю эту жалкую пародию на стартап, потому что ты уже окончательно ссучился! – Капли с моих губ летят ему на подбородок. – Скажи, каково это: превратиться из учёного в кабинетную поблядушку, стелющуюся под каждого, кто готов платить?!

В ответ Ариэль коротко замахивается и врезает мне в челюсть. Голова мотнулась, я ударяюсь спиной о дверь и, падая, рёбрами задеваю ручку кресла, которое переворачивается и валится на меня. В следующий момент я оказываюсь на полу,

чётко различая ворсинки ковра и солоноватый привкус во рту. Порываясь вскочить, отфутболиваю стул и вижу Минотавра, застывшего, сжимая кулаки, а за его плечом зрачок камеры, утопленный в стену под потолком. И тут меня прорывает, я валюсь обратно, захлёбываясь в приступе истерического хохота. Арик дёргается, как от удара хлыстом, и начинает угрожающе надвигаться. Брызжа кровью сквозь приступы гогота, я указываю на камеру. Он оборачивается и замирает.

Приподнявшись, я слежу за тем, что называется – "измениться в лице", стараясь не упустить ни единой детали стремительного преображения. Оказывается, это не просто фигура речи, – происходящее действительно страшно. Такого перехода от бешенства к животному ужасу наблюдать мне ещё не доводилось. Когда ненависть сменяется последней стадией отчаяния, я валюсь обратно, корчась в новом припадке гомерического смеха. В боку колет от ушиба, но я не в силах остановиться. Ариэль срывается с места, подхватывает кресло и начинает молотить им по стене.

От этого зрелища становится совсем невмоготу, меня буквально выворачивает. Слышится треск, куски пластикового корпуса сыпятся на ковёр вперемешку с мерзко скрипящими обломками гипсовой перегородки. Огрызок камеры вываливается наружу, повисая на проводах. Минотавр перехватывает кресло поудобней и в остервенении принимается лупить без разбора. Пенопластовые панели фальш-потолка с гадким хрустом разлетаются во все стороны. Хватаясь за стол, я пытаюсь подняться, но сдавленный клёкот бессильной ярости, вырывающийся из горла моего начальника, вновь подкашивает меня.

Минотавр останавливается, лишь когда ему удаётся расколошматить всё в радиусе метра от камеры, и, отбросив разломанное кресло, выдирает ошмётки проводов. Потом он в изнеможении приваливается к стене и сползает на пол. Усевшись, подносит руки к лицу и заторможенно смотрит на зажатый в кулаке подлокотник. Покрутив, Ариэль отбрасывает его на стол и тяжело поднимает опустошённый взгляд. Мой смех обрывается. Я сплёвываю вязкую слюну со сгустками крови на ковровое покрытие и медленно встаю на ноги.

– You are done![75] – Я утираю рукавом разбитые губы. – Надеюсь, ты сможешь закончить тут без меня, потому что, когда я покончу с тобой, у тебя не останется ничего! – Мой язык ощупывает шатающиеся передние зубы. – Запомни этот день. День, когда ты навсегда лишился свободы. Поскольку с завтрашнего дня ты работаешь на меня! Каждая копейка, всё сделанное тобой, пойдёт на выплату компенсаций, так как мы, дружище, живём в правовом государстве, где охуевшие

[75] You are done! – Тебе конец!

начальники не бьют по морде подчинённых за отказ подделывать результаты! Ты понял меня?! – Схватив подлокотник, врезаю по крышке лэптопа. – Я спрашиваю, ты хорошо понял меня, босс?!

Я ещё раз бью, наотмашь, теперь уже по стильному вогнутому монитору, который опрокидывается к стене и, издавая жалкие потрескивания, рушится вниз, увлекая док-станцию с разломанным ноутом. Оглядев комнату, заваленную обломками, и Ариэля, сгорбившегося на полу, я возвращаю подлокотник на прежнее место и распахиваю дверь.

* * *

Challenger несётся по хайвею 101 в сторону Сан-Франциско. Сев в машину, позвонил Шурику – было необходимо выговориться. Наконец-то я отделался и от Минотавра, и от давно обрыдшей работы. Перед глазами маячили горы бабла, которые вскоре посыпятся, как из рога изобилия. Я уже видел себя на самолёте, улетающем в Таиланд, где на несколько месяцев погрязну в непробудном блуде и наркоте. И хотя с такими деньжищами можно бы придумать что-нибудь позаковыристей, начну я непременно с Таиланда, куда так давно хотел. Но Шурику не до меня, его младшенький приболел, жена взвинчена, и он спешит распрощаться. Затем пробую выцепить Раби и раз за разом попадаю на автоответчик. Набираю ещё парочку знакомых – с тем же результатом. Проглотив застрявшую комом в горле невысказанность, звоню местному дилеру. Он тоже пытается отвертеться, но я настаиваю, предлагая накинуть сотню-другую, и в конце концов мы забиваем стрелку в парке у моста.

Разжившись втридорога двумя граммами перворазрядного кокаина, нанюхиваюсь до полного остекленения. С непривычки сильно ведёт, но взгляд проясняется, колкие детали буквально режут зрение, а гудящую голову сразу отпускает. Я возвращаюсь в машину, врубаю музыку и еду в паб, где всегда темно и прохладно, и куда частенько заглядывал в прежние времена. На перекрёстке останавливается разболтанный пикап с буйволовыми рогами на капоте и чувачком в растаманской шапке. Я рассеянно разглядываю это чудо техники и вдруг понимаю, что это Майк. Майк из группы "Bizarre чего-то"! Или не Майк?.. Загорается зелёный, опомнившись, я начинаю надсадно сигналить, но драндулет берёт с места, разворачивается и уносится в обратном направлении.

Выматерившись, еду дальше, а в голове в ослепительных подробностях вспыхивают: искажённое лицо начальника, капли крови, разбивающиеся о шероховатую поверхность, хруст, скрежет, обрывки проводов, и я поминутно нащупываю в потайном кармане, рядом с пакетиком кокса, флешку с видеозаписью – мой билет в вечную свободу от лживого мира процессов, слоганов

корпоративной этики и вусмерть охуевших начальников.

…Покинув разгромленный кабинет, я окриком выгнал Тима и бросился к Ирис. Отмахнувшись от расспросов, попросил отыскать и скинуть на флешку последние полчаса записи с видеокамеры. Пока она ковырялась в сети, я сгрёб личные вещи и швырнул на стол магнитную карточку. Заполучив файлы, наскоро поблагодарил, подхватил сумку и метнулся к двери, спеша покинуть ненавистные стены. Но Ирис порывисто встала и, безмолвно прощаясь, провела тыльной стороной ладони по моей щеке. Это лёгкое прикосновение, в контрасте с напряжёнными до предела нервами, на мгновение обожгло кожу, и сейчас, на фоне бурлящих эмоций, нет-нет да мерцает в памяти тёплым отсветом…

Приехав в паб, сажусь у стойки и целенаправленно надираюсь, силясь побыстрее утопить в алкоголе приступы агрессии и омерзение ко всему окружающему. Неверной походкой подплывает девица и принимается неумело, но напористо заигрывать, нашёптывая липким голосом какую-то пошлятину. Судя по мутным глазам, ей уже совершенно по барабану, куда и с кем ехать в ночь из этого вертепа. Грохочущий попсовый музон, которого прежде тут и в помине не водилось, лишь усиливает раздражение, и тут она вскакивает и начинает отплясывать, похотливо подпевая гнусавым завываниям солиста и норовя потереться об меня призывно выпирающими потными сиськами. Но я ещё не настолько пьян, чтобы терпеть такое непотребство. Я отстраняю её и принимаюсь прокладывать дорогу к выходу.

Вывалившись наружу, вдыхаю условно чистый воздух, но тут меня хватают за плечо, я чуть не падаю и, развернувшись, вижу коренастого негра в майке с эмблемой заведения. Я сбрасываю руку, но он, преградив путь, нахрапისто требует оплату за выпивку, упрекая в том, что я скрылся не рассчитавшись. Сунув ему пару изжёванных купюр, забираюсь в машину и высыпаю кокс прямо на приборную панель. Не дробя комки, раскатываю и быстро убираю обе дорожки. Едкий порошок лезвием проходится по слизистой оболочке. Я резко втягиваю воздух, сглатываю и чувствую, как немеет носоглотка.

Дальнейшей мрачный загул вспоминается несвязными урывками. Где-то я разбиваю стакан некоего жирного ублюдка, и по столу растекается отвратительное пойло. Его не менее тучная подружка, на платье которой попадает добрая часть пролитой жидкости, начинает верещать, а он вскакивает и принимается наступать на меня, разыгрывая настоящего мачо перед так называемой дамой. Я упираюсь в него полным ледяной ярости взглядом, и, присмотревшись к разбитой физиономии, они требуют пересадить их подальше от этого психа. В другом баре две смазливые тёлочки, напросившиеся разнюхаться на халяву, хихикая, тянут меня в туалет, но там настолько засрано, что нам приходится долго

протискиваться сквозь пьяную толпу в поисках укромного закутка. Потом, хотя за хронологию в моём состоянии ручаться не стоит, на входе в очередной клубешник задираюсь с каким-то верзилой, с сальным самодовольством заявляющим, что оборванцам у них не место. В итоге его дружки выталкивают меня на улицу и, так как клиент продолжает брыкаться, тащат за угол, подальше от входа. В ближайшем переулке меня пару раз темпераментно встряхивают, сбив с ног, швыряют на мостовую и уходят, оправляя борта форменных костюмов.

Меня несёт дальше и глубже, и происходящее всё бесповоротней тонет в алкогольно-наркотическом дурмане. Последнее, что помню: яркие блики рекламных щитов, светящиеся витрины и мелькающие огни уличных фонарей. Тревожная меланхоличная музыка убаюкивает истерзанную душу, из кондиционера, приятно шевеля волоски, льются потоки прохладного воздуха, а пятна света сплетаются в красивые линии, уплывающие за пределы лобового стекла… Внезапно слышится пронзительный визг покрышек и вихрем нарастающее гудение. Заламывая руль, я бью по тормозам. Машина подскакивает, налетев на бордюр, раздаётся жуткий треск, скрежет, удар и темнота.

* * *

Кое-как наведя резкость, вижу перед собой смятую подушку безопасности с багровыми потёками. Запускаю руку в потайной карман, но кроме остатков кокаина, там ничего не обнаруживается. С отстранённым безразличием обследую одежду, но, кажется, заранее знаю, что всё напрасно. И действительно, флешки с видеофайлом нигде нет. Я криво усмехаюсь, облизывая едва успевшие затянуться губы. После нескольких попыток высвобождаю защёлку ремня, выбираюсь из машины и, опираясь на распахнутую дверь, созерцаю вдребезги размозжённый капот, вмятый в покосившийся столб.

…I'm a creep

Надрываясь, рыдает Radiohead. Я ковыляю к стене ближайшего дома, прислоняюсь и тяжело опускаюсь на тротуар напротив разбитого Challenger-а, из которого, шкворча, тянется чахлый сизый дымок. Вокруг никого, холодный ветер гонит грязные куски газет по пустынным улицам. На перекрёстках жёлтыми пятнами перемигиваются слепые светофоры.

I'm a weirdo-o-o-o…

Меня мутит. Я сжимаюсь, силясь унять тошноту. Я сам, как эти обрывки, гонимые порывами воздуха: одинок и печален, как опавший лист на ветру.

What the hell am I doing here?

Моя жизнь – череда реабилитационных периодов от наслаивающихся друг на друга катаклизмов. Нескончаемое кладбище разбитых корыт. Я бреду меж могил, мимоходом отрезая от себя и хороня отмирающие куски.

I don't belong here…

Сколько можно?! Когда это кончится? Зачем, зачем это всё? Кому оно надо? Уж точно не мне! Я не просил всего этого!

I don't belong here…

Я чувствую, что хрипну и понимаю, что ору во всё горло, и мои крики срываются в жалкий сип. Я запрокидываю голову, пытаясь отдышаться. Меж отвесных высоток лепятся рваные клочья туч.

But I'm a creep

Заевший плеер с новой мощью и завораживающей глубиной заводит последний припев. Ветер усиливается, облака сносит в сторону, и на фоне антрацитово-чёрного неба отчётливо проступают четыре звезды.

I'm a weirdo-o-o-o…

Крайняя, самая яркая, пульсирует, мерцая и переливаясь. Всё останавливается, замерев в неподвижности, и лишь ветер треплет разодранную одежду.

What the hell am I doing here?

Полные тоски, нестерпимо прекрасные звуки усиливаются, вбирая и растворяя отчаяние, ненависть и обиду.

I don't belong here…
I don't belong…

Это уже не Radiohead, это звучит внутри. Звучит и звучит нескончаемым рефреном… и последняя щемящая нота беспредельно растягивается, заполняя вселенную и сливаясь со мной, небом и ветром, в единое всепоглощающее ничто, на фоне которого мерцает одинокая звезда, вторящая затихающему звуку. Но вот и он угасает. Всё исчезает. Воцаряется оглушительное безмолвие, невесомо

застывшее в бескрайней пустоте.

* * *

Завывание сирен разрывает оцепенение. Возвращаясь в человеческую оболочку, сквозь закрытые веки различаю бешено мельтешащие красно-синие цвета.

– Отойти от машины, – рокочет искажённый громкоговорителем голос. – Лицом к стене.

Я стою, как приказано, и свет мигалок выхватывает слишком подробные детали обшарпанного бетона с отпечатками опалубки. Самое время испугаться – мысль прорисовывается вяло, будто всё происходит не со мной.

– Пьян? – полуутвердительно спрашивает один из охранников правопорядка.
– Пьян, – киваю я.
– Оружие? Наркотики?

Я молчу. За спиной ведётся обмен односложными репликами, после чего я отстранённо чувствую, как мои карманы бесцеремонно обшаривают.

– Оп-п-па, – извлекая остатки кокаина, присвистывает второй, – ну-ка, ну-ка, что тут у нас?

Он грубо тормошит меня, развернув к себе. Рыхлая самодовольная рожа с кривыми зубами и землистой кожей несколько возвращает меня к действительности, и я нахально скалюсь, глядя в его свинячьи глазки.

– А ты как думаешь? – я развязно пародирую его издевательский тон.
– Я тебя спрашиваю. – Для острастки меня ещё раз встряхивают.
– Это сахар, – продолжаю куражиться я. – Сахар для моей любимой бабушки.

Меня снова хватают и, рывком заломив руки, укладывают лицом в капот. Шмон возобновляется, а я смотрю на Challenger, ещё не в состоянии переварить…

– Так, а это тогда что? – одутловатый мент трясёт перед моим носом пакетиком травы.
– А это чай. Ну типа, для которого сахар.
– Тоже для бабушки?
– А то!
– Эй, Билл, – подаёт голос немногословный напарник, – вяжи этого болвана.
– О-о! Тоже чайку захотелось?

– Ага, поедем чаи распивать, – отзывается одутловатый, надевая на меня наручники, – и бабушку пригласим.

И тут я вспоминаю про меч, воткнутый в приборную панель, и меня переклинивает. Я вырываюсь и ору, но они лишь посмеиваются, запихивая меня на заднее сиденье мусорской тачки, которая продолжает завывать, полоумно мигая и придавая всей сцене несколько потусторонний видок. Мы трогаемся, они выключают сирену, и вслед несётся:

…I'm a creep
I'm a weirdo-o-o-o…

* * *

По дороге в обезьянник остатки бесшабашного настроения улетучиваются, и я осознаю, что вождение в нетрезвом виде – это две недели в каталажке вообще без каких-либо разбирательств, а хранение и употребление марихуаны – серьёзная статья уголовного кодекса, не говоря уж о коксе, мерзком, тупом наркотике, по сути, никогда мне не нравившемся.

Вспоминается утерянный диск, но это не вызывает почти никаких эмоций, то ли ввиду общей измождённости, то ли потому что в глубине я даже рад, что так сложилось с Ариэлем. Ведь без этого толчка моё тщеславие и малодушие не позволили бы разорвать порочный… Резкий спазм сдавливает дыхание, и разом наваливаются таившиеся в закоулках подсознания архетипы тюремной тематики: испещрённые татуировками ниггеры и бритоголовые латинос, заточенные рукоятки стальных ложек, общие душевые, расовые группировки, больные изуродованные бомжи и коррумпированные надсмотрщики, только и ждущие возможности выместить годами гниющую внутри агрессию и отвращение к собственной судьбе.

По прибытии в участок меня ещё раз тщательно обыскивают, заставив раздеться догола, и ведут тюремным коридором мимо ряда железных прутьев, местами зачем-то обтянутых металлической сеткой. Один из сопровождающих распахивает дверь, другой молча тычет между лопаток, я шагаю внутрь, и решётка захлопывается.

Слева кто-то заворочался. В полутьме видна лишь сухопарая фигура. Невнятно выругавшись, он встаёт и, ссутулившись, пробирается в дальний угол, держась подальше от кровати, с которой доносится басовитый храп и свисает голая нога внушительных размеров. Осмотревшись, я замечаю единственное свободное место как раз над здоровенным типом, которого, по-видимому, стоит особенно опасаться. Забившись за унитаз, сутулый нервно шелестит фольгой. Слышится

щелчок зажигалки, и пламя на миг выхватывает щербатое лицо с резкими скулами на впалых щеках. Докурив, он прячет порошок и с теми же предосторожностями возвращается, ложится и замирает, обняв себя за плечи.

Я затравленно топчусь у входа. Когда всё стихает, подхожу к двухэтажным нарам, мельком гляжу на мужика, развалившегося на нижней койке и как можно более осторожно лезу вверх по предательски поскрипывающей стремянке. Подушка отдаёт химией. Надо выровнять дыхание и унять мельтешащие страхи. Успокоившийся было торчок сдавленно кряхтит, но тут же умолкает. Шарахнувшись, я ложусь обратно, брезгливо передёргиваюсь и поплотнее укутываюсь тонким колючим одеялом. Постепенно удаётся согреться, я закрываю глаза и, цепко прислушиваясь к окружающим шорохам, впадаю в болезненное полузабытьё.

* * *

У классной доски строго одетая Ира тягуче выводит слова, которые я мучительно переписываю в тетрадку.

– Я мать. У меня ребёнок. – Зубодробительный скрип мела по грифельной поверхности судорогой сводит скулы. Я ужасно волнуюсь, боясь допустить ошибку, а карандаш так и норовит выскользнуть из влажных пальцев. – Я должна думать о будущем, а ты оболтус и шалопай.

Дописав, поднимаю глаза и вижу на её месте Ариэля.

– Как, опять десять ноль-пять?! – Он выхватывает тетрадь с моими каракулями, отгрызает большой кусок и, скривившись, сплёвывает обложку. – Это никуда не годится!
– Так точно! – Я вытягиваясь по струнке и, взяв под козырёк, вручаю ему банку с заформалиненным сердцем. – Это наша война!

Ариэль принимается сдирать крышку. Он плотоядно облизывается, стремительно обрастая бурой шерстью, и когда на мощном черепе прорезаются острые концы рогов, раздаётся школьный звонок, а с потолка валятся Платоновы яблоки раздора. Я выскакиваю в коридор, поскальзываясь, несусь по узкому проходу, дёргаю ручки дверей и раз за разом убеждаюсь, что все они заперты.

Наконец одна поддаётся, я влетаю внутрь и оказываюсь в кинозале, полном едва различимых в полумраке зрителей. На экране крупно: моё перекошенное пьяное лицо с красными пятнами и каплями пота. Потом крупно: розовато-ребристый след от резинки трусиков. Крупно: пальцы сжимают копну тугих волос.

– Я хрупкая и ранимая. Мне нужен человек, чтобы идти рука об руку… – стонет певица, когда мой двойник берёт её, прижав лицом к стене и стиснув в кулаке задранное платье. – развиваться со мной, радоваться со мной… и… и-и… Пожалуйста-а-а… А-а! Пожалуйста-а-а… А-а! Прекрати манипулировать моими чувства-а-а-ми-и-и…

Гремят оглушительные аплодисменты, меня перекорёживает, а тем временем на экране следующая сцена. Становясь на колени, Вера расстёгивает ремень, приспускает джинсы и, выгибаясь, призывно обнажает белые ягодицы. Всхлип восторженного умиления прокатывается по залу. В стену летит недопитый стакан… Я бросаюсь наружу и мчусь дальше.

Коридор внезапно обрывается; балансируя на краю, я не могу оторвать взгляд от разверзшейся у ног бездны. Оглянувшись, вижу, что стою на вершине башни. Вход за спиной гулко схлопывается. Я принимаюсь бежать по узкому карнизу, ежесекундно рискуя сорваться, и вскоре понимаю, что наворачиваю очередной виток по замкнутому кругу. Кидаюсь обратно, и вдруг передо мной вырастает китаец с молотом на плече. Он протягивает раскрытую ладонь, и я осторожно опускаю в неё кораблик с тремя парусами. Спрятав его за пазуху, китаец церемонно кланяется, размахнувшись, бьёт молотом, и от его ног, змеясь, разворачивается узкая винтовая лестница.

Я устремляюсь вниз, спеша во что бы то ни стало добраться до той упущенной червоточины, где зародилась первая трещина и вся необратимая цепь последующих событий… И тут, резко спикировав, передо мной приземляется громадный птерозавр.

– Ты хорошо подготовился к конференции? – ревёт он, роняя ядовитую слюну. – Вызубрил книгу мёртвых?

Я выхватываю сверкающий меч оголтелого идеализма и раз за разом тычу в чудовище, но он не пробивает броню, а лишь высекает снопы раскалённых искр. Монстр разевает пасть. Я отбрасываю оружие, одним движением откусываю ему голову и чувствую сладостный вкус. Окровавленная туша рушится в пропасть, конвульсивно потрясая костистыми крыльями. Я испускаю победный клич, прыгаю, спотыкаюсь на выбоине, оступаюсь и, раздирая ладони об ускользающий край, срываюсь вслед за поверженным динозавром.

Падение ускоряется. В ушах завывает холодный ветер. Клочья мыслей лихорадочно роятся, захлёбываясь во всепоглощающем ужасе. Я принимаюсь орать, кувыркаясь и суматошно мельтеша растопыренными руками, и вдруг

чувствую, что воздух держит меня.

Расправив крылья, я планирую, широкими кругами опускаясь к подножию, где сквозь рваную пелену виднеется дремучий лес. Коснувшись земли, замираю, втягиваю сырой, наполненный лесными ароматами ветер и безошибочно чую нужное направление. Мановение руками, и крылья разлетаются, оседая белёсым ворохом перьев.

Перемахнув через выкорчеванный пень, бросаюсь в чащу. Ветки нещадно хлещут лицо и тело. Я продираюсь сквозь бурелом, миную мшистый ельник, опушку, и врываюсь в топкие дебри густого тростника. Стрекозы шарахаются при моём приближении. Острые листья режут кожу, я спотыкаюсь, падаю, но, не обращая внимания на боль, рвусь дальше. Заросли внезапно расступаются, и я вылетаю на берег лесного озера. Вокруг никого. Звенящая тишина. В застывшей прозрачной воде отражается бирюзовое небо, наискось рассечённое бороздой перистых облаков. Зачарованный, я замираю и долго смотрю на неподвижную гладь.

Очнувшись, вижу на противоположном берегу девочку с красными волосами.

– Где ты был? – вкрадчивый голос заполняет окружающее пространство.

Я хочу ответить, но горло сжимается, и не удаётся выдавить ни звука. Она смотрит не мигая, и мне хочется забиться обратно в чащу, но я только отвожу глаза, чтобы не видеть наивно требовательного взгляда.

– Почему ты не приехал ко мне за все эти шесть лет?

Внутри что-то обрывается, я понимаю, что сказать нечего, и это молчание мне никогда не простится. Мгновения невыносимого безмолвия, растягиваясь в вечность, падают, бесшумно и безвозвратно растворяясь в удушливой пустоте.

– Трааа-та-та! – Осколками эха лопается хрустальная тишина. – Трааа-та-та! Трааа-та-та!

Я вздрагиваю, оборачиваюсь и вижу Дятла. Вывернув шею, он смотрит на меня, потом на неё.

– Я боялся, Майя, – шепчу я. – Я боялся.

Дятел срывается с ветки, шумно хлопая крыльями, проносится над водой и исчезает за кронами деревьев. Я снова вздрагиваю, выныриваю из беспамятства и у изголовья, средь похабных надписей и разухабистой настенной живописи,

различаю строки, косо выцарапанные по масляной краске:

манит в далёкие дали
гонит к бредовой мечте
жаждой изменчивой память
глухо урчит в пустоте

зверь истощён и изранен
странно, так часто во снах
падают с гор великаны
на журавлиных ногах.

Эпилог

Freedom's just another word for nothin' left to lose.[76]

Janis Joplin

Разбуженный резким окриком, озираюсь, не понимая, где нахожусь, но меня снова одёргивают, громко и нещадно коверкая мою фамилию. Спускаясь по лестнице, чуть не падаю, задевая спящего снизу здоровенного мужика, который приоткрывает глаза и смотрит мутным, совсем недружелюбным взглядом.

Пока меня тащат по коридору, наваливается безжалостная действительность в виде жёсткой депрессухи, свойственной кокаиновым отходнякам, раскалывающей череп головной боли, пошатывающимся передним зубам и остальным характерным прелестям, довершающим похмельную икебану. В памяти нехотя всплывают обрывки вчерашних событий, я вспоминаю о разбитом Challenger-е, брошенном на произвол судьбы, и становится окончательно тошно.

Стены окрашены мутно-серой краской, как нельзя лучше гармонирующей с общей атмосферой. Останавливаемся. Охранник, раздражённый моей спотыкающейся походкой, толкает внутрь и захлопывает дверь тесной комнаты. Я кладу лоб на скрещённые на столе руки и пытаюсь собраться с мыслями перед допросом, но в голову во всех смачных подробностях лезут картины предстоящего знакомства с сокамерниками.

Дверь распахивается, я вздрагиваю, поднимаю слезящиеся глаза, но вижу не следователя в полицейской форме, а Ариэля.

– Я внёс залог, – постояв на пороге, он тяжело опускается на стул напротив. – Поехали работать. Адвокаты со всем этим разберутся.

Как только до меня доходит суть его слов, внутри всё переворачивается и вместо облегчения я остро ощущаю, как нестерпима была сама мысль о возможности снова оказаться наедине со здешними обитателями. Я облизываю растрескавшиеся губы и, собрав остатки гордости, подкреплённые отчаянием, стараюсь придать голосу твёрдый тон:

– Но мы едем работать. Работать, а не подделывать результаты.

Ариэль меряет меня взглядом и криво усмехается, рассматривая мою одежду,

---

[76] Свобода – это когда нечего больше терять.

разодранную в ходе загула и контакта с органами правопорядка.

– Будешь работать, – устало произносит он. – Хотел бы подделывать, обошёлся бы без тебя.

Осунувшееся лицо и сизо-лиловые круги под глазами непреложно свидетельствуют об очередной бессонной ночи. Помедлив, Ариэль встряхивается всем телом, поднимается и ударяет костяшками пальцев в перегородку.

– Кстати, – спохватываюсь я, надеясь хоть как-то его отблагодарить, – я, кажется, понял, почему ничего не работало.
– Не зарывайся, – он улыбнулся вымученной улыбкой. – Поживём – увидим.

Я остаюсь один. Нехотя превозмогая тупую боль, страх сменяется заторможенной апатией. Чувство общей потерянности и неприкаянности обретает новую, ещё не знакомую глубину. Но этот добавочный объём пустоты подстёгивает, будоража колкой враждебной свежестью свободы… Той самой пресловутой свободы.

Меня ведут оформлять документы, снимают отпечатки, ещё раз скрупулёзно обыскивают, возвращают телефон и ключи от разбитой машины. На выходе из участка я останавливаюсь, жмурясь от яркого солнца, и замечаю вчерашнего мордатого мента, который, покуривая и тоже щурясь, насмешливо поглядывает на меня. Я инстинктивно запускаю руки в карманы и запоздало вспоминаю, что сигарет нет.

Угадав смысл моих бестолковых действий, он помахивает раскрытой пачкой. Я беру сигарету, с удовольствием затягиваюсь и, выпуская дым, смотрю на этого довольно ухмыляющегося типа уже почти по-братски, но тут телефон издаёт сигнал входящего сообщения. Я киваю блюстителю порядка, на ходу выуживаю мобильник и открываю полученную смску:

где тебя носит? рейс не переносили, я отменила билет :)

THE END

Что в ваших руках?

Спасибо за ваше время и интерес, проявленный к этому роману. Ваше внимание очень ценно для меня, поскольку прочитанное произведение – лучшая награда для автора.

Я предпочитаю не захламлять интернет и сознание его пользователей рекламой своего сайта. Читатели вправе решать сами, какие произведения достойны увидеть свет, а какие – нет. ***Судьба этого романа в ваших руках****. Единственным способом продвижения книги будет размещение ссылок на мой сайт* ***http://yanross.net*** *в социальных сетях самими читателями.*

Ян Ross